

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В Н О М Е Р Е:

И С Т О Р И Я И О Б Щ Е С Т В О

К Р А Х О Р Г А Н И З А Ц И И Э С Е Р О В - М А К С И М А Л И С Т О В

П У Б Л И Ц И С Т И К А М О Л О Д О Г О М А Р К С А (1842 г.)

Р Е Ф О Р М Ы Р И В А Д А В И И В А Р Г Е Н Т И Н Е

Я П О Н С К А Я В О Е Н Ш И Н А П Е Р Е Д С У Д О М Н А Р О Д О В

Б У О Н А Р Р О Т И И « Д Е Л О А Н Д Р И А Н А »

П О Д М О С К О В Ь Е — Ф Р О Н Т У

1

МОСКВА · 1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

НОВЫЕ КНИГИ

ВАСИЛЕВ Е. и КЕФАЛОВ Ж. Кипър: история и съвременност. София. Партиздат. 1975. 112 с.

ГАНЧОВСКИ Н. Дните на Димитров, каквито ги видях и записах. София. Партиздат. 1975. Т. 1. 500 с. Т. 2. 508 с.

КОСТОВ П. Историческо единство-братски съюз. (Избрани студии, статии и научни доклади. Съст. и ред. Борис Боев и др.). София. Изд-во на БЗНС. 1975. 256 с.

РАДКОВА Р. Неофит Рилски и новобългарската култура. Първата половина на XIX век. София. Наука и изкуство. 1975. 227 с.

Спомени за Априлското въстание от 1876 година. Сборник. Съст., подбор и бележки Николай Жечев. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1975. 377 с.

SZABO V. Felszabadulás és forradalom. Tanulmányok. Budapest. Akad. kiadó. 1975. 154. old.

UNGER H. és ZSABOLCS O. Magyarország története. (Rövid áttekintés). 3-ik kiad. Budapest. Gondolat. 1976. 418. old.

VEGH O. A magyarországi szakszervezeti sajtó osztályharcos küzdelmei 1868—1918. Budapest. Szakszervezetek elméleti kutató int. Történeti tanulmányok. 1975. 209. old.

Dokumente der revolutionären deutschen Arbeiterbewegung zur Frauenfrage. 1848—1947. Auswahl. Leitung des Autorenkollektivs: Joachim Müller. Leipzig. Verl. für die Frau. 1975. 312 S.

KUCZYNSKI J. Vier Revolutionen der Produktivkräfte. Theorie und Vergleiche. Mit kritischen Bem. und Erg. von Wolfgang Jonas. Berlin. Akademie-Verl. 1975. X. 194 S.

BRONIAREK Z. i SAMSEL R. Kto się boi rewolucji. Portugalia 1974—1975. Warszawa. KiW. 1975. 225 s.

CHAJN L. Wolnomularstwo w II Rzeczypospolitej. Warszawa. Czytelnik. 1975. 624 s.

KOWALSKI J. Komunistyczna partia Polski. 1935—1938. Studium historyczne. Warszawa. KiW. 1975. 468 s.

KRASUSKI J. Stosunki polsko-niemieckie 1919—1932. Wyd. 2. Warszawa. Studium niemieckoznawcze. 1975. 467 s.

80° anniversari
partito politico de
mania. Documenti
cares. Ist. di stud
1975. XXVII, 733

Der Kampf des
die Niederlande
Quellen zur Gesc
derländisch-Unga
1625. Praha. Aca

KLICHA V. Revoluční cesta Valašska k socialismu. Ostrava. Profil. 1975. 321 s.

NOVEK F. Vif'azné salvy. Bratislava. Obzor. 1975. 195 s.

SLAVIK V. Od Dobnera k Dobrovskému. Praha. Vyšehrad. 1975. 336 s.

ZÝKA J. V zemi Bílého slona. Praha. Obrs. 1975. 203 s.

GONZALES DE CASCORRO R. Aquí se habla de combatientes y de bandidos. La Habana. Premio Casa de las Américas. 1975. 305 p.

Аустро-Угарска и Србија 1903—1918. Документи из Бечких архива. Сабрао и уред. Андрија Раденић. 1—2. Београд. Историјски инст. Грађа. 1973. Књ 1. 1903. 542 с. Књ 2. 1904. 793 с.

JUZBASIC D. Izgradnja željeznica u Bosni i Hercegovini u svjetlu austrougarske politike od okupacije do kraja Kállayeve ere. Ured. Hamdija Kapidžić. Sarajevo. Akad. nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. 1974. 285 s.

НИКОЛИЊ-СТОЈАНЧЕВИЊ В. Раћевина и Јадар у необјављеним рукописима Цвијићевих сарадника. Уред. Атанасије Урошевић. Београд. Српска акад. наука и уметности. 1975. 224 с.

COOK CH. and KEITH V. British Historical Facts. 1830—1900. London—Basingstoke. Macmillan. 1975. XI, 279 p.

London—New York. Cambridge Univ.

COWLING M. The Impact of Hitler. British Politics and British Policy 1923—1940. Press. 1975. X, 561 p.

CUMMING W. P. and RANKIN H. F. The Late of a Nation. The American Revolution through Contemporary Eyes. London. Phaidon. 1975. 352 p.

FRANKEL J. British Foreign Policy 1945—1973. Publ. for the Royal Inst. of Intern. Affairs. London a. o. Oxford Univ. Press. 1975. 356 p.

POERTNER R. The Vikings. Rise and Fall of the Norse Sea Kings. Transl. from the German and Adapted by Sophie Wilkins. London. St. James Press. New York. St. Martin's Press. 1975. 313 p.

LARSEN K. Forsvar og folkeforbund. Et konservativt og Det konservative politiske meningsdan-
Universitetsforl.

ra en el Pais
d. Ed. Turnen.

do VI. Corres-
D. José de Car-
ar, 1746—1749.
tas por Didier
de Historia mo-

4-15 July

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Вопросы ИСТОРИИ

№ 1

ЯНВАРЬ

1977

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

История и общество 3

СТАТЬИ

Ю. И. Шестак (Куйбышев) — Банкротство эсеров-максималистов . 30
Э. А. Шулепова — Создание и начало деятельности Комитета по де-
лам искусств (1936—1941 гг.) 47
А. Г. Кузьмин — Начало новгородского летописания 59
Г. А. Алексеев — Революционно-демократическая публицистика Кар-
ла Маркса (1842 г.) 78
К. В. Комаров — Аграрные реформы Б. Ривадавии 98

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев — Страницы Токийского процесса . . 107
Д. М. Туган-Барановский (Саратов) — Буонарроти и миссия Анд-
риана 122

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Академик Л. В. Черепнин — Исторические труды академика
Д. С. Лихачева 132

В высшей школе

Р. Е. Кантор — В Научном координационном совете МГУ по пробле-
мам американистики 136

Обзоры

В. А. Федоров — Новейшая советская литература о крестьянском
движении в России первой половины XIX века 140

Рецензии

Ж. С. Татыбекова (Фрунзе) — Р. Х. Аминова. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане	149
А. Е. Кучер (Харьков) — И. Я. Трифонов. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР	151
Л. П. Потапов (Ленинград) — Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения	153
А. Н. Сахаров — Л. Любимов. Искусство Древней Руси	156
А. С. Гроссман — «История Германской Демократической Республики. 1949—1973. Краткий очерк».	160
Ю. И. Рубинский — А. Л. Семенов. Левое студенческое движение во Франции (1956—1968 гг.)	164
А. М. Хазанов — Я. Я. Этингер. Межгосударственные организации стран Азии и Африки (Политические и экономические аспекты)	166
В. Ф. Петровский — А. А. Кокосин. Прогнозирование и политика. Методология, организация и использование прогнозирования международных отношений во внешней политике США	168
Е. Ф. Ковалев — Г. В. Ефимов. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911—1913 гг.). Факты и проблемы	170
Новые книги	174
Статьи в советских периодических изданиях	177
Хроникальные заметки	180

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Л. Е. Семенова — Конференция советских и румынских историков	184
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Л. П. Лаптева — «Источники о крестьянском восстании в Чехии и Моравии 1775 г.»	186
Г. Н. Новиков (Иркутск) — П. Шоню. От истории к будущему	189

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	192
Заметки о статьях: Н. В. Романовский. Когда цель оправдывает средства; Ю. И. Игрицкий. Против ложного истолкования ленинизма; Л. В. Шишкина. Новые свидетельства о притязаниях США на Советский Северо-Восток; О. С. Артемьева. Трезвый голос в буржуазной историографии о коренном населении Америки; В. Д. Балакин. Международные связи стран Балтийского моря в раннесредневековую эпоху; М. А. Коган (Ленинград). Существовали ли до Колумба контакты между Старым и Новым Светом?	194
Рецензии на советские издания	202
Коротко о книгах	203

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Г. В. Ильин — Трудящиеся Подмосковья — фронту	206
М. Н. Петрова — Неизвестные листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»	210
А. В. Уроева — Автор «Революционной России»	215

Сведения об авторах	219
<u>Яким Сергеевич Гросул</u>	220
Резюме статей на английском языке	222

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО *

Общественный характер исторической науки определяет самый смысл ее существования. История, как и всякая наука, немислима вне общества, но и общество не существует без истории. В буржуазном обществе нередко встречаются скептические суждения о роли истории в обществе. Одни буржуазные авторы считают, что история представляет в лучшем случае субъективный взгляд ученого на прошлое, поскольку объект исследования безвозвратно исчез и не может быть реконструирован с достаточной достоверностью. Другие полагают, что глубокое проникновение в прошлое возможно, но лишь при условии изоляции исследователя от настоящего, выработки независимых от ученого критериев оценки материала. Третьи утверждают, что в эпоху научно-технической революции история либо изжила свою социальную функцию, либо должна коренным образом изменить свою методологию, принять методы естественных и точных наук и лишь после этого можно будет говорить об истории как науке. Все эти скептики фактически отказывают исторической науке в ее социальном значении.

Опыт истории показывает, однако, что недоверие к социальным возможностям исторического познания, сомнения в эффективности применяемых им методов познания прошлого, а порой даже в самой возможности этого познания возникают, как правило, у историков, принадлежащих к той общественной среде, которая в силу исторических же причин ощущает неуверенность в своем собственном настоящем и будущем. Наоборот, в среде поднимающихся, прогрессивных классов, общественных сил социальный оптимизм распространяется не только на настоящее и будущее, но и на возможность и реальность познания прошлого.

Марксистско-ленинская историческая наука помогает не только увидеть связь времен и поколений, но прежде всего яснее представить предметность социальных задач и неизбежность победы нового над старым. На этой основе она утверждает в сознании человека исторический оптимизм. Подлинно прогрессивный, революционный класс не теряет надежды на перспективу своего движения даже в моменты самых тяжелых

* В основу статьи положен сокращенный и доработанный текст основного доклада на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (август 1975 г.). Авторы доклада: А. И. Данилов, В. В. Иванов, М. П. Ким, Ю. С. Кукушкин, А. М. Сахаров, Н. В. Сивачев. О дискуссиях на XIV Конгрессе см.: Е. Жуков, О. Соколов. История и общество. К итогам XIV Международного конгресса исторических наук. «Коммунист», 1976, № 2; А. М. Сахаров, С. С. Хромов. XIV Международный конгресс исторических наук. «Вопросы истории», 1976, № 3; С. Л. Тихвинский, В. А. Тишков. Проблемы новой и новейшей истории на XIV Международном конгрессе исторических наук. «Новая и новейшая история», 1976, № 1; Ю. С. Кукушкин. XIV Международный конгресс исторических наук. «Преподавание истории в школе», 1976, № 2; А. М. Сахаров. О некоторых методологических вопросах на XIV Международном конгрессе исторических наук (заметка делегата). «Вестник» Московского университета, Серия «История», 1976, № 3.

поражений. Марксистская историческая наука проникнута историческим оптимизмом — верой в будущее социалистического строя.

Анализ взаимоотношений между историей и обществом представляет важнейшую потребность развития исторической науки, на которую ныне возложена особенно высокая социальная ответственность. Необходимость этого хорошо сознают прогрессивные силы в зарубежной историографии. Современный американский историк-марксист Г. Аптекер предостерегает: «Нет более чувствительной сферы интеллектуальной деятельности, чем историческая наука: ложь при истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем»¹.

Известно, что каждой исторической эпохе с ее определенной ступенью развития общественно-экономических отношений соответствует в общем и целом ступень познания объективного мира вообще, исторического познания в частности. Развитие общества усложняет исторический процесс, и задача исторической науки всякий раз состоит в том, чтобы определить связь современного с прошлым (и наоборот), выяснить генезис и становление новых явлений действительности, проследить всю цепь происходящих социальных изменений. При этом речь идет не только о том, чтобы найти в прошлом ростки, предпосылки, условия возникновения явлений современности, объяснить их происхождение. Дело еще и в том, что возникновение новых явлений и процессов современности обращает внимание историка на новые, ранее не входившие в предмет его познания аспекты исторического прошлого. Научная методология, таким образом, отражает закономерную связь развития исторической науки с современностью.

Содействуя социальному прогрессу, история всегда получала от общества не только своего рода заказ на изучение прошлого, но и соответствующий эпохе познавательный арсенал. Если развитие современности немислимо без исторического знания, то и историческое знание не может не испытывать влияния современности во всех аспектах его развития — от обобщающих философских теорий до технических средств сохранения и передачи информации.

Использование исторических знаний для обоснования политических целей борющихся общественных классов, правительств, государств и других социальных институтов является одной из форм социального функционирования исторического знания. Воспитательные и нравоучительные цели, для которых с очень давних времен привлекались и привлекаются исторические знания, в конечном счете во многом подчинены политическим целям общественных классов. Нельзя, однако, представлять дело таким образом, что политический, партийный, классовый интерес к истории предопределяет лишь глубоко субъективный подход к прошлому. Для того, чтобы использовать данные какой-либо науки, необходима достоверность этих данных. Это не исключает, конечно, возможности сознательной фальсификации материала в такой области знания, как историческая наука, где объектом изучения является сам субъект развития общества, человечество. Но элемент приближения к объективной истине всегда существовал в историческом познании. Без этого оно не могло играть свою роль в общественном развитии, и, следовательно, его существование в обществе стало бы бессмысленным и невозможным. На высшей ступени развития общественной науки, воплощенной в теории исторического материализма, коммунистическая партийность и научная объективность органически совпадают друг с другом.

При этом следует подчеркнуть, что марксистская наука во всех странах, принципиально противостоя всем буржуазно-идеалистическим системам понимания истории, не отгораживается от того, что достигнуто

¹ H. Aptheke. The American Historical Profession. «Political Affairs», January 1972, p. 53.

исторической наукой на всем пути ее многовекового развития за пределами марксистского понимания истории, но критически воспринимает все богатство всемирной исторической науки, переосмысливая его и восстанавливая действительно реальную, действительно объективную картину исторического развития человечества. Марксистская история не фетишизирует прошлое, она представляет прошедшее прошедшим, развивающееся развивающимся, показывает негативные стороны прошлого, она не оправдывает, а научно объясняет его, открывая историческую перспективу борьбы человечества за свое освобождение от эксплуатации человека человеком и всех ее многообразных порождений во всех сферах духовной жизни общества, воспитывает гуманизм в его самом полном выражении². Тем самым марксистская историография является активной силой в революционном переустройстве мира.

Уже само возникновение исторических знаний было ответом на практические потребности людей, нуждавшихся в накоплении опыта своей деятельности. Вначале знания об общественном прошлом людей выступали не расчлененными от знаний об опыте их взаимодействия с природой. Со временем социальный опыт людей стал вычленяться из всей совокупности развивавшихся знаний. Появление религии облекло этот опыт в мистико-культурные оболочки, что давало, между прочим, относительно неизменяемость интерпретации (как правило, субъективистской) прошлого, передававшейся последующим поколениям в форме устной традиции. На поздних стадиях существования первобытнообщинного строя, когда стала развиваться социальная дифференциация, исторические знания в виде родовых и племенных преданий стали играть более значительную роль в общественном развитии. Они стали служить укреплению авторитета родоплеменной знати, способствуя тем самым глубинным социально-экономическим процессам, приведшим в конечном счете к выходу человечества из первобытного состояния в стадию цивилизации с ее классами и государством. Конечно, накопление исторических знаний нередко сопровождалось их искажением не только вследствие несовершенства методов фиксирования и передачи исторической информации, но и под воздействием политических интересов общественных классов и группировок. Тем не менее и в античности и в средние века шел активный и содержательный процесс накопления и сохранения исторических знаний. Социально-политическое значение истории не только не было утрачено, но, наоборот, еще более развилось. Исторические сочинения были важнейшим идеологическим средством в борьбе различных рабовладельческих и феодальных группировок.

В новое время, в развивающемся и утверждающемся буржуазном обществе соотношение истории и общества приобрело совершенно новый вид. Как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспредельные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других»³. Новое время потребовало от историков гораздо более глубокого реалистического взгляда на общество. Оно вывело историка из монастырских келий и придворных апартаментов. Сама современность указывала ему на важность уяснения не столько традиций, сколько сил, их преодолевающих; от описания исторических действий как примеров для

² См. подробнее: М. П. Ким. История и коммунизм. М. 1968.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 427.

подражания она толкала к поискам реальных причин и закономерностей событий.

Наступление эры гуманизма и рационализма придало профессии историка новое социально-политическое значение, заключающееся в осознанном стремлении служить духовному раскрепощению человечества. Преодоление провиденциализма открывало невиданные ранее возможности познания еще отдельных, но действительных сторон и связей исторических явлений, утверждало роль реального, земного человека в ходе событий, но само познание было еще принципиально ограничено своей идеалистической основой.

Исторические труды предназначались и создавались теперь не для королей и царей, а для общества в том понимании, какое вкладывали в это слово гуманисты. Особенно это стало заметно в XVIII веке. Идеологи Просвещения окончательно отделили гражданскую историю от церковной и религиозной. Они разрушали феодально-теологические схемы применительно к истории, просвещали общество в самом прямом смысле слова. Вольтер и другие представители европейского Просвещения бросили более глубокий и широкий взгляд на человеческое прошлое, чем кто-либо до них. Они раздвинули горизонты познания истории, углубили степень проникновения в прошлое и тем самым укрепили превращение истории в самостоятельную область научного знания. В это время реакционеры и начали относиться к истории как к «самому опасному продукту, выработанному химией интеллекта»⁴.

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказать от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего... Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии... Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»⁵.

Рационалистическое понимание истории, свойственное XVIII в., значительно углубило познание прошлого. Вместе с тем оно по-новому обслуживало потребности общественной практики. Если во Франции просветители «лишь» подготовили революцию, то в Америке они выступили в качестве ее непосредственных участников и руководителей (Б. Франклин, Т. Джефферсон, Т. Пейн). Европа не случайно связывала рождающуюся республику в Америке в первую очередь с именем Франклина. Своими историко-публицистическими трудами он создал мощный идейный арсенал, которым пользовались борцы за американскую независимость.

В Латинской Америке историография рождалась вместе с появлением национальных государств в огне национально-революционных войн. Здесь в XIX в. сложилась традиция активного участия профессиональных историков в политической деятельности. Видные представители аргентинской историографии Д. Ф. Сармьенто и Б. Митре были президентами республики. К. Бокаиува являлся родоначальником республиканского движения в Бразилии. М. Б. Викунья и А. Вивес были не только крупными историками, но и влиятельными государственными деятелями Чили.

В странах Восточной Европы, где утвердился «просвещенный абсолютизм», рационалистическое мировоззрение в историографии служило

⁴ P. Valéry. Regards sur le monde actuel. P. 1931, p. 63.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 16—17.

укреплению абсолютизма и, таким образом, отвечало усложнившимся классово-политическим интересам господствующих классов. Историкорационалисты обосновывали историческую роль монархии, что в общем соответствовало исторической ступени развития данных обществ. Вместе с тем и здесь рационалистическая историография превратила исторические знания в науку, начала разработку критики источников, расширила предмет истории, включив в нее историю дворянства, создала внерелигиозные (чаще всего деистические) концепции истории своих стран.

Социальные революции и национально-освободительные движения XVIII—XIX вв. радикально расширили рамки всемирной истории и обогатили предмет ее занятий. Именно благодаря социально-политической перспективе, открытой Французской буржуазной революцией конца XVIII в., стали возможны крупные общественные достижения исторической науки — открытие в истории классов и классовой борьбы (в их домарксистской интерпретации) французскими историками периода Реставрации Ф. Гизо, О. Тьерри, сравнительное изучение социально-экономических и политических процессов в разных странах.

В первой половине XIX в. в познании прошлого распространился принцип историзма. Крупнейшие события эпохи — Французская буржуазная революция и наполеоновские войны, глубокие перемены, происходившие в общественной жизни на глазах одного поколения, заставили отказаться от ставших в XVIII в. уже традиционными представлений о неизменяемости побудительных мотивов деятельности людей. Каждую эпоху предстояло теперь понять не с точки зрения абстрактного «здорового смысла», а как бы изнутри, с возможно полным учетом ее неповторимой специфики и анализом процессов развития, движения, возникновения нового в старом, борьбы старого и нового. Ставшая во многих странах методологической основой либерально-буржуазного направления в историографии, гегелевская диалектика открыла возможность понять историю как объективно совершающийся процесс, в котором действия правителей имеют своим источником не только и не столько свой собственный просвещенный разум, сколько влияние объективных условий и закономерностей развития данной страны. Эта методология исторического познания позволила представить государство как исторически возникающее и развивающееся общественное явление, которое вовсе не адекватно самодержавной власти. Даже самые выдающиеся правители представляли в новом освещении как своего рода «душеприказчики» объективно совершавшегося процесса, их значение оказывалось в прямой зависимости не от их личной «мудрости» и иных качеств, а от степени соответствия их деятельности объективным условиям и назревшим ко времени их правления потребностям развития страны.

Выработавшая новые принципы подхода к анализу объективной реальности прошлого и настоящего диалектика Гегеля была крупным завоеванием исторического познания. Представив историю как процесс развития, протекающего в борьбе противоположностей, Гегель отказался и от модернизации и от идеализации прошлого, свойственного реакционным романтикам. Сделав крупный шаг вперед на пути развития научного познания истории, он представлял, однако, объективную закономерность исторического процесса еще с сугубо идеалистических позиций. Результатом явилась идеализация им современности в лице прусской монархии.

Сложные процессы перехода к буржуазным общественным порядкам и обострение национального чувства обусловили резкое повышение общественного интереса к истории в первой половине и середине XIX века. Жизнь заставляла теперь обращать внимание и на экономические явления и процессы в прошлом и на историю социальных отношений, попытаться связать их в едином понимании закономерности исторического

развития, объяснить, откуда произошли современные явления, определить объективный ход событий и перспективы развития в дальнейшем. Так, в Германии XIX в. историки малогерманской школы в значительной мере содействовали идеологическому обоснованию объединения Германии вокруг Пруссии. В условиях быстрого развития капитализма и обострения классовой борьбы «новая историческая школа» германских экономистов во главе с Г. Шмоллером выступила глашатаем социальных государственных реформ во имя укрепления буржуазного строя. Это привело к изменению взглядов на роль государства не только в настоящем, но и в прошлом. К тезису малогерманцев о национальной миссии прусской монархии Г. Шмоллер, Л. Brentано и их последователи добавили мотив социальной миссии Прусского государства. Вскоре эта концепция о расширении социальной роли государства прочно внедрилась в историческую науку во всех странах.

В России того времени произошло становление новой, либерально-буржуазной по своему объективному политическому значению исторической науки. «Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни» — так формулировал в 1858 г. знаменитый русский историк-либерал С. М. Соловьев свое понимание значения исторической науки для современности⁶. Разработанная им историческая концепция представляла собой буржуазно-либеральное воплощение принципов гегелевской диалектики на конкретно-историческом материале России. Общий характер русской истории предстал как борьба «родового» и «государственного» начал, в ходе которой выросло мощное государство, не тождественное самодержавию, но ведущее страну без революций и потрясений к европейскому прогрессу. Крепостное право, бывшее неизбежным злом в свое время («тяжелым займом у народа»), теперь изжило себя — таков был новый вывод, полученный с позиций историзма буржуазно-либеральной историографией, он был ее ответом «на вопросы жизни». Он открывал возможность познания современности как кануна ставшего неизбежным падения крепостного права. В этой буржуазной концепции самодержавие лишалось своих прежде казавшихся незыблемыми социальных позиций, но государству в соответствии с гегельянскими понятиями должна была принадлежать решающая роль в социальном преобразовании. Такой вывод имел не только антисамодержавное, но в большей степени антиреволюционное содержание.

В то же время утрата старыми классами своего ведущего положения в обществе привела к кризису их исторического познания. В первой половине XIX в. это, например, убедительно продемонстрировала романтическая школа в историографии, выступившая решительным противником идеи прогресса. Реакционные романтики идеализировали старину, каковой она была до Французской буржуазной революции конца XVIII в., надеясь уберечь общество от повторения ее «эксцессов». Их взгляд на человека и человечество был пронизан духом пессимизма. Романтизм был порождением общеевропейской реакции, которая наступила после наполеоновских войн. Полнее всего он был представлен в Германии и Франции. При этом, конечно, романтизм — это «не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядкам и традициям»⁷. При изучении современности романтик в лучшем случае мог указать на те или иные ее исторические корни, но объяснить эту действительность как закономерное звено в историческом процессе он был не в состоянии.

⁶ С. М. Соловьев. Собрание сочинений. СПб. Б/г, стр. 887.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 236.

Единственной теорией, которой были чужды крайности романтизма и ограниченность нарождавшегося позитивизма, теорией, дающей правдивую интерпретацию соотношения истории и общественной практики, явилось диалектико-материалистическое понимание социальной жизни. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Понимание истории заключается в том, чтобы исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — то есть гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории»⁸. Теория исторического материализма, созданная Марксом и Энгельсом, открыла возможность познания в органическом единстве докапиталистического прошлого, капиталистической современности и коммунистического будущего человечества. В трудах Ленина эта теория познания получила дальнейшее развитие. В свете ее история предстала как естественноисторический процесс смены одних общественно-экономических формаций другими, как процесс, определяемый в конечном счете развитием производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Тем самым стало возможным целостное и взаимосвязанное изучение истории всех сторон общественной жизни, таких, как социально-экономическая, политическая, идеологическая, культурная и др., а также понимание исторической роли буржуазного общества, роли буржуазии и пролетариата.

Принципиальное отличие теории исторического материализма от всех предшествующих методов познания истории и современности состояло в том, что она не только объясняла мир, но и открывала пути для его изменения. Изучение прошлого с позиций материалистического понимания истории создало на основе овладения объективными законами общественного развития возможность такого познания современности, которое неразрывно сочетается с ее революционным преобразованием. При этом для марксизма, как указывал Энгельс, его основные положения являются «точными выводами из исторических фактов и процессов развития и вне связи с этими фактами и процессами не имеют никакой теоретической и практической ценности»⁹.

Создание материалистической концепции общественного процесса явилось необходимым качественно новым этапом в развитии исторической науки, определившим ее перспективы. Роль теории исторического материализма особенно наглядно видна на фоне распространившейся в XIX в. позитивистской историографии.

Позитивизм глубоко проник в историографию второй половины XIX века. Хотя как методологическое и историографическое явление позитивизм выступал против материалистического понимания истории, он должен был под влиянием современности и современного уровня научного познания мира в целом адаптироваться к признанию важности в истории материальных условий жизни общества. Для значительной части буржуазных историков позитивизм оказался привлекательным в силу своей меньшей догматичности и претенциозности по сравнению с откровенно спекулятивными философско-историческими школами, умозрительные рекомендации которых обнаружили свою бесперспективность для исторического познания. Позитивизм помог буржуазной историографии пустить более глубокие корни в обществе, сделать поворот к социально-экономической истории, которой раньше историки, в сущности, и не занимались. Это привело к расширению кругозора историков, так как они стали интересоваться не только тем, что происходило в прошлом с

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 36—37.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 364.

политическими формами, но и тем, что совершалось в недрах социальной жизни.

Однако позитивистская историография все более впадала в агностицизм и эмпиризм, объявляла непознаваемыми и даже несуществующими причины главных исторических явлений; и это в то время, когда идеологи революционного рабочего класса уже научно доказали закономерность революционного преобразования мира и неизбежность социалистической революции. Позитивисты вместо ранее признаваемого ими тезиса о закономерности истории распространяли идеи плоского эволюционизма, абсолютной постепенности изменений, что свидетельствовало о внутренней противоречивости и кризисе их методологического кредо, опирающегося на субъективно-идеалистическую теорию познания.

Само по себе познание прошлого в тот период не остановилось, шло не только активное накопление исторического материала, но и совершенствование техники исторического исследования, еще более расширилась его проблематика. Но расширение поля зрения историков в условиях господства позитивистских взглядов не могло сопровождаться развитием обобщающей теоретической мысли. При всем внимании к источнику и факту, к выявлению конкретных обстоятельств всякого исторического действия позитивизм, а затем и неокантианство на практике лишили историческую науку возможности познания подлинных объективных закономерностей, поэтому познание прошлого становилось все более непригодным для понимания современности. Например, в России буржуазные историки (А. С. Лаппо-Данилевский, Вен. М. Хвостов, Н. И. Кареев и др.) интенсивно искали новую методологию исторического познания, при помощи которой можно было постичь быстро усложнявшийся характер общественного развития. Конечно, нельзя рассматривать эти труды как локально «русское» явление, они были частью общего процесса развития философии, социологии и историографии буржуазного общества. Это были попытки противопоставить марксизму методологию познания, которая соответствовала бы идее незыблемости капитализма как системы общественного устройства.

Самая крайняя позиция противников революционных переворотов была обращена к религиозным схемам, при помощи которых можно было связать настоящее с прошлым лишь путем иррациональной абстракции. Углубление в биологические и психологические факторы как определяющие историю давало опять-таки лишь видимость связи между прошлым и настоящим, понимаемой как «биографии народов и всего человечества»¹⁰. Но все эти и им подобные схемы совершенно не годились для сколько-нибудь реального познания сложных явлений социального и экономического развития новейшего времени. Столь же далеки от познания действительных закономерностей, лежащих в основе связи прошлого и настоящего, были и сторонники вульгарно-экономического направления с их узкими представлениями о смене форм натурального и денежного хозяйства как определяющем факторе в истории прошлого. Представитель германской «новой исторической школы» К. Бюхер, например, оставлял за пределами механизма исторического действия сложнейшие процессы надстроечной, духовной вообще жизни общества, материал о которой уже был хорошо известен науке того времени.

Поиск новых средств познания связи прошлого и современности выводит буржуазных идеологов на позиции агностицизма, непризнания вообще объективных закономерностей, или во всяком случае возможности их познания, к тому самому стремлению «наплевать на всякие обобщения»¹¹, о котором говорил Ленин. В ходе этого поиска получила распространение тенденция «подняться над» идеализмом и материализмом

¹⁰ Н. И. Кареев. Теория исторического знания. СПб. 1913, стр. 224.

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 44.

для создания новой методологии познания. П. Н. Миллюков провозгласил «односторонними» как идеалистическое, так и материалистическое понимание истории¹². Аналогичную позицию Р. Ю. Виппера Ленин охарактеризовал как «прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической»¹³. Оценивая состояние буржуазной общественной науки в начале XX в. (в связи с критикой книги П. Б. Струве «Хозяйство и цена»), В. И. Ленин в 1914 г. писал: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить лес — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве»¹⁴. Важно заметить, что невозможность «разбирать настоящее» Ленин связывал с отказом от познания исторических законов. Именно в этом он видел «отказ от науки». Примером этому может служить, в частности, историческая концепция П. Н. Миллюкова. Попытка подкрепить политическую программу кадетской партии соответствующим истолкованием русской истории привела к глубокой деформации закономерностей исторического развития страны в концепции этого либерального автора.

При всем разнообразии и нередко даже противоположности концепций прошлого, разрабатывавшихся в исторической науке России конца XIX — начала XX в., все они, включая и дворянско-монархическое направление, и «легальный марксизм», и другие течения, объединяются в общей, не соответствовавшей действительности позиции отрицания исторических предпосылок социалистической (а нередко и буржуазно-демократической) революции в России¹⁵. Но победа социалистической революции, весьма плохо «предусмотренная» буржуазной историографией начала XX в., была не только совершенно точно «предусмотрена», но и обоснована материалистическим пониманием истории, которому, естественно, не могло найтись места на университетских кафедрах и в других учебных учреждениях буржуазно-помещичьей России.

Распространение историко-материалистического понимания истории в России было огромной заслугой Г. В. Плеханова. В трудах Ленина это понимание получило дальнейшее теоретическое развитие и воплощение в общей концепции русской истории. Напомним, что Ленин принципиально никогда не отделял познание современности от познания прошлого, а, напротив, именно в единстве такого познания видел гарантию научной ориентировки в актуальных проблемах современности. Он указывал, что только «теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата», причем, разумеется, эта теория должна «удовлетворять научным требованиям»¹⁶. Опровергая обвинения народнических идеологов в том, что русские марксисты оценивают характер развития страны будто бы на основании неких «абстрактных схем», без учета специфики страны, Ленин подчеркивал, что русские марксисты критерии своей оценки общественных отношений в России «видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»¹⁷, что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности»¹⁸.

¹² П. Н. Миллюков. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб. 1896, стр. 3.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45, стр. 27.

¹⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 44.

¹⁵ Признание ошибочности прогнозов буржуазных историков см., например, Р. Ю. Виппер. Кризис исторической науки. Казань. 1921, стр. 30.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 307.

¹⁷ Там же, стр. 197.

¹⁸ Там же, стр. 411.

Мысль о невозможности научного познания современности без познания прошлого красной нитью проходит через труды Ленина. В 1916 г. он указывал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁹. Критерием правильности политических взглядов Ленин также считал и историю и современность, когда писал о том, что «за наши взгляды вступает сама история, вступается на каждом шагу действительность»²⁰. В лекции «О государстве» (1919 г.) содержится знаменитая ленинская характеристика методологии исследования общественных явлений, в которой красной нитью проходит мысль о неразрывной связи познания современности с познанием прошлого: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²¹.

Очень точно уловил самую суть исторического мышления Ленина А. М. Горький, писавший, что В. И. Ленин «так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего»²². Смотреть на настоящее из будущего — это значит видеть в современности процессы, ведущие в будущее, а возможность увидеть такие процессы дает именно знание истории. Именно так увидел Ленин в современной ему России исторический процесс, ведущий к победе социалистической революции. Он дал высокие образцы революционного применения достижений исторической науки в интересах общества. Он использовал опыт прошлого не только для теоретического осмысления происходящих событий, но и как необходимую основу в практической деятельности.

Важная функция исторической науки связана с научным предвидением. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть и Коммунистическая партия получили возможность, основываясь на познании прошлого, активно воздействовать на настоящее, идейно подготавливая будущее. История превращалась в могучее средство преобразования общества. Большую роль в становлении марксистской исторической науки в СССР сыграли труды М. Н. Покровского, Н. М. Лукина, В. П. Волгина и других историков-марксистов.

Развитие советской исторической науки прошло несколько этапов. Утверждение марксистско-ленинского мировоззрения в исторической науке происходило в обстановке острой классовой борьбы и сопровождалось перестройкой системы научных учреждений. Государство создавало новые условия и возможности для подготовки квалифицированных кадров историков-марксистов. К середине 30-х годов процесс утверждения марксистско-ленинской методологии был в основном завершен, выросли молодые кадры историков-марксистов, на позиции марксизма-ленинизма перешли Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, В. В. Струве, А. И. Тюменев, Е. А. Косминский, чей научный путь начинался еще до Октябрьской революции, на базе старой методологии познания истории. Построение социалистического общества в СССР коренным образом изменило со-

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 49, стр. 329.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 65.

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 67.

²² М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. М. 1953, стр. 377.

циальную структуру общества, в стране исчезли эксплуататорские классы. Все эти обстоятельства оказали решающее влияние на состояние и развитие исторической науки в Советском Союзе. Овладение марксистско-ленинской теорией приобрело большую глубину и стало воплощаться не только в общих, принципиальных построениях, но прежде всего в развернувшихся к тому времени исследовательских работах.

С развитием теоретических и конкретных исследований стали очевидными недостатки ряда построений, характерных для начального этапа утверждения марксистско-ленинской науки, в том числе и ряд сторон концепции М. Н. Покровского, критикованной историками-марксистами уже в конце 20-х годов, главным образом за еще несовершенное понимание материалистических основ исторической науки, прежде всего — в отношении становления и развития общественно-экономических формаций, за переоценку роли торгового капитала в истории и по ряду других вопросов. Это была большая работа, направленная на решительное повышение теоретического и исследовательского уровня советской исторической науки. Тридцатые годы ознаменовались переходом к глубокой исследовательской работе в области отечественной и всемирной истории.

Вступление советской, марксистско-ленинской историографии в новый, более зрелый этап своего развития было подготовлено внутренними процессами движения науки и мощно стимулировано известными решениями партии и правительства по вопросам исторической науки и исторического образования. Было коренным образом перестроено преподавание гражданской истории в школе, расширена подготовка профессиональных историков в высших учебных заведениях, интенсифицирована деятельность исследовательских институтов. История заняла видное место в духовной жизни страны второй половины 30-х годов. Результаты исторических исследований приобрели важное значение не только при планировании крупных проблем экономического и социального развития, но и прежде всего в идейно-политической жизни страны, в воспитании молодого поколения и всего народа. Меры, принятые Коммунистической партией и Советским правительством, сыграли огромную роль в морально-политическом сплочении советского народа перед надвигающейся угрозой фашистской агрессии. В годы Великой Отечественной войны советские историки внесли большой идейный вклад в обеспечение победы над врагом. На первый план выдвигались тогда задачи изучения и пропаганды истории борьбы народов СССР за национальную независимость, задачи показа античеловеческой сущности фашизма, разоблачения фашистской фальсификации истории.

Характерной особенностью современной советской исторической науки является все углубляющаяся связь с современностью, с потребностями развития общества. В социалистическом обществе историческая наука наряду с другими общественными науками составляет «научную основу руководства развитием общества». Историческая наука активно участвует в социальных преобразованиях. Как говорится в Программе КПСС, «исследование проблем всемирной истории и современного мирового развития должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму, изменение соотношения сил в пользу социализма, обострение общего кризиса капитализма, крушение колониальной системы империализма и его последствия, подъем национально-освободительного движения народов»²³.

КПСС в своей деятельности исходит из признания внутреннего единства прошлого, современности и будущего. Характеризуя пройденный почти за 60 лет после Великой Октябрьской социалистической революции путь, Л. И. Брежнев говорил в Отчетном докладе ЦК XXV съезду

²³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1971, стр. 128.

КПСС, что на итоги девятой пятилетки следует смотреть в исторической перспективе, чтобы подходить «ко всему сделанному, ко всему, что мы собираемся сделать, с более широкой исторической мерой». Он отмечал, что в этой перспективе перед нашим обществом «открыты безграничные просторы дальнейшего всестороннего прогресса»²⁴.

Теснейшая связь исторической науки с решением крупнейших социально-политических задач, характерная для социалистических стран, не только превращает историческую науку в могучее средство прогрессивного развития общества, но и имеет первостепенное значение для нее самой, для углубления познания всего исторического процесса в целом. Для того, чтобы выполнять свою функцию фундаментальной основы научного руководства развитием общества, историческая наука должна раскрывать глубинные закономерности общественных процессов, показывать действительное место и значение современного этапа истории человечества, что возможно только при условии фронтального и фундаментального изучения коренных проблем истории всех стран и народов на всем ее протяжении. Историческая наука всегда стремилась приблизиться к выполнению именно такой функции в жизни общества, но возможности, создаваемые для науки материалистическим пониманием истории и ее участием в решении актуальных задач коммунистического строительства, не имеют себе равных в истории прошлых обществ. Задачи социалистического переустройства общества выдвинули на первый план в марксистской исторической науке такие проблемы, которые либо были второстепенными в домарксистской и немарксистской историографии, либо являются вообще совершенно новыми.

Историки-марксисты успешно справились со сложными задачами изучения социальной истории, проблемами происхождения и исторического значения революций, их соотношения с реформами, наконец, коренным вопросом о роли народных масс в историческом процессе. Одной из центральных проблем, поставленных и разрешенных марксистско-ленинской исторической наукой, явился вопрос о всемирно-исторической миссии рабочего класса — пролетариата. Всемирно-исторический процесс предстал в марксистской историографии как закономерная смена общественно-экономических формаций, протекающая в ходе острой классово-борьбы. Таким образом, вопрос о прогрессе общественного развития получил свое истолкование в полном соответствии с объективным ходом истории. Глубина теоретического подхода к историческому материалу и неразрывно связанное с ним совершенствование методов исторического исследования позволили разработать многие конкретные проблемы истории народов СССР и всемирной истории. Напомним о крупных успехах советских археологов (А. В. Арциховский, В. А. Городцов, А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков, Б. Б. Пиотровский), о фундаментальных исследованиях в области становления классовых обществ и государства у народов СССР, в том числе — о характере общественного строя и причинах возникновения государства в Киевской Руси (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков), о культуре средневековой Руси (Б. А. Рыбаков), о значительных работах в области истории средневекового Российского государства (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин), его социально-экономического, политического и культурного развития, об исследованиях в области генезиса капиталистических отношений и их развития (Н. М. Дружинин), истории революционно-освободительного движения (М. В. Нечкина), истории внешней политики и международных отношений (В. М. Хвостов, А. Л. Нарочницкий), истории народов СССР (Б. Г. Гафуров).

Показательным фактором влияния социалистического общества на развитие исторической науки явился ее бурный подъем в союзных и ав-

²⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, стр. 548.

тономных советских социалистических республиках, где выросли многочисленные национальные кадры историков и где созданы не только исследования по частным вопросам, но и обобщающие фундаментальные труды по истории этих республик.

Принципиально новыми проблемами, успешно разрабатываемыми марксистскими историками, являются история народных масс, история рабочего класса и крестьянства, история революционной борьбы трудящихся, история деятельности Коммунистической партии по революционному преобразованию общества, история строительства социализма и коммунизма во всех их аспектах (И. И. Минц, А. М. Панкратова, Б. Н. Пономарев, П. Н. Поспелов). Советскими учеными созданы и создаются такие крупные обобщающие работы, как «История СССР с древнейших времен до наших дней», «История Коммунистической партии Советского Союза», «История Великой Отечественной войны Советского Союза», «История второй мировой войны» и другие. В обобщающих трудах подобного рода особенно наглядно прослеживается неразрывная связь истории и современности.

Совершенно новым типом работы в области истории, свойственным обществу развитого социализма, явилась 26-томная «История городов и сел Украинской ССР», в создании которой приняло участие около 100 тыс. авторов — ученых, рабочих, партийных и общественных работников, учителей, колхозников, краеведов, мемуаристов и других. Народ — творец истории как процесса развития общества выступает ныне и творцом истории как процесса познания этого развития.

Высокой активностью отмечена работа советских историков в области зарубежной истории, идущая по всему фронту — от античных времен до современного мира, включая историю стран Азии, Африки, Латинской Америки, историю мирового коммунистического и рабочего движения. Эти сравнительно новые области науки получили в Советском Союзе особенно большое развитие за последние годы. В СССР созданы первая марксистская «Всемирная история» и первая в мире специальная историческая энциклопедия (руководитель — Е. М. Жуков).

Преподавание истории в СССР — как в средних школах, так и на исторических факультетах высших учебных заведений — строится на основе концепции единства мира. Изучается именно всемирная история — история всех времен и народов. Этот принцип перенесен и на преподавание историографии как одного из важнейших предметов для всех студентов, специализирующихся в области истории. Совершенствованию историографических исследований и преподавания историографии всемирной истории в большой степени содействовала публикация фундаментальных трудов по историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки, подготовленных в Московском университете коллективом советских и зарубежных историков во главе с И. С. Галкиным²⁵.

За 30 лет, прошедших после второй мировой войны, значительный прогресс в области исторической науки произошел в странах, ставших на путь социализма. Осуществляя научные исследования в условиях социалистического общества, на основе марксистско-ленинской теории, историки стран социалистического содружества добились выдающихся успехов. Их голос звучит сегодня на международных конгрессах и симпозиумах, их труды авторитетны и известны в широких научных кругах. Как на пример успешного разрешения сложной и важной проблемы истории можно указать на созданную историками ГДР «Историю немецкого рабочего движения»²⁶. Опыт развития исторической науки в социалистических странах свидетельствует о теснейшей связи между социально-эко-

²⁵ «Историография нового времени стран Европы и Америки». М. 1967; «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М. 1968.

²⁶ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». 1—8 Bänden. В. 1966.

номическими условиями, в которых развиваются эти страны, и условиями для развития исторического познания, о том, что социалистическое общество, руководствующееся теорией марксизма-ленинизма, создает наиболее благоприятные условия для совершенствования исторического познания, для оптимального решения проблемы взаимоотношений между исторической наукой и обществом.

В гораздо более трудных условиях развивается марксистская историческая мысль в капиталистических странах. Ее существование и рост ее влияния объективно обусловлены социально-экономическими условиями современного капиталистического общества, неразрывно связаны с классовой борьбой рабочего класса за демократию и социализм.

В то время как марксистское понимание истории, блестяще подтвержденное практикой социалистической революции в России, дало совершенно новые возможности познания прошлого и его связи с современностью, буржуазная историография в зарубежных странах во второй половине XIX — первой половине XX в. неизменно шла в ногу с интересами своего класса в целом, отражая их эволюцию в формах интерпретации прошлого. С конца XIX в., например, историки всех ведущих стран мира приняли активное участие в разработке империалистической идеологии, внося свою лепту в подготовку первой мировой войны. Экспансионизм, национализм и расизм во многом определяли облик официальной историографии конца XIX — начала XX века²⁷.

Ряд представителей историографии в странах Западной Европы и Северной Америки внес существенный вклад в формирование психологии консерватизма и «холодной войны», влияние которой ощущается вплоть до наших дней. В 1954 г. Комитет по историографии при американском Совете по исследованиям в области социальных наук опубликовал специальный доклад «Социальные науки в историческом исследовании»²⁸. В разделе о новейших веяниях в историографии того времени среди прочих явлений отмечено усиление консерватизма и почтения к крупному бизнесу, сделан акцент на консервативный элемент в американских традициях и на консервативное руководство.

Этот акцент был решительно поддержан С. Э. Морисоном в его президентском адресе перед Американской исторической ассоциацией (АИА) в 1950 году²⁹. Эта речь — «Вера историка» — может считаться кредо консерватизма в американской историографии 40—50-х годов. Ссылаясь на Ч. Бирда, С. Морисон называл занятие историей «актом веры». «Само собой разумеется, — провозглашал он, — что полная, «научная» объективность недоступна историкам... Курсы по методологии истории не стоят затраченного на них времени. ... Историческая методология, как я ее понимаю, есть продукт здравого смысла, примененного к обстоятельствам... Историк решает, что важно и что неважно», — продолжал С. Морисон. Отдавая дань перманентной приверженности буржуазных историков XX в. скептицизму, С. Морисон вместе с тем квалифицировал его как «обоюдоострое оружие». Такая двойственность в оценке устойчиво модного в буржуазной историографии скептического поветрия отражала параноидный оптимизм американских консервативных и реакционных историков периода расцвета маккартизма и «холодной войны»: им все было «ясно». Они считали, что им по силам в условиях, казалось, безграничного распространения империалистического влияния США в буржуазном мире и социально-экономической стабильности бизнеса найти ответ на любой вопрос. Основным призыв С. Морисона сводился к тому, чтобы писать историю США «с точки зрения здравого консерватизма».

²⁷ J. Burgess. Political Science and Comparative Constitutional Law. Vol. I. Boston-L. 1890—1891, p. 47.

²⁸ «Social Sciences in Historical Study». A Report of the Committee on Historiography. N. Y. 1954.

²⁹ Ibid., p. 15.

Он подчеркнул, что «слава и успех ждут того, кто предпримет свежий пересмотр всей нашей истории, считая консервативную традицию действующей как фермент»³⁰.

В идейно-политическом плане это была программа неоконсерватизма; то есть государственно-монополистической консервативной идеологии, отличной и от государственно-монополистического неолиберализма, сформировавшегося в 30-е годы, и от традиционного индивидуализма, находившегося в авангарде идеологических воззрений американской буржуазии до кризиса 1929—1933 гг. и «нового курса» Ф. Рузвельта³¹. Неоконсервативная позиция С. Морисона не была проявлением лишь его личных взглядов. Это было знамение времени. Годом раньше нечто созвучное С. Морисону высказал его предшественник на посту президента АИА К. Рид в речи «Социальная ответственность историка». К. Рид обрушился на «нейтрализм» в мыслях, якобы свойственный неолибералам, и призывал историков к социальной ответственности и даже к дисциплине, предписываемой «демократически контролируемым государством». «Либеральная нейтральная позиция, подход к социальному развитию с мерками беспристрастного бихевиоризма, уже не срабатывают. Уклончивые ответы не могут удовлетворить наши потребности в позитивных гарантиях. Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует каждого и требует, чтобы каждый вносил свой вклад. Историк не более свободен от этого обязательства, чем физик». Политические рассуждения Рида о «социальной ответственности историка» шли в общем русле превратившегося в начале 50-х годов в господствующую идеологию неоконсерватизма с явно выраженным милитаристским оттенком. Консервативно-милитаристская по своей идейно-политической направленности платформа официальных лидеров американской историографии 40—50-х годов была в методологическом отношении насковзь релятивистской, прагматистской, презентистской. «Мы нуждаемся в акте веры»,— говорил Рид, утверждая, что историк «находит в прошлом то, что он в нем ищет»³². А искали в прошлом официальные американские историки эпохи маккартизма не что иное, как бесконфликтность, «величие» преуспевающих бизнесменов, «предначертания судьбы» в виде американского «руководства миром», искали всё, кроме истинной, диалектически противоречивой, объективной реальности, всё, за исключением закономерности, революционности и прогресса. Иными словами, официальная американская историография шагала по-своему, по-реакционно-буржуазному: в сторону и назад от социального прогресса.

Весьма показательна также эволюция взглядов группы западногерманских историков. Известно, что немецкая историография вплоть до разгрома фашизма была в числе прочего проникнута идеями пруссачества, воинствующего национализма, противопоставления «героического» германца «торгашу» англосаксу. После 1945 г. западногерманская официальная идеология должна была выработать приемлемый для англосаксов *modus vivendi*. Началась ревизия традиционных представлений об истории. Тот самый Ф. Мейнеке, который много сделал для оправдания идеологии пруссачества, обнаружения в ней «высоких» моральных ценностей, на склоне своей продолжительной жизни вместе с Г. Ритгером стал пересматривать свое историографическое наследие с тем расчетом,

³⁰ S. Morison. Faith of a Historian. «American Historical Review», January 1951, pp. 261, 263, 264, 268, 273.

В свете сказанного представляется неубедительным возражение американского историка Ф. Стерна, выступавшего на XIV конгрессе историков в качестве одного из экспертов по данному докладу против характеристики проанализированного выше выступления С. Морисона как призыва к консервативной трактовке истории США.

³¹ См. подробнее: Н. В. Сивачев. Идейно-политические предпосылки послевоенной реакции в США. «Новая и новейшая история», 1972, № 2.

³² C. R. e a d. The Social Responsibilities of the Historian. «American Historical Review», January 1950, pp. 283, 284—285.

чтобы оно не мешало включению немцев в сообщество атлантического Запада.

Вполне определившимся фактом является сдвиг послевоенной буржуазной историографии вправо в трактовке социального прогресса. Не соглашаясь с исторической закономерностью глубоких революционных преобразований, происшедших в мире после разгрома фашизма, буржуазная историография выдвинула на первый план идеи «консенсуса» (согласованности интересов) и «континуитета» (преемственности), лежащие вне плоскости классовых взаимоотношений, классовой борьбы. Изменились и концепции политической истории. Так, в западногерманской историографии традиционный малогерманский и прусский подход к трактовке европейской и тем более всемирной истории потерпел крах. Например, Г. Ротфельс и более молодое поколение западногерманских историков стали поднимать на щит консервативную оппозицию лидерам рейха³³. Ее смысл трактуется как проявление идеи «европеизма». Этот «европейский» взгляд распространился и на прошлое Германии, в результате чего носителями «европейской» идеи оказались и М. Лютер, и Фридрих II, и О. Бисмарк, и Г. Штреземан, не говоря уже о К. Аденауэре. Позднее, однако, когда позиция Западной Германии в «атлантическом сообществе» укрепилась (в 60-х годах), появилась тенденция вновь превратить Бисмарка из «великого европейца» в «великого немца». Так совершается «модернизация» истории³⁴.

Однако большего внимания заслуживают другие процессы в современной буржуазной историографии, отражающие влияние марксизма, воздействие развивающегося движения масс. В Италии потерял свои былые позиции «этико-политический» подход Б. Кроче. Как заявляют итальянские историки, они преодолевают «преимущественно гуманистический и филологический характер итальянской историографии»³⁵. В то же время возрос интерес к истории Италии XX в., особенно к проблемам антифашистского Сопротивления, а также к социально-экономическим вопросам. Здесь, несомненно, решающее влияние имели освободительная борьба народных масс и марксистская историография. Тезис историка-марксиста, руководителя итальянских коммунистов А. Грамши о Рисорджименто как незавершенной социальной революции способствовал утверждению в итальянской историографии представления о развитии в итальянской истории традиции революционно-демократических преобразований, идущих от XVIII в. до Сопротивления. Как пишет М. Боренго, «ученые постепенно осознали важность продвижения исследований в новых направлениях в области социальной истории; это требование особенно настойчиво выдвигалось марксистскими историками Южной Италии». Он подчеркивает, что в последнее десятилетие необходимость обеспечить экономическую и социологическую основу для исторических работ стала общепризнанной³⁶.

Непосредственно с изменениями в современном мире связано движение в историографии такого важнейшего вопроса, каким является история рабочего класса и рабочего движения. Действительный приоритет в изучении рабочего вопроса принадлежит марксизму. Первым крупным научным трудом о рабочем классе была известная книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», вышедшая в 1845 году. Предметом занятий буржуазных историков рабочий вопрос стал лишь тогда и постольку, когда и поскольку это было необходимо для выработки бур-

³³ H. Rothfels. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt/M.—Hamburg, 1960.

³⁴ Г. А. Воронцов. Некоторые новейшие направления в буржуазной историографии ФРГ. «Вопросы истории», 1974, № 9, стр. 69—70.

³⁵ M. Borenго. Italian Historical Scholarship since the Fascist Era. «Daedalus», Spring 1971, p. 480.

³⁶ Ibid., pp. 475, 480.

жуазной политики по отношению к рабочему классу, для «предотвращения» пролетарской революции и для направления рабочего движения в русло реформизма. Подлинными лидерами в изучении рабочего вопроса повсюду являются историки-марксисты. Достаточно указать на фундаментальную «Историю рабочего движения в США» Ф. Фонера, на труды французских и итальянских историков-коммунистов.

Под воздействием растущего рабочего движения и марксистской историографии в наше время значительно увеличился интерес к рабочему вопросу и в буржуазной историографии, хотя в концептуальном отношении постановка проблемы рабочего класса в буржуазной историографии имеет самые различные оттенки. В Италии, где до второй мировой войны в историографии не была сколько-нибудь развита проблематика рабочего движения, ныне не без влияния коммунистов и социалистов создана представительная школа истории рабочего и социалистического движения. В Западной Германии, как отмечает Г. Моммзен, «история трудящихся классов, особенно раннего периода индустриализации, давно стала предметом исторического исследования, хотя оно ведется и не столь интенсивно, как в Германской Демократической Республике»³⁷. Крупным центром изучения рабочего движения в ФРГ является Гейдельбергский кружок во главе с видным историком В. Конце, придерживающимся неolibерального взгляда на рабочее движение как на часть «национального движения»³⁸. В. Конце пишет о «либеральном» рабочем движении в Германии, интегрируемом в структуру буржуазного правопорядка и буржуазных ценностей³⁹, игнорируя тот факт, что именно Германия явилась колыбелью марксизма и важнейшим центром мирового революционного пролетарского движения. В Японии после второй мировой войны рабочий вопрос также стал предметом большого внимания историков. Созданы специальные институты и научные ассоциации для его изучения, в учебных центрах читаются курсы истории и современных проблем рабочего движения, разработанные представителями различных политических направлений и партий.

Во всех этих случаях, конечно, имеет место буржуазно-либеральная и реформистская интерпретация рабочего движения. Показателен, однако, самый факт возросшего интереса к этой проблеме — одно из многочисленных проявлений влияния современности на познание истории. Соответствующая проблематика постоянно освещается на страницах различных изданий университетов, научных центров, общественных организаций. Все эти явления развиваются под непосредственным воздействием возросшей активности рабочего класса — главной преобразующей силы современного мира.

В 60—70-х годах группой буржуазно-радикальных историков внесена свежая струя в изучение истории рабочего класса США. В их трудах предпринимается попытка нащупать пути преодоления бюрократического институционализма и перехода к живой истории именно рабочих масс. Один из авторов журнала «Labor History» в 1967 г. писал: «Октябрьская революция 1917 г. открыла не только новую главу в европейской и всемирной истории, но также и в написании истории рабочего класса. Она дала мощный стимул изучению рабочего движения и его идей»⁴⁰. В 60—70-х годах вместе с подъемом радикального студенческого движения в США появилась группа «новых левых» историков. Они подвергли критике консензусное историческое мышление, господствовавшее в офи-

³⁷ H. M o m m s e n. Historical Scholarship in Transition: The Situation in the Federal Republic of Germany. «Deadalus», Spring 1971, pp. 493—494.

³⁸ W. C o n z e, D. G r o h. Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung. Stuttgart. 1966.

³⁹ W. C o n z e. Möglichkeiten und Grenzen der liberalen Arbeiterbewegung in Deutschland. Das Beispiel Schulze-Delitzschs. Heidelberg. 1965.

⁴⁰ «Labor History», Spring 1967, pp. 183, 185.

циальной буржуазной историографии после второй мировой войны, и пришли к выводу, что социальный конфликт постоянно сопутствовал истории классового общества. В их анализе международных отношений появился тезис о том, что виновников развязывания «холодной войны» надлежит искать в милитаристских кругах Запада. Большое внимание уделяют «новые левые» вопросам социальной революции, хотя они не в состоянии правильно их интерпретировать. Их мировоззрение эклектично в самой своей основе, оно тяготеет к мелкобуржуазному радикализму и остается далеким от марксизма.

В связи с буржуазной и мелкобуржуазной интерпретацией социальных революций надо подчеркнуть, что если XIX в. прошел под влиянием Французской буржуазной революции XVIII в., то главным историческим событием XX в. стала Великая Октябрьская социалистическая революция в России, открывшая эпоху революционного превращения капиталистического общества в общество социалистическое и коммунистическое. Историческая практика XX в. убедительно продемонстрировала безусловную истинность краеугольного положения марксистской теории, что социальные революции — это «локомотивы истории». Марксизм-ленинизм видит сущность социалистической революции в ликвидации капиталистических отношений и замене их социалистическими общественными отношениями, рассматривая рабочий класс как главную движущую силу этого революционного процесса и отводя руководящую роль базирующейся на принципах научного коммунизма партии рабочего класса. Марксисты указывают при этом на разнообразие форм и методов революционного преобразования общества, включая мирный и немирный способ установления социалистических производственных отношений, который при любых вариантах, однако, является по своему содержанию революционным действием.

В буржуазной, а также ревизионистской литературе ныне пишется о революциях чрезвычайно много, но обычно упускается или даже оспаривается в той или иной форме закономерность и историческая прогрессивность социалистической революции, ее классовый характер. Нет недостатка и в попытках отрицать политический характер классовой борьбы. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия», — писал Ленин. Не может быть социалистической революции без классовой борьбы, без прихода к власти рабочего класса. «Самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все»⁴¹. Попытки исказить классовый характер социалистической революции грубо противоречат реальным, объективным фактам и процессам.

Столь же спекулятивным является стремление поставить под сомнение историческую прогрессивность революций посредством выдвигания критерия «цены» революции, «потерь», которые несет якобы общество вследствие насильственного захвата власти. Но история буржуазно-демократических революций в XIX в. и социалистических в XX столетии наглядно свидетельствует о глубокой прогрессивности революций не только в общ исторической перспективе, но и непосредственно для политического и материального положения народных масс, хотя последний момент носит ограниченный характер в буржуазных революциях вследствие установления ими новой системы господства и подчинения. Критерий «цены» революции антиисторичен и консервативен, он в основе своей антиреволюционен. Скорее можно говорить о «цене» контрреволюции, хотя бы на примере недавних событий в Чили.

Антисоциалистические взгляды на революцию органически связаны

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 133; т. 34, стр. 200.

не только с политическими, но также и с теоретико-методологическими позициями современных «критиков» революций и учения марксизма-ленинизма. С помощью позитивистских методов, открывающих «малые истины», расчлняется, дробится такая гигантская проблема всемирной истории, какой являются революции. Узость и ошибочность исходных позиций породили замечание Ч. Джонсона о том, что революции оправдывают «худшие опасения» социологов. Эта оценка, относящаяся, разумеется, к буржуазной социологии, удивительно совпадает с признанием одного из русских буржуазных историков (Р. Ю. Виппера) о «неожиданности», «непредусмотренности» Великой Октябрьской социалистической революции⁴². Не могут помочь в оценке революционной перспективы и распространившиеся теории «континуитета», исключающего революционность перехода общества от одного типа социальных отношений к другому и не имеющего ничего общего с подлинным историзмом.

Все эти явления в историографии капиталистических стран прямо и непосредственно связаны с современностью, с возросшей активностью рабочего класса, обострением классово-борьбы и являются попыткой дать такой ответ на вопросы современности, который бы помогал укреплению существующего строя, в то время как объективная логика развития общества неумолимо ведет к его разрушению, в чем революционная роль принадлежит рабочему классу. Буржуазная историческая наука оказывается, таким образом, все менее способной дать реалистический ответ на острейшие вопросы современности. Но это означает, что происходит падение социальной роли исторической науки в буржуазном обществе, уменьшение ее авторитета и влияния на людей.

В ходе борьбы против колониализма развилась историческая наука в странах Азии и Африки, став важным средством национального возрождения и социальных преобразований. Первостепенным фактором поступательного развития национальной историографии в странах Азии и Африки является все более широкое распространение здесь идей научного социализма. Благодаря усилиям историков, стремящихся руководствоваться марксистско-ленинской теорией познания прошлого, национальная историография превращается в действенный инструмент познания общественного развития в интересах борьбы азиатских и африканских народов за социальный прогресс.

Развитие историографии в странах Азии, Африки и Латинской Америки свидетельствует о том, что там, где историческая наука встает на службу делу социального прогресса и национального освобождения, она получает быстрое развитие и признание, там неизмеримо возрастает ее социальная функция.

В наше время особенное значение приобретает вопрос о методе исторического познания, соответствующем ступени развития науки, обусловленной современным этапом общественно-экономического развития. Как всякую науку, историческую науку отличает от других форм познания действительности теоретическое мышление. Историческая наука осмысливает и обобщает прошлое с точки зрения возникновения, действия и видоизменения тех или иных закономерностей общественного развития. Процесс познания прошлого есть поэтому прежде всего процесс познания объективных закономерностей развития общества во всем многообразии и изменчивости их проявления.

Многообразие исторического развития и причинно-следственных связей породило в свое время в рамках идеалистического понимания исто-

⁴² Ch. Johnson. *Revolutionary Change*. L. 1968, p. 13. См. также Р. Ю. Виппер. Указ. соч.

рии теорию многих, или «равных», факторов. На деле это означало бессилие в определении коренных движущих сил исторического процесса, невозможность на основе идеалистического метода выявить реальную связь всех исторических явлений и процессов.

Но идеализм уже давно проиграл историческую битву против материализма, и эта победа наилучшим образом подтверждена общественной практикой. Ныне в поисках «компромисса» идеалисты готовы признать калейдоскоп субстанциональных начал и тем как бы «возвыситься» над идеализмом и материализмом — подобно тому, как они это пытались сделать еще в начале XX века. Сегодня плюралистский подход к объективной реальности вновь получил широкое распространение в различных направлениях буржуазной историографии. На практике плюрализм не выходит за пределы эклектичности. В лучшем случае плюралисты могут создать некоторые мелкомасштабные «модели» исторического процесса, но на деле их позиция проникнута агностицизмом. Как только объективная логика исследования подводит историка к необходимости формулировать общие закономерности изучаемых явлений и процессов и ставить их на службу преобразованию мира, плюрализм обнаруживает свою ограниченность, косность и в конечном счете — необъективность. Внешняя беспретенциозность гносеологической системы плюрализма, выступление против «вечных истин» и «окончательных решений» в историческом познании, демонстративный релятивизм выводов применительно к общественной практике означают замаскированную защиту существующего строя, сопротивление разработке программы поступательного развития общества, принципиальной основой которого являются социальные революции.

Плюрализм, естественно, не спасает буржуазную методологию от внутренних противоречий идеалистического метода и порождает непостоянство теоретических позиций буржуазных историков. Американский историк Ч. Бирд, например, выступал с резким осуждением релятивизма, сторонником которого он был сам, а затем снова стал высказывать релятивистские взгляды⁴³. То же самое непостоянство, отражающее неудовлетворенность методом и в то же время поиск иной, более прочной методологической основы, проявлял и К. Беккер⁴⁴. В конечном счете Беккер оказался вынужденным занять релятивистскую позицию субъективистского, презентистского познания, сводящегося к «интерпретации» истории, а не познанию объективной истины. Вся жизнь Беккера ставил вопрос: «в чем польза истории?», так и не дав на него сколько-нибудь убедительного ответа⁴⁵.

Проблема соотношения исторического познания с решением задач общественного развития занимает ныне все большее место в современной буржуазной историографии. В методологическом отношении заметно усиление скептического отношения к самой проблеме «историк и прошлое». Творческая активность историка при обращении к прошлому нередко трактуется в западной литературе как предопределенное извлечение истории, а пассивность в работе над материалом оценивается как условие «объективности». «Творческий историк живет двойной жизнью, отвечая, с одной стороны, на вопросы своей эпохи, будучи, с другой стороны, верным святости ушедших времен. Слишком слабое вовлечение в жизнь настоящего ведет к беззубому и рутинному подходу к прошлому. Но вовлеченность в проблемы настоящего, если она слишком узка, ограничивает наше воображение, вместо того чтобы стимулировать

⁴³ I. Meiland. The Historical Relativism of Charles A. Beard. «History and Theory», 1973, № 4.

⁴⁴ «What is the Good of History?». Selected Letters of Carl Becker. 1900—1945. Ed. by M. Kamen. Ithaca. 1973.

⁴⁵ M. Klein. Progressive History's Curmudgeon: The Enigmatical Carl Becker. «Reviews in American History», June 1974.

его: При одной крайности историческое мышление — стерильно, при другой — тенденциозно. Как же историкам подняться силой своей отрешенности над напряженным настоящим и силой своей приверженности причаститься к живому прошлому?»⁴⁶, — спрашивает известный американский историк Д. Хайэм, существенно отходя от той постановки аналогичной проблемы, которую предложили К. Рид и С. Морисон двадцатью годами раньше. Презентистская «интерпретация» истории и ныне распространена в буржуазной науке. Ее органический порок состоит в том, что она отрывает объяснение, истолкование исторической реальности от ее познания, является ярким проявлением враждебного науке субъективизма, открывает дорогу любой фальсификации.

Любой теоретический метод может быть воплощен в историческом труде только при условии его неразрывной связи с познанием объективной реальности, с точно исследованным историческим материалом.

Для марксизма не подлежит сомнению, что история — наука конкретная. Она опирается прежде всего на строго установленные факты объективной действительности. В свете научного, теоретического анализа в этих фактах вскрывается их внутренняя взаимосвязь и взаимообусловленность. Доказательность выводов есть специфическая черта научного познания. Для исторической науки являются возможными, как и во всякой другой науке, гипотетические построения, основывающиеся на уже познанных закономерностях исторического процесса. Но, безусловно, доказательную силу они приобретают только тогда, когда опираются на прочно установленные и научно исследованные факты.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть значение источника и факта в историческом исследовании. Историческая наука не может, как правило, опытным путем установить истину прошлого. Но она может и должна, опираясь на развитую методику исследования материалов, найти в источнике отражение объективной исторической действительности. Уважение к факту и источнику, стремление получить из источника максимально возможные объективные знания об изучаемом явлении или процессе представляют собой специфическую и принципиально важную сторону научного исторического познания.

Об уважении к факту и источнику много говорят и современные неопозитивисты. Однако неопозитивизм фетишизирует факт и источник в историческом познании, он принципиально отрекается от обобщающих теорий, и это обстоятельство приводит к тому, что факты в позитивистской, плюралистской, презентистской и тому подобных интерпретациях не приобретают доказательного значения, мало что дают для познания общей закономерности и, следовательно, ведут к резкому снижению социальной функции исторической науки.

Для историка факты имеют первостепенное значение прежде всего как проявление общих и специфических закономерностей развития. Но, кроме того, у историка есть и другая социальная задача, обращенная не только к современности, но и к будущему. Эта задача состоит в выявлении, накоплении и сохранении фактов истории не только как материала для развития научного познания прошлого, но и для развития других форм общественного сознания. Речь идет, в частности, о значении исторического материала для образования и воспитания современного и будущих поколений, для выработки в обществе гражданского самосознания, общественных идеалов, убежденности в правильности избранного пути и готовности отдать все силы для достижения высоких общественных целей. Исторический факт получает научное значение тогда, когда он оценивается с позиций учения о формациях, когда выявляется его место в процессе развития и смены формаций, а это место, в свою очередь, определяется его классовой природой. Выявить, в интересах какого

⁴⁶ J. H i g h a m. Writing American History. Bloomington — L. 1970, p. 139.

класса объективно происходит данный процесс, какой класс «заведует» этим процессом, значит познать действительную, объективную реальность этого процесса, сделать факт явлением научного познания.

Если в прошлом, до возникновения марксизма, буржуазная философия и историография создавали общие концепции исторического процесса, сыгравшие свою роль в развитии научного познания, то теперь подобные попытки встречаются все реже и реже, уступая субъективизму и позитивизму во всех их многообразных разновидностях.

Серьезный методологический кризис переживает ныне популярная в свое время «теория цивилизаций», возникшая как антипод марксистскому учению о формациях. В опубликованной в 1971 г. рецензии на одну из новейших книг о «природе цивилизаций»⁴⁷ А. Тойнби сделал симптоматичное заявление о том, что «мы конструируем модели на свой собственный риск. Нам всегда грозит опасность принятия наших теоретических конструкций всерьез. Еще хуже то, что мы стоим перед соблазном подогнать факты под нашу теорию»⁴⁸. Здесь мы встречаемся с открытым признанием субъективистского начала в построении обобщающих конструкций исторического развития сторонниками «теории цивилизаций». Еще более поразительно отношение к теории, которую, оказывается, нельзя признавать «всерьез». Перед нами свидетельство глубокого противоречия между принятым на вооружение методом познания и объективной реальностью источника.

Сегодня очевидны кризисные явления всех методов исторического исследования, отрицающих историко-материалистические, монистические основы познания прошлого. Д. Хайэм пишет, что «общая концепция американской истории рушится», что «все формы общей интерпретации оказываются недостаточными». «Как и где должны мы искать новые координаты для определения направления, совершенно неясно»⁴⁹, — пессимистически заключает он.

Кризис методологических принципов толкает буржуазных историков к поискам новых методов, к выдвиганию претенциозных заявок на «перевороты» в исторической науке. Широкое распространение получили призывы к структурному анализу в истории, к использованию методов социологических наук, применению количественных методов⁵⁰. При этом одни буржуазные историки выступали за сближение с социологией и другими прикладными науками безотносительно к количественным методам, другие — с требованием «математизации» истории, полагая, что только в этом случае она станет, наконец, «подлинной наукой».

Напомним, что именно Маркс выдвинул тезис о развитии общества как о естественнoисторическом процессе⁵¹. Дело не в допустимости применения достижений других наук, а в том, какому методу, какой теории исторического познания эти достижения служат. Степень приложимости добытых знаний к общественной практике варьируется в зависимости от многих обстоятельств, в том числе и от самого предмета познания, но требование служения общественной практике и проверки последней научных выводов является безусловным принципом существования истории как науки и выполнения ею своей социальной функции.

Между тем надежды многих сторонников «слияния» истории с естественными науками связываются с «деидеологизацией» науки, с превращением ее в некую «чистую» науку и, таким образом, с отказом от ее социальной функции. Такой путь ведет к отказу от теории исторического познания как таковой, к еще большему углублению методологического

⁴⁷ М. Мелко. *The Nature of Civilizations*. Boston. 1969.

⁴⁸ «History and Theory», 1971, № 2, p. 249.

⁴⁹ J. H i g h a m. *Op. cit.*, p. 173.

⁵⁰ И. Д. Ковальченко, Н. В. Сивачев. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. «История СССР», 1976, № 5.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 10.

кризиса, к разрушению исторической науки как особой формы общественного сознания.

Следует, однако, заметить, что время иллюзий по отношению к методам естественных наук, в том числе к количественным, в буржуазной историографии явным образом проходит. Опыт развития науки убеждает в несостоятельности представлений, будто бы с помощью этих методов можно вывести историческую науку из состояния теоретико-методологического кризиса. «Новые» методы не снимают проблемы кризиса гносеологии и методологии буржуазной историографии. Скорее наоборот, они еще более обостряют этот кризис, делая еще более очевидным антагонизм между познавательными возможностями историка и философской догматикой буржуазного мировоззрения. При отсутствии подлинно научной методологии «новые» методы ведут к дальнейшему усилению позитивизма. Западногерманский буржуазный историк Г. Моммзен пишет: «Многие авторы, хотя они и ставят под сомнение методологические критерии, до сих пор используемые для презентации сложных исторических вопросов, тем не менее впадают в ошибку простой аккумуляции фактов в позитивистской манере, в результате чего часто проблема, поставленная в момент начала исследования, и позитивистское собирательство фактов оказываются в противоречии»⁵².

Ненаучное отношение к методам смежных дисциплин содействует искусственному дроблению истории, грозит историкам реальной опасностью погрязнуть в мелочах утилитаризма и тем самым создает благоприятную почву для проникновения различных вариантов неопозитивизма в историографию, для отказа от поисков и раскрытия закономерностей исторического процесса, для возврата на рубежи конца XIX века. «История рискует власть в новый позитивизм»⁵³, — предупреждал канадский историк А. Дюбюк на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. Он при этом указывал, что именно тянет историю назад, к позитивизму: это — чрезмерное и, главное, некритическое увлечение «моделями», иллюзорное отношение к формализации метода познания, возможности которого в исторической науке ограничены. Обогащение и совершенствование частных методик исторического исследования весьма перспективно и важно для исторического познания в современных условиях, но они не имеют ничего общего с отрицанием права на самостоятельное существование истории как науки⁵⁴.

Лишь в марксистской историографии методы естественных наук находят определенное место в общей методологической системе и на самом деле обогащают науку, развивающуюся на твердой основе исторического материализма. В марксистской исторической науке метод выступает как конкретизация и применение общего мировоззренческого метода в области исторического познания. Энгельс отмечал: «Все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»⁵⁵. Историографический опыт свидетельствует о том, что на основе диалектико-материалистических мировоззренческих принципов можно осознать противоречивый процесс усложнения познавательных задач исторической науки на всех этапах ее развития. В этом смысле в историческом методе наряду с общемировоззренческими категориями дифференцируются специальные способы и приемы исследования. Нельзя считать случайным, что исторический метод, имея довольно значительную

⁵² Н. М о м м з е н. *Op. cit.*, p. 499.

⁵³ А. Д ю б ю к (Канада). *История на перекрестке гуманитарных наук*. М. 1970, стр. 5.

⁵⁴ Еще сильнее прозвучали опасения относительно утраты историей своей специфики в полемике между итальянскими историками Э. Сестаном и П. Бреции на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско. Подробнее см. А. М. С а х а р о в. *Указ. соч.*, стр. 13—17.

⁵⁵ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. *Соч.* Т. 39, стр. 352.

предысторию, эффективным средством познания стал гораздо позже. Этим он в огромной степени обязан материалистической диалектике. Исторический метод органически связан с содержанием исторического познания, логикой его развития, отражающей преемственность всего многообразия исследовательской методики⁵⁶.

Вопреки все еще встречающейся тенденции отнесения истории к идиографическим наукам марксистская методология истории исходит из признания объективного характера законов общественного развития и их познаваемости. Объект познания историка — общественная жизнь, историческое развитие общества — обуславливает собою и специфику методов познания. Разумеется, всегда, и в наше время особенно, историческая наука стремится использовать не только данные, но и методы других наук для совершенствования приемов и способов изучения прошлого. Но важно при этом подчеркнуть, что историческая наука не может и не должна ни растворяться в других науках и их методах познания, ни абстрагироваться от них.

Прогресс исторической науки в современном обществе может быть достигнут лишь на пути развития и совершенствования тех методов исторического познания, которые созданы исторической наукой в прошлом и проверены общественной практикой. Не следует принимать всерьез спекулятивные обвинения в «традиционализме» и «глухоте» к «современным», «новейшим» методам. Историческая наука призвана воспринимать все новое и современное в методах познания, но она их интегрирует для обогащения и развития своего собственного метода, оставаясь при этом специфической формой общественного сознания. Только так она может сохранить и умножить свое огромное значение в современном мире, который, вопреки громко провозглашаемому иногда утверждениям⁵⁷, не утратил своей органической связи с предшествующей историей и не стал «свободным» от общих закономерностей исторического процесса.

Обобщение и обработка накопленного социального опыта — в этом была, есть и будет первейшая задача исторического познания. Именно в этом заключаются самые глубокие корни существования исторической науки, объективная необходимость ее развития. Но история свидетельствует о том, что как прогрессивные, так и реакционные силы пытаются апеллировать к социальному опыту. Возможно для этого создается тем, что последний сложен, противоречив и не является лишь опытом какого-то одного класса. Этим и определяется напряженная борьба, которая происходит в историческом познании между носителями различных классовых идеологий, различных политических взглядов.

В современном мире, в условиях убыстряющегося социального и научно-технического прогресса роль истории особенно велика. Динамизм нашей жизни предъявляет все новые серьезные требования к истории. Без нее невысказанно глубокое понимание тенденций, закономерностей и перспектив общественного развития. Но без знания законов общественного развития нет истории как науки. Отсюда вытекает взаимосвязь исторической науки с научной теорией. Жизнь показывает, что не может быть истории нейтральной к современной общественной борьбе, к мировоззрению. Встречающееся противопоставление истории и научной теории противоречит современному научному методу. Рассуждения, будто бы удел истории — это лишь эмпирические факты, а не закономерности, нельзя считать правильными, как и представления о том, что научная

⁵⁶ См. А. И. Данилов. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. «Средние века». Вып. 24. М. 1963; В. Иванов. Марксистско-ленинский историзм и исследование современности. «Коммунист», 1976, № 9.

⁵⁷ I. Ritter. Die Aufgabe der Geisteswissenschaften in der modernen Gesellschaft. «Jahresschrift 1961 der Gesellschaft zur Forschung der Wilhelmsuniversität an Münster»; H. Schelsky. Einsamkeit und Freiheit. Hamburg. 1963; I. Habermas. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt am Main. 1971.

история не выходит за пределы теории исторического развития. Единство факта и обобщения есть сердцевина научного понимания и исторического объяснения.

В исторических концепциях, если они претендуют на научность, не может быть нигилистического отрицания всего предшествующего мыслительного материала. В них всегда должны учитываться предшествующие данному исследованию выводы, они должны содержать анализ предыдущего состояния историографии, приемов изучения тех или иных сторон конкретной проблематики, источниковедческой базы. Следовательно, исторический анализ всегда включает в себя как изучение самого факта, так и процесса исследования этого факта, события. Поэтому нет оснований говорить о механическом воздействии современности на историческую науку и разделять взгляды презентистов и прагматиков на этот счет. Научные концепции, отражающие новые, современные этапы социального процесса, имеют, конечно, сложную генетическую связь с предшествующими историческими интерпретациями. Новые условия общественной практики порождают новые исторические концепции. В этом случае преемственность в познании имеет силу постольку, поскольку эти новые концепции включают в общую логику развития исторической науки с ее борьбой противоположных концепций и появлением качественно новых явлений.

Анализируя те или иные исторические концепции, необходимо иметь в виду, что современность есть не что иное, как развивающаяся историческая действительность. Изучение исторического прошлого с высоты современности делает знание о прошлом более концентрированным, полным в том смысле, что оно включает в себя знания и об отдаленных последствиях событий и исключает возможность произвольного подхода к инвариантности исторического процесса. В свою очередь, знание истории прошлого способствует более глубокому пониманию тенденций современного общественного развития⁵⁸.

Историческая наука развивается в тесной связи с политикой и идеологией, хотя и не является идентичной им, а представляет собой особую форму общественного сознания. Исследование современных общественно-экономических условий оказывает большое воздействие на всю историческую науку. В теоретическом же плане игнорирование влияния современности на историческое познание равносильно принижению научного значения истории. Такое игнорирование особенно консервативно в наше время, в эпоху невиданных ранее социальных и научно-технических преобразований.

Согласно марксистско-ленинской методологии, соотношение истории и политики нельзя представлять прямолинейно. Последняя далеко не однозначно связана с различными областями исторической науки. Не всегда эти связи видны на поверхности. Главное — это признание фундаментальной роли истории для современной общественной практики, что ограничивает волюнтаризм и субъективизм в политике. Точно представляя эту взаимосвязь, ее существенные основы, марксисты критерием правильности политической линии считают соответствие последней объективному ходу истории, передовым общественным потребностям.

Для современного мира важнейшей общественной потребностью являются сохранение мира на земле, расширение и укрепление взаимопонимания народов. Перед историками стоит сегодня важнейшая задача:

⁵⁸ См. подробнее: В. В. Иванов. Соотношение истории и современности как методологическая проблема (Очерки по марксистско-ленинской методологии исторического исследования). М. 1973.

помочь обществу решить проблему мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим строем. Авторитет исторической науки в современном обществе во многом определяется и тем, насколько она помогает реализации именно этой задачи, от правильного решения которой зависит не только настоящее, но и будущее всего человеческого общества.

С самого начала курс на мирное сосуществование понимался марксизмом-ленинизмом как форма классовой борьбы, исключающая какой-либо компромисс в вопросах мировоззрения и идеологии, какую-либо двусмысленность в главном социально-политическом вопросе новейшего времени: социализм или капитализм? Марксизм-ленинизм исходит из оптимистической оценки революционных потенций трудящихся во главе с рабочим классом, которые в условиях мирного развития обязательно поведут свои страны по пути социализма. Историки-марксисты выступают против теоретической и мировоззренческой конвергенции, отвергая все попытки теоретиков буржуазной исторической науки использовать в своих классово-политических целях принципы мирного сосуществования, их стремление ослабить воздействие революционной теории марксизма и расчищать пути для распространения буржуазной идеологии в странах социализма — в данном случае через историческую науку, «приспособить» марксизм к интересам буржуазного мировоззрения.

Сказанное, однако, не значит, что диалог с немарксистами по вопросам теории и методологии истории бесполезен. Советские историки готовы к открытому и серьезному диалогу с историками других направлений, потому что, сохраняя безусловную верность принципам исторического материализма, они не могут, во-первых, отказаться от критического обсуждения методологических поисков немарксистской науки, а во-вторых, от разьяснения положений марксистской теории. Развитие науки ставит новые вопросы, в том числе и методологического характера, что вызывается расширением предмета исторического познания, возникновением новых по характеру исторических источников, появлением новых методов извлечения из них информации. На все это марксистская наука должна дать свой ответ, а его выработка невозможна без открытых и серьезных дискуссий с историками немарксистских направлений.

Теория и методология истории не рассматриваются марксистами-ленинцами как нечто привнесенное извне и раз навсегда данное. Они постоянно совершенствуют метод и приемы исследования, делая их более гибкими, но решительно изгоняют все антинаучное, антидиалектическое, антикоммунистическое, что усиленно и нередко замаскированно протаскивается в историческую науку в условиях разрядки под флагом «улучшения» исторического материализма и «преодоления» его «догматизма».

На XXV съезде КПСС было еще раз подчеркнуто, что «критерием истинности всякой теории является практика. Революционная борьба рабочего класса и всех трудящихся, вся практическая деятельность коммунистов со всей убедительностью показали несбылемость теоретических положений и принципов, выражающих суть марксизма-ленинизма»⁵⁹. Именно с этих позиций историки-марксисты и ведут творческий диалог с буржуазными историками, не жалея усилий на разьяснение тем из них, кто действительно хочет понять марксистскую гносеологию и методологию исторического исследования, что научная принципиальность и догматизм не имеют между собой ничего общего.

Роль общественных наук, включая историю, постоянно возрастает — в результате повышающихся требований к ним со стороны общественно-революционной практики. «Все больше увеличивается значение научного исследования кардинальных проблем мирового развития и международных отношений, революционного процесса, взаимодействия и единст-

⁵⁹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 5, стр. 530—531.

ва различных его потоков, соотношения борьбы за демократию с борьбой за социализм, противоборства сил в главном вопросе современности — в вопросе о войне и мире.

Очевидно, что задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем»⁶⁰.

В современном мире истории принадлежит важнейшая роль в определении перспектив развития человечества в переломную историческую эпоху движения к освобождению от всех видов и форм угнетения и эксплуатации. Роль историка в современном мире вопреки мнениям скептиков не утрачивается, а неизмеримо возрастает по сравнению со всеми прошлыми эпохами. Это значит, что возрастает и ответственность историка перед обществом. Только на пути открытого служения передовым, прогрессивным силам историческая наука достигает наиболее глубокого познания прошлого и настоящего человеческого общества как «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»⁶¹. Историки занимаются прошлым не для того, чтобы уйти от современности. Наоборот, вся их деятельность служит современности, обществу, сегодняшнему и будущим поколениям. Историки — граждане общества и составляют одну из крупных идеологических сил его развития. Поэтому они должны сделать все для того, чтобы быть достойными подлинно исторической ответственности, которая лежит сегодня на их плечах.

⁶⁰ Там же, стр. 532.

⁶¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 58.

СТАТЬИ

БАНКРОТСТВО ЭСЕРОВ-МАКСИМАЛИСТОВ

Ю. И. Шеста́к

Организация социалистов-революционеров максималистов принадлежала к числу тех партий и групп, которые представляли в России тенденции мелкобуржуазной «левизны». Изучение ее деятельности и взаимоотношений с большевистской партией дает дополнительный материал для освещения вопроса о политическом и организационном крахе мелкобуржуазных партий в России и тесно связанной с ним проблемы тактики большевиков по отношению к партиям мелкой буржуазии.

В советской исторической литературе история организации максималистов и ее взаимоотношений с большевистской партией отражена еще недостаточно. В опубликованных в 20-е годы работах о мелкобуржуазных партиях имеются лишь общие справки о максималистах¹, а также некоторые данные об их программных и тактических установках². Краткие сведения о деятельности максималистов накануне Октября и в советский период можно найти в работах, посвященных становлению советской государственности³, а также истории банкротства буржуазных и мелкобуржуазных партий в России⁴. В последние годы появились несколько статей о максималистах, в которых главное внимание уделено критике их идейных воззрений⁵. Однако еще слабо выявлены практическая деятельность максималистов, процесс их эволюции, взаимоотношения с большевистской партией. В настоящей статье на базе нового документального материала делается попытка целостного рассмот-

¹ А. В. Луначарский. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М. 1922; И. Вардин (И. В. Мгеладзе). Политические партии и русская революция. М. 1922; Н. Н. Писпов. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М. 1924; С. П. Черномордик. Эсеры. Харьков. 1930.

² В. Н. Мещеряков. Партия социалистов-революционеров. Чч. 1, 2. М. 1922; Е. А. Мороховец. Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. Л. 1929.

³ Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М. 1965; Е. Г. Гимпельсон. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М. 1968; А. М. Малашко. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск. 1969.

⁴ В. В. Комин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1965; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М. 1968; Т. А. Сивохина. Крах мелкобуржуазной оппозиции. М. 1973; К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции (Исторический очерк). М. 1975; Ю. И. Шеста́к. Банкротство партии левых эсеров. «Вестник» МГУ, история, 1973, № 2.

⁵ А. Ф. Жуков. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики максимализма социалистов-революционеров. «Идеи Ленина живут и побеждают». Л. 1970; его же. Разоблачение большевиками мелкобуржуазных взглядов эсеров-максималистов на характер, цели и движущие силы социалистической революции. «Вестник» ЛГУ, 1970, № 14, вып. 3; его же. Борьба большевиков против мелкобуржуазных взглядов эсеров-максималистов на вопросы управления промышленностью. «Из истории борьбы Коммунистической партии за победу социалистической революции и построение социализма в СССР». Вып. 3. Псков. 1974.

рения этих вопросов, а также раскрытия закономерности политического и организационного банкротства мелкобуржуазной максималистской организации.

Свое существование максималисты начали в 1904 г. как левое, наиболее радикальное крыло партии эсеров, выступившее с требованием распространить принцип социализации на все орудия и средства производства и начать борьбу сразу за осуществление программы-максимум (отсюда и название). На I съезде партии эсеров в январе 1906 г. левое течение выступило с резкой критикой представленной на утверждение съезда партийной программы, объявило ее чересчур умеренной и потребовало включения в нее пункта о немедленной социализации не только земли, но и фабрик и заводов. После того, как съезд отверг поправки максималистской оппозиции, она созвала в марте 1906 г. свою конференцию, которая вынесла постановление о создании самостоятельной организации. В октябре 1906 г. на учредительной конференции в финском городе Або (Турку) был образован «Союз социалистов-революционеров максималистов». В опубликованном после конференции «Извещении» Центрального исполнительного бюро «Союза» говорилось, что целью его деятельности является немедленный социальный переворот, в ходе которого «в городе происходит социализация производства, а в земледелии — социализация земли». Для достижения этой цели предполагалось «вести самую энергичную террористическую и партизанскую борьбу как в деревне, так и в городе», с тем чтобы завершить ее «всеобщим вооруженным восстанием»⁶.

В. И. Ленин характеризовал максималистов как сторонников «революционных тенденций народничества»⁷, однако указывал на анархический характер их революционности и теоретическую беспомощность. Выдвинув лозунг «Долой теорию товарного производства» и став на точку зрения отрицания демократического этапа революции, максималисты, по существу, лишь следовали принципам старого русского народничества, для которого, как отмечал В. И. Ленин, «разграничение программы-максимум и программы-минимум ненужно и непонятно, ибо применимость законов и категорий товарного производства к русскому крестьянскому хозяйству отрицается теорией народничества»⁸. Игнорируя действия объективных законов общественного развития, максималисты считали, что социализм не вытекает непосредственно из капиталистической формации и может быть построен на любом, даже примитивном уровне производительных сил. Более того, они заявляли, что «по мере развития капитализма шансы на трудовой строй падают, а не увеличиваются»⁹, из чего делали вывод о необходимости немедленного осуществления социалистического переворота, минуя буржуазно-демократический этап революции. В. И. Ленин указывал, что смешение программы-максимум и программы-минимум «неизбежно приводит ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма, неизбежно затемняет задачу социальной революции, осуществляемой посредством завоевания политической власти пролетариатом»¹⁰. Социалистическая фразеология, которой так любили щеголять максималисты, не имела ничего общего с научным социализмом, являясь мелкобуржуазным, анархическим его извращением.

Непонимание законов общественного развития и стремление перепрыгнуть через целый этап революции порождали у максималистов

⁶ «Сущность максимализма». СПб. 1906, стр. 7.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 398.

⁸ Там же.

⁹ Е. Таг-ин. Минимум программы-минимум и революционная фразеология. «Воля труда» (Сборник). М. 1907, стр. 104.

¹⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 397.

авантюризм и в вопросах тактики: отказ от легальных форм борьбы, призывы к немедленному вооруженному восстанию и партизанской войне, выдвижение на первый план индивидуального террора и экспроприаций. Несостоятельность идейных воззрений, нежелание и неумение работать в массах привели к тому, что организация максималистов не смогла стать массовой и существовала в виде «интеллигентской террористической группы»¹¹. В ходе революции 1905—1907 гг. максималисты совершили смелые террористические акты (например, покушение на Столыпина (неудачное) и экспроприации (в Московском обществе взаимного кредита, в Фонарном переулке в Петрограде и др.). Принимали они участие (вместе с большевиками) и в баррикадных боях. Однако абсолютизация вооруженных методов борьбы и отсутствие массовой базы привели к тому, что максималисты не могли приспособиться к работе в условиях спада революции и противостоять натиску реакции. К концу 1907 г. их организации понесли большие потери в активных силах, оказались деморализованными временным поражением революции и начали распадаться. В 1908 г. «Союз социалистов-революционеров максималистов» фактически прекратил свое существование, хотя в ряде городов — Екатеринодаре, Белостоке, Минске, Новороссийске, Тобольске, Воронеже, Тамбове — небольшие группы максималистов сохранились. Некоторое время группа максималистов за границей издавала газету «Трудовая республика»¹².

Максимализм вновь появляется на арене политической борьбы после Февральской революции. УльтраревOLUTIONные лозунги максималистов привлекли к ним доведенные до отчаяния войной и разрухой городские мелкобуржуазные слои и радикально настроенную учащуюся молодежь. К максималистам примыкала также часть тех рабочих, солдат и матросов, которые разочаровались в эсеро-меньшевистской политике, но из-за слабого политического сознания и недостаточного революционного опыта не пришли еще к поддержке пролетарской партии. В середине марта 1917 г. состоялось организационное собрание максималистов Петрограда, а несколько позже — Кронштадта. 11 июня на объединенной конференции этих организаций был принят «Устав союза социалистов-революционеров максималистов». Началось формирование организаций и на местах. Происходило это чаще всего путем выделения радикальных элементов из партии эсеров. Так обстояло дело в Ижевске, Курске, Самаре¹³ и других городах.

Максималисты довольно быстро расстались со своими иллюзиями относительно Временного правительства, заняли по отношению к нему отрицательную позицию и подвергли резкой критике меньшевиков и эсеров за то, что они в угоду буржуазии «производят дезорганизацию революционной армии»¹⁴. Состоявшаяся 20—22 сентября 1917 г. конференция максималистов Петрограда, Шлиссельбурга и Сестрорецка поддержала большевистский лозунг о переходе власти в руки Советов и высказалась за использование в целях борьбы с эксплуататорами всей совокупности средств «от революционной пропаганды словом до вооруженных выступлений и партизанских захватов»¹⁵. Максималисты выступали за радикальное решение земельного вопроса в интересах крестьянства,

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 139.

¹² «Голос максималиста» (Благовещенск), 1920, № 4, стр. 14.

¹³ «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии». Сборник документов. Курск. 1957, стр. 77; М. И. Стишов, Д. С. Точеный. Распад эсеро-меньшевистских партийных организаций в Поволжье. «Вопросы истории», 1973, № 8, стр. 19; И. Капцугович. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь. 1975, стр. 109.

¹⁴ «Трудовая республика» (Петроград), 1917, № 7, стр. 1.

¹⁵ «Воля труда» (издание Петроградской и Шлиссельбургской организаций максималистов), 1917, № 3, стр. 1.

не дожидаясь созыва Учредительного собрания, заявляя, что гарантией такого решения может быть «только революционное закрепление трудовых прав на землю»¹⁶. Они осудили контрреволюционную затею с Московским государственным совещанием, а во время корниловского мятежа поддержали большевиков в их борьбе против контрреволюционных заговорщиков¹⁷.

Учитывая позицию максималистов, большевики блокировались с ними в вопросах о власти, войне и мире, в борьбе с соглашательством. VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) признала невозможным объединение с партиями меньшевиков и эсеров, занявшими позицию оборончества и поддержки Временного правительства, и в то же время высказалась за «сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма» и порвавшими «с политикой мелкобуржуазной измены социализму»¹⁸. Эта линия была подтверждена VI съездом партии, который признал допустимыми блоки и соглашения «лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма, не на словах, а на деле порвавшими с оборонцами»¹⁹. К их числу относилась в то время и организация максималистов.

15—21 октября 1917 г. состоялась II Всероссийская конференция «Союза социалистов-революционеров максималистов». На ней были представлены организации 16 городов, объединявшие более 3 тыс. членов²⁰. Конференция отвергла политический террор и экспроприации «как средство борьбы для текущего момента» и определила в качестве главной задачи деятельность, направленную на содействие трудовому народу в деле объединения вокруг Советов и фабрично-заводских комитетов²¹. Охарактеризовав Временное правительство как буржуазное и антинародное, конференция призвала к замене существующего строя «Трудовой республикой» и немедленному выходу из войны. Политическую власть в «Трудовой республике» максималисты предлагали сосредоточить в «Советах труда», избираемых на «общедемократических началах», а руководство хозяйственной жизнью передать «Советам синдикатов труда», состоящим из выборных представителей от каждой отрасли промышленности²². Все эти политические и хозяйственные органы как в центре, так и на местах должны были быть беспартийными, поскольку, по мнению максималистов, «власть партий, хотя бы и социалистических, не есть власть народа»²³. Это была типично мелкобуржуазная, анархо-синдикалистская программа, построенная на отрицании пролетарского характера революции, руководящей роли рабочего класса и его партии, необходимости установления диктатуры пролетариата. Вместе с тем она была одной из наиболее радикальных мелкобуржуазных политических программ, имела четко выраженную антипомещичью и антибуржуазную направленность, что и определило поведение максималистов в дни Великой Октябрьской социалистической революции: они поддержали большевистский лозунг вооруженного восстания. Поддержка эта, правда, вытекала из их тактики «прямых действий», однако участие максималистов в Октябрьском вооруженном восстании, хотя и в небольшой степени, в силу малочисленности их организации, все же способствовало победе пролетариата.

¹⁶ «К рабочим, крестьянам и солдатам». Пггр. 1917, стр. 11.

¹⁷ «Октябрь в Тверской губернии». Тверь. 1927, стр. 40; «Красная летопись», 1927, № 2 (23), стр. 60.

¹⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 1, стр. 450.

¹⁹ Там же, стр. 492.

²⁰ «Трудовая республика» (Петроград), 1917, № 13, стр. 2.

²¹ «Резолюция II Всероссийской конференции социалистов-революционеров максималистов». Пггр. 1917, стр. 3, 29.

²² Там же, стр. 9.

²³ «Трудовая республика» (Петроград), 1917, № 13, стр. 2.

Максималисты входили в отряды Красной гвардии в Петрограде и в военно-революционный комитет в Иванове, голосовали за передачу власти Советам в Самаре, разоружали контрреволюционное офицерство в Бузулуке²⁴. Вместе с большевиками они выступили на открывшемся после свержения Временного правительства съезде Советов Туркестанского края²⁵. Максималисты принимали также активное участие в отражении первых попыток вооруженного свержения Советской власти, в борьбе против контрреволюционных заговорщиков и саботажников.

Однако старые народнические представления и неизжитые «демократические» иллюзии так и не дали им возможности прочно встать на революционные позиции, обусловили их колебания в политике. Так, максималисты не проявляли должной последовательности в борьбе против контрреволюции. Вместе с левыми эсерами и социал-демократами интернационалистами они протестовали против ареста кадетских вожаков, готовивших контрреволюционное выступление, закрытия буржуазных газет, призывавших к сопротивлению рабоче-крестьянской власти. Максималисты возлагали определенные надежды на Учредительное собрание как орган «народовластия», требуя, чтобы Советская власть проявила к нему «чуткость и внимательность»²⁶. Свою позицию по отношению к Учредительному собранию они ставили в зависимость от его отношения к анархо-максималистскому лозунгу «захвата» средств производства²⁷. Только убедившись, что эсэро-меньшевистское большинство собрания отнюдь не склонно санкционировать экспроприацию частной собственности, максималисты окрестили собрание «всероссийской болтушкой» и одобрили его роспуск²⁸.

Большевики вели непримиримую борьбу с непоследовательностью и колебаниями максималистов и в то же время относились к ним как к союзникам, стараясь помочь занять правильную позицию. Осуществляя гибкую и вместе с тем принципиальную политику, большевики стремились к дальнейшему укреплению сотрудничества с максималистами и другими левыми течениями мелкобуржуазной демократии в интересах социалистической революции и упрочения союза пролетариата с мелкобуржуазными трудящимися массами. Проявляя колебания в важных, но частных вопросах, максималисты в целом все же шли в тот период за большевиками. Однако с весны 1918 г., когда на смену «экспроприации экспроприаторов» на передний план выдвигается созидательная работа по строительству социалистической экономики и государственности, разногласия о путях и методах этого строительства, до победы революции имевшие лишь теоретическое значение, перешли в область практики и привели к тому, что максималисты начали выступать против политики большевистской партии. Прежде всего это коснулось ключевого вопроса революции — о власти.

Поддержав лозунг большевиков о переходе власти в руки Советов, максималисты вкладывали в него свое, мелкобуржуазное содержание и отвергали диктатуру пролетариата. Искусственно противопоставляя рабочий класс остальным слоям трудящихся, максималисты заявляли, что построение нового общества «не по плечу одной какой-либо части народа», и ратовали за установление «народовластия» в виде «Трудовой республики» как органа «всей организованной вокруг Советов трудовой

²⁴ Е. И. Медведев. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев. 1964, стр. 68; Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л. 1966, стр. 221; Г. Трукан. Октябрь в Центральной России. М. 1967, стр. 318; Ф. Г. Попов. Летопись революционных событий в Самарской губернии (1902—1917). Куйбышев. 1969, стр. 551.

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 4, д. 13, л. 26.

²⁶ Н. И. Ривкин. Где спасение. Брянск. 1919, стр. 79.

²⁷ Е. А. Мороховец. Указ. соч., стр. 126.

²⁸ А. Зверин. Трудовой порядок. Самара. 1918, стр. 4; «Правда», 11.I.1918.

массы»²⁹, Особенно резко максималисты выступали против руководящей роли пролетарской партии в революции. Пренебрежительно относясь к революционной теории, отрицая необходимость политического руководства массами, они заявляли, что «инстинкт» и «чутье» подскажут народным массам «верный путь» и что марксисты своими теориями не только не помогают, но даже мешают «стихийно начавшемуся социалистическому строительству». Максималисты считали, что политические партии вообще не должны претендовать «на руководство борьбой и социалистической созидательной работой», поскольку «это дело восставшего трудового народа или активно действующего меньшинства, которое группируется в Советах и комитетах и которое подчиняется не директивам книжников сверху, а директивам всей окружающей его среды, трудовых масс»³⁰.

Исходя из таких предпосылок, максималисты шумно протестовали против «фракций» и «партийности» и ратовали за организацию «сил всего трудового народа вокруг беспартийных Советов», которые формировались бы на основе всеобщего избирательного права «без различия партий и мнений»³¹ и действовали «самостоятельно, не подчиняясь никаким партийным директивам»³². Обвиняя большевиков в узурпации власти, а Советскую власть в «недемократичности» и оторванности от народа, максималисты вносили авантюристические и нелепые предложения по реорганизации власти в центре и на местах. Так, сначала они предлагали упразднить Совнарком и комиссариаты, а их функции передать ВЦИК, затем внесли предложение упразднить ВЦИК и сделать съезд Советов постоянным органом, который должен будет «не только утверждать законы, но и все время следить за претворением законов в жизнь», для чего предполагалось разбить съезд на комиссии, а их, в свою очередь, на коллегии³³. Подобные проекты максималисты пытались протаскивать и на местах. Так, в Самаре они предложили ликвидировать губисполком и оставить весь губернский съезд Советов (400 человек) для управления городом и губернией³⁴. Эти проекты, практически ведущие к полной дезорганизации центрального и местного аппарата Советской власти, преподносились максималистами как «лаборатория и фабрика новых форм государственности и хозяйственной жизни»³⁵.

Признавая необходимость вооруженной борьбы с контрреволюцией, максималисты, исходя из своих левацких, анархических взглядов, выступили против создания регулярной Красной Армии, ратовали за выборность командного состава и формирование воинских частей по территориальному принципу в деревне и профессионально-территориальному — в городе, рассматривая подобные методы как «единственно социалистические»³⁶. В Самаре они собирались даже протаскать резолюцию о роспуске регулярных частей Красной Армии, а при губисполкоме создали так называемую губернскую коллегия революционной армии, перед которой была поставлена задача реорганизации «всех боевых революционных сил Самарской губернии на началах коллегиального управления»³⁷.

²⁹ «Трудовая республика» (Самара), 9. IV.1918; «Голос максималиста» (Омск), 25. IV.1918.

³⁰ «Трудовая республика» (Самара), 9. IV.1918.

³¹ Там же; «Советская власть». Сборник статей. М. 1918, стр. 13.

³² «Трудовая республика» (Самара), 6. IV.1918.

³³ «Советская власть», стр. 21—22.

³⁴ Партархив Куйбышевского обкома КПСС (ПАКО), ф. 1. оп. 1, д. 84, л. 3.

³⁵ «Советская власть», стр. 22.

³⁶ Г. Нестроев. Максимализм и большевизм. М. 1919, стр. 139.

³⁷ «Трудовая республика» (Самара), 19. V.1918. Обилие примеров деятельности максималистов в Самаре объясняется тем, что в марте 1918 г. там обосновался их ЦК и какое-то время они имели большинство в Самарском губисполкоме, используя которое пытались провести на практике некоторые свои идеи.

Левацкий авантюризм был характерен и для позиции максималистов в вопросах хозяйственного строительства. Они требовали введения социализма немедленно, не считаясь с объективными условиями и возможностями, отвергали принципы демократического централизма и ратовали за безбрежную коллегиальность. Рабочий контроль максималисты объявили «вредной утопией», примером «соглашательства с врагами народа» и призывали идти прямо к цели — к «максимальному обществуленному трудовому хозяйству»³⁸. Однако такое «максимальное обществоление» они усматривали не в национализации, которая одна только и могла обеспечить централизованное и плановое руководство экономикой страны, а в социализации — передаче предприятий в собственность рабочих коллективов, что значительно затруднило бы социалистическое строительство.

С позиций мелкобуржуазного авантюризма и неверия в возможность победы революции в одной стране максималисты выступили против Брестского мирного договора, заявляя, что его подписание «создает психологию побежденного народа, гибельную для всякого строительства»³⁹. Вместе с другими мелкобуржуазными партиями они развернули шумную кампанию за «революционную войну», против «позорной капитуляции» перед германским империализмом⁴⁰. Представитель эсеров-максималистов во ВЦИК со свойственным мелкобуржуазным левацким элементам догматизмом доказывал, что вообще «никакого договора между представителями революционного социализма и представителями империализма быть не может»⁴¹. При обсуждении Брестского мира на IV Всероссийском съезде Советов максималисты призывали «разорвать этот кабальный договор», обвиняли «существующую власть» в неспособности обеспечить отпор германскому наступлению и призывали к такой ее реорганизации, которая «парализовала бы губительное влияние партийных центров»⁴².

Активное сопротивление максималисты оказали и политике углубления социалистической революции в деревне, которую начала проводить весной 1918 г. большевистская партия. Выходящая за социальное, классовое содержание продовольственного вопроса, они все сводили к конфликту между городом — потребителем хлеба и деревней — его производителем; посылку рабочих отрядов в деревню изображали как войну города с деревней, рабочих с крестьянами, прикрывая этой фразеологией фактическую защиту деревенских собственников и демонстрируя полное непонимание законов классовой борьбы. Политике большевистской партии, направленной на то, чтобы обуздать сельскую буржуазию, «спасти социализм и распределить хлеб в России правильно»⁴³, максималисты пытались противопоставить меры, осуществление которых привело бы к усилению позиций кулачества, ослаблению союза рабочего класса с крестьянством и подрыву диктатуры пролетариата. Примером служить проект декрета по продовольственному вопросу, внесенный ими на рассмотрение Самарского губисполкома. Проект предусматривал немедленное обобществление всего производства, конфискацию промышленных товаров и организацию их обмена на хлеб в специально созданных с этой целью ссыпных пунктах⁴⁴. Даже при благих намерениях максималистов осуществление подобного проекта было на руку сельской

³⁸ «О рабочем контроле». М. 1918, стр. 3.

³⁹ «Максималист» (Москва), 11.IV.1918.

⁴⁰ «Максималист», 28.II.1918.

⁴¹ «Известия ВЦИК», 15.II.1918.

⁴² «Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». М. 1920, стр. 39, 62—63.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 507.

⁴⁴ Ф. Г. Попов. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев. 1972, стр. 47.

буржуазии (у нее имелось достаточное количество хлеба для такого обмена) и привело бы к еще большей разрухе и анархии, к буквальному ограблению рабочего класса.

Курс на дальнейшее обострение отношений с большевистской партией приняла состоявшаяся во второй половине апреля 1918 г. III Всероссийская конференция максималистов. Докладчики от Московской, Петроградской, Саратовской и других организаций говорили, что на местах «усиливается борьба» с большевиками. В резолюции по докладу о текущем моменте внешняя политика большевистской партии характеризовалась как «капитулянтская» перед германским империализмом, а политика хозяйственная — как «путь полумер» и «полусоциалистических опытов». Резолюция призывала «перешагнуть ту роковую черту», которая была создана Брестским миром, и усилить борьбу за осуществление «полной социализации» земли, фабрик и заводов⁴⁵. Значительное место на конференции занял вопрос об отношении к левым эсерам. Активизируя борьбу против ленинской партии, максималисты стремились укрепить связи с близкими им по духу мелкобуржуазными авантюристами. В принятой конференцией резолюции говорилось, что совместные выступления «по вопросу о Брестском мире и другим вопросам» «сблизили максималистов с левыми эсерами» и открыли возможность их объединения на основе федерации, которая должна в будущем вылиться «в форму еще более тесного сближения вплоть до слияния»⁴⁶.

На проходивший одновременно II съезд левых эсеров была направлена делегация максималистов во главе с Ф. Ю. Светловым, который в своем выступлении предложил обсудить вопрос об объединении обеих партий. Он считал целесообразным начать с объединения партийных фракций в Советах, а затем постепенно перейти к созданию единых организаций на местах. Предложение было одобрительно встречено левыми эсерами. Один из их лидеров, Б. Д. Камков, обращаясь к максималистам, заявил, что «никогда еще не было столько точек сближения и так мало того, что нас разъединяло и отделяло», и что он «не может найти разницы» между максималистами и левыми эсерами⁴⁷. Съезд признал «крайне необходимым» содействие сближению обеих партий и поставил в качестве ближайшей задачи осуществление полного их слияния⁴⁸. Несколькое позднее бюро максималистов и ЦК левых эсеров выпустили совместную декларацию, которая обязывала местных работников обеих партий осуществлять «тесное координирование на общих тактических принципах» и даже «слиться воедино в своей работе»⁴⁹. Такое «координирование», разумеется, на антибольшевистской основе, проводилось многими организациями обеих партий на местах. В Кронштадте левые эсеры и максималисты выработали общий наказ своим делегатам на V Всероссийский съезд Советов с требованием децентрализации управления страной, в Туле — объединили свои боевые дружины. Делегат от левозероверской организации Уральской области сообщил на III съезде левых эсеров в июле 1918 г., что в Воткинске и Вятке максималисты и левые эсеры «почти объединились», а в Петрограде, по оценке максималистов, комитеты левых эсеров и максималистов работали «фактически под одним и тем же знаменем»⁵⁰.

Единым фронтом максималисты и левые эсеры выступили против продовольственной политики Советской власти. При обсуждении во

⁴⁵ «Максималист», 21, 26.IV.1918.

⁴⁶ «Максималист», 27.IV.1918.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф., 564, оп. 1, д. 2, л. 201.

⁴⁸ Там же, л. 223.

⁴⁹ Там же, д. 4, л. 34.

⁵⁰ А. Ф. Жуков. Борьба большевиков против мелкобуржуазных взглядов эсеров-максималистов на вопросы управления промышленностью, стр. 86; «Максималист», 20.IV.1918; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 564, оп. 1, д. 4, л. 114; «Борьба» (Москва), 30.VII.1918.

ВЦИК 11 июня 1918 г. декрета об организации комитетов деревенской бедноты они заявили о «резко отрицательном» к нему отношении, а после принятия декрета подавляющим большинством ВЦИК опубликовали совместную декларацию о том, что будут бороться с проведением его в жизнь «самыми решительными мерами как в центре, так и на местах». Себя они объявили «особой» «оппозицией социальной революции», цель которой — изменение внутренней и внешней политики Советской власти⁵¹. Особенно большие надежды максималисты, так же как и левые эсеры, возлагали на раскол в РКП(б) и союз с «левыми коммунистами». «Левые коммунисты» — это, по выражению В. И. Ленина, «подражающее левым эсерам «левокоммунистическое» течение в нашей партии»⁵² — солидаризировались с левыми эсерами и максималистами не только по вопросу о Брестском мире. Они вместе выступали против обуздания мелкобуржуазной стихии, против дисциплины, единоначалия, учета и контроля, то есть по вопросу, который был «самым существенным, коренным вопросом современности»⁵³, — о путях и методах построения социализма. Центральный орган максималистов с удовлетворением отмечал, что «левые коммунисты» полностью солидарны с максималистами «во взглядах на ближайшие задачи нашей внешней и внутренней политики» и говорят «максималистским языком в своих лозунгах»⁵⁴. Максималисты ставили своей задачей «всемерно способствовать» раскольнической деятельности «левых коммунистов» внутри РКП(б), с тем чтобы «дать перевес этому... течению» и толкать его дальше «по пути к более полному и всестороннему построению трудовой программы»⁵⁵. Борьбу против политики Советской власти максималисты сопровождали заявлениями о том, что понимают ее лишь как «борьбу идейную», однако на практике она все чаще начинала перерастать в открытые антисоветские выступления, наиболее крупными из которых были мятежи в Ижевске и Самаре. Лезовэсеровский мятеж максималисты не поддержали главным образом из-за его быстрого разгрома. Публично они осудили мятеж, назвав его в заявлении своей фракции на V Всероссийском съезде Советов «вредным актом политического легкомыслия»⁵⁶, на деле же всячески выгораживали и защищали мятежников. На заседаниях ВЦИК представители максималистов пытались доказать, что со стороны левых эсеров во время мятежа «попытки захвата власти или свержения Советской власти не было», а меры большевиков по пресечению лезовэсеровской контрреволюции квалифицировали как «травлю партии левых эсеров»⁵⁷. Максималисты настаивали на прекращении исключения левых эсеров из Советов, освобождении «Спиридоновой и всех левых социалистов-революционеров» и договорились даже до утверждения, будто лезовэсеровское выступление было «инспирировано большевиками»⁵⁸.

Совет «Союза социалистов-революционеров максималистов» (вторая половина июля 1918 г.) призвал «внести твердое организационное начало» в борьбу против «комиссародержавия», однако из опасения, что открытые антибольшевистские выступления окончательно подорвут и без того незначительное влияние организации, рекомендовал «соблюдать крайнюю осторожность в применении методов и способов этой борьбы», так как «большевики тесно связаны с жизнью и деятельностью Со-

⁵¹ «Знамя труда» (Москва), 12, 15.VI.1918; Т. А. Сивохина. Указ. соч., стр. 185—186.

⁵² В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 280.

⁵³ Там же, стр. 247.

⁵⁴ «Максималист», 4.VI.1918.

⁵⁵ «Максималист», 26.IV.1918.

⁵⁶ «Максималист» (с июля 1918 г. выходил в Москве в виде неперидического журнала), 1918, № 1, стр. 14.

⁵⁷ «Пятый созыв ВЦИК». Стенографический отчет. М. 1919, стр. 118.

⁵⁸ «Борьба», 30.VII.1918.

тов»⁵⁹. На протяжении лета и осени 1918 г. максималисты организовали на местах ряд провокационных антисоветских выступлений, закамуфлированных лозунгами «беспартийности», вели агитацию против политики Советской власти в деревне и призывали к борьбе за «действительную власть Советов» против «партийной диктатуры» большевиков⁶⁰. На II Всероссийском съезде профессиональных союзов в январе 1919 г. максималисты вместе с левыми эсерами и анархистами высказались за передачу профсоюзам и кооперативам управления всем производством и распределением в стране, поддержали лозунг «независимости» профсоюзов⁶¹. В. И. Ленин в докладе съезду расценил выдвижение этого лозунга как проявление мелкобуржуазных предрассудков и указал, что в условиях, когда борьба «заостряется с неслыханной быстротой на вопросе диктатуры пролетариата или диктатуры буржуазии»⁶², этот лозунг играет на руку классовому врагу и служит средством обмана трудящихся. Подобная политика в обстановке все большего поворота мелкобуржуазных масс в сторону Советской власти неизбежно вела к дальнейшему падению и без того незначительного влияния максималистов, идейному и организационному разброду в их рядах.

Успехи Красной Армии на Восточном фронте осенью 1918 г., революционные события в Германии и Австрии, аннулирование Брестского договора и упрочение в результате всего этого положения Советского государства существенным образом повлияли на настроение колеблющихся мелкобуржуазных масс. Испытав все прелести восстанавливаемого белогвардейцами старого режима, а также «учредилловской демократии», мелкобуржуазные массы на собственном опыте убеждались в правоте большевистской политики, в том, что только Советская власть в состоянии обеспечить неприкосновенность завоеваний революции и спасти страну от порабощения иностранным капиталом. Характерным примером отхода масс от максималистов может служить резолюция, принятая 6 октября 1918 г. на митинге в с. Петровском, Курской губернии. В резолюции говорилось: «Мы, граждане с. Петровского и окрестных деревень, заслушав доклады максималистов, в которых они призывали к свержению партийной диктатуры, к разрыву Брестского мира и ликвидации комитетов бедноты, выслушав затем доклады товарищей коммунистов, в которых они охарактеризовали преступность выставленных максималистами лозунгов, постановили: поддержать Советскую власть всеми имеющимися силами и средствами, приветствовать вождей коммунистов»⁶³. В Саратове к началу 1919 г. от организации максималистов осталась, по оценке большевиков, лишь «кучка беспочвенных интеллигентов»⁶⁴. Значительно уменьшились ряды максималистов в Ижевске, Уфе, Курске, Шлиссельбурге и других городах. Росло число максималистов, вступавших в большевистскую партию. В Симбирске в РКП(б) перешла большая группа членов максималистской организации во главе с ее председателем. В феврале 1919 г. о разрыве с максимализмом и решении вступить в РКП(б) заявил руководитель самарских максималистов А. Я. Дорогойченко. Большевиком стал и один из видных максималистов — В. О. Лихтенштадт-Мазин⁶⁵.

Одним из проявлений кризиса организации максималистов явилось усиление процесса внутреннего размежевания в ее рядах, приведшего в

⁵⁹ «Максималист», 1918, № 1, стр. 9—10.

⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, д. 106, л. 29; «Социалист-революционер максималист» (Симбирск), 7.XI.1918.

⁶¹ «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. 16—25 января 1919 г.». Стенографический отчет. Ч. 1. М. 1921, стр. 93.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 436.

⁶³ «Голос трудового крестьянства» (Москва), 15.X.1918.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 13, д. 389, л. 12.

⁶⁵ «Известия Симбирского Совета», 5.XI.1918; ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 75, л. 63; «Коммунистический Интернационал», 1919, № 7—8, стр. 1134.

конечном итоге к ее расколу. Выступления оппозиционных элементов были в максималистской организации и раньше. Так, на IV Всероссийском съезде Советов часть фракции максималистов не приняла участия в голосовании по вопросу о Брестском мире, то есть не поддержала позицию своего руководства⁶⁶. На III Всероссийской конференции максималистов высказывалось мнение о необходимости отказаться от противодействия коммунистам и выступить единым фронтом с ними⁶⁷. В отличие от официального курса «Союза социалистов-революционеров максималистов» левые элементы, хотя и с оговорками, поддержали продовольственную политику Советской власти. К осени 1918 г. левая оппозиция активизирует свою деятельность и ставит вопрос об изменении тактики организации. На состоявшейся в декабре 1918 г. IV конференции максималистов столкнулись две уже вполне сформировавшиеся точки зрения по вопросу о тактике организации. Левые во главе с Н. В. Архангельским, А. И. Бердниковым и Ф. Ю. Светловым призывали к установлению тесного контакта с коммунистами, а правые (А. Зверин, Г. Нестроев) — с левыми эсерами⁶⁸. Составленный из представителей обеих групп ЦК оказался неработоспособным.

В апреле 1919 г. на V Всероссийской конференции произошел окончательный раскол. Правое большинство конференции заняло откровенно антисоветскую и антибольшевистскую позицию. Принятая им резолюция «О тактике в связи с текущим моментом» требовала осуществить «немедленное восстановление трудового советского народовластия» и призывала максималистские организации на местах «всеми мерами устанавливать истинную власть Советов... если нужно явочным порядком», не останавливаясь при этом «перед ответом насилем на насиле»⁶⁹. Левая группировка выступила с резкой критикой выработанной конференцией тактической линии, расценив ее как откровенный «активизм», который уже привел к полному краху партии левых эсеров⁷⁰. Не желая поддерживать эту «вредную для революции»⁷¹ политику, она объявила о выходе из «Союза социалистов-революционеров максималистов» и создании новой организации — «Союза максималистов»⁷². В воззвании «Ко всем максималистам» исполнительное бюро нового «Союза» поддержало мобилизацию на фронт против Колчака и призвало максималистов включиться в активную борьбу против контрреволюции⁷³. На сторону «Союза максималистов» перешли Полтавская, Сормовская, Шлиссельбургская и ряд других местных организаций.

Первая конференция «Союза максималистов» в октябре 1919 г. заявила о предоставлении всех сил организации в распоряжение Советской власти и необходимости тесного контакта с РКП(б). В принятой резолюции любые попытки дезорганизовать оборону страны и дискредитировать большевистскую партию характеризовались как преступные, требующие решительного отпора⁷⁴. На VII Всероссийском съезде Советов представитель «Союза максималистов» Ф. Ю. Светлов резко выступил против позиции меньшевиков и эсеров и заявил, что своими успехами Советская власть в первую очередь обязана тем революционным способам

⁶⁶ Т. А. Сивохина. Указ. соч., стр. 130.

⁶⁷ «Максималист», 26.IV.1918 (выступление Р. П. Эйдемана, вскоре перешедшего к большевикам).

⁶⁸ «Максималист», 1919, № 8—9, стр. 21—22.

⁶⁹ Н. И. Ривкин. Обоснование программы, тактики и организации сил социально-трудового переворота. Резолюции, принятые 5-й конференцией Союза с.-р. максималистов о тактике. Киев. 1919, стр. 11.

⁷⁰ А. Бердников, Ф. Светлов. Очередные задачи максимализма. М. 1919, стр. 55.

⁷¹ Там же, стр. 7.

⁷² «Известия ВЦИК», 6.V.1919.

⁷³ «Известия ВЦИК», 10.V.1919.

⁷⁴ «Известия ВЦИК», 5.X.1919.

борьбы, которые применяют коммунисты⁷⁵. В январе 1920 г. Центральное исполнительное бюро «Союза максималистов» обратилось с письмом «Ко всем максималистским организациям Украины», призывая их не поддаваться на демагогию антисоветских элементов и идти вместе с партией коммунистов, возглавляющей борьбу за социалистическую революцию⁷⁶. Образование новой максималистской организации способствовало сближению определенной части максималистов с Советской властью и большевистской партией.

Применяя к мелкобуржуазным партиям, когда они вставали на антисоветские позиции, «меры пролетарской диктатуры»⁷⁷, большевики вступали в соглашение с ними, когда они поворачивали «от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его»⁷⁸. Представители максималистов участвовали в работе II—VII Всероссийских съездов Советов, были членами ВЦИК. А. И. Бердников входил в комиссию по выработке первой Советской Конституции⁷⁹. Максималисты сами признавали, что во ВЦИК взаимоотношения с коммунистами самые товарищеские и их фракция со стороны коммунистов «всегда встречала и встречает хороший прием»⁸⁰. Привлекая максималистов к сотрудничеству, большевики не прекращали борьбы против их мелкобуржуазной идеологии, попыток затушевать разницу между пролетарием и мелким хозяйчиком, наскоков на диктатуру пролетариата и руководящую роль Коммунистической партии в революции; разоблачали несостоятельность и вредность их авантюристических проектов в области государственного, хозяйственного и военного строительства. В тех случаях, когда организации максималистов превращались в орудие контрреволюции, большевикам приходилось резко реагировать на это, вплоть до принятия репрессивных мер. Но и в таких случаях большевики не отождествляли рядовых членов максималистских организаций с их руководителями, старались убедить первых и оторвать их от лидеров, перешедших на антисоветские позиции.

Характерна в этом отношении реакция большевиков на затеянную максималистами в декабре 1919 г. в Москве провокацию. В клубе булочников, среди которых максималисты пользовались определенным влиянием, руководители их московской организации созвали митинг сочувствующих ей рабочих с целью выразить протест против якобы незаконных арестов «заслуженных революционеров» из числа максималистов. Распалив собравшихся провокационными антибольшевистскими речами, организаторы митинга добились избрания специальной делегации во главе с видным максималистом Е. Н. Забицким для переговоров с Московской чрезвычайной комиссией. Принявший делегатов заместитель председателя МЧК В. Н. Манцев выслушал крикливое заявление Забицкого, а затем разъяснил рядовым членам делегации, что арестованы некоторые максималисты отнюдь не за свои убеждения, а за контрреволюционную деятельность и вопрос о предании их суду или освобождении может быть решен лишь по окончании следствия. Возвратившиеся на собрание делегаты доложили о действительном положении дела, внесли резолюцию, одобряющую политику Советской власти, и она была принята. Предложенную Забицким и другими «активистами» резолюцию с требованием немедленного освобождения всех арестованных максималистов собрание отклонило⁸¹. В Самаре после разгрома максималистского мятежа многие, даже активные работники местной организации максималистов,

⁷⁵ «VII Всероссийский съезд Советов». Стенографический отчет. М. 1920, стр. 67.

⁷⁶ «Известия ВЦИК», 18.I.1920.

⁷⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 137.

⁷⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 193.

⁷⁹ А. Ф. Жуков. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики максималистско-социалистов-революционеров, стр. 266.

⁸⁰ «Максималист», 1919, № 8—9, стр. 13.

⁸¹ «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 192—194.

осознавшие преступность проводимой ею политики и пожелавшие продолжать сотрудничество с большевиками, были привлечены к работе в советском и военном аппарате. Обсудив этот вопрос на заседании 17 февраля 1919 г., Самарский губком РКП(б) признал «нецелесообразным судебное преследование участников анархомаксималистского выступления»⁸².

Центральные органы Советской власти решительно пресекали случаи неправильного отношения на местах к максималистам, стоящим на советских позициях. ВЦИК всегда внимательно рассматривал поступавшие по этому поводу жалобы и заявления. Так, в июне 1918 г. по заявлению максималистской фракции ВЦИК об арестах членов организацией максималистов на местах решением Президиума ВЦИК была создана комиссия из трех человек — большевика, левого эсера и максималиста, которой было поручено расследовать факты и доложить Президиуму о результатах⁸³. 18 июля 1918 г. поступила жалоба Центрального исполнительного бюро максималистов по поводу разоружения заодно с левыми эсерами их организации в Вятке, хотя они и не поддержали левоэсеровский мятеж. В тот же день Я. М. Свердлов по телеграфу дал указание вернуть оружие максималистам⁸⁴. В ноябре 1918 г. были арестованы члены максималистской организации в Астрахани, а ее представители исключены из губисполкома. По указанию ВЦИК арестованные были освобождены, а представительство максималистов в губисполкоме восстановлено⁸⁵. 30 июля 1919 г. Могилевский уком РКП(б) обратился в Гомельский губком партии с запросом об отношении к эсерам-максималистам в связи с выпуском ими провокационной по содержанию прокламации. В ответе губкома говорилось, что «партия максималистов считается партией легализированной и принимающей участие в советской работе», но одновременно указывалось, что, поскольку она выпустила провокационную прокламацию, по отношению к ней в связи с этим «необходимо принять репрессивные меры»⁸⁶. Этот частный случай характеризует тактику большевиков: готовность сотрудничать с представителями мелкобуржуазных партий, признававших Советскую власть, и пресечение любых контрреволюционных поползновений с их стороны.

РКП(б) внимательно следила за процессами, происходившими внутри организации максималистов, поддерживая тех из них, кто выступал за тесное сотрудничество с коммунистами. Петроградский губком РКП(б), рассматривая в декабре 1919 г. вопрос о максималистах, указал на положительное значение появления «максималистов нового толка», то есть левого крыла, и запретил применение по отношению к ним каких-либо репрессивных мер⁸⁷. 12 декабря 1919 г. на заседании Президиума ВЦИК V созыва представители «Союза максималистов» Ф. Ю. Светлов и А. И. Бердников были утверждены: первый — членом, а второй — кандидатом в члены ВЦИК⁸⁸.

«Союз максималистов» довольно быстро завершил свою эволюцию в сторону большевизма. Банкротство в массах мелкобуржуазной идеологии и политики, успехи Советской власти, достигнутые под руководством РКП(б), убеждали его членов в необходимости пересмотра своих идейных позиций и признания правоты марксистской концепции революции и социализма. Всероссийская конференция «Союза максималистов» 18—24 апреля 1920 г., констатировав «исчезновение в ходе революции»

⁸² ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 25; д. 58, л. 90.

⁸³ А. Ф. Жуков. Разоблачение большевиками мелкобуржуазных взглядов эсеров-максималистов на характер, цели и движущие силы социалистической революции, стр. 25.

⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 235, л. 62.

⁸⁵ «Максималист», 1919, № 8—9, стр. 25—26.

⁸⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 6, д. 68, л. 89.

⁸⁷ Ленинградский партийный архив, ф. 16, оп. 1, д. 12, л. 96.

⁸⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 37, д. 1, л. 1.

расхождений с большевиками «в идеологии, программе и тактике» и солидарность с решениями IX съезда РКП(б) «по основным вопросам текущей политики», приняла решение о роспуске организации и вхождении в большевистскую партию⁸⁹. ЦК РКП(б) приветствовал это решение и дал указание местным партийным организациям принять в свой состав максималистов. При направлении бывших максималистов на партийную и советскую работу ЦК РКП(б) предлагал руководствоваться лишь их деловыми качествами, не ущемляя их прав на том основании, что раньше они принадлежали к максималистской организации⁹⁰.

Правая группировка — эсеры-максималисты — после раскола резко усилила антисоветскую деятельность. В сентябре 1919 г. VI конференция эсеров-максималистов постановила вести «всеми средствами и под любым флагом» борьбу против политики Советской власти и санкционировала создание «боевых групп» для проведения экспроприации и выпуска листовок⁹¹. В Ижевске эсеры-максималисты вели провокационную кампанию под флагом борьбы против «партийной диктатуры» большевиков, за «беспартийные Советы», в Самаре готовили открытое выступление, в Москве вместе с анархистами агитировали среди булочников за «потребительский коммунизм» и «справедливую дележку», подбивая их на расхищение и кражу хлеба⁹². Следственные органы ВЧК установили причастность эсеров-максималистов к ограблению советских учреждений в Москве, Туле и ряде других городов. Были обнаружены тайные склады оружия и боевого снаряжения, шрифты, с помощью которых изготовлялись антисоветские листовки, поддельные и похищенные документы⁹³.

На антисоветские позиции скатился и «Амурский союз социалистов-революционеров максималистов», действовавший на Дальнем Востоке в качестве автономной организации. В ходе гражданской войны в Приморье и Приморье многие представители местных максималистских организаций вместе с большевиками сражались против интервентов и белогвардейцев⁹⁴. Под давлением рядовых членов «Амурский союз» обнародовал в марте 1920 г. декларацию, в которой обещал «активно поддерживать Советскую власть» и «всеми силами бороться с врагами трудового народа»⁹⁵. На состоявшемся весной 1920 г. съезде трудящихся Амурской области максималисты поддерживали большевиков⁹⁶. Однако левацкий политический авантюризм максималистских лидеров, нежелание подчиняться пролетарской дисциплине все дальше вводили их от сотрудничества с большевиками и превращали из ненадежных союзников в прямых врагов Советской власти. Эсеры-максималисты выступили против создания буферного государства на Дальнем Востоке, гибкую и дальновидную политику большевиков в этом вопросе изображали как капитуляцию «перед захватническими стремлениями империалистов». Вопреки политике центральной Советской власти они заявили, что «никаких буферов» признавать не будут и не пойдут в этом вопросе «ни на какие уступки»⁹⁷. Нередки были случаи, когда максималисты — командиры партизанских частей не выполняли приказы командования и распоряжения органов Советской власти, в силу чего к ним приходилось применять репрессивные меры. Так, когда весной 1920 г. находившийся под влиянием анархо-максималистов партизанский отряд, действовавший в

⁸⁹ «Известия ВЦИК», 1.V.1920.

⁹⁰ «Известия ЦК РКП(б)», 17.VII.1920.

⁹¹ «Известия ВЦИК», 18.XII.1919.

⁹² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 65, д. 32, л. 174; ПАКО, ф. 1. оп. 1, д. 36, л. 56; «Коммунистический труд» (Москва), 4.IV.1920.

⁹³ «Известия ВЦИК», 18.XII.1919.

⁹⁴ «Красная Голгофа». Благовещенск. 1920.

⁹⁵ «Голос максималиста», 1920, № 1, стр. 6.

⁹⁶ «Голос максималиста», 1920, № 3, стр. 14.

⁹⁷ «Голос максималиста», 1920, № 4, стр. 19; № 5, стр. 7.

Приморье, вышел из подчинения Советской власти и стал творить произвол и беззаконие, его руководители Я. Тряпицын и Н. Лебедева были преданы революционному суду. В феврале 1922 г. перед военно-полевым судом предстал командир партизанского отряда «Бунтарь» максималист Михайлов за попустительство дезертирству, роспуск бойцов с оружием и бандитские действия отряда⁹⁸.

Ни к чему, кроме дезорганизации, не приводили и попытки максималистов протаскивать свои экономические идеи. На состоявшемся в феврале 1922 г. в Чите 2-м краевом съезде горнорабочих им удалось анархо-синдикалистскими лозунгами дезориентировать недостаточно политически зрелых делегатов и провести резолюцию о «реорганизации» золотодобывающего дела, в соответствии с которой прииски, находившиеся в ведении государства, должны были перейти в аренду горняцким артелям. Понадобилось вмешательство Дальневосточного Совета, который приостановил уже начатую было максималистским областком профсоюза «реорганизацию», аннулировал решения съезда, а затем распустил и областком⁹⁹.

Закономерным результатом сползания эсеров-максималистов вправо было дальнейшее сокращение и без того незначительного их влияния. Те эсеры-максималисты, которые искренне верили в революцию, убедившись в антисоветской направленности политики «Союза», начали выходить из него. Организации максималистов теряли остатки своих членов. Банкротство антисоветского политического курса, а также решительные меры Советской власти по пресечению контрреволюционных вылазок максималистов заставили их отказаться от «активистской» политики и действовать в рамках легальности.

Как и другие мелкобуржуазные партии, эсеры-максималисты стремились использовать хозяйственные трудности, переживаемые страной, чтобы «внедриться в массы» и подорвать влияние большевистской партии. Новая экономическая политика была встречена ими в штыки и подвергнута критике с левацких позиций. Они изображали нэп только как отступление, которое «ставит Советскую Россию в ряды буржуазно-капиталистических государств»; заявляли, что Советская власть все более попадает «в плен финансового, промышленного и торгового капитала» и что «подлинными революционерами» являются не большевики, а максималисты и их мелкобуржуазные сторонники. Состоявшееся в феврале 1922 г. Всероссийское совещание эсеров-максималистов выдвинуло как одну из центральных задач объединение «в противовес РКП» «всех левонароднических течений»¹⁰⁰.

Вместе с эсеровской группой «Народ» и легализованной в 1920 г. организацией левых эсеров эсеры-максималисты составили направленный против большевиков так называемый «Блок левого революционного народничества», а в сентябре 1922 г. пошли на организационное объединение с левыми эсерами. Новая организация, получившая название «Объединение партии левых с.-р. и союза с.-р. максималистов», объявила, что выступает против «диктатуры партии над трудовой массой» и будет стремиться «собрать немногочисленные силы, которые остались у революционного народничества» для борьбы за осуществление «программы трудовой республики»¹⁰¹. Окончательно сформулированная в резолюциях состоявшейся в декабре 1922 г. первой (и последней) Всероссийской конференции эсеров-максималистов программа предусматривала в обла-

⁹⁸ А. Н. Шурьгин. Борьба РКП(б) против мелкобуржуазных партий в период гражданской войны на Дальнем Востоке. «50 лет разгрома интервенции и окончания гражданской войны в СССР». М. 1972, стр. 281; «Вольная трибуна» (Благовещенск), 26.II.1922.

⁹⁹ «Вольная трибуна», 26.III.1922.

¹⁰⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 564, оп. 1, д. 10, лл. 32, 33, 37.

¹⁰¹ Там же, д. 14, лл. 3, 16, 17.

сти экономической осуществление социализации в городе и деревне, причем ставка делалась не на промышленность, а на сельское хозяйство, а в области политической — «равенство рабочих и крестьян» в системе «свободно избранных» и «чисто классовых» Советов, то есть фактический отказ от диктатуры пролетариата. Конференция была вынуждена признать почти полное отсутствие массовой базы у новой организации и призвала переходить «от агитации к пропаганде» и «от работы массовой к кропотливому собиранию мужественных групп и одиночек»¹⁰².

В своем стремлении «внедриться в массы» эсеро-максималисты ориентировались на обывателей и отсталую часть рабочих, подлаживаясь к которым требовали повышения заработной платы, прекращения увольнений, создания стачечных фондов в профсоюзных организациях. В издаваемых от имени Центрального бюро «Объединения» бюллетенях, а также в публичных выступлениях они вели демагогическую и пораженческую агитацию, утверждая, что российский рабочий класс «устал», а международный пролетариат «поправел», что Советская власть «строит свое здание на песке», а Коммунистическая партия с введением нэпа встала «на соглашательский путь»¹⁰³. В составленной одним из руководителей «Объединения», Г. Нестроевым, инструкции для партийных «активистов» указывалось на важность проникновения в профсоюзы и фабрично-заводские комитеты в целях «слияния с трудящейся массой», причем рекомендовалось «работать как беспартийным» и не «выявлять» до поры до времени свою принадлежность к эсеро-максималистской организации¹⁰⁴. Однако все эти ухищрения не дали результатов: «легального закрепления», на которое рассчитывали левые эсеры и максималисты при объединении, не получилось.

XII Всероссийская конференция РКП(б) (4—7 августа 1922 г.), отметив некоторую активизацию деятельности антисоветских политических групп в условиях нэпа, в резолюции «Об антисоветских партиях и течениях» предложила усилить воспитательную работу среди трудящихся, особенно в таких массовых организациях, как профсоюзы и кооперация, с тем чтобы «лишить антисоветские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования»¹⁰⁵. Результатом этой работы было дальнейшее сокращение и без того мизерной массовой базы мелкобуржуазных партий и групп, в том числе и эсеро-максималистов. Показательным в этом отношении был провал предпринятой эсеро-максималистами в конце 1922 г. попытки вести агитацию на некоторых московских заводах под лозунгами «свободных Советов», «гражданских свобод для всех социалистов» и «независимости» профсоюзов и кооперации. На «Гужоне», АМО, в Сокольнических вагоноремонтных мастерских и ряде других предприятий, где выступали эсеро-максималисты, рабочие не оказали им поддержки¹⁰⁶. И без того малочисленные организации эсеро-максималистов продолжали быстро таять. Факт массового выхода из них вынужден был признать «Информационный бюллетень» «Объединения», приведя длинный список выбывших¹⁰⁷.

Призывы лидеров к «беспощадной критике существующего строя»¹⁰⁸ находили все меньше слушателей. Росло число эсеро-максималистов, вступавших в Коммунистическую партию. Руководство «Объединения» пыталось приостановить процесс развала. На места направлялись письма и обращения, клеймившие переходящих в РКП(б) как «ренегатов» и «перебежчиков», желающих «приобщиться к государственному

¹⁰² Ю. И. Шестаков. Указ. соч., стр. 49.

¹⁰³ «Рабочая Москва», 6.XII.1922.

¹⁰⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 564, оп. 1, д. 15, л. 85.

¹⁰⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК».

Изд. 8-е. Т. 2, стр. 393.

¹⁰⁶ «Рабочая Москва», 15.XII.1922.

¹⁰⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 564, оп. 1, д. 14, лл. 81—82.

¹⁰⁸ Там же, л. 210.

пирогу»¹⁰⁹. Однако распад эсеро-максималистских организаций продолжался. В Воронеже, например, агитатором за переход в РКП(б) выступил сам председатель местной эсеро-максималистской организации. Решением Центрального бюро «Объединения» он был исключен из него, а организация, в которой фактически никого не осталось, задним числом распущена¹¹⁰. Не лучше обстояло дело и в других местах.

Окончательный крах организации эсеро-максималистов был очевиден, и в середине 20-х годов она сошла с политической арены. Несколько дольше просуществовала так называемая заграничная делегация партии, издававшая в Берлине журнал «Знамя борьбы». Ее члены, в частности И. Штейнберг и Г. Нестроев, разъезжая по европейским странам, выступали с лекциями о «русских проблемах», в которых в искаженном свете представляли жизнь Страны Советов. «Делегация» вела активную борьбу против III Интернационала, а в 2 1/2 Интернационале примыкала к наиболее правой его части, отвергавшей всякие контакты с коммунистами. В конце 20-х годов и она прекратила свое существование.

Бесславный конец организации максималистов стал закономерным результатом ее измены делу революции, подтверждением правоты марксистско-ленинского положения о том, что мелкобуржуазные партии не представляют собой самостоятельной политической силы, как не являются такой силой мелкобуржуазные средние слои, и внести вклад в дело освобождения трудящихся могут лишь тогда, когда выступают на стороне рабочего класса и его партии. Будучи в первые месяцы после Октября колеблющимся и ненадежным, но все же союзником РКП(б), организация эсеров-максималистов не сумела удержаться на позициях поддержки революции, встала на путь сопротивления социалистическим преобразованиям, что обусловило ее крах. История ее банкротства служит наглядной демонстрацией полнейшей бесплодности анархической мелкобуржуазной псевдореволюционности.

¹⁰⁹ Там же, лл. 86, 101—103.

¹¹⁰ Там же, д. 10, л. 39; д. 14, л. 122.

СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ (1936—1941 гг.)

Э. А. Шулепова

На всех этапах культурного строительства в нашей стране огромная роль принадлежит Советскому государству, которое в соответствии со своей культурно-воспитательной функцией способствовало созданию новой, социалистической культуры и придало этому процессу подлинно коммунистическую направленность. Этой цели служили особые государственные органы по управлению культурой, а также внедрение планового начала во все ее отрасли, централизованное распределение государственных средств, принятие Коммунистической партией и Советским правительством решений и постановлений, обобщающих опыт культурного строительства. В условиях предвоенных лет Коммунистическая партия посредством организации специальных государственных органов руководства искусством и борьбой за улучшение их практической деятельности осуществляла дальнейший «подъем культурности и коммунистической сознательности трудящихся»¹.

Истории культурного строительства в СССР посвящен ряд капитальных работ, как обобщающих, так и по отдельным вопросам. Гораздо менее изучена деятельность государственных органов руководства этим процессом. Исключение составляют статьи об организации и некоторых сторонах деятельности первого советского государственного органа руководства культурой — Наркомпроса РСФСР², а также работы по истории государственных учреждений³, в которых кратко охарактеризованы советские органы государственного руководства культурой. Из всего многообразия вопросов государственного руководства культурой в данной статье затронуты лишь те, которые касаются организации и первого этапа деятельности Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, созданного решением ЦИК и СНК СССР от 17 января 1936 г. в связи с необходимостью лучшего удовлетворения потребностей населения в области искусства и «объединения всего дела руководства развитием искусств в СССР»⁴.

Комитет по делам искусств был первым государственным органом

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 5. М. 1971, стр. 365.

² И. С. Смирнов. В. И. Ленин и руководство делом народного образования. «В. И. Ленин и проблемы народного образования». М. 1961; М. Б. Кейрим-Маркус. Государственная комиссия по просвещению (1917—1918 гг.). «История СССР», 1969, № 6; Э. А. Шулепова. Реорганизация Наркомпроса РСФСР в 1933—1936 гг. «Проблемы отечественной истории». Сборник статей аспирантов и соискателей Института истории СССР АН СССР. Ч. II. М. 1973, и др.

³ А. А. Нелидов. История государственных учреждений СССР. 1917—1936 гг. М. 1962; В. А. Цикулин. История государственных учреждений СССР. 1936—1965 гг. М. 1966; Т. П. Коржихина. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917—1972 гг. М. 1974.

⁴ «Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза ССР» (СЗ СССР), 1936, № 5, ст. 40.

по руководству искусством в масштабах всей страны. С его работой связаны значительные успехи в развитии советского искусства. Но его роли в сложном процессе организации и руководства художественной жизнью в СССР, различными видами многонационального советского искусства многочисленные издания по истории советского театра, музыки, изобразительного искусства и т. п. пока не касаются. Между тем без изучения и анализа системы органов управления и практической деятельности каждого из них невозможно до конца выяснить и понять закономерности развития советской культуры в целом, ее отдельных отраслей. Исследователи, занимающиеся государствоведческими проблемами истории СССР, при анализе практической деятельности отдельных звеньев государственного аппарата, как правило, выделяют такие вопросы, как история их создания, компетенция, функции, формы и методы работы, кадровая политика и т. д. Именно эти аспекты будут затронуты в статье при освещении деятельности Комитета по делам искусств в предвоенные годы.

В середине 30-х годов в нашей стране под руководством Коммунистической партии в основном был построен социализм, созданы политические, социально-экономические и культурные предпосылки для завершения строительства социалистического общества. К этому периоду страна уже обладала определенными кадрами специалистов для всех отраслей народного хозяйства, культуры и управления, которые по своему образованию и опыту отвечали все возрастающим требованиям к росту их компетенции. Успешно развивался процесс формирования новой советской интеллигенции из представителей рабочего класса и колхозного крестьянства.

В условиях, когда пафос трудового энтузиазма преображал нашу Родину, невиданными темпами рос экономический и культурный потенциал СССР, социалистическое государство продолжало совершенствовать руководство всеми направлениями культурного строительства. Наркомпросы как органы республиканского, а не союзного масштаба уже не могли охватить все отрасли культуры. Например, только в ведении Наркомпроса РСФСР в начале второй пятилетки находилось 100 тыс. общеобразовательных школ, около 19 тыс. библиотек, свыше 30 тыс. клубных учреждений, более 19 тыс. киноустановок, 354 театра и ряд других учреждений культуры⁵. Поэтому в первой половине 30-х годов интенсивно продолжался начавшийся еще в 20-е годы процесс передачи отдельных полномочий наркомпросов другим ведомствам и учреждениям. Стали возникать общесоюзные государственные органы централизованного руководства культурным строительством по отдельным отраслям. Одним из них являлся Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР. Он начал свою деятельность, когда на основе коммунистической идеологии в тесной, органической взаимосвязи успешно развивались все виды советского искусства. Материальную основу этого процесса Советское государство расширяло путем увеличения ассигнований на нужды культуры. Если в начале 1933 г. на развитие искусства было выделено более 100 млн. руб., то в 1937 г. — около 400 млн. рублей⁶.

Постановление ЦИК и СНК СССР об образовании Комитета по делам искусств, а также принятое позднее Положение о нем четко определили его основные задачи. Он должен был непосредственно руководить художественными учреждениями союзного значения⁷, рассматривать и утверждать их репертуар, направлять и контролировать дея-

⁵ «Культурное строительство в СССР». Статистический сборник. М. 1940, стр. 10, 40.

⁶ Там же, стр. 31.

⁷ Исключение составила кинематография, выделенная в 1937 г. в самостоятельную отрасль управления (см. «Собрание постановлений Правительства Союза ССР» (СП СССР), 1938, № 13, ст. 81).

тельность и репертуар художественно-зрелищных предприятий республиканского и местного подчинения. В его обязанности входили рассмотрение и утверждение проектов памятников, организации выставок, конкурсов, олимпиад, осуществление методического руководства и содействия художественной самодеятельности, наблюдение за деятельностью общественных организаций, объединяющих работников различных отраслей искусства. Комитет призван был вести подготовку, учет и распределение кадров для различных отраслей искусства, участвовать в работе по присвоению работникам искусств почетных званий, утверждать уставы, структуру, штаты подведомственных художественных учреждений и т. д.⁸ Комитет, не регламентируя творческий процесс режиссеров, актеров, художников, должен был руководить прежде всего деятельностью учреждений и предприятий, где этот творческий процесс протекал. При этом к деятелям искусства, их таланту надо было проявлять максимальное внимание и заботу. В такой тончайше-эмоциональной сфере, какой является художественное творчество, комитет должен был руководствоваться указанием В. И. Ленина о том, что «в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»⁹. Представителям всех видов искусства обеспечивалась свобода в выборе жанра и формы произведения, стиля, индивидуальных творческих форм и устремлений. Вместе с тем вопросы идейно-политического уровня всей работы в области искусства определялись последовательным проведением в жизнь ленинского принципа партийности искусства. В известной беседе с К. Цеткин Ленин говорил: «Каждый художник и всякий, кто себя таковым считает, претендует на право творить свободно, согласно своему идеалу. ...Но, конечно, мы — коммунисты. Мы не в праве сидеть сложа руки и позволять хаосу распространяться, как ему угодно. Мы должны стремиться к тому, чтобы с ясным сознанием руководить также и этим развитием, чтобы формировать и определять его результаты»¹⁰.

Специфический характер Комитета по делам искусств, важность его задач потребовали определенной организации его аппарата. Он строился по отраслевому признаку, основными структурными подразделениями были управления: театров, музыкальных учреждений, изобразительных искусств, цирков, учебных заведений и др. Комитет создавался как союзно-республиканский орган. Поэтому при СНК союзных и автономных республик были образованы специальные управления по делам искусств, а при исполкомах краевых, областных, городских (в крупных городах) Советов депутатов трудящихся — отделы искусств. Рабочий аппарат местных органов строился в зависимости от характера и объема работы. Если в Управлении по делам искусств при СНК УССР, которое располагало весьма обширной сетью художественных учреждений и предприятий, имелись специальные отделы театра, изобразительного искусства и т. д., то в ряде других республиканских управлений были созданы общие отделы зрелищных предприятий, располагавшие штатом инспекторов по различным видам искусства. В свою очередь, в областных, городских отделах выделялись инспектора, которые опирались в своей практической деятельности на местные кадры музеев и домов народного творчества¹¹. Всего в начале деятельности комитета насчитывалось 70 подчиненных ему местных управлений и отделов по руководству искусством¹². Через них осуществлялось руководство художественными учреждениями местного значения.

⁸ См. СЗ СССР, 1936, № 5, ст. 40; СП СССР, 1939, № 53, ст. 458.

⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 12, стр. 101.

¹⁰ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Т. 5. М. 1970, стр. 13.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 203, лл. 6—9.

¹² Там же, д. 266, л. 25.

Создание разветвленной сети органов по руководству искусством, построенной по принципу демократического централизма, было призвано обеспечить в общегосударственном масштабе согласованную работу по развитию искусства и приобщению к нему широких слоев населения. В ведение Комитета по делам искусств было передано 657 театров, около 30 тыс. киноустановок, более 450 различных учебных заведений, огромное число музыкальных коллективов, цирков, художественных музеев и других учреждений¹³. Управление такой разветвленной сетью художественных учреждений всецело зависело от того, какие организационные формы примет деятельность комитета, как будет развиваться и совершенствоваться эта сеть, как будет решаться проблема кадров.

Одной из задач комитета было расширение творческого обмена между народами Советского Союза в области искусства ради развития социалистической культуры на базе творческих возможностей всех народов СССР. Первый председатель Комитета по делам искусств П. М. Керженцев говорил: «Если окинуть взглядом творчество Советского Союза в области танца, песни, художественного ремесла, если вспомнить чеканку серебра на Кавказе, художественные ковры Закавказья или Таджикистана, народные танцы Узбекистана или народов Кавказа, можно сразу же представить исключительное богатство творческих возможностей, какими мы располагаем»¹⁴. Не случайно свою работу комитет начал с показа достижений советского многонационального искусства. Под его руководством в предвоенные годы были подготовлены и прошли в Москве декады национального искусства ряда союзных республик: Украины, Белоруссии, Казахстана, Грузии, Узбекистана, Азербайджана, Киргизии, Армении, а также Бурятии. Эти декады явились новой формой творческого общения представителей многонационального советского искусства. Уже первые смотры искусства Украины и Казахстана, проведенные весной 1936 г., показали, каких успехов достигло советское национальное искусство за годы Советской власти, продемонстрировали единство советского искусства как искусства социалистического реализма. Первые декады убедительно доказали, что социалистическое искусство должно и будет говорить на многих языках, что это естественно и необходимо.

В своей организационно-практической работе комитет сосредоточивал внимание на оказании конкретной помощи художественным учреждениям страны. Так, в процессе подготовки к первой декаде бурятского искусства комитет отправил в автономную республику группу творческих работников, среди которых были и такие деятели советского искусства, как И. А. Моисеев, И. М. Туманов и др. За короткий срок в республике при поддержке комитета был создан музыкальный театр, показавший на декаде первую национальную оперу «Энке Булат-батор» и две музыкальные драмы. В процессе подготовки декад многие деятели искусств России навсегда связали свою жизнь и творчество с национальным искусством союзных республик. Например, такие композиторы, как Е. Г. Брусиловский, А. Ф. Козловский, стали авторами большого числа произведений на казахские и узбекские темы, воспитателями кадров национальных композиторов.

Декады способствовали культурному обмену и сближению советских народов, что вызывалось потребностями их общественного, в том числе художественного, развития и взаимного обогащения. Это в полной мере отвечало марксистскому представлению о том, что «всякая нация может и должна учиться у других»¹⁵. В результате проведения декад происходил идейно-художественный рост советских национальных

¹³ «Культурное строительство в СССР». Статистический сборник. М. 1956, стр. 293, 300; ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 411, л. 5.

¹⁴ «Советский театр», 1936, № 3, стр. 3.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 10.

художественных учреждений. Декады стали поистине творческой лабораторией для деятелей различных видов искусства.

Большое значение в решении проблем развития искусства имели подготовленные и проведенные комитетом и его местными органами всевозможные смотры, конкурсы и творческие конференции. Во второй половине 30-х годов прошли всесоюзные смотры детских театров, оркестров народных инструментов, колхозно-совхозных театров, артистов оперы и балета, эстрады, а также всесоюзная конференция режиссеров и т. п. Эти мероприятия получили большой отклик у художественной общественности страны. Наибольшее внимание, в частности, приковал к себе Всесоюзный смотр творческой молодежи театра. Он был организован осенью 1939 г. театральным управлением комитета и охватил свыше 300 театральных коллективов. В смотре приняло участие более 3 тыс. молодых артистов, режиссеров, художников¹⁶. Декады, смотры, конкурсы и конференции отвечали на различные творческие запросы, давали оценку советской драматургии, репертуару, обращали внимание на использование молодых творческих сил в художественных учреждениях и т. п. В ходе подготовки и проведения декад, смотров, конкурсов комитет более детально знакомился с конкретными творческими коллективами, отдельными художественными учреждениями, их кадрами, репертуаром, творческими поисками и планами.

Комитету как общесоюзной организации, призванной осуществлять контроль за развитием искусства не только в центре, но и на местах, было важно установить живую связь с сетью художественных учреждений страны, чтобы непосредственно, а не только по отчетам местных органов наблюдать за деятельностью многочисленных учреждений искусства. Выполнять эту задачу в сложившейся системе руководства искусством призваны были на первом этапе работы комитета специальные инспекторские группы, организованные по административно-территориальному признаку¹⁷. Инспектирование в комитете, как и в других государственных органах управления в области культуры, явилось важнейшим методом руководства местными органами и растущей сетью художественных учреждений. Инспекторские проверки давали конкретное представление о состоянии работы органов и учреждений искусства, выявляли необходимость оказания им организационной и творческой помощи, играли большую роль в исполнительской и распорядительной деятельности комитета. Серия инспекторских проверок, проведенная в 1936 и 1937 гг., показала растущее мастерство местных учреждений искусства, их все усиливающую роль в расширении культурной и воспитательной работы в массах.

Вместе с тем проверки показали, что в отдельных областях и городах страны учреждения искусства разобщены и выглядят порою своеобразными «хуторками». Не везде полностью использовались местные творческие силы, не привлекались для гастролей лучшие коллективы страны. С целью улучшения обслуживания периферии 11 октября 1938 г. комитетом было принято решение «Об организации Всесоюзного концертно-эстрадного гастрольного объединения»¹⁸. Создание его способствовало налаживанию плановой концертно-гастрольной деятельности ведущих коллективов страны, планомерному обслуживанию ими основных индустриальных районов СССР, систематическому показу лучших достижений советского искусства, организации взаимного обмена между творческими коллективами республик. В 1939 г. концертно-гастрольное объединение дало более 18 тыс. концертов, из них около 10 тыс. на периферии, а в 1940 г.— 30 тыс. концертов, в том числе

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 704, л. 12.

¹⁷ Там же, д. 162, л. 31.

¹⁸ «Бюллетень Комитета по делам искусств при СНК СССР», 1938, № 19—20, стр. 12.

около 24 тыс. на периферии¹⁹. Создание Всесоюзного концертно-эстрадного гастрольного объединения способствовало выполнению решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 октября 1938 г. об улучшении культурного обслуживания рабочих и служащих угольной промышленности²⁰. Это решение ставило перед управлениями по делам искусств РСФСР, Украины, Казахстана задачу создания новых и укрепления существующих художественных коллективов для обслуживания рабочих и служащих угольных бассейнов страны. В целях улучшения обслуживания различных районов СССР ведущими художественными коллективами комитет в 1938 г. впервые разработал и с успехом претворял в жизнь в предвоенные годы единый государственный план летних гастролей. Тем самым был положен конец существовавшей долгие годы бессистемности в летних поездках творческих коллективов и расходовании государственных средств.

Для руководства учреждениями искусства и органами их управления на местах определенное значение имели бригадные обследования, которые регулярно, начиная с 1938 г., проводились комитетом. К этому времени его инспекция была перестроена по отраслевому признаку. И на места, как правило, стали выезжать не отдельные инспектора, а специальные бригады-комиссии, которые состояли из руководящих работников комитета, сотрудников его инспекции и квалифицированных творческих работников. Эти бригады по итогам обследования непосредственно связывались с местными партийными и советскими органами, информировали их о своих выводах относительно работы учреждений искусства на местах. По ряду таких обследований местными партийными и советскими органами принимались специальные решения, а в самом комитете проводились расширенные совещания. На них были, например, обсуждены итоги проверок управлений по делам искусств Украины, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и др.

Материалы, полученные в результате проверок местных органов управления искусством, свидетельствовали в целом о поступательном развитии всех видов искусства. В решениях, принятых по итогам обследования местными партийными и советскими органами, а также самим комитетом, указывались вместе с отдельными, присущими работе каждого конкретного управления недостатками и общие задачи, решение которых способствовало бы подъему советского искусства в целом. Прежде всего отмечалась необходимость создания высокохудожественных произведений на актуальную советскую тематику, развития и совершенствования сети художественных учреждений и их стационарирования, улучшения подготовки кадров молодых специалистов на базе расширения сети местных учебных заведений и более рационального распределения кадров.

Исследование состояния дел в различных управлениях и отделах системы комитета помогало ему совершенствовать и развивать сеть учреждений искусства в соответствии с потребностями страны. Так, состоявшаяся в декабре 1938 г. проверка отдела по делам искусств Дальнего Востока показала, что бурный рост народного хозяйства этого региона, а также рост культурных запросов трудящихся требовали увеличения количества театров, а также ряда других учреждений искусства. Поэтому уже в декабре 1938 г., согласно приказу комитета, принимались меры для проведения длительных гастролей лучших коллективов Российской Федерации в Хабаровском и Приморском краях, была начата организация театра-студии во Владивостоке²¹. С учетом результатов обследования районов Дальнего Востока и других регионов страны

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 704, л. 26.

²⁰ СП СССР, 1938, № 40, ст. 279.

²¹ «Бюллетень Комитета по делам искусств при СНК СССР», 1939, № 1—2, стр. 3.

комитет входит с предложениями по совершенствованию и развитию сети художественных учреждений в центральные партийные и советские органы. Только с их помощью и при их непосредственной поддержке ему удавалось практически решать организационные вопросы управления искусством, оперативно оказывать содействие в развитии сети местных учреждений искусства. Например, согласно решению СНК СССР и ЦК ВКП(б), в 1939 г. были выделены средства на восстановление театра в Петропавловске-Камчатском (500 тыс. руб.), составляются проекты по строительству театров в Хабаровске на 1 тыс. мест, Комсомольске-на-Амуре — на 1 тыс. мест, Биробиджане — на 800 мест²². Аналогичные решения принимались СНК СССР и ЦК ВКП(б) по Красноярскому краю, Воронежской области, Башкирской АССР, Армянской ССР и др. В предвоенные годы эти и ряд других решений партии и правительства о развитии сети художественных учреждений успешно претворялись комитетом в жизнь.

Практическая деятельность комитета по совершенствованию и развитию сети художественных учреждений привела к созданию многих новых государственных коллективов. Так, уже в 1936 г. при участии комитета родились крупнейшие музыкальные коллективы страны — Государственный симфонический оркестр, Государственный оркестр народных инструментов, мастерство которых до сих пор пользуется любовью и признательностью зрителей в нашей стране и за рубежом. В 1938 г. были созданы Государственный оперный ансамбль, Государственный джаз, хор Московской филармонии и др. Из года в год в стране росло количество музыкальных, цирковых, театральных коллективов, в том числе колхозно-совхозных театров, рассчитанных на более широкое обслуживание народных масс. Увеличивалась сеть филармоний, художественных музеев, открывались многочисленные специальные и тематические выставки произведений изобразительного искусства, бурно росла их посещаемость. Только в течение первого года третьей пятилетки приступили к работе 83 новых театра, причем более половины из них — в национальных республиках. За 1938 г. сеть музыкальных коллективов возросла со 161 до 191. Вновь было открыто 22 филармонии, 14 из них — в национальных республиках²³. В 1940 г. в союзных республиках было открыто еще 60 театров²⁴. Всего к началу 1941 г. в системе комитета функционировало 908 театров, 86 цирков, 115 художественных музеев и ряд других учреждений искусства²⁵. За этими цифрами кроются серьезные внутренние процессы быстрого развития всех видов многонационального советского искусства.

Театральное, музыкальное, цирковое, изобразительное искусство росло не только количественно, но и качественно. Под руководством комитета создавались возможности для достижения единства идейных позиций, единства творческого метода в искусстве, в основе которого лежал принцип партийности. Это единство, в свою очередь, оказывалось основой нового, невиданного ранее по своему типу многообразия исканий, направленных на более полное, последовательное и яркое воплощение художественными средствами новой социалистической действительности. Важнейшим достижением советского искусства предвоенного периода явилось создание таких монументальных произведений в области искусства, как спектакли по пьесам А. Е. Корнейчука, Н. Ф. Подгодина, К. А. Тренева и других драматургов, музыкальных произведений С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича, А. И. Хачатуряна, Д. Б. Кабалевского и других композиторов, многочисленных полотен художников, посвященных советской действительности. Основными образами, соз-

²² ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 9, д. 480, л. 47.

²³ Там же, д. 390, лл. 5, 10; д. 395, л. 2.

²⁴ Там же, д. 651, л. 1.

²⁵ «Культурное строительство в СССР». 1956, стр. 286, 293, 312.

данными советским искусством в эти годы, стали образы простых людей, героев труда, творцов новой жизни. Очень много было сделано для воссоздания всеми видами искусства образа В. И. Ленина. Правдиво отражая действительность в ее революционном развитии, советское искусство превращалось во все более могучий инструмент коммунистического воспитания.

Комитет по делам искусств стремился тесно увязывать идейно-творческое решение произведений художественной культуры с задачами патриотического воспитания трудящихся средствами искусства. В этом заключалась одна из важнейших сторон деятельности комитета. Систематическая идейно-воспитательная, патриотическая работа, осуществляемая в стране различными художественными средствами, способствовала тому, что у советских людей формировалось новое, социалистическое сознание, в полной мере проявившееся в грозные годы Великой Отечественной войны.

Увеличивая сеть художественных учреждений, комитет проводил большую работу и по закреплению творческих коллективов в определенных составах, то есть по их стационарированию. Эта работа имела большое практическое и художественное значение прежде всего для театров. К концу второй пятилетки сложилась практика, при которой периферийные театры заключали с актерами ежегодные индивидуальные трудовые договоры, что вело к сезонности в использовании творческих сил, к взвинчиванию заработной платы и бессистемности в расходовании ее фондов, мешало правильному учету и распределению творческих кадров. Только в Москву ежегодно съезжалось от 3 до 5 тыс. актеров с целью получить новый ангажемент²⁶. Решение о стационарировании театров, принятое комитетом в апреле 1938 г., способствовало утверждению каждого периферийного театрального коллектива в качестве постоянно действующей единицы²⁷. Создание постоянных трупп в периферийных городах освобождало театры от решения излишних организационных вопросов, неизбежно возникавших в связи с ежегодным обновлением творческого состава, позволяло местным управлениям по делам искусств более конкретно руководить театральной деятельностью. Без постоянного творческого коллектива слова о едином методе, художественной монолитности, о творческом профиле театров неизбежно оставались пустой фразой. Художественный руководитель Воронежского областного театра заслуженный артист республики В. Энгель-Крон так писал о значении этого мероприятия: «Раз и навсегда положен предел актерским скитаниям из театра в театр, каждый из нас, работников сцены, становится строителем своего театра, связав свою творческую жизнь с жизнью именно этого театра»²⁸.

Под непосредственным руководством комитета стационарирование широко развернулось по всей стране. На местах оно проходило при активной поддержке местных партийных и советских органов. В Ленинградской области, например, по инициативе А. А. Жданова партийные и советские органы приступили к стационарированию театров в таких городах, как Новгород, Псков, Боровичи и др. Только за 1938 г. количество стационарированных театров достигло 401, или более половины действовавших в стране²⁹. Стационарирование привело к открытию новых филармоний в республиканских и областных центрах, а также в западных областях Украины и Белоруссии, республиках Прибалтики и Молдавии. В 1940 г. по инициативе комитета создаются республиканские и областные филармонии в Кишиневе, Каунасе, Львове и других горо-

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 426, л. 13.

²⁷ «Бюллетень Комитета по делам искусств при СНК СССР», 1938, № 7—8, стр. 2.

²⁸ «Искусство и жизнь», 1938, № 11—12, стр. 64.

²⁹ «Культурное строительство в СССР». 1956, стр. 293.

дах. В этих филармониях наряду с творческими коллективами, которые выступали по линии Всесоюзного концертно-гастрольного объединения, стали функционировать постоянные творческие коллективы различных жанров. Стационаром для ведущих государственных коллективов стал открытый в октябре 1940 г. в Москве Концертный зал имени П. И. Чайковского.

Широкий размах в предвоенные годы принял процесс комплектования и прикрепления к конкретным циркам постоянно действующих цирковых трупп. Эта работа велась специальными хозяйственно-творческими объединениями, образованными в составе Управления цирков. Создание таких самостоятельных единиц, как Объединение городских цирков, Объединение колхозно-совхозных цирков, Бюро по обслуживанию малых сценических площадок и др., с одной стороны, приблизило рабочий аппарат комитета к производственно-творческой работе цирков, а с другой — на практике содействовало закреплению цирковых трупп в определенном творческом составе.

Стационарирование театров, цирковых и музыкальных коллективов, с успехом осуществляемое комитетом в годы третьей пятилетки, способствовало утверждению планомерности в работе художественных учреждений, совершенствованию их репертуара, а также улучшению обслуживания широких трудящихся масс.

Художественные коллективы выносили на суд советского зрителя лучшие работы своего репертуара, в создании которого активную роль с первых дней своей деятельности играл Комитет по делам искусств. Он ввел в практику рассмотрение репертуарных планов театров союзного значения, крупных областных театров и музыкальных коллективов. Аналогичная работа проводилась и местными органами в отношении репертуара подведомственных им учреждений искусства. Особенно благотворно это сказалось на театральном репертуаре, в котором советская пьеса начинала занимать все более ведущее место. Например, пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем» и А. Н. Арбузова «Таня» были переведены на многие языки народов нашей страны, и их постановка была осуществлена в республиканских и областных театрах.

Учитывая, что искусство может и должно быть объектом прогнозирования и планирования, комитет в июле 1939 г. обязал свои местные органы совместно с союзами писателей, композиторов и ведущих творческими работниками разрабатывать перспективные планы по созданию нового драматического, оперного, балетного репертуара, а также осуществлять переводы лучших советских и классических пьес³⁰. Перспективное планирование репертуара, за осуществление которого взялся комитет, плановое развитие всей системы учреждений искусства и их концертно-гастрольной деятельности и, наконец, плановость в подготовке кадров молодых специалистов явились важным залогом успешной деятельности комитета по руководству развитием советского искусства в предвоенные годы.

Комитет с первых дней своей деятельности уделял пристальное внимание вопросам подготовки и расстановки кадров. Будущие служители искусства, как правило, проходили первую стадию профессиональной подготовки в учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Тбилиси и других культурных центров страны. Особую роль играл, в частности, Московский государственный институт театрального искусства (ГИТИС) имени А. В. Луначарского, где под руководством комитета в предвоенные годы широкий размах получила практика подготовки студентов в национальных мастерских. Во второй половине 30-х годов функционировали следующие национальные мастерские:

³⁰ «Бюллетень Комитета по делам искусств при СНК СССР», 1939, № 18—19, стр. 11.

казахская, калмыцкая, туркменская, осетинская, адыгейская, каракалпакская, якутская и др. Молодые люди, приехавшие из республик, учились у таких прославленных мастеров мхатовской школы, как В. Я. Станицын, И. Я. Судаков, О. И. Пыжова, И. М. Раевский и др. В предвоенные годы из национальных мастерских ГИТИСа было выпущено около 300 молодых актеров³¹. Так создавался фундамент национальных театров страны. Такую же работу в отношении подготовки национальных кадров вели Московская и Ленинградская консерватории, Московское и Ленинградское хореографические училища.

Вместе с развитием национальных студий и мастерских комитет стремился совершенствовать и сеть художественных учебных заведений. Известно, что в первой половине 30-х годов широко практиковалась подготовка будущих специалистов непосредственно при музыкальных, драматических и других театральных коллективах. Однако такая подготовка страдала односторонностью и узостью. Поэтому комитет резко ограничил число театров, которым разрешалось на правах средних специальных училищ и вузов готовить актерские кадры. К числу этих театров были отнесены прежде всего такие ведущие, как Малый театр, МХАТ и др. Впервые в начале третьей пятилетки в художественных вузах было введено преподавание социально-экономических дисциплин. Вся учебно-творческая работа вузов, а также средних специальных училищ и школ была серьезным образом перестроена. Внимание молодежи было направлено на более углубленное и систематическое овладение мастерством. Комитет стремился укреплять руководство учебных заведений кадрами лучших творческих работников. Народный артист СССР Л. М. Леонидов был назначен художественным руководителем ГИТИСа, народный артист СССР А. А. Хорова — художественным руководителем Театрального института в Тбилиси, народный артист РСФСР А. Б. Гольденвейзер — директором Московской консерватории и т. д.

Сеть художественных учебных заведений к началу Великой Отечественной войны существенно выросла. Она насчитывала 577 учебных заведений (в том числе 24 вуза) со 125 тыс. учащихся³². В 1940 г. только высшие учебные заведения комитета вместе с аспирантурой дали стране свыше 1 тыс. специалистов, что на одну треть превысило выпуск 1939 года³³. Молодыми специалистами комитет прежде всего укреплял учреждения искусств на местах, а также рабочий аппарат своей системы.

Интеллигенция, в том числе и творческая, выступая не только в качестве объекта, но и субъекта культурной революции, в предвоенные годы являлась активной силой в создании и распространении духовных ценностей, в деле коммунистического воспитания трудящихся масс. Рост ее кадров в тот период имел большие социальные последствия, являясь одной из предпосылок успешного культурного строительства и, в частности, развития многонационального советского искусства и воспитания его средствами трудящихся масс. Именно поэтому так важна и неоспорима роль Комитета по делам искусств как проводника политики Коммунистической партии и Советского государства в области культуры. По данным переписи населения 1939 г., в СССР было свыше 57 тыс. режиссеров и актеров, более 44 тыс. композиторов, дирижеров, музыкантов, около 33 тыс. художников и скульпторов³⁴. Обладая интернационалистским мировоззрением, вобрав в себя лучшие национальные черты, эта армия бойцов культурного фронта стала серьезным помощником партии и государства в проведении культурно-воспитательной работы.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 827, л. 21.

³² Там же, д. 704, л. 46.

³³ Там же, д. 827, л. 105.

³⁴ «Советская историческая энциклопедия». Т. 6. М. 1965, стр. 119.

Расширяя сеть учреждений искусства и увеличивая подготовку кадров для нее, комитет в предвоенные годы разработал и внедрил ряд нормативных актов, касающихся деятельности учреждений искусства, условий и оплаты труда работников искусств и т. п. Эти акты отличаются высоким гуманизмом, выражают заботу партии и государства о советских актерах, режиссерах, художниках и других сотрудниках театрально-зрелищных предприятий.

Задачи поступательного развития советского искусства требовали дальнейшего повышения профессионального уровня работы государственного аппарата управления им. Именно поэтому в качестве совещательного органа при комитете в 1939 г. был создан Художественный совет, состоявший из секций: театра и драматургии, музыки, изобразительного искусства. Персональный состав совета был утвержден постановлением СНК СССР от 4 марта 1939 года³⁵. В его первом составе работали ведущие деятели советского искусства: В. В. Барсова, А. М. Герасимов, Р. М. Глиэр, И. Э. Грабарь, И. О. Дунаевский, С. М. Михоэлс, В. И. Мухина, В. И. Немирович-Данченко, Н. Ф. Погодин, С. А. Самосуд, А. Н. Толстой, К. А. Тренев и др. Создание столь представительного многих творческих задач на самом высоком профессиональном уровне.

Квалифицированный аппарат (в канун войны он насчитывал 313 человек, из них с высшим и незаконченным высшим образованием — 113 человек, членов партии и комсомольцев — около 40%³⁶), каким располагал комитет с первых дней своего существования, концентрировал вокруг себя ведущие творческие силы страны. Это достигалось не только путем объединения вокруг комитета художественного актива, но и путем координации его работы с деятельностью творческих союзов и обществ. Комитет опирался на опыт и знания Союза советских писателей (ССП), Союза советских композиторов, Всероссийского театрального общества (ВТО) и др. Он практиковал размещение государственных заказов в области драматургии, музыки, изобразительного искусства среди членов этих творческих объединений. Эффективной формой координации деятельности комитета с работой творческих союзов явились и такие мероприятия, как проведение совместных совещаний, конференций, выездных творческих пленумов с обсуждением наиболее актуальных проблем советского искусства. Весьма плодотворным было, например, проведенное комитетом в 1937 г. совместно с секцией драматургов ССП Всесоюзное репертуарное совещание.

Комитет принимал активное участие в работе литературного, музыкального, художественного и других фондов творческих объединений; его руководители входили в состав советов и секций творческих союзов. Так, членами совета ВТО были наряду с ведущими актерами и режиссерами и руководители комитета. При поддержке комитета ВТО в предвоенные годы стало своеобразным консультационным творческим центром, ставящим и разрабатывающим насущные вопросы развития советского театра. Театральным обществом совместно с комитетом организовывались творческие командировки на периферию наиболее квалифицированных критиков, театроведов и других специалистов. Опираясь на общественные союзы в области литературы и искусства, комитет направлял опыт и знания ведущих творческих работников на решение важных задач развития советского искусства. Вместе с тем он оказывал повседневную помощь и самим творческим союзам в их работе по повышению уровня драматургии, актерского и сценического мастерства, качества произведений музыкального и изобразительного искусства. В таком тесном содружестве укреплялась взаимосвязь творческих ра-

³⁵ «Бюллетень Комитета по делам искусств при СНК СССР», 1939, № 7, стр. 2.

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 704, л. 5.

ботников с органами государственного управления в области искусства.

Знакомясь с предвоенным периодом в истории советского искусства, когда был создан и успешно начал свою работу Комитет по делам искусств, можно сделать вывод, что его повседневная практическая деятельность заложила основы для формирования и совершенствования советской системы управления искусством в масштабах всей страны. Первые два года его работы явились периодом становления и поисков наиболее совершенных организационных форм и методов руководства отдельными видами искусства. Начиная с 1938 г. комитет осуществил полезные шаги по совершенствованию и развитию сети учреждений искусства, их репертуара, по организации концертно-гастрольной деятельности творческих коллективов и более совершенному обслуживанию ими широких трудящихся масс. Комитет проявил себя как государственный орган управления, выполнявший растущую по масштабам и темпам культурно-воспитательную функцию социалистического государства. Однако новый общесоюзный государственный орган управления в области искусства не смог тогда разрешить всех проблем управления этой отраслью. Вне сферы его влияния практически осталась художественная самодеятельность, не была разработана более совершенная система подготовки высококвалифицированных специалистов для всех видов советского искусства. Усиленного внимания со стороны комитета требовали и вопросы планирования, в том числе перспективного, в области искусства с учетом роста населения страны и потребностей трудящихся масс.

Вместе с тем практический опыт работы комитета показал, что специализированное руководство искусством в масштабах страны вполне оправдывает себя, способствуя наиболее полному удовлетворению растущих культурных запросов социалистического общества. Принцип государственного руководства художественной жизнью на основе партийности искусства открывал для всех видов художественного творчества единственно плодотворную перспективу их развития в русле социалистического реализма. Функции комитета, формы и основные направления его деятельности убедительно опровергают вымыслы буржуазной пропаганды о том, что советская художественная культура — жертва бюрократического администрирования. С победой социализма в нашей стране государственное руководство в области организации и управления искусством приобретало все большее значение. Оно являлось решающим условием функционирования и дальнейшего поступательного развития всех видов советского искусства, невиданного расцвета духовной культуры нашего народа.

НАЧАЛО НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

А. Г. Кузьмин

В решении вопроса о времени возникновения первых исторических сочинений на Руси важное место принадлежит установлению истоков новгородского летописания. В прошлом столетии начало новгородской летописной традиции обычно относили к XI в. (примерно к его середине)¹. Отдельные авторы допускали возможность появления летописных записей в Новгороде уже в X веке². А. А. Шахматов первую новгородскую запись датировал 1017 г., а первую летопись — 1050 годом³. Мысль о том, что первая новгородская летопись была составлена в 50-е годы XI столетия, развивал на новом материале Б. А. Рыбаков⁴. Но у многих современных специалистов (в том числе последователей А. А. Шахматова) существование новгородского летописания ранее XII в. вызывает сомнения⁵.

Скептическое отношение к возможности существования новгородского летописания XI в. проистекает из определенной оценки характера русских летописей, состоящей в стремлении свести все летописание к одному дереву, идущему от общего корня. Признание существования параллельного с киевским новгородского летописания неизбежно подрывало представление о едином дереве и требовало переосмысления общего подхода к изучению летописных материалов. В настоящей работе ставится задача привести дополнительную аргументацию в пользу самого факта существования раннего новгородского летописания, а также предлагаются некоторые уточнения относительно его состава. Что же касается пути его следования по общерусским или новгородским летописным произведениям, то решение этого вопроса на данном этапе не может выйти за рамки предварительных предположений.

Ближайшее знакомство с летописным материалом показывает, что даже для предварительного распределения текстов в их взаимосвязи не-

¹ Ср. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. М. 1960, стр. 99; И. Сенигов. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М. 1887, стр. 41 и др.

² И. И. Срезневский. Статьи о древних русских летописях (1853—1866). СПб. 1903, стр. 6—7; К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб. 1868, стр. 63 и др.

³ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908, стр. 491—515 и др.

⁴ Б. А. Рыбаков. «Остромирова летопись». «Вопросы истории», 1956, № 10; его же. Древняя Русь. М. 1963, стр. 193—206.

⁵ Ср. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947, стр. 88, 89, 93; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. «Вспомогательные исторические дисциплины». I. Л. 1968, стр. 28. Новгородского свода XI в. нет в построениях М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова. Ко времени «после 1108 г.» относит первую новгородскую летопись М. Х. Алешковский (М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. М. 1971, стр. 120). М. Н. Тихомиров аргументы А. А. Шахматова находил недостаточными, но исследование Б. А. Рыбакова побудило его пересмотреть отношение к данному вопросу (ср. М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Т. I. М. 1940, стр. 55 и та же работа издания 1962 г., стр. 52).

обходимы монографические исследования. Отнюдь не случайно, например, что капитальное исследование Б. А. Рыбакова о летописании XII в.⁶, разрешив широкий круг вопросов, оставило еще больше их для дальнейших специальных разысканий. Это неизбежно вытекает из самой природы летописания и репрезентативности сохранившегося материала; за отдельными статьями, фразами, обрывками фраз могут стоять самостоятельные сочинения, летописи, даже традиции, лишь случайно сохранные в позднейших сводах.

Новгородское летописание, как и новгородская письменность вообще, изучено крайне недостаточно. В советское время (если не считать исследование С. Н. Азбелева о летописании XVII в.) им занимались лишь И. М. Троицкий и Д. С. Лихачев⁷. Но оба автора, естественно, не могли охватить все вопросы, связанные, например, с генеалогией новгородских сводов, не говоря уже о других аспектах, требующих параллельного изучения летописных текстов и отраженных в них исторических эпох. Это отчасти объясняется сложностью исходного материала: сравнительно-текстологическое сопоставление обычного порядка не позволяет установить этапы составления сводов в Новгороде и даже не дает возможности определить характер взаимосвязи реально дошедших до нас летописей. Необходим детальный внутренний анализ текстов с максимальным привлечением внелетописных материалов.

Хотя Новгородская I летопись занимала исключительное место в построениях А. А. Шахматова, а отношение ее к Повести временных лет составляло, по его мнению, «главный вопрос нашей историографии»⁸, бесспорных данных, связанных с ее историей, немного. Летопись сохранилась в двух редакциях. Старший извод — Синодальный список — доведен до 30-х годов XIV в. с приписками до 1352 года. Но по палеографическим данным, часть списка до 1234 г. написана, видимо, еще в XIII веке⁹. Однако в списке утрачено начало до 1016 года. Младший извод летописи продолжается до 1446 г. и известен по двум спискам середины XV века. Кроме того, имеется отрывок летописи в списке XVI в., доходящий до 1015 г., и по своему объему примерно соответствующий утерянной части Синодального списка.

Главный вопрос в истории сложения Новгородской I летописи — это время и условия появления в Новгороде того летописного материала, который А. А. Шахматов относил к «Начальному своду»¹⁰. Ученый решил этот вопрос в зависимости от всей своей концепции истории летописания и так и не смог до конца преодолеть многочисленных противоречий. Сложение Синодального извода он относил к середине XIV в. на том основании, что в нем якобы отразился «Полихрон» начала XIV столетия¹¹. Позднее он, однако, согласился с датированием основной части списка XIII веком, в результате чего вопрос о месте летописи в общей его схеме остался открытым. Новгородский материал

⁶ Ср. Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М. 1972.

⁷ И. М. Троицкий. Возникновение Новгородской республики. «Известия» АН. VII серия. Л. 1932, № 4; его же. Опыт анализа первой Новгородской летописи. Там же. Л. 1933, № 5; его же. Элементы дружинной идеологии в «Повести временных лет». «Проблемы источниковедения». Вып. 2. М.-Л. 1936; Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. «Исторические записки». Т. 25. М. 1948 и др.

⁸ В. Пархоменко. Из листування з акад. О. О. Шахматовим. «Україна», кн. 6. Киев. 1925, стр. 128.

⁹ «Новгородская I летопись старшего и младшего изводов» (НЛ). М.-Л. 1950, стр. 5—7; ср. Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка I-й Новгородской летописи. СПб. 1900, стр. 16—17.

¹⁰ Имеется в виду текст младшего извода в части до 1016 и с 1052 по 1074 год.

¹¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.-Л. 1938, стр. 128—131 и др.

Синодального списка А. А. Шахматов возводил к Софийской владычной летописи и ее обработке при церкви Иакова. Особое внимание автор уделял наблюдению Д. Прозоровского, установившего связь известий 1144 г. (под которым летописец говорит о себе) и 1188 г. (когда сообщается о смерти иерея церкви Иакова — Германа Вояты)¹². В начальной части летописи, по мнению А. А. Шахматова, была использована «третья редакция» (чтения Ипатьевской летописи) Повести временных лет. В части с 1075 по 1333 г., по мнению А. А. Шахматова, младший извод восходил к общему с Синодальным списком источнику или даже к самому этому списку¹³. Что касается начальной части летописи, то предполагалось, что она предшествовала и тексту Повести временных лет и утраченным чтениям Синодального списка. Дефектность Синодального списка побудила составить в XV в. (на его же основе) новую летопись, и летописец компенсировал утерянные листы извлечением из другого памятника¹⁴.

В данном случае вряд ли стоит акцентировать внимание на отказе А. А. Шахматова от поисков общественно-политического смысла предполагаемых переработок. В принципе (в конкретном, частном случае) так тоже могло быть, а рассуждения об исторических условиях появления предположительных сводов далеко не всегда отправляются от реально существующих текстов. Но автор имел слишком мало данных для самого противопоставления двух изводов. Ученый, видимо, ошибался, полагая, что в утерянной части старшего извода «содержался более или менее полный текст Повести вр. лет»¹⁵. Напротив, можно с уверенностью говорить о том, что утерянная часть по объему примерно соответствовала спискам младшего извода¹⁶. На неправомочность противопоставления Синодального списка спискам младшего извода обращал внимание еще И. Сенигов, а в недавнее время Д. С. Лихачев¹⁷. Да и сам А. А. Шахматов в конце концов должен был признать знакомство составителя основной части Синодального списка (в XIII в.) с летописью, содержащей так называемый Начальный свод¹⁸. Автор не успел скорректировать в свете этого признания свое основное построение. Он остановился на допущении, что свод XIII в., содержащий Начальный свод, был киевским, а не новгородским. К

¹² Там же, стр. 129—132; ср. Д. Прозоровский. Кто был писателем первой Новгородской летописи. «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), ч. 75. СПб. 1852, стр. 21—23.

¹³ Ср. А. А. Шахматов. Обзорение, стр. 129; его же. Киевский начальный свод 1095 года. «Академик А. А. Шахматов». М.-Л. 1947, стр. 128 и др.

¹⁴ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года, стр. 127 и др. Статьи младшего извода Новгородской I летописи за 1052—1074 гг. включены А. А. Шахматовым в состав предполагаемого «Начального свода», очевидно, по недоразумению: они восходят к одной из уже довольно неисправных редакций Повести временных лет; (ср. А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969, стр. 52, 63—64).

¹⁵ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года, стр. 123.

¹⁶ Текст Повести временных лет в части до 1015 г. составляет примерно 125 тыс. знаков (рукописных). На 128 листах Синодального списка их могло поместиться немногим более 100 тысяч. Комиссионный список дает примерно 93 тыс. знаков летописного текста и свыше 20 тыс. знаков вводных статей, Троицкий список — около 92 тыс. знаков. Но на первых листах Синодального списка также могли помещаться вводные статьи, а отрывок между его началом и окончанием Троицкого списка содержал около 2—3 тыс. знаков. Кстати, Троицкий список в изложении уسوبцы 1015 г. следует Повести временных лет, а Синодальный список содержит некоторые данные Повести, неизвестные младшему изводу.

¹⁷ И. Сенигов. Указ соч., стр. 52—80; Д. С. Лихачев. «Софийский временник»..., стр. 252—255.

¹⁸ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 года, стр. 148. Статья 1204 г. оказывается в очевидной связи с обещанием автора (или редактора?) предисловия довести изложение до Алексея и Исакия, при которых Константинополь был захвачен крестоносцами. На это обстоятельство неоднократно указывалось еще в XIX веке.

сходным выводам пришел и И. М. Троицкий, более уверенно говоривший о привлечении киевского источника в Новгороде именно в XIII веке¹⁹.

Ряд интересных наблюдений И. М. Троицкий сделал и в отношении сложения Новгородской I летописи. Младший извод по его схеме наиболее полно представляет владычное летописание. Эта редакция, кстати, не знает сведений о Вояте и индиктного счета. Синодальный список, помимо владычного свода, использовал материал Юрьевского монастыря. При этом перерыв в первой группе юрьевских известий заставил автора предполагать сводческую работу в конце 30-х — начале 40-х годов XIII века²⁰. Добавим, что летопись не могла обрываться незаконченной фразой 1234 г. (почерк XIII в. в Синодальном списке), а общерусский материал в обоих изводах продолжается до 1238 года²¹. Можно напомнить также давнее наблюдение И. А. Тихомирова: в Тверском сборнике новгородский источник продолжается до 1255 г.²², причем его чтения в ряде случаев первоначальнее текста Новгородской I летописи²³. Все это заставляет предполагать, что именно около середины XIII в. определились многие особенности обоих изводов Новгородской I летописи²⁴.

В данном случае нет необходимости устанавливать характер того южного источника, который соединился с новгородским летописанием в XIII веке. Важно отметить, что это, очевидно, далеко не самый ранний этап новгородского летописания, а особое внимание к общерусскому материалу, возможно, отрицательно сказалось на отношении к собственно новгородской традиции. Уже некоторые расхождения двух изводов заставляют предполагать наличие разновременных и разноплановых обработок местного материала. Е. Ю. Перфецкий полагал, что в XII в. в Новгороде велось параллельное владычное и княжеское летописание²⁵. И в плане выявления самостоятельных редакций или традиций особый интерес представляют софийско-новгородские летописи. В Новгородской I летописи (обоих изводов) киевский источник прослеживается в части до 1115 г., но в известиях XI столетия наблюдаются значительные перерывы. В софийско-новгородских сводах весьма полно представлены события времени княжения Ярослава, причем в ряде случаев в них оказываются дополнительные сведения по сравнению и с Повестью временных лет. Эти летописи, очевидно, использовали тот новго-

¹⁹ И. М. Троицкий. *Элементы дружинной идеологии*., стр. 20 и др. С последней работой А. А. Шахматова автор не был знаком.

²⁰ И. М. Троицкий. *Опыт анализа первой новгородской летописи*, стр. 352—361 и др.

²¹ Ср. А. А. Шахматов. *Обозрение*., стр. 130—131; В. Т. Пашуто. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М. 1950, стр. 22, 46—57.

²² И. А. Тихомиров. *О сборнике, именуемом Тверской летописью*. ЖМНП, ч. 188, СПб. 1876, стр. 264.

²³ Ср. А. Попов. *Обзор хронографов русской редакции*. Вып. I. М. 1866, стр. 93.

²⁴ Намерение довести изложение до последних византийских императоров указывает на время где-то между 1204 и 1261 г., когда существовала Латинская империя. Весьма вероятно, что летописец был близок к архиепископу Антонию, совершившему в начале XIII в. путешествие в Царьград. Летописец сочувствует Антонию, неоднократно изгнавшемуся новгородцами. Время болезни Антония (1232 г.) обозначено с точностью до одного дня. Антоний был в 1220—1225 гг. епископом в Перемышле, что объясняет интерес к делам южной Руси. Герой Калкской битвы Мстислав Удалой в течение ряда лет княжил в Новгороде, а с 1219 г. — в Галиче. С позиций этого князя дается в летописи описание битвы. Автору настоящей статьи приходилось уже обращать внимание на новгородское происхождение «предисловия» (А. Г. Кузьмин. *Указ. соч.*, стр. 46—50, 60—61, 63—67, 94—97, 140—142 и др.). Особое значение имеет при этом факт зависимости отдельных чтений летописи от Эллинского летописца II редакции или Толковой палеи. Можно отметить также, что обработка летописных статей 30-х годов XIII в. созвучна многим положениям «предисловия».

²⁵ Е. Ю. Перфецкий. *Русские летописные своды и их взаимоотношения*. Братислава. 1922, стр. 59—73. Начало «княжеской» новгородской летописи автор относит ко второй четверти XI века.

родский свод, который отразился в Новгородской I летописи (включая предисловие), но начальная часть их основана на каком-то дополнительном источнике.

Древнейшие списки Софийской I летописи относятся к XV в., а общий текст (софийско-новгородских сводов доходит до 1418 года. Иными словами, основа софийско-новгородских летописей древнее младшего извода Новгородской I летописи, но моложе ее старшего извода. Существенно, однако, то, что ни та, ни другая летопись не могут объяснить оригинальных чтений софийско-новгородских сводов. Отличия же их от Новгородской I летописи в значительной части идут за счет общерусских сведений. Последние, в частности, продолжают до второй половины XII в., именно до 1185 г. (поход Игоря на половцев в редакции, близкой Лаврентьевской летописи). Е. Ю. Перфецкий полагал, что если Лаврентьевская и Ипатьевская летописи восходят в своей общей части к своду 1193 г., то своды XV в. имеют в основе летопись, составленную в 1189 году²⁶. Для точного обозначения времени составления этой летописи данных, видимо, недостаточно. Но общая оценка соотношения этих текстов (при учете вторичного воздействия традиции Лаврентьевской летописи на софийско-новгородские своды) весьма вероятна. Можно отметить, что ряд сведений софийско-новгородских летописей не находит соответствия в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, но имеется в сводах XV—XVI вв. с определенной ростовской окраской.

Следует обратить внимание и еще на одну особенность софийско-новгородских сводов. Именно готовя их к печати, П. М. Строев пришел к выводу о компилятивности наших хроник. И действительно, повторы иногда встречаются на одной странице. Иными словами, перед нами пример механической сводки на хронологической канве. Но для историка литературные недостатки летописи обращаются несравненным достоинством, поскольку вмешательство позднейшего сводчика, в сущности, ограничивается несколькими ошибками, допущенными при механическом переписывании, может быть, какими-то сокращениями. В свое время А. А. Шахматов придал определенное значение тому факту, что в руках составителя Софийской I летописи был «Киевский летописец»²⁷. Это сравнительно редкий случай, когда летописец упоминает источник. Однако характер отсылки не привлек внимания А. А. Шахматова. Между тем они дают представление о том, как работал данный летописец. Примечательно, что он не вносит в свой текст те сведения, которые имеются в киевской летописи²⁸. Видимо, список должен был служить дополнением к имевшейся у переписчика киевской летописи. Независимо от того, мыслилась ли Софийская летопись как материал для составления нового свода, или кто-то делал для себя выписки, имея в виду другие свои рукописи — ее чисто компилятивный характер очевиден, и именно в этом ее ценность.

Весьма существенно, что в согласии с Синаодальным списком софийско-новгородские летописи упоминают Германа Вояту, имя которого

²⁶ Там же, стр. 23—31 и др.

²⁷ А. А. Шахматов. Обозрение..., стр. 212—213. «Летописец» упоминается в статьях 1077—1090 годов.

²⁸ Ср. «В лето 6585 поиде Изяслав с Ляхы. А писано въ Киевском» («Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. V, вып. I. Л. 1925, стр. 147). В «Киевском», то есть в Повести временных лет, сюжет этот описывается с известными подробностями. То же самое относится к событиям следующего года («В лето 6586 бежа Олег сын Святославль. Иши в Киевском»): без обращения к «Киевскому» летописцу нельзя понять, о чем идет речь. Дав под 6587 г. сообщение об убийстве Глеба Святославича, летописец поясняет, что «убиение Глебово писано в Киевском в шестое». Годы 6589, 6590, 6592—6594 вообще пропущены с отсылкой к «Киевскому» летописцу (ПСРЛ, Т. V, вып. I, стр. 148). Основной источник Софийской летописи содержал дефекты, характерные для Лаврентьевского списка. Это видно из хронологической путаницы под 6596—6598 годами. Даты же «Киевского» летописца совпадают с Ипатьевской летописью.

выпало из списков младшего извода, а в согласии с последними сохраняют комментарий под 1049 г. о поставлении «ныне» на месте сгоревшей деревянной Софии церкви Бориса и Глеба Соткой Сытиничем (этого комментария нет в Синодальном списке). Сотко Сытинич заложил церковь в 1167 г., и А. А. Шахматов на этом основании датировал свод «Германа Вояты» 1167 годом²⁹. Д. С. Лихачев указал на то, что эта церковь освящалась в 1173 г., и вообще поставил под сомнение выделяемый А. А. Шахматовым этап³⁰. Действительно, общеобязательной даты и в этом случае быть не может. Но Сотко Сытинич был, очевидно, современником того летописца, который обрабатывал какие-то новгородские записи XI века. Этим летописцем вполне мог быть умерший в 1188 г. Герман Воята, и нет оснований считать (как думал А. А. Шахматов), что он оставил свои занятия задолго до смерти.

Разумеется, серединой XIII и второй половиной XII веков не исчерпываются периоды активной сводческой работы новгородских летописцев. Очевидно, еще при Всеволоде Мстиславиче или вскоре после его изгнания (1136 г.) составлялся свод с привлечением южнорусского летописания (до 1115 г.). Могли быть и иные этапы, выделение которых потребует особо внимательного анализа содержания известных текстов и возможных сопутствующих материалов. Поэтому пока ограничимся констатацией положения, что при обращении к Новгородской I и софийско-новгородским летописям они могут рассматриваться практически как равноценные. Это положение распространяется и на списки Повести временных лет.

В свое время Н. Н. Яниш пришел к выводу, что Новгородская I летопись младшего извода, в части до 1078 г. является компиляцией из материалов Повести временных лет и местных источников, причем в части с 945 г. текст Софийской I летописи представлялся ему более полным и первичным³¹. Действительно, практически все отличия Новгородской I летописи от Повести временных лет в этих хронологических пределах имеются также и в Софийской I летописи. В то же время Софийская летопись (равно как Новгородская IV и некоторые позднейшие своды) содержит существенные дополнения по сравнению не только с Новгородской I летописью, но и с Повестью временных лет. Для решения вопроса о независимости их от Начальной летописи (Повести временных лет) важно выделить бесспорные случаи первичности чтений софийско-новгородских летописей. При этом необходимо считаться с вероятностью отражения в сводах XV в. сразу нескольких редакций древних памятников (в том числе и Повести временных лет). Иными словами, первичность в отношении одних известий не может автоматически переноситься на другие, помещенные в той или иной статье. Необходима группировка их по каким-либо достаточно объективным признакам. Первичность же в большинстве случаев может устанавливаться лишь на основе внутренней логики и достоверности известий.

Одним из важных событий времени Ярослава был поход 1043 г. на греков во главе с Владимиром Ярославичем (новгородским князем) и Вышатой (воеводой Ярослава). Сообщение об этом походе имеется в византийских источниках³². Их данные могут быть, следовательно, привлечены для корректировки отдельных сведений летописей. В Новгородской I летописи этот сюжет опущен, но в Повести временных лет

²⁹ Ср. А. А. Шахматов. *Обозрение...*, стр. 129—132 и др.

³⁰ Д. С. Лихачев. «Софийский временник»..., стр. 252. Автор находит неправомерным самое сопоставление известий, взятых из «различных ствол» новгородского летописания. Но это соображение имеет основание только в том смысле, что не один Герман Воята мог быть современным Сотко Сытиничу летописцем.

³¹ Н. Н. Яниш. *Новгородская летопись и ее московские переделки*. М. 1874, стр. 32.

³² Ср. Г. Г. Литаврин. *Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г.* «Византийский временник». XXIX. М. 1968, стр. 105—107 и др.

и софийско-новгородских сводах он описан довольно обстоятельно. Оформление рассказа завершилось, видимо, сравнительно поздно, поскольку Вышата определен как «отец Янев». Между тем этот воевода был достаточно знаменит и сам по себе, к Яню же особое внимание проявлял летописец, работавший в конце XI—начале XII века. Д. С. Лихачев отметил противоречие в версии описания событий Повести временных лет: после того как буря разбила корабли, якобы «взя князя в корабль Иван Творимировичь, воевода Ярославль»³³. Однако воеводой Ярослава был не Иван Творимирич, а Вышата. Д. С. Лихачев допустил соединение в этом случае чтений так называемого Начального свода (1095г.), где воеводой назывался Иван Творимирич, и устного рассказа Яня, выдвигавшего на первый план Вышату. Но обращение к софийско-новгородским летописям устраняет необходимость такого допущения: текст их в этом случае вполне ясен.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

И поиде Володимер в лодьях, и придоша в Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби ветр, и взя князя в корабль Иван Творимиричъ, воевода Ярославль. Прочии же вои Володимери вывержени быша на брег, числом 6000, и хотящем поити в Русь, и не идяше с ними никтоже от дружины княжее. И рече Вышата: «аз поиду с ними»; и выседе ис корабля к ним, и рече: «аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». И поидоша хотяще в Русь. И бысть весть Грьком, яко избило море Русь, и посла царь, именовем Мономах, по Руси олядий 14; Володимер же виде с дружиною, яко идуть по немь, въспятився изби оляди Гречьския, и възвратися в Русь, вседъше в корабле свое.

СОФИЙСКАЯ I ЛЕТОПИСЬ

И поиде Владимир на Царьград в лодьях. И прошедше пороги, и придоша к Дунаю, рекоша Русь Владимиру: «Станем зде на поле»; а Варязи ркоша: «Поидем под город». И послуша Владимир Варяг и от Дуная поиде к Царюграду с вои по морю. Греци же, видевше, изыдоша на море и начаша погружати в море пелены Христовы с мощьми святых. И божим гневом възмутися море и гром бысть велик и силен. И бысть буря велика и начашася лодии разбивати. И разби карабли, и побегоша Варязи възспять. И князь корабль Владимиръ разби ветр, и едва Иоан Творимиричъ князя Владимира высади в свой корабль и воеводу Ярослава. Прочии же вои Владимеровы вывержени быша на брег, числом 6000, сташа на брезе назн и хотяще поити в Русь. И не иде с ними никто от дружины княжие. Вышата же воевода, виде дружину свою стоящу, и рече: «Не иду к Ярославу». И выседе ис корабля к воем и рече Вышата: «Аз иду с ними», рка: «Аще ли жив буду с нима, аще ли погыбну, то с дружиною». И поидоша хотяще в Русь. И бысть весть Греком, яко избило море Русь. И посла царь именовем Монамах, по Руси възслед олядий 14. Владимир же, виде вои его, яко идуть по них, възспятився, изби оляди Греческия. И възвратишася в Русь³⁴.

Завершается рассказ в обеих версиях идентично: оказавшиеся на берегу воины вместе с Вышатой были захвачены греками, уведены к Царь-

³³ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. Т. II. М.-Л. 1950, стр. 378.

³⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку (далее — ЛЛ). СПб. 1897, стр. 150—151; ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 128—129. Оляди — ладьи, корабли.

граду и ослеплены там. Сам Вышата вернулся на Русь через три года после заключения мира.

На первичность текста Софийской I летописи в данном случае обратил внимание еще К. Н. Бестужев-Рюмин³⁵. Из текста этой летописи, в частности, следует, что Иван Творимирич и не был воеводой. Он упомянут потому, что именно на его корабле нашли спасение князь с воеводой. Весь рассказ (за исключением, может быть, клерикальной вставки о «пеленах») в Софийской I летописи рельефней.

Примечательно, что в Повести временных лет варяги не упоминаются. Но сообщение софийско-новгородских летописей и в этом случае вполне достоверно. Участие варяжских наемников в походе зафиксировано греческими источниками. Михаил Атталиат, между прочим, сообщает, что в числе участников похода был отряд с северных островов океана, то есть, очевидно, со славяно-норманских островов Балтийского моря³⁶. В Софийской летописи с самого начала сказано, что Ярослав дал Владимиру «воя многы: Варязи, Русь». Затем эти две группы как бы противопоставляются друг другу. Варяги, в частности, оказываются косвенными виновниками неудачи, так как именно они подбили князя идти морем от Дуная. Б. А. Рыбаков не без оснований видит в рассказе «яркую антиваряжскую статью»³⁷. Отметим также, что автор статьи, видимо, не был знаком с варяжской легендой происхождения Руси и не отождествлял «русь» с «варягами».

Вопреки распространенному представлению информатором летописца в данном случае мог быть не Янь и даже не Вышата, а новгородец Иван Творимирич. Ведь в летописи, в сущности, нашел отражение только один момент похода: потерпевшие крушение князь и Вышата были подобраны новгородцем. Здесь, на корабле, Вышата проявил благородство, вызвавшись идти сухим путем с теми, кто оказался без каких-либо припасов на берегу. Выбравшиеся на берег воины — это прежде всего новгородцы. Сопровождая их, Вышата отказывается вернуться к Ярославу (вместе с приданной ему дружиной киевского князя). Что было дальше с Вышатой, летописец, в сущности, не знает. Он отмечает лишь факт его возвращения из плена через несколько лет.

Таким образом, статья 1043 г. позволяет сделать ряд важных предположений. Главное из них заключается в очевидном приоритете в данном случае текста софийско-новгородских летописей перед Повестью временных лет. Далее. Этот текст нет нужды связывать с работой киевского летописца (по мнению А. А. Шахматова, Никона)³⁸. Ни Вышата, ни Янь не могут рассматриваться в качестве информаторов рассказчика. Таковым скорее можно признать Ивана Творимирича или кого-то из новгородцев, избежавших пленения оставшихся (вместе с Вышатой) на берегу воинов. Допущение Б. А. Рыбакова, что текст имеет новгородское происхождение³⁹, в высшей мере вероятно. Именно новгородцы — главное действующее лицо в событиях. Вместе с тем необходимо считаться с позднейшей редактурой, которая выражается во вставке, по существу, грекофильской легенды о «пеленах Христовых», а также в напоминании о том, что Вышата — это отец Яня. Сам Вышата был тесно связан с Новгородом. После смерти Владимира Ярославича он оказывается на службе у его сына Ростислава⁴⁰.

Хронология княжения Ярослава крайне запутана. В сущности, только дата похода на греков имеет точное обозначение по константи-

³⁵ К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ соч., стр. 43—44, приложение.

³⁶ В. Г. Васильевский. Труды. Т. I. СПб. 1908, стр. 308.

³⁷ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 204.

³⁸ Ср. А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 444.

³⁹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 205.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. М. 1962, стб. 152 (Вышата вместе с Ростиславом бежит в 1064 г. в Тмутаракань).

нопольской эре (6551—1043 г.). Да и то в Новгородской IV летописи рассказ помещен под 6549 (1041) г., что, может быть, свидетельствует об отсутствии абсолютной хронологии в первоначальной летописной повести, включавшей рассказ о походе. В софийско-новгородских летописях некоторые события дублируются. Так, о закладке киевской Софии в новгородских летописях говорится дважды: под 1017 (6525) и 1037 (6545) годами. Дважды говорится и о приходе к Киеву печенегов (6525 и 6544 гг.)⁴¹, хотя совершенно очевидно, что речь идет об одних и тех же событиях. Даты 6544—6545 гг. появились под несомненным влиянием данных Повести временных лет. Но софийско-новгородские летописи отразили и особый источник, который сам лишь в определенной степени был использован Начальной летописью. Источник этот оказался разорванным другими материалами (как это обычно бывает в летописных сводах). На один обрыв такого рода указал А. А. Шахматов. В Начальной летописи сразу после сообщения о смерти Мстислава в Чернигове говорится, что «иде Ярослав Новугороду, и посади сына своего Володимера Новегороде, епископа постави Жидяту; и в се время родися Ярославу сын, нарекоша имя ему Вячеслав»⁴². В софийско-новгородских летописях об этом сообщается под 1034 (6542) годом⁴³. Далее в обеих летописях говорится о битве с печенегам, и мероприятиях Ярослава по укреплению Киева, и сооружении им церковей. Статья же 6546 (1038) г. в софийско-новгородских летописях оказывается продолжением рассказа, помещенного под 1034 г.: «Иде весне велики князь Ярослав к Киеву, а на зиму ходи на ятвягы, и не можаху их взяти»⁴⁴. В Повести временных лет под тем же годом имеется лаконичное сообщение: «Ярослав иде на ятвягы»⁴⁵.

Вполне возможно, что возвращение Ярослава из Новгорода в Киев датировано в софийско-новгородских летописях 1038 г. под влиянием Начальной летописи: 1036—1037 гг. заполнены в ней важными с точки зрения летописца событиями. Но, устраняя одно противоречие, летописец допускает другое: Ярослав занимается устройством киевских дел тогда, когда его (по логике летописи) и в Киеве не было. Противоречие такого рода, видимо, заметил и один из редакторов Повести временных лет: он опустил указание на возвращение Ярослава в Киев. Иными словами, киевский летописец обрабатывал тот же источник, который в более первоначальном виде сохранился в софийско-новгородских летописях. Софийско-новгородские же летописи, полнее передавая этот источник, учитывали также редакцию Повести временных лет. В этих условиях нелегко определить объем предполагаемого новгородского источника. Главным критерием оказывается именно самый факт наличия в софийско-новгородских летописях более или менее существенных дополнений по сравнению с Начальной летописью.

Первые значительные отличия от текста Повести временных лет в софийско-новгородских летописях связаны с описанием усобицы в Русской земле после смерти Владимира. Статья 6523 (1015) г. в Повести временных лет заимствована в основном из Сказания о Борисе и Глебе, включая также отдельные вкрапления из Корсунской легенды⁴⁶. Вместе с тем в описании событий усобицы (1015—1019 гг.) отражаются и собственно летописные записи, как киевские, так и новгородские.

⁴¹ Ср. ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 88 и 127.

⁴² ЛЛ, стр. 147.

⁴³ ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 127; т. IV, ч. I, вып. I. Птгр. 1915, стр. 114.

⁴⁴ Там же. Т. V, вып. I, стр. 127.

⁴⁵ ЛЛ, стр. 150.

⁴⁶ Ср. Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М. 1957 (о соотношении летописной статьи и Сказания); Н. К. Никольский. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб. 1907, стр. 2—3. Чересполосного распределения отрывков этих двух памятников оба автора, к сожалению, не учитывали.

Так, статья 6524 (1016) г. заканчивается сообщением о том, что Ярослав «седе Кыеве на столе отъни и дедни», что согласуется с заголовком статьи: «Начало княженья Ярослава Кыеве»⁴⁷. Но затем под 6527 (1017) г. приводится лаконичное известие: «Ярослав иде в Киев и погоре церкви»⁴⁸. В софийско-новгородских летописях под тем же годом сообщается, что «приидоша Печенези к Киеву и секошася у Киева, и едва к вечеру одоле Ярослав Печенегы, и отбегоша посрамлени. И заложи Ярослав град великий Киев и золотая врата постави и церковь святую Софию заложил»⁴⁹. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с выписками из одного и того же источника, но неодинаково осмысленными. Автор текста, вошедшего в *Повесть временных лет*, набег печенегов и строительную деятельность Ярослава относил к 1036—1037 гг., но, видимо, не обратил внимания на то, что именно из Новгорода Ярослав шел для освобождения Киева от осаждавших его печенегов. В софийско-новгородских летописях, напротив, редактор учитывал, что о вокняжении Ярослава в Киеве уже сообщала статья предшествовавшего года, и говорил только о нападении печенегов и строительной деятельности Ярослава.

Для характеристики источника обеих летописей о битве с печенегам и строительной деятельности Ярослава чрезвычайно важно установить действительный ход событий. Это один из тех случаев, когда текстологические вопросы могут решаться только в зависимости от исторического содержания записей. В свое время С. М. Соловьев отдавал предпочтение Софийской летописи, указав на параллель у Титмара Мерзебургского о нападении печенегов на Киев. К такому же решению склонялся К. Н. Бестужев-Рюмин. Более обстоятельно и более уверенно в пользу первичности чтения Софийской летописи решал этот вопрос Н. Н. Яниш⁵⁰. А. А. Шахматов, напротив, отдавал предпочтение датам *Повести временных лет*, видя в самом новгородском летописании перерыв между 1017 и 1036 годом⁵¹. Представление о создании Древнейшего свода в 1039 г. по случаю завершения Софийского собора предполагало доверие к датам Начальной летописи. Аналогичного взгляда придерживается Д. С. Лихачев⁵². Однако вернувшийся к этому вопросу Н. Н. Ильин снова признал первичность версии Софийского свода⁵³. Некоторые аргументы (известные ранее или вновь привлеченные) имеют при этом абсолютное значение. Особенно это касается свидетельств Титмара Мерзебургского, умершего в конце 1018 года.

Как явствует из описания и комментария одного из составителей *Повести временных лет*, битва происходила на том месте, где позднее была сооружена киевская София. Но «монастырь» Софии был известен в Киеве уже Титмару Мерзебургскому, описавшему поход Болеслава 1018 года⁵⁴. Галл Аноним сообщает, что Болеслав «обнаженным мечем ударил в золотые ворота»⁵⁵. Само выступление печенегов около 1017 г. также известно Титмару Мерзебургскому, причем они действовали по наущению Болеслава⁵⁶. Знает Титмар и о том, что София пого-

⁴⁷ ЛЛ, стр. 138.

⁴⁸ Там же, стр. 139.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 88.

⁵⁰ С. М. Соловьев. История России. Кн. I. М. 1959, стр. 324; К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., стр. 38—39; Н. Н. Яниш. Указ. соч., стр. 67.

⁵¹ А. А. Шахматов. Разыскания., стр. 491—515 и др.

⁵² Д. С. Лихачев. *Повесть временных лет*. Т. II, стр. 363.

⁵³ Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 117—123 и др.

⁵⁴ «Titmari Merseburgensis Chronicon». В. 1966, р. 474. Ср. Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 117; А. Поппэ. Русские митрополии Константинопольской патриархии. «Византийский временник». Т. XXVIII. М. 1968, стр. 87 (о «монастыре» в значении кафедрального собора).

⁵⁵ Галл Аноним. Хроника. М. 1961, стр. 36.

⁵⁶ Ср. Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 121 и др.; В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь. М. 1964, стр. 242.

рела годом раньше, это перекликается с глухим указанием Начальной летописи под 1017 годом. Сообщение Титмара о захвате Ярославом какого-то польского города в 1017 г. можно сопоставить с указанием новгородских летописей о походе Ярослава в том году к Берестью⁵⁷. Иными словами, данные об активной деятельности Ярослава сразу по вокняжении в Киеве находят подтверждение у современников.

Нет ничего удивительного в том, что Ярослав проявлял особую энергию по укреплению Киева именно в первые годы, когда борьба со Святополком и поддерживавшими его поляками и печенегами была в самом разгаре. Весьма вероятно, что не пользовавшийся популярностью у киевлян Ярослав пытался заручиться поддержкой верхушки духовенства, чему служило строительство собора Софии. Не исключено, что события 1018 г. прервали начатые мероприятия. Можно думать, что на некоторое время Ярослав вообще предпочитал Новгород Киеву⁵⁸. Но перемещение некоторых событий в статью 1036—1037 гг. могло быть связано с характером источника, к которому в конечном счете восходили основные данные о княжении Ярослава: источник вряд ли вообще имел абсолютную хронологию, представляя собой либо цельную повесть, либо хронику, датированную годами правления князя. С обрывком подобной хроники мы имеем, в частности, дело в «Памяти и похвале Владимиру» Иакова мниха.

Можно обратить внимание на одну параллель. Перед датированной частью летописи в Повести временных лет помещен перечень лет правления русских князей. Время правления Ярослава там обозначено в 40 лет⁵⁹. Реальным датам Начальной летописи эта цифра не соответствует. Но в Повести временных лет описание княжения Владимира фактически завершается 996—997 (6504—6505) годами. Я. Длугош, между прочим, датировал кончину Владимира 1005 г., в чем, возможно, отражалась как раз дата 6505 год⁶⁰. 6505—997 г. + 40 лет давали как раз 6545—1037 год. Иными словами, под 1037 г. давалась в какой-то летописи обобщенная характеристика правления Ярослава.

Рассказывая о поражении Ярослава у Буга в 1018 г., Повесть временных лет отмечает, что Ярослав бежал «с 4-ми мужи Новугороду, Болеслав же вниде в Киев с Святополком»⁶¹. В летописях с софийско-новгородской основой в этой связи приводятся существенные подробности: «И ту убиша Буды воеводу; и иных множество победиша, а еже руками их изимаше, тых ростоци Болеслав по Ляхом, а сам вниде в Киев с Святополком и седе на столе Володимире. И тогда Болеслав положи себе на ложу Предславу, дочь Володимерю, сестру Ярославлю»⁶². Достоверность уточнения подтверждает Галл Аноним, сообщающий, что Болеслав взял на ложе ту из дочерей Владимира, которую ему ранее отказался отдать в жены русский князь⁶³.

Некоторые дополнения по сравнению с софийско-новгородскими летописями и Повестью временных лет содержит Устюжский летописный свод, на особое значение которого для реконструкции древнейшего летописания указал М. Н. Тихомиров, а применительно к данному сюжету В. Д. Королюк⁶⁴. Повесть временных лет, равно как софийско-нов-

⁵⁷ НЛ, стр. 15. В Повести временных лет подход к Берестью датирован 6530 (1022?) годом.

⁵⁸ Ср. Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 118—119.

⁵⁹ ЛЛ, стр. 17 (ср. А. Г. Кузьмин. Указ. соч., стр. 81 и др.).

⁶⁰ Ср. К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч., приложение, стр. 83—84.

⁶¹ ЛЛ, стр. 140.

⁶² ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. I, стр. 108; «Устюжский летописный свод». М.-Л. 1950, стр. 39 (далее—УЛС). В Софийской I летописи есть некоторые искажения (например, вместо воеводы Буды назван Блуд).

⁶³ Галл Аноним. Хроника, стр. 36.

⁶⁴ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5; В. Д. Королюк. Указ. соч., стр. 235—236 и др.

городские летописи, сообщает, что Ярослав хотел бежать «за море». Но Константин Добрынич с новгородцами «расекоша лодье Ярославле», и собрали деньги для найма варягов: по 4 куны от мужа, по 10 гривен от старост и по 18 гривен от бояр⁶⁵. Устюжский свод уточняет, что Константин рассеченные ладьи «всоваша... в Волхов», и указывает количество нанятых варягов — 14 тыс., а общее количество войска определено в 40 тыс. человек⁶⁶.

В Устюжском своде имеется отсутствующее в других летописях указание на то, что Болеслав сидел в Киеве «месяц един»⁶⁷. Согласно Галлу Анониму, Болеслав владел Киевом 10 месяцев⁶⁸. Однако специальные исследования заставляют признать достоверным именно указание Устюжского свода: обстоятельства оставляли Болеславу на пребывание в Киеве всего около месяца⁶⁹. Но даже если допустить, что в русской летописи допущена ошибка, существенно, что в ней вообще указывалось время пребывания Болеслава в Киеве.

Говоря о происхождении некоторых чтений новгородско-софийских летописей, в рассматриваемой статье А. А. Шахматов связал их с «Житием Антония», якобы использованным в Начальном своде и в «своде 1423 года»⁷⁰. Главным основанием для такого предположения явилось упоминание в летописи Предславы, у которой, согласно Киево-печерскому патерику, скрывался в свое время Моисей Угрин — один из печерских «подвижников». А. А. Шахматов опирался на летописи, в которых имя Моисея Угрина не упоминалось. Устюжский же свод прямо говорит, что вместе с Предславой и другими киевскими людьми в Польшу был выведен и Моисей Угрин, брат убитого в 1015 г. вместе с Борисом Георгия⁷¹. Тем не менее допущение А. А. Шахматова вряд ли может быть принято. Новгородская I летопись, на основании которой А. А. Шахматов реконструировал Начальный свод, этого сюжета не знает, и вообще нет никаких данных, с помощью которых можно было бы ставить вопрос об использовании предполагаемым Начальным сводом не дошедшего до нас Жития Антония. По мнению В. Д. Королюка, источником разных вариантов летописного рассказа было особое сказание о Предславе⁷². Но и для такого допущения нет достаточных данных. Более основательно предположение Б. А. Рыбакова, связывающего сюжеты о Предславе с новгородской летописью середины XI в., называемой им «Остромировой»⁷³. Нетрудно заметить, что Предслава фигурирует в летописи в определенном окружении: обычно речь идет о Ярославе и новгородских делах.

Опущение эпизода с Предславой в Повести временных лет едва ли случайно. В 70—80-е годы XI столетия в Киеве трудился летописец, близкий Изяславу, который последовательно смягчал выпады против польского короля⁷⁴. В летописях с софийско-новгородской основой сохранился текст, не затронутый рукой этого летописца. Что касается имени Моисея в Устюжском своде, то оно, возможно, косвенно свидетельствует о литературной истории рассматриваемых текстов. Из переписки Симона и Поликарпа начала XIII в. можно понять, что Моисею отводи-

⁶⁵ ЛЛ, стр. 140; ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 88 и др.

⁶⁶ УЛС, стр. 39.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Галл Аноним. Хроника, стр. 36.

⁶⁹ Ср. И. Линниченко. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Т. I. Киев. 1884, стр. 109; В. Д. Королюк. Указ. соч., стр. 257 и др.

⁷⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 279.

⁷¹ УЛС, стр. 40.

⁷² В. Д. Королюк. Указ. соч., стр. 310—311 и др.

⁷³ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 202.

⁷⁴ Ср. А. Г. Кузьмин. Древнерусские исторические традиции. «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 58—59 и др.

лось определенное место в «Летописце старом ростовском»⁷⁵. Ростовская земля, как известно, политически и экономически в течение длительного времени тесно была связана с Новгородом. В середине XII в. были особенно тесными, например, контакты ростовской и новгородской епархий (Нестора и Нифонта). Обмен литературными материалами в таких условиях был делом естественным.

Для решения вопроса о времени появления записей о Предславе можно использовать еще одну систему данных. Если личность польского короля в разных летописных версиях дается как бы в редакционной оценке, то сведения о Предславе, видимо, интересовали современника или человека, как-то с ней связанного. Предслава была выведена в Польшу, и дальнейшая ее судьба неизвестна: источники о ней не упоминают. Вероятно, о ней говорилось в первоначальном рассказе.

Статья 1019 (6527) г. в целом совпадает в Повести временных лет и софийско-новгородских летописях. Но в последних имеется указание на вознаграждение Ярославом новгородцев, участвовавших в походе на Киев, после чего приводится данная якобы им «грамота»⁷⁶. Заканчивается эта статья известием, новгородское происхождение которого обычно не вызывает сомнения: «Костянтин же быше тогда в Новгороде, и разгневался на нь великий князь Ярослав и поточи и в Ростов и на 3-е лето повеле его убити в Муроме, на реце на Оце»⁷⁷. Последняя датировка, видимо, условна: события развивались на протяжении ряда лет, причем указание на «3-е лето», возможно, свидетельствует о способе летосчисления, применявшемся в рассматриваемом источнике. Согласно перечню новгородских князей в Новгородской I летописи (вводные статьи), Ярослав, перейдя в Киев, посадил в Новгороде посадником Константина Добрынича, затем своего сына Илью, затем сказано о заточении Константина и посадении Владимира⁷⁸. О посадении Владимира Повесть временных лет говорит под 1036, а софийско-новгородские летописи под 1034 годом. В. Л. Янин, пытаясь примирить противоречивые сведения источников, предположил следующий порядок событий в Новгородской земле: в 1016—1030 гг. в Новгороде правил посадник Константин, в 1030—1034 гг. — сын Ярослава Илья, а затем второй его сын Владимир⁷⁹. Однако какого-либо источниковедческого обоснования своей схемы автор не дает. Он придает значение указанию Новгородской III летописи о посадении Владимира в Новгороде в 1030 г., когда князю было 14 лет. Но летопись имеет в виду события 1034 г., а рождение князя она датирует, как и все другие летописи, 1020 годом⁸⁰.

Дошедшим до нас летописям ничего не известно о сыне Ярослава Илье. По Начальной летописи, Владимир родился в 1020, Изяслав в 1024, Святослав в 1027, Всеволод в 1030, Вячеслав в 1036 г. (во время поездки Ярослава в Новгород, которая в софийско-новгородских летописях отнесена к 1034 г.). У В. Н. Татищева, где устройство новгородских дел датировано 1035 г., о рождении Вячеслава говорится под 1034 г., а под 1036 г. упомянуто о рождении Игоря⁸¹. Сообщение летописи-

⁷⁵ «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПб. 1911, стр. 102, 105, 206; ср. А. Г. Кузьмин. Летописные источники посланий Симона и Поликарпа. «Археологический ежегодник за 1968 г.». М. 1970, стр. 80—81.

⁷⁶ Ср. ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 90. О «грамоте» говорится также под 1034 г. (там же, стр. 127), в чем снова можно видеть смешение разных редакций однородного материала.

⁷⁷ Там же, стр. 123.

⁷⁸ НЛ, стр. 470.

⁷⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М. 1962, стр. 48—49.

⁸⁰ «Новгородские летописи». СПб. 1879, стр. 179—180. Вообще оперировать именами и событиями можно свободно лишь при допущении, что они в свое время были зафиксированы в летописце или документах, современных событиям.

⁸¹ В. Н. Татищев. История Российская. Т. II. М.-Л. 1962, стр. 77; т. IV. М.-Л. 1964, стр. 147—148. ✓

сей о том, что Ярославу в 1054 г. было 76 лет, по-видимому, тенденциозно. Он был явно моложе⁸². Но даже если справедливо указание Лаврентьевской летописи на то, что в 1016 г. ему было 28 лет⁸³, то и в этом случае придется допускать, что годы молодости князя остались вне поля зрения летописца. Рано умерший Илья, возможно, единственное напоминание о них. Но при выяснении этого вопроса необходимо учитывать возможность того, что Илья — это христианское имя Владимира.

Для решения вопроса о соотношении Повести временных лет и софийско-новгородских летописей важное значение имеет статья 6529 (1021) г., рассказывающая о борьбе Ярослава с Брячиславом. Из материалов северных саг можно сделать предположение, что Брячислав около 1019—1021 гг. занимал киевский стол, хотя, разумеется, необходимо считаться с условностью данных хронологических приурочений⁸⁴. Софийская I летопись сообщает под 1020 г. о победе Ярослава над Брячиславом⁸⁵. Известия этого в Повести временных лет нет, а в Софийской летописи оно не содержит каких-либо конкретных данных. Зато описание столкновения этих князей в 1021 г. довольно обстоятельно. Лаконичное сообщение о нем имеется в Новгородской I летописи⁸⁶. Но о характере первичной записи можно судить лишь на основе сопоставления чтений Повести временных лет и софийско-новгородских летописей.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимьрь, на Новьгород, и зая Новьгород, и поим Новгородце и именье их, поиде Полотьску опять; и пришедшу ему к Судомири реце, и Ярослав ис Кьева в 7 день постиже и ту, и победи Ярослав Брячислава, и Новгородце вороти Новугороду, а Брячислав бежа Полотьску.

СОФИЙСКАЯ I ЛЕТОПИСЬ

Поиде князь Брячислав, сын Изяславль, внук Володимьрь, с вои ис Полотеска на Новьгород и взя Новьгород. И поим Новгородци и именье их и весь полон и скоты, поиде к Полотеску опять. И пришедшу ему к Судомири реце, велики же князь Ярослав, слышав ту вестъ, и совокупи воя многы ис Кьева, в седмы день постиже ту и победи Брячислава, а Новгородци отпусти к Новугороду, и полон у него отъя, елико бяше Новьгородьской волости. А Брячислав побежа к Полотьску. И отголе призва к себе Брячислава и да ему два города: Вьсвачь и Видебеск и рече ему: «Буди же со мною за один». И вьвеша Брячислав с великим князем с Ярославом вся дни живота своего⁸⁷.

Как можно видеть, оригинальные чтения Софийской летописи содержат такие реалии, которые заставляют отдать им предпочтение как ближе стоящим к первоначальной записи. Особое значение имеет сообщение о передаче Ярославом Брячиславу городов Усвята и Витебска — важных

⁸² Ср. А. Г. Рохлин. Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Т. VIII. 1940.

⁸³ ЛЛ, стр. 39 (Радзивилловский список). В софийско-новгородских летописях его возраст определен в 18 лет. Но в таком случае он мог быть лишь незаконнорожденным (в 988 г. Владимир принял крещение и женился на византийской царевне).

⁸⁴ Н. Н. Ильин. Указ. соч., стр. 86—95; Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», стр. 453, и др.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 123.

⁸⁶ НЛ, стр. 15 и 180.

⁸⁷ ЛЛ, стр. 142—143; ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 123.

стратегических пунктов на пути «из варяг в греки». Исследователи не без оснований полагают, что борьба за эти города являлась основным содержанием развернувшихся около 1021 г. столкновений⁸⁸.

В статьях 1023—1024 гг. в Повести временных лет можно уловить следы соединения разных источников, из которых один наполнен сочувствием Мстиславу, а другой дает описание событий с позиций Ярослава. В частности, новгородским может быть описание событий в Суздальской земле в 1024 г.: из Новгорода Ярослав шел на подавление восстания, и туда же возвратился он из похода. В софийско-новгородских летописях в этой связи опять-таки имеются некоторые заслуживающие внимания отличия от текста Повести временных лет. Так, говоря о восстании в Суздале, эти летописи уточняют, что по наущению волхвов избивались «бабы» (по Повести временных лет просто «старая чадь»), которые «голод пущают». При описании голода здесь добавлено, что «мужу своя жена даяти, да кормять себе челядином». Подавив восстание, Ярослав «устави ту землю»⁸⁹. При описании Лиственской битвы (Ярослава с Мстиславом) уточняется: «И бяше осень». Мстислав воодушевляет своих воинов: «Поидем на них; то ны есть корысть»⁹⁰. О Якуне — предводителе варягов сказано, что он бежал за море «и тамо умре». Мстислав в отдельных летописях именуется «Лютым»⁹¹. Последняя деталь, возможно, является еще одним (наряду с упоминанием Моисея Угрины) свидетельством в пользу пересечения новгородской и староростовской традиций. Дело в том, что такое прозвище Мстислава было известно Симону и Поликарпу⁹². Что касается Повести временных лет, то в ней Мстислав в целом оценивается положительно, а потому такая его характеристика была бы неуместна⁹³.

Статья 6538 (1030) г. в Повести временных лет сама по себе противоречива, свидетельствуя о соединении разных источников и разновременных событий. Здесь говорится о взятии Ярославом города Белз, рождении у него сына Всеволода, победе князя над чудью и построении города Юрьева и, наконец, о смерти Болеслава и восстании в Польше⁹⁴. Болеслав Храбрый, как известно, умер в 1025 г., восстание же произошло, видимо, после смерти Болеслава Забытого в 1037 или 1038 году⁹⁵. Трудно также совместить два похода в одном году: один к границам Польши в Юго-Западной Руси, другой — на северо-западе, связанный к тому же со строительством города. Очевидно, поход Ярослава на чудь мог в первую очередь интересовать новгородского летописца. Поэтому весьма существенно, что именно северный сюжет находит развитие в софийско-новгородских летописях. «И приде,— говорится здесь после сообщения о построении Ярославом Юрьева,— к Новгороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам». Здесь же приводится исключительно важное с точки зрения начала новгородского летописания известие: «Преставися архиепископ Аким Новгородский, и бяше ученик его Ефрем, иже ны учаше»⁹⁶.

Цитируемый текст приводится обычно всеми авторами, настаивавшими на существовании новгородского летописания XI века. И, конечно,

⁸⁸ Ср. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 85—86, 151; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М. 1966, стр. 240—241.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 124.

⁹⁰ Там же, стр. 124—125 (в Повести временных лет нет о «корысти»).

⁹¹ Там же. Т. IV, ч. I, вып. I, стр. 113.

⁹² «Патерик Киевского Печерского монастыря», стр. 3.

⁹³ Тмутараканские сюжеты в Повести временных лет связаны, возможно, с работой автора 70—80-х годов XI в. (А. Г. Кузьмин. Древнерусские исторические традиции, стр. 68—71).

⁹⁴ ЛЛ, стр. 146.

⁹⁵ Ср. В. Д. Королюк. Указ. соч., стр. 280—282.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 126.

несогласие с этим мнением нужно, в свою очередь, обосновывать возможной дефектностью комментария. Следует заметить, что смысл его не вполне ясен. Обычно считается, что Ефрем замещал кафедру после смерти Иоакима, но не был утвержден в звании епископа. Несколькими годами позже (если отвлечься от условности имеющейся в летописях в этой связи хронологии) Ярослав определил епископом в Новгород Луку Жидяту. Но комментарий может иметь и более локальное значение: автор просто поясняет, что он (возможно, один из 300) проходил обучение у Ефрема, являвшегося, в свою очередь, учеником первого новгородского епископа. В обоих случаях бесспорна принадлежность комментария новгородцу, жившему в XI в. и события второй четверти этого столетия воспринимавшему вполне сознательно.

Известия 6539—6541 (1031—1033) гг. в Повести временных лет имеют южное происхождение (поход Ярослава и Мстислава «на Ляхы», сооружение Ярославом городов по Роси и кончина Евстафия Мстиславича). Но в новгородско-софийских летописях под 1032 г. имеется снова известие явно новгородского происхождения: «И тогда же Улеп изыде из Новагорода на Железные врата, и опять мало их прииде»⁹⁷. В. Н. Татищев добавляет, что «побеждены были новгородцы от юдгор» (югров)⁹⁸. «Железные врата» действительно находились в области Югры. Добавление В. Н. Татищева тем более интересно, что под этим же годом у него говорится о рождении у Ярослава дочери. Под 1032 г. одно оригинальное известие имеется и в Тверском сборнике, соединяющем как новгородские, так и проростовские записи. В нем указывается, что на Роси Ярославом были построены города Корсунь и Треполь⁹⁹. Разумеется, нет оснований для того, чтобы предполагать и за этой записью новгородское происхождение. Но, возможно, в данном случае выявляется еще одна линия пересечения староростовского и новгородского летописания. В этой связи может иметь значение и указание В. Н. Татищева на то, что усобица между Ярославом и Мстиславом началась в 1023 г. из-за того, что тмутараканский князь не был удовлетворен уступкой ему Мурوما и требовал еще каких-то районов¹⁰⁰.

Рассмотренными известиями, видимо, не исчерпывается влияние новгородского источника: здесь выделены лишь те чтения, в которых достаточно очевиден приоритет софийско-новгородских сводов. В ряде других случаев Повесть временных лет передавала свой новгородский источник достаточно полно, и их тексты практически идентичны. Таков рассказ о событиях в Новгороде на «Поромсли дворе» (избиение варягов) в 1015 г., таковы сообщения о походах Ярослава на Литву и Мазовию в 40-е годы. Явно новгородское происхождение имеет сообщение о походе в 1042 г. Владимира Ярославича на емь, во время которого от мора пали все кони у воинов. Известия о походе Ярослава на Литву в 1044 г. и сооружении городских укреплений в Новгороде в этом же году Повесть временных лет вообще не знает¹⁰¹. Но с середины 40-х годов XI столетия несколько изменяется характер взаимоотношения летописей. Если для предшествующих десятилетий оригинальные чтения по сравнению с Повестью временных лет дают только новгородско-софийские летописи и некоторые своды XV—XVI вв., а Новгородская I летопись содержит краткие извлечения из той же Повести временных лет, то теперь намечается сближение Новгородской I и софий-

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ В. Н. Татищев. Указ. соч., Т. II, стр. 77.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. XV. М. 1963, стб. 146.

¹⁰⁰ В. Н. Татищев. Указ. соч., Т. II, стр. 76. В первой редакции «Истории» этого уточнения нет. На вторую же редакцию, как известно, более других повлияла «Ростовская летопись». Кроме того, у В. Н. Татищева было несколько других источников, полнее известных летописей, сохранивших ростовский материал.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 129.

ско-новгородской летописей в их противостоянии Повести временных лет. Так, известие о походе Ярослава на Литву в 1044 г. есть и в Новгородской I летописи, причем строительство городских укреплений в Новгороде в ней логично приписано Владимиру, а не Ярославу (как в софийско-новгородских летописях)¹⁰². В то же время в отдельных записях чувствуется как будто смешение хронологических стилей.

Помимо походов Ярослава и Владимира за последний период их княжения, в Повести временных лет можно выделить еще сообщение о том, что в 6553 (1045) г. «заложил Володимер святому Софью Новеороде» и запись 6560 (1052) г.: «Преставился Володимер, сын Ярославль старей, Новеороде, и положен бысть в святей Софьи, юже бе сам создал»¹⁰³. Первое известие также лаконично записано и в новгородских летописях. Во втором случае Синодальный список добавляет дату — 4 октября, а в младшем изводе Новгородской I летописи, равно как в софийско-новгородских сводах, указывается и день «неделя»¹⁰⁴. Сообщение же о пожаре новгородской Софии имеется только в летописях новгородской группы, причем сами эти летописи разноречат между собой. Согласно Синодальному списку, в 6553 (1045?) г. «съгоре святая София, в субботу, по заутрннии, в час 3, месяца марта в 15», после чего сказано о закладке Софии Владимиром¹⁰⁵. О последнем факте под тем же годом говорят и другие летописи. Но известие о пожаре в них вынесено под 6557 (1049) год. При этом они дают любопытное разночтение: «Месяца марта в 4, в день суботный, с горе святая Софея; беаше же честно строена и украшена, 13 верхы имущи, а ту стояла святая Софея конецъ Пискупли улице, идеже ныне поставил Сотько церковь камену Бориса и Глеба над Волховом»¹⁰⁶.

Если топографический комментарий ведет к концу XII в., то самая запись носит признаки современности. В 1049 г. 4 марта действительно приходилось на субботу. 15 же марта приходилось на субботу не в 1045, а в 1046 г. Это обстоятельство заставляет отдать предпочтение записи младшего извода. Но в Синодальном списке указан час пожара. Не исключено поэтому, что речь идет о двух самостоятельных записях об одном и том же событии, с разницей обозначения в четыре года, известной ряду летописных текстов¹⁰⁷. Если пожар произошел в 1049 г., то, очевидно, к этому времени должно относить и закладку нового собора. Под 1050 г. летописи младшей группы сообщают, что «свершена бысть святая Софея в Новеороде, повелениемъ князя Ярослава и сына его Володимера и архиепископа Луку»¹⁰⁸. Синодальный список и Повесть временных лет этого известия не знают¹⁰⁹.

Запись о кончине Владимира является последней в составе Повести временных лет, происхождение которой можно связывать с Новгородом¹¹⁰. В софийско-новгородских сводах, однако, есть сведения, которые можно рассматривать как продолжение того же источника, что

¹⁰² НЛ, стр. 181.

¹⁰³ ЛЛ, стр. 151 и 156.

¹⁰⁴ НЛ, стр. 16 и 181; ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 130.

¹⁰⁵ НЛ, стр. 16.

¹⁰⁶ Там же, стр. 181; ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 130.

¹⁰⁷ Ср. А. Г. Кузьмин. Русские летописи, стр. 81—89 и др.

¹⁰⁸ НЛ, стр. 181. В софийско-новгородских летописях сказано также об освящении храма и указан день: «Въздвижение честнаго креста» (ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 130).

¹⁰⁹ Отметим, что эта запись по характеру отлична от известия 6553 года. Там действовал один Владимир, а здесь на первом месте — Ярослав и упомянут епископ, который, очевидно, имел отношение и к закладке храма.

¹¹⁰ Сообщение о движении Волхова вспять в 1063 г., которому А. А. Шахматов придавал особое значение как свидетельству новгородской записи, скорее говорит о другом: именно о времени, когда Новгород посетил киевский летописец или кто-то из его информаторов (ср. В. Завитневич, М. Д. Приселков. Очерки... «Труды» Киевской духовной академии. 1914, стр. 8).

и записи о времени Ярослава. Сразу за сообщением о кончине Ярослава в них приписано несколько дополнительных известий: «По сем разделиша Смоленский на три части. И прииде Изяслав к Новгороду и посади Остромира в Новгороде. И иде Остромир на Чюдь с Новгородци, и убиша и Чюдь, и много паде Новгородец с ним. И паки Изяслав иде на Чюдь и взя осек Кедепив, сиречь Солнца рука»¹¹¹. Очевидно, здесь сведены данные нескольких лет. Раздел Смоленска был произведен около 1060 г., после смерти там Игоря Ярославича¹¹², Остромир упоминается еще в 1057 году¹¹³. В собственно новгородском источнике абсолютной хронологии, видимо, не было. Если же учесть возможность смещения хронологии на четыре года, то под 1054 г. могли оказаться и сведения 1058 года.

Под 1060 г. в Повести временных лет говорится о походе Ярославичей и Всеслава полоцкого на торков. В новгородских летописях под этим же годом приводится сообщение и еще об одном крупном предприятии Изяслава: «Потом же ходи Изяслав на Сосолы и дань заповеда даяти по 2000 гривен; они же поручышяся и изгнаша даньники; на весну же, пришедше, повоеваша села о Юрьеве, и город и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И изидоша противу им плесковице и новгородци на сечю, и паде Руси 1000, а Сосол бещисла»¹¹⁴.

Объединение двух больших предприятий под одним годом снова искусственно. Для решения же вопроса о происхождении записей следует учитывать наличие их в списках младшего извода. Далее новгородские записи в них и в софийско-новгородских сводах в основном совпадают, в то время как в Повести временных лет их вообще нет¹¹⁵. Впрочем, и эта группа известий представлена в софийско-новгородских сводах полнее, чем в Новгородской I летописи¹¹⁶. В Синодальном списке и софийско-новгородских сводах есть точно датированное известие о победе новгородцев с князем Глебом над Всеславом 23 октября 1069 г. «в пятничи, в час 6 дни» «у Зверинця на Къземли»¹¹⁷. Указанное число действительно приходилось на пятницу. Точное датирование в XI в. почти непременно свидетельствовало о клерикальном происхождении записи. О том же говорит и приведенное здесь же указание об «обретении» креста Владимира «у святей Софии Новгороде, при епископе Федоре».

Таким образом, мы имеем дело с рядом новгородских записей на протяжении от второго десятилетия до 60-х годов XI века. Записи эти, возможно, восходят к разным источникам. Один из них может быть светской хроникой (или повестью) княжения Ярослава. Автор достаточно независим по отношению к князю¹¹⁸ и резко отрицательно отно-

¹¹¹ ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. I, стр. 118.

¹¹² Там же. Т. XV, стб. 153.

¹¹³ Ср. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 196—197 (летописные данные проверяются записью в «Остромировом» евангелии). А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 524—525). Но порядок первоначальных записей мог быть и иным. В. Н. Татищев датировал посажение Остромира 1055, а его же (не Изяслава) поход к городу Солнечная рука—1056 г. (В. Н. Татищев. Указ. соч., Т. II, стр. 82; т. IV, стр. 152).

¹¹⁴ НЛ, стр. 183; ПСРЛ. Т. V, вып. I, стр. 132, и др.

¹¹⁵ Имеются в виду точно датированные сведения о новгородских епископах: о клевете на Луку его холопа Дудики (1055 г.), возвращении Луки в Новгород и наказании Дудики (1058 г.), кончине Луки «на Копысе» 15 октября 1060 г. (ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. I, стр. 118, 120; НЛ, стр. 182, 183. Последнего известия в НЛ нет).

¹¹⁶ Ср. указание о поставлении Стефана (1061 г.) и его гибели от собственных холопов в Киеве в 1068 году.

¹¹⁷ НЛ, стр. 17; ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. I, стр. 126.

¹¹⁸ Ср. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 198, 201—202 и др. Ученый связывает источник с новгородскими посадниками и датирует его оформление временем после смерти Ярослава.

сится к варягам. Антиваряжские настроения новгородского летописца легко понять, если учесть, что до кончины Ярослава Новгород был вынужден выплачивать им дань¹¹⁹.

Другой возможный новгородский источник имел церковное происхождение. В нем были точные даты, записанные по константинопольской эре (в то время как в светском повествовании абсолютного отсчета времени, видимо, не было). Ряд последующих десятилетий представлен лишь церковными сведениями, причем многие из них, возможно, ретроспективно уже в XII в. воспроизводили события XI столетия.

Повесть временных лет знакома лишь с одним новгородским источником, доходившим до 50-х годов XI века. Далее длительное время новгородское летописание в Киеве не привлекалось. Не были там знакомы, в частности, с новгородской епископской летописью. Это само по себе говорит в пользу существования новгородского исторического сочинения середины XI века. Но сохранилось это сочинение полнее всего не в Повести, а в новгородско-софийских сводах. В свою очередь, эти своды ведут нас к новгородской летописи, составленной в последней трети XII в. и использовавшей староростовское летописание. Очень возможно, что именно в традиции последнего наиболее полно сохранились ранние новгородские записи. Самый же факт их существования позволяет ставить вопрос о происхождении некоторых сведений, зафиксированных в перечнях Новгородской I летописи¹²⁰.

¹¹⁹ Поскольку дань выплачивалась именно до смерти Ярослава, можно предполагать, что не реальная угроза со стороны варягов, а политические обязательства Ярослава ставили Новгород в зависимое от них положение.

¹²⁰ Перечни посадников начинаются с имени Гостомысла, которого относили ко временам «призвания» Рюрика. Эта часть летописных записей легендарна во всех ее частях. Но, начиная с посажения в Новгороде Ильи Ярославича, перечни приобретают вполне достоверный характер, причем частично они совпадают как раз с показаниями выявляемой выше новгородской летописи. Вполне документальный характер имеет сообщение о княжении в Новгороде после смерти Владимира Мстислава Изяславича, которому пришлось бежать в Киев после поражения «на Черехи». Дальнейшая же часть перечня находит непосредственное подтверждение в текстах новгородских летописей.

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА КАРЛА МАРКСА (1842 г.)

Г. А. Алексеев

Свой путь в науке и политике Маркс начинал как революционный демократ. Это положение, общепринятое в марксистской историографии¹, содержит два момента: во-первых, подчеркивается единство взглядов и деятельности, отличающее Маркса с первых шагов его активной сознательной жизни, во-вторых, выделяется этап его перехода от первоначальных представлений и убеждений к научному коммунизму, основы которого были заложены им (вместе с Ф. Энгельсом) в середине — конце 1840-х годов. Таким образом, ранний этап духовной и политической эволюции Маркса имеет самостоятельное значение. Переходность не отменяет его целостности, а эта целостность, в свою очередь, выясняется сопоставлением взглядов и — шире — склада мышления Маркса с его отдаленными и непосредственными предшественниками.

Прав ли был Ф. Меринг, располагая биографический материал, относящийся к занятиям и деятельности молодого Маркса — студента, философа-публициста, редактора «Rheinische Zeitung» (1836—1843 гг.), в разделе, озаглавленном «Ученик Гегеля»?² Разумеется, для Меринга (в отличие от большинства буржуазных авторов) марксово «ученичество» не равнозначно простому усвоению гегелевских идей³. Теперь же, когда значительно расширились наши представления о стремительном духовном развитии Маркса, источниках этого развития и роли, которую играло в нем непосредственное его участие в политической борьбе, в еще меньшей степени можно ограничивать данный процесс рамками освоения, к тому же лишь одного только философского наследия⁴. Тем

¹ См. В. И. Ленин. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). ПСС. Т. 26; «Карл Маркс. Биография». Изд. 2-е. М. 1973; «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». Т. I. «Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса». М. 1976.

² См. Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. М. 1957.

³ Критику буржуазных концепций по этому вопросу см.: Н. И. Лапин. Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. М. 1962; Э. М. Ситников. Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма. М. 1962; В. В. Кешелова. Миф о двух Марксах. М. 1963; Т. И. Ойзерман. Об одной реакционной буржуазной легенде. «Вопросы философии», 1963, № 6; Е. П. Кандель, В. А. Карпушин. Еще раз об исторической судьбе идей молодого Маркса. «Вопросы философии», 1964, № 1, и др. Новейшие сведения по этой теме содержат работы середины 70-х годов, указанные в следующей сноске.

⁴ Молодой Маркс изучал наряду с философией также литературу, право, историю, пристально вглядываясь в опыт и уроки буржуазных революций XVII—XIX вв., особенно Французской конца XVIII века. Подробнее об этом см.: А. В. Лукашев. Начало общественно-политической деятельности К. Маркса (1842—1843). «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. II. М. 1956; О. Корню. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Изд. 2-е. М. 1976; Л. С. Мамут. Зарождение марксистского учения о государстве. «Проблемы истории философской и социологической мысли XIX века». М. 1960; К. Т. Кузнецов. Возникновение научного коммунизма. М. 1968; «Маркс — историк». М. 1968 (статьи: В. Г. Мосолов. Изучение К. Марксом всемирной истории в 1843—1844 гг. как один из источников фор-

не менее остается проблема, которую можно сформулировать так: почему именно в русле гегелевской философии, в период ее внутреннего кризиса и размежевания противоборствующих тенденций, сформировался революционный демократизм более высокого типа, чем тот, который дала эпоха Просвещения и классических буржуазных революций? Задача настоящей статьи сводится к постановке этого вопроса путем введения читателя в содержание и предмет раннего творчества Маркса.

Гегель был одновременно преемником и антиподом Просвещения. Не касаясь в данном случае теоретико-познавательных моментов и сосредоточиваясь на философско-исторических, отметим следующее. Для Просвещения, предворяющего собою буржуазные революции XVIII в., решающим критерием истины и преобразовательного действия были понятия «естественный человек», «естественный закон». Кредо просветителей: все, что не соответствует природе и естественным правам человека, подлежит устранению; всему, что соответствует им, следует расчистить путь. Конечно, не так просто мотивировалась эта необходимость, аргументация была тонкой и разнообразной, в понимание движущих мотивов и «механизмов» поступательного развития XVIII век внес немалый вклад. Но в фундаменте теоретического знания сохранялось именно это членение. Французская буржуазная революция конца XVIII в. с последующей эпохой попятных движений и переворотов, наполеоновских войн и господства «Священного союза», новых социальных катаклизмов нанесла сокрушительный удар аксиомам и иллюзиям Просвещения. Социалисты-утописты начала XIX в. начисто отвергали как восторжествовавшую буржуазную действительность, так и освящавшую ее мысль. Совершенно с иных позиций просветительский разум яростно атаковали справа (в том числе представители «исторической школы права»). Между этими двумя полюсами — широкий спектр взглядов. Неоднороден был даже иррационализм, тем более разные оттенки романтизма, а также различных по происхождению и направленности апелляций к «народному духу».

В этой полной противоречий и смятения духовной атмосфере формировалась и развивалась философия Гегеля. Чутко прислушивавшийся к голосу времени, он воздаст должное и антифеодальным результатам революционной эпохи и освободительному пафосу Просвещения⁵. Вместе с тем он ищет в сфере духа способ предотвращения «конвульсий», освобождения исторической необходимости от «роковых случайностей», способ добывания и закрепления «благ утвердительной свободы»⁶. Этот способ он находит не в сужении сферы необходимости, а в максимальном расширении ее, не в том, чтобы развести естественное и неестественное, а в соединении их. Для Гегеля реабилитацией разума служит идентификация его с абсолютным духом. Если вся действительность оказывается при этом только «средним звеном» в процессе самосознания духа, движущегося от себя к себе, то в этом звене отныне есть место для всех исторических превращений и завоеваний, для любых превратностей и зигзагов реального процесса. При таком подходе история становится подлинным попранием диалектики.

В этом пункте — источник и силы и слабости Гегеля. Слабости, по-

мирования материалистического понимания истории; С. З. Левиова, И. М. Синельникова. Рукописное наследство Маркса в области истории; В. М. Далин, Н. И. Непомнящая. Исторические книги в библиотеке Маркса); Т. И. Ойзерман. Формирование философии марксизма. Изд. 2-е. М. 1974; В. А. Вазюлин. Становление метода научного исследования К. Маркса (логический аспект). М. 1975; Н. И. Лапин. Молодой Маркс. Изд. 2-е. М. 1976, и др.

⁵ См. Г. В. Ф. Гегель. Философия истории. Соч. Т. VIII. М.-Л. 1935, стр. 413—414; его же. Лекции по истории философии. Кн. 3. Соч. Т. XI. М.-Л. 1935, стр. 385—387 и др.

⁶ См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VIII, стр. 328.

сколько становление и развитие человечества рассматриваются им как производное, как заданное наперед. Но в его философской системе дух, творец всего сущего, в свою очередь, зависит от своего «среднего звена», и эта зависимость не только фиксируется Гегелем, она выступает у него в качестве главной тайны философии, проблемы, требующей решения. Зависимость духа — синоним гегелевской категории отчуждения. Эта категория двойится, распадаясь на отчуждение духа от самого себя (вне воплощений, без «овнешнения» дух не в состоянии осознать, выразить, найти себя) и на отчуждение человека, индивида внутри того «гражданского», или буржуазного, общества, становление и развитие которого и является в глазах Гегеля коренным содержанием всемирной истории⁷. (Имеет место и обратная связь: гражданское общество рассматривается как отправной пункт для характеристики предшествующих ему ступеней и фаз мирового процесса.)

Гегель критичен по отношению к обществу, обесчеловечивающему людей, и близко подходит к пониманию социальных корней этого феномена⁸. Но поскольку само гражданское общество, как и человеческая жизнедеятельность в целом, остается в его философии лишь «моментом» для пробивающейся к себе, сознающей себя мысли, выход из отчуждения, преодоление его может быть только мысленным (воплощенным и завершенным в «понятии»). Однако Гегель не ставит здесь точки. Современник утопистов, он отвергает, с одной стороны, всякую попытку строить мир, «каким он должен быть»⁹, а с другой — не соглашается переносить преодоление бед и злоключений «отчуждения» в туманное будущее. Идеал Гегеля — постепенное улучшение действительности, которое вместе с тем было бы и реализацией программы абсолютного духа, совпадающей во времени с заключительным актом его самосознания. Таким образом, панлогизм гегелевской системы оказывается причудливо сплетенным с политикой, со злобой дня. «Место» соединения — взаимодействие гражданского общества и государства (именно от этих двух компонентов отталкивается и подвергает их критике молодой Маркс).

Гражданское общество соткано из множества частных — сословных, имущественных и иных интересов. Разъединенные, взаимно попирающие друг друга, они в то же время бессознательно вступают в необходимую связь — цепь всесторонне переплетающихся «зависимостей всех ото всех». Этот процесс соотношения частного интереса с «общественными потребностями, общественными средствами и способами удовлетворения»¹⁰ протекает тяжело, мучительно (Гегель подчеркивает, что гражданское общество удерживает «необходимую связь» только посредством разложения сословий, выталкивания большей части собственных членов, умножающих «чернь»¹¹). К надежде, что все эти тяготы разрешатся сами собой, он относился скептически: частному интересу, погруженному «в себялюбивую цель», не под силу смягчить судороги и сократить длительность того промежутка, «в продолжение которого коллизии уладятся бы путем бессознательной необходимости»¹². Нужно, следовательно, нечто стоящее над гражданским обществом, своей автономностью и регулятивной деятельностью обеспечивающее целостность и раз-

⁷ См. Г. В. Ф. Гегель. Философия права. Соч. Т. VII. М. 1934, стр. 86, 90, 354; его же. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики. М. 1975, стр. 103—104; его же. Соч. Т. VIII, стр. 70.

⁸ См. А. П. Огурцов. Проблема труда в философии Гегеля. «Научные труды» Московского технологического института легкой промышленности, сб. 15, 1960, стр. 132—134.

⁹ Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VII, стр. 16.

¹⁰ Там же, стр. 219—220, а также см. стр. 211, 223, 261.

¹¹ См. там же, стр. 255.

¹² Там же, стр. 250.

витие этого общества. В истории (то есть в «среднем звене» самодвижения духа) такую роль берет на себя «государство рассудка»¹³.

Воплощенный в конкретных государствах рассудок совершает, согласно Гегелю, исторически необходимую работу¹⁴, но поскольку по самой своей природе он остается односторонним, постольку и во всемирной истории всегда сохраняется тот роковой элемент случайности, который может взять верх и над самой необходимостью, разрушая достигнутые гражданским обществом результаты: собственность, брак, «отношения и труды» и т. д.¹⁵. Отрицательные потенции рассудка — источник крайнего субъективизма в политике. Эти наблюдения Гегеля, при всей их абстрактности, не лишены глубокого смысла. Их полемическое острое направлено против иллюзии неотвратимого прогресса, свойственной Просвещению. Вместе с тем Гегеля роднит с просветителями отрицание средневекового и всякого произвола, любых попыток придать статус всеобщего какому-то одному (частному, сословному) интересу¹⁶. Отказывая, таким образом, «государству рассудка» в праве считать себя истинным, идеальным, Гегель, однако, не в меньшей мере чужд и идее «общественного договора», особенно в ее последовательной демократической, руссоистской редакции.

Полемик с Ж.-Ж. Руссо не случайно присутствует в центральном пункте гегелевской философии — в определении «разумного государства». Государство, по Гегелю, может быть истинным только тогда, когда оно «знает себя», и в меру того, как оно «выполняет» это знание, то есть осуществляет в реальной действительности, в историческом процессе нечто, само по себе не нуждающееся ни в истории, ни в социальной эмпирии наличного гражданского общества. Поэтому в заслугу Руссо Гегель ставит то, что тот выдвинул в качестве принципа государства не просто мысль (определенную идею о том, каким должно стать государство), а «само мышление», притом наделенное атрибутом «воли», рвущееся к воплощению. Порок же руссоистской концепции он видит в том, что «воля» отождествляется ею с устремлениями и действиями людей, притом массы их, осознавшей совпадение своих единичных волей и пытающейся воплотить их в «общее» посредством договора¹⁷. Гегель усматривает здесь коренное заблуждение. Мысленное понятие государства, утрачивая свою независимость, свой приоритет по отношению к обществу и людям, теряет и самое ценное в глазах Гегеля — способность уравновесить, гармонизировать несводимые воедино интересы и отношения.

Величайший урок в этом плане — эпопея Французской революции конца XVIII века. Ее начало продиктовано необходимостью. Предреволюционная Франция — «запутанный агрегат привилегий», царство несправедливости, которая становится бесстыдной, когда «начинает пробуждаться сознательное отношение к ней». «Новый дух стал действительным: гнет побуждал к исследованию». Более того, констатирует Гегель, перемена неизбежно стала насильственной, поскольку «преобразование было осуществлено не правительством». Вместе с революцией, впервые воплотившей в своей конституции понятие права, наступило долгожданное торжество мыслящих существ¹⁸. Какова же развязка? Руссоизм на практике с той же неизбежностью породил террор. Государство, которое

¹³ В иерархии гносеологических категорий рассудок занимает у Гегеля более низкое положение по сравнению с разумом. Разум — синоним абсолютного духа — способен охватить все многообразие явлений действительности; рассудок может выделить лишь одну из ее сторон (подробнее о характерных свойствах рассудка см. Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. I, стр. 202—205, 313 и др.).

¹⁴ См. там же, стр. 90.

¹⁵ См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VII, стр. 281.

¹⁶ См. там же, стр. 241, 247, 298, 301, 302; т. XI, стр. 389 и др.

¹⁷ См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VII, стр. 263—265.

¹⁸ См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VIII, стр. 413—414.

его последователи пытались основать, исходя из принципа свободы, делается ареной произвола. Ибо «многие воли индивидуумов» желают участвовать в принятии решений. «Но многие оказываются всеми, и кажется пустым ухищрением и возмутительной непоследовательностью допускать к участию в принятии решений лишь немногих»¹⁹. Однако поскольку «управление всегда существует», постольку представлять интересы многих должны опять-таки немногие, и круг замыкается: немногие вновь становятся притеснителями²⁰.

Гегеля не радует этот итог. Он далек от торжества по поводу крушения революционеро-руссоистов. Поскольку «фанатизм свободы, переданной в руки народа», его страшит, он ищет выход в преодолении «основной односторонности, заключающейся в том, что всеобщая воля должна быть и эмпирически (то есть фактически.— Г. А.) всеобщей»²¹. Но преодолима ли эта основная из всех односторонностей? Этот вопрос равнозначен для Гегеля проблеме, затрагивающей исходные посылки его универсалистской системы,— проблеме выхода из «среднего звена», из двойкого отчуждения (и духа и человека). Гегелю кажется, что «история остановилась», запнувшись на самой грандиозной из попыток обеспечить людям как неограниченные (в принципе) возможности участвовать в управлении, так и подлинные гарантии от утраты элементарных средств и условий существования. Гегель связывает решение всех личных коллизий с арбитражем государства, стоящего над гражданским обществом и включающего его в себя, но одновременно он отвергает возможность для любого из существовавших и существующих «рассудочных» государств разрешить политические и социальные, правовые и нравственные коллизии.

Логика этого противоречия, казалось, обязывала Гегеля к самым радикальным выводам. Однако именно их он и пытался предотвратить, превзойти при помощи логики («действием» демиурга — понятия). Выход из «среднего звена» у него радикален, но лишь мысленно. Дух, гигантским напряжением сознающий себя в процессе возвращения к себе, способен каким-то неведомым образом «овнешнить» идеальную разумность государства. Необходимость в революции «снимается» мистической завершением философской системы. Все меняется, оставаясь в основе неизменным: общество — расчлененным на сословия (классы); власть — разделенной по признаку компетенции отдельных органов. Государство «прогрессирует в своем формировании», оставаясь навеки тем, что оно есть, то есть государством²². Его рамки раздвигаются до абсолюта всеобщности, совпадая с понятием рода — человечества. Не случайна еще одна аналогия Гегеля: государство функционирует наподобие «организма»²³. Так гегелевская критика идеологии Просвещения замыкает свой круг, возвращаясь к натурфилософии, но с акцентом на примирение, добровольное подчинение единичного — человека всеобщему — «разумному государству». «Это поступательное движение,— резюмирует Гегель,— есть такого рода изменение, которое невидимо и не носит формы изменения»²⁴.

Тут Гегель возвращается к тому, что неотрывно от хода его мысли, даже в наиболее «темных», мистических ее местах,— к злобе дня. Его идеализм активен и стремится облечь свою активность в конкретную форму. Но каким способом? У Гегеля не остается иного выхода, как опереться на существующее: на то из «рассудочных» государств, которое достойно возлагаемой на него миссии. И он обращает свои взоры

¹⁹ Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VII, стр. 415.

²⁰ См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VIII, стр. 416—417.

²¹ См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. XI, стр. 417; т. VIII, стр. 418.

²² См. Г. В. Ф. Гегель. Соч. Т. VII, стр. 268, 284, 308, 321.

²³ См. там же, стр. 269, 270, 301.

²⁴ Там же, стр. 321.

на наиболее близкое ему (и не только территориально) Прусское государство. При этом речь шла не об унаследованном от средневековья абсолютизме, а о монархии, «тихо» реформируемой в конституционную. Само по себе такое преобразование явилось бы тогда шагом вперед²⁵. Но рассматривать социально-историческую проблематику философии Гегеля лишь сквозь призму этой краткосрочной перспективы значило бы упрощать и обеднять ситуацию ищущей мысли. А ситуация эта была предельно остра. Чем сильнее мысль Гегеля «приземлялась», тем явственнее обнаруживалось, что она зашла в тупик. Предоставленная самой себе, специфически гегелевская замкнутость на государстве неизбежно должна была дать и дала реакционные ответвления и побег.

Подлинное, действительное высвобождение не могли дать никакие попытки превратить полных внутренних конфликтов гегелевский универсализм в непротиворечивую систему взглядов, остающуюся либо втиснутой в самосознание, либо прагматически приспособляемой к публичной деятельности в рамках существующего. Не случайно оздоравливающее влияние Л. Фейербаха менее всего сказалось на социальном «фронте» тогдашней философской мысли, где и сам он заплулся на отношении к политике, к государству. В неизмеримо большей мере неспособны были выйти на попрание сознательно творимой истории «левые» эпигоны и критики Гегеля из среды младогегельянцев. Само сохранение гегелевской проблематики в процессе критики и преодоления системы Гегеля являлось труднейшей из проблем. Разрешение ее связано с именем Маркса. Первым результатом его деятельности в этом направлении явился его революционный демократизм.

Молодой Маркс — последовательный сторонник воззрения, соединяющего воедино активность человека со всемирным масштабом его духовной и материальной деятельности. В своих письмах, рукописях, статьях он обращается к «человеческому миру, который сам создает свои различия и неравенство которого есть не что иное, как разноцветное преломление равенства»²⁶. Этот взгляд проникнут идеями предшественников: члены «рода» индивидуально различны, несхожи и в то же время равны, поскольку обладают общим качеством — каждый из них — человек. Исходя из этого принципа, молодой Маркс устанавливает непосредственную (и не подлежащую никаким ограничениям) связь между гегелевским постулатом «разумного государства» и необходимостью внедрения демократизма в реальную жизнь.

В отличие от ортодоксального гегельянства, особенно от тех, кто «выпрямлял» взгляды Гегеля в сторону консерватизма и реакции, Маркс беспощадно атакует дискриминацию в разных ее проявлениях и во всех странах, не исключая Пруссии. Распространенность и повсеместность правового, политического неравенства и несвободы вообще в его глазах — подтверждение того, что любое государство не соответствует или по крайней мере неспособно полностью соответствовать своему понятию²⁷. Такое несоответствие теоретически вытекало из различия между «разумом» и «рассудком». Но там, где остановился Гегель, ища последний выход и спасение в божественном промысле, там Маркс ощущал жизненный нерв философской критики реального несоответствия. Именно оно находится в центре его публицистики. «Разумность» государства для Маркса не только идеал, принадлежащий будущему и уже тем противостоящий всему современному миру, но и критерий, с

²⁵ См. Т. И. Ойзерман. Социальный смысл философии Гегеля. «Вопросы философии», 1970, № 8, стр. 8—12.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 125.

²⁷ См. там же, стр. 163.

помощью которого можно от констатации перейти к исследованию «эмпирических» отношений. Насколько данный критерий достаточен, считает Маркс, покажет само исследование — и оно же, это вторжение мысли в действительность, станет затем источником критики гегелевского постулата.

Подход Маркса с самого начала методологичен. Отчетливо выступает требование выделить предмет, вдуматься в его специфику и законы, дабы не смешать предмет с иллюзиями о нем. В этом пункте Маркс принципиально расходится с другими младогегельянцами, с господствующим в их среде представлением о чудотворной способности «самосознания» содержать в себе готовые ответы на все жизненные казусы, на любые загадки, которые подстерегают каждого человека и каждый народ на арене истории²⁸.

Показателен фрагмент из «Проблемы централизации», впервые опубликованный на русском языке в недавно вышедшем 40-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса²⁹. Фрагмент отражает расхождения между Марксом и одним из наиболее близких к нему младогегельянцев — М. Гессом. Последний в одной из своих статей 1842 г. рассматривает вопрос: должна ли государственная власть исходить из одного, центрального пункта или предпочтительнее децентрализация функций с передачей их провинциям и т. д.? С «более высокой» (слова Гесса), теоретической точки зрения здесь нет проблемы. Если человек на деле тот, кем ему должно быть по своей сущности (например, если «народ сплошь состоит из праведников»), то индивидуальная свобода не будет отличаться от свободы всеобщей, а следовательно, и центральная власть, растворенная в свободных индивидах, окажется излишней. Для философии такой подход, полагал Гесс, единственно правильный. Другое дело — практическое, «правда, только эмпирическое и относительное», решение проблемы. Маркс решительно не согласен как раз с подобным рассечением, разведением в противоположные стороны теории и эмпирии, при котором философ вправе «устранить» — разумеется, чисто иллюзорно — такие факты действительности, как законы, «положительные институты» и само государство. «Философия должна серьезно протестовать, когда ее смешивают с воображением. Фикция о народе, состоящем сплошь из «праведников», так же чужда философии, как чужда природе фикция о «молящихся гиенах»³⁰.

Маркс исходит из того, что теория, которая по своему призванию есть не что иное, как истинная критика, «анализирует не ответы, а вопросы». Движение мысли в этом отношении родственно движению истории. Вот почему «каждый вопрос получает ответ, лишь только он становится *действительным* вопросом». И далее: «Сама мировая история не обладает иным методом, кроме разрешения и устранения старых вопросов посредством новых. Поэтому легко отыскать загадочные слова каждого исторического периода. В них выражены вопросы, выдвигаемые временем, и если в ответах большую роль играют намерения и понимание отдельного индивида, — так что нужен опытный глаз, чтобы различить, что должно быть отнесено за счет индивида, а что за счет времени, — то *вопросы*, напротив, — это голоса времени, которые звучат открыто и бесстрашно, властвуя над всеми отдельными индивидами. Каждый такой вопрос — девиз времени, его в высшей степени *практический* клич, выражающий его собственное душевное состояние»³¹.

²⁸ Гегелевский самосознающий дух был переделан младогегельянскими идеологами в абстрактное человеческое самосознание, оторванное от действительности.

²⁹ Как указывают подготовители, фрагмент представляет собой начало задуманной Марксом критической статьи. Статья, по-видимому, не была закончена (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 40, стр. 675, примеч. 69).

³⁰ Там же, стр. 238—239.

³¹ Там же, стр. 237—238.

Эти слова молодого Маркса чрезвычайно существенны для понимания идейной и общественной позиции человека, вступившего тогда в борьбу с господствующим строем в качестве философа и рассматривавшего эту борьбу как самую высокую из теоретических точек зрения. Для нас эта точка зрения — путеводная нить, которая ведет от одного из публицистических произведений Маркса полосы его становления к другому и позволяет рассматривать их в качестве ступеней эволюции автора.

Его первым выступлением, подготовленным между 15 января и 10 февраля 1842 г., но опубликованным только в 1843 г. за пределами Германии, были «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». Маркс не стал повторять опыт младогегельянцев, которые обличали Прусское государство только за то, что оно «христианское». (Позднее, 9 июля 1842 г., он пояснил А. Руге, что поле сражения в данном случае определялось реакционерами: «Оппозиция за последнее время слишком привыкла к тому, чтобы выступать оппозиционно в рамках церкви»³².) Сначала в «Заметках», а затем и в других статьях Маркс раздвинул пределы полемики. Повсюду, отмечал он, где население придерживается не одного, а нескольких верований, христианское государство как таковое является логическим абсурдом. Его протестантский вариант сочтут еретическим католики. Если восторжествует католический вариант, так же поступят протестанты³³. Теологи, считающие веру в догматы религии единственной связью между индивидом и государством, вступают в конфликт с гонимыми религиями. «Спросите католических обитателей «бедного зеленого Эрина»³⁴, — пишет Маркс, — спросите гугенотов времен до французской революции: они не апеллировали к религии, ибо их религия не была государственной религией; они апеллировали к «правам человека»³⁵.

Пруссия, считает Маркс, не отвечает понятию христианского государства также ввиду очевидного несоответствия его требованиям, прокламируемым евангельскими заповедями. Итог — непреодолимый с точки зрения религиозного сознания разлад между словом и делом. Людей не устраивает обещание возместить небесным блаженством земное страдание, они требуют материальной компенсации за ущерб, нанесенный их собственническим интересам, ропщут при малейшем повышении налогов и т. п. «Разве каждая минута вашей практической жизни не уличает во лжи вашу теорию? Разве вы считаете неправильным обращаться к суду, когда ваши права нарушены?.. Разве в большей части возбуждаемых вами судебных процессов и в большей части гражданских законов дело не идет о собственности? Но ведь вам сказано было, что сокровища ваши — не от мира сего»³⁶.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 364. С этим сюжетом, по всей вероятности, связаны и первые расхождения Маркса с Фейербахом. В письме к Руге 20 марта 1842 г. Маркс сообщает, что конфликт назрел в момент подготовки им статьи о религиозном искусстве. «В самой работе мне неизбежно пришлось говорить об общей сущности религии; при этом я вступаю некоторым образом в коллизию с Фейербахом — коллизию, касающуюся не принципа, а его понимания. Во всяком случае, религия от этого не выигрывает» (там же, стр. 359—360). Из-за чего конкретно возник разлад, неизвестно, поскольку исследователи не располагают указанной статьей. Но следует обратить внимание на ту часть письма, где Пруссия названа трансцендентным государством (см. там же, стр. 358). И Фейербах и позже Маркс одинаково согласны с тем, что трансцендентность — форма, в которой выступают в реальной действительности все типы извращенного сознания. Фейербах, однако, не идет дальше этого вывода. Маркс же — и здесь, вероятно, причина возникшей коллизии — в самой действительности усматривал объект, достойный изучения. Поэтому и трансцендентное государство — чуждое, враждебное людям (чиновники — земные боги и т. п.) — он связывал уже не только с религией.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 12, 13.

³⁴ Эрин — древнее название Ирландии. — Ред.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 110.

³⁶ Там же, стр. 109.

Таким образом, Маркс изменяет исходные посылки спора младогегельянцев с теологами путем переформулирования самой проблемы: Прусское государство не религиозный, а светский объект. Отсюда и следующий шаг — непосредственная конфронтация с этим государством на почве политики, требований не заоблачного, а земного равенства прав.

В тех исторических условиях, когда писались «Заметки», первейшую и необходимую предпосылку гражданского равноправия Маркс видел в свободе печати, а главное препятствие для ее достижения — в прусской правительственной цензуре. Поводом для выступления послужила цензурная инструкция 1841 года. Составители пытались придать ей либеральный вид (будто бы цель ее состояла в том, чтобы «освободить печать от неуместных ограничений»). Либералы, в свою очередь, возликовали по поводу дарованной «свободы»³⁷. Маркс разоблачает эту иллюзию. При этом он не ограничивается выявлением обманных ходов и юридической казуистики, пропитывающей насквозь прусскую цензурную инструкцию, а сосредоточивается на природе, на сущности обмана.

Какой, например, прекрасный повод для иронии давал такой пункт инструкции: «Цензура не должна препятствовать серьезному и скромному исследованию истины». Маркс дает волю своему сарказму. Но его статья не только блестящий памфлет. По поводу определений — «серьезное и скромное» — он замечает, что оба они «относятся не к содержанию исследования, а скорее к чему-то такому, что лежит вне этого содержания. Они с самого начала отвлекают исследование от истины и заставляют его обращать внимание на какое-то неизвестное третье. Но разве исследование, постоянно направляющее свое внимание на этот третий элемент, который закон наделил правом придирчивости, — разве такое исследование не потеряет из виду истину? Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево?» Апеллируя к разуму, Маркс настаивал на том, чтобы отношение к публикуемому произведению определялось объективными нормами, а не чьим-то желанием или разрешением: истина не в субъекте, а в своеобразии предмета действительности, каким в данном случае является печать. Прусское же законодательство о печати и в его квазилиберальной форме несовместимо с равенством граждан перед законом. «Это — закон не единения, а разъединения, а все законы разъединения реакционны. Это не закон, а привилегия»³⁸.

Нетрудно усмотреть и здесь переключку как с Гегелем, так и с Фейербахом. Акцент на единение, однако, уже не только не вполне гегелевский, но и отличается от фейербаховского как конкретностью и социальной отрицания господствующей действительности, взятой в целом, так и внутренней тенденцией критики и анализа — упором на необходимость преобразования гражданского общества в направлении, способном сделать его адекватным «роду». «Поразительное заблуждение, — указывает Маркс, — оставляя неизменным порядок вещей, пытаться дать ему другую сущность путем простой смены лиц»³⁹.

То, что нельзя было сказать в подцензурной печати, Маркс договаривает в общении с единомышленниками. В письме к Руге (5 марта 1842 г.) он призывает связать радикальную публицистику с массой противоцензурных мыслей, вызревающих в умах людей. Вкратце сообщает

³⁷ В письме к Руге Маркс отмечал (20 марта 1842 г.): «Все наши рейнские писания о публичности и гласности страдают одним коренным пороком. Честные простаки продолжают без устали доказывать, что это отнюдь не политические, а чисто правовые институты, что они являются правом, а не бесправием. Как будто в этом дело! Как будто все зло этих институтов не в том именно заключается, что они являются правом! Мне бы очень хотелось доказать обратное» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 358).

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 5—6, 15.

³⁹ Там же. стр. 26.

он и о содержании готовящейся им критики гегелевского естественного права: «Основное в ней — борьба против конституционной монархии, этого убудка, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает»⁴⁰. Если в «Заметках» и в письмах к Руге Маркс со всей страстностью демократа обрушивается на Прусское государство и переходит к проблеме общественного преобразования, то в «Дебатах шестого Рейнского ландтага» (апрель — октябрь 1842 г.) она становится ведущей⁴¹. Соответственно расширяется поле исследования, конкретизируется и усложняется его способ — с нарастанием в нем революционно-демократических и материалистических элементов.

Первую статью о дебатах⁴² Маркс начинает с анализа выступлений княжеских и дворянских представителей, стремившихся узурпировать свободу печати в пользу своих сословий. Их претензии, продиктованные корыстными расчетами, облекались в теологическо-философскую форму. Их язык был столь же существен, как и материальная подоплека аргументов. Когда Маркс замечал, что в его время «немецкий язык перестал быть языком мысли», он имел в виду не только специально философскую литературу, но и всю область интересов, притязавших на всеобщность и действительно уже неспособных отстоять монополию собственности и власти иначе, как конструируя — для своих «весьма мирских, но вместе с тем и весьма фантастических, вождедений» — теорию, обращющуюся к природе человека. Однако теорией это было лишь по видимости. Язык мысли служил средством фальсификации разума. На потребу политики шли вывернутые наизнанку принципы Просвещения. Поскольку человек несовершенен, а отдельные индивиды несхожи между собой, несводимы к единому целому, неизбежны-де привилегии и ограничения — сохранение цензуры, бесконтрольность ландтага, сословное неравенство. «Он (оратор, представляющий князей и дворян.— Г. А.) отвергает весь род в целом, чтобы сохранить одну хорошую его разновидность»⁴³.

Для Маркса вопрос (уже не о государстве только, а о гражданском обществе как целостности) не ограничивается опять-таки разоблачением ложных силлогизмов. С одной стороны, он раскрывает социальный источник рассуждений насчет «обычного неразумия человеческого рода», заявляя, что они восходят «к частному разуму землевладения»⁴⁴. С другой — он вовсе не устраняет понятие рода, поскольку противная сторона извращает и абстрагирует его. Существенный шаг вперед — сближение этого понятия с понятием общества, но не данного — «гражданского» (буржуазного), а общества, каким оно еще должно стать, преобразуясь в то, что Маркс позднее определяет как «общественное человечество»⁴⁵. Не менее важно, что это сближение понятий происходит не умозрительно, а в ходе конкретного исследования, объектами которого у Маркса — наряду с прежними (религия, власть, правовые свободы) — выступают во все большей мере имущественные отношения и социальные конфликты. Это расширение сферы критики, сосредоточенной на тогдашней прусской действительности, позволяет включить в предмет этой критики всемирно-исторический процесс, в том числе опыт предшествовавших революций.

Маркс возвращается снова к земным корням религии, а соответственно и «христианского государства», только для того, чтобы подчерк-

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 356.

⁴¹ «В связи с дебатами о печати,— информировал Маркс Руге 27 апреля 1842 г.,— я снова возвращаюсь к вопросу о цензуре и свободе печати, рассматривая его с иных точек зрения» (там же, стр. 361).

⁴² Ее название — «Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов словного собрания».

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 39, 52, 59.

⁴⁴ Там же, стр. 51, 46.

⁴⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 42, стр. 263.

нуть непрочность теологических прикрытий и подпорок. Спекуляции на божественном откровении во имя корысти, напоминает он, не всегда кончаются безнаказанно: «*Английская история* достаточно ясно показала, как идея божественного откровения свыше порождает противоположную идею о божественном откровении снизу: Карл I взошел на эшафот благодаря божественному откровению снизу»⁴⁶. Когда же Маркс избирает объектом критики попытки обосновать необходимость ограничения свобод авторитетом прошлого, ссылкой на давность, он обнажает корни этого консервативного историзма. Обращаясь к одному из выступавших в ландтаге ораторов феодального лагеря, он иронически спрашивает: «*Может быть, оратор под парламентской свободой* понимает свободу *старых французских парламентов... застой кастового духа*»; может быть, ему нравятся те времена, когда «в *нашей Германии* было узаконено общеперское убеждение, разделяемое и каждым владетельным князем в отдельности, что крепостное состояние есть природное свойство определенных человеческих существ»; а может быть, он вполне согласен с засильем местного партикуляризма, обусловленного в средние века тем, что сословия «сосредоточили в своем лице все права страны и обратили их в качестве привилегий против страны»⁴⁷, и т. п.

От исторических примеров Маркс переходит к сути: там, где узкосословное пытается подменить собой всеобщее, подлинно всеобщее теряет силу и присущее только ему одному качество — органически вбирать в себя человеческие отличия. Ликвидировать всеобщее, раскрываемое как единство различий, как род, сделать «*определенный вид* мерилom, нормой, сферой всех остальных видов» — к этому стремятся привилегированные. «Один вид свободы настолько *нетерпим*, — констатирует Маркс, — что позволяет существовать остальным ее видам лишь при том условии, если они отретусят от самих себя и признают себя его вассалами». «Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других»⁴⁸. Под этим общим углом зрения рассматривает Маркс позиции сторон в дебатах по поводу свободы печати. Его внимание привлекло предложение, исходившее от противников князей и дворян, наделить печать такой же свободой, какой обладают промыслы⁴⁹. Подразумевалось, что каждому занятию, поскольку оно отлично от других, необходим и особый вид свободы (так, свобода печати — для тех, кто профессионально связан с духовным производством). Маркс не отвергает необходимости существования особых свобод, но для него они лишь частный случай. Они полезны лишь тогда, когда через них и с помощью их прокладывает себе путь общечеловеческая свобода — свобода, которой на равных основаниях могут пользоваться все. «Всякий раз, когда отвергается какая-либо одна форма свободы, этим самым отвергается свобода вообще, — она обрекается на призрачное существование, и от чистой случайности будет зависеть, в какой именно области несвобода будет безраздельно господствовать. Несвобода становится правилом, а свобода — исключением из правила, делом случая и произвола. Нет поэтому ничего более ошибочного, чем полагать, будто вопрос об *особой* форме существования свободы есть *особый вопрос*. Это — общий вопрос в пределах особой сферы»⁵⁰.

Таков критерий, единственно приемлемый для последовательного демократа. Если не иметь его, замечает Маркс, то любой «*лояльный друг свободы*» зайдет в тупик при прямом столкновении с конкретностью вопроса: быть или не быть свободе? Именно это произошло в Рейнском ландтаге. Уровень дебатов в нем, по мнению Маркса, был крайне

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 56.

⁴⁷ Там же, стр. 50, 37, 43, 45.

⁴⁸ Там же, стр. 75, 55.

⁴⁹ См. там же, стр. 73—77.

⁵⁰ Там же, стр. 83.

низок. Среднему нормальному типу полемистов «за» или «против» свободы печати одинаково присуща специфически сословная ограниченность. «Одни хотят привилегии только для правительства, другие хотят распределить ее между многими лицами; одни хотят полной цензуры, другие — половину ее, одни — три восьмых свободы печати, другие не хотят никакой». Есть, однако, и исключение. Маркс цитирует речи ораторов-крестьян, привлекающие его радикальностью формулировок. Он приходит к выводу, что низы даже в условиях фактического отсутствия свободы не желают уподобляться тем, кто обезличен и «право думать и высказывать истину предоставляет только *придворным шутам*»⁵¹.

Живой сколок с реальности позволяет Марксу вплотную подойти к способу превращения извращенной действительности в разумную. Акцент делается при этом на способе. Одновременно возникает и новый аспект включения в исследование современности уроков прошлого. Сопротивление варварскому подавлению печати при Генрихе VIII, Марии Католичке, Елизавете и Якове в Англии, движение против цензуры и тюремных преследований приверженцев антиабсолютистских взглядов во Франции — во всем этом Маркс видит теперь духовную революцию, без которой была бы невозможна материальная — ниспровержение правительств. Выстраивая цепь взаимозависимостей («революция народа *целостна*»; духовная революция подготавливает материальную, а та, в свою очередь, призвана «одухотворить» власть, сделав ее способной «материализовать духовную революцию»⁵²), Маркс еще не порывает с гегелевским понятием разумного государства. Но та конкретизация, которую это понятие приобретает у него — с опорой на историю и выделением в истории революционных скачков как узловых моментов поступательного движения (хотя и понимаемого еще идеально), — существенно отличает марксову постановку вопроса от генеральной тенденции Гегеля, уповавшего на прогресс, «не носящий формы изменения».

Для Маркса именно в изменении вся суть дела. Это изменение имеет и духовную и материальную сторону. Первое слово принадлежит духу, но сам он уже не только предвестник и даже не только пролагатель пути к материальному перевороту, но и соучастник последнего. Конечно, в 1842 г. Маркс еще не думает так, как в 1843—1844 гг., и тем более во время создания «Манифеста Коммунистической партии». Для него еще существует трудность, перед которой, по сути дела, капитулировал Гегель: если вся действительность, вся история, все перемены сосредоточены в «среднем звене», то что является первоисточником человеческого развития: бесплотный дух или нечто иное, всеобщее и одновременно конкретное? Решения пока нет. Но есть противоречие, движущее вперед мысль. О бельгийской революции 1830 г. Маркс, в частности, пишет: «Мы знаем, что бельгийская революция *проявилась* вначале как духовная революция, как революция печати... Но разве это заслуживает порицания? Разве революция уже с самого начала должна выступать в *материальной форме*? Разве она уже с самого начала бьет, а не говорит?»⁵³. Такой же, видимо, представляет себе Маркс и грядущую революцию в Пруссии — сначала «говорящей», а затем, по необходимости, и «бьющей». Энергия этой революции будущего будет прямо пропорциональна нынешнему консервативному и реакционному противодействию ей. «Чем больше плотин вы, — обращался Маркс к княжеско-дворянской стороне, — ставите на пути истине, тем более основательную истину вы и получите! Итак, побольше плотин!»⁵⁴.

Консервативная идеология становится предметом специального разбора в статье Маркса «Философский манифест исторической школы

⁵¹ Там же, стр. 81, 79, 82, 36.

⁵² См. там же, стр. 40, 38, 42.

⁵³ Там же, стр. 42.

⁵⁴ Там же, стр. 61.

права» (апрель — август 1842 г.). Взгляды основателя этой школы Г. Гуго находятся, по остроумной марксовой оценке, в таком же отношении к философии XVIII в. (Кант), к идеологии Просвещения в целом, в каком «разложение французского государства при развратном дворе регента (Филиппа Орлеанского.— *Ред.*) находится к разложению французского государства во времена *Национального собрания*». И в том и в другом случае происходит разложение, замечает дальше Маркс. Но то, что в революции явилось освобождением нового духа от старых форм, во времена регентства выступило как загнивание тогдашнего мира, который наслаждается своим загниванием. У немецких консерваторов те же наклонности, те же повадки: пошлый скептицизм, отрицающий существование разума и все человеческие действия сводящий к проявлениям «животной природы» человека, с тем чтобы таким мнимофилософским образом увековечить господство «животного права»! ⁵⁵.

Необходимо решить, обращался к читателям Маркс, «имеют ли преемники Гуго призвание быть законодателями нашего времени» (намек на Ф. К. Савиньи, назначенного в 1842 г. прусским министром по пересмотру законов.— Г. А.) ⁵⁶ в условиях, когда народ, имея перед собой философию Канта, располагает «немецкой теорией французской революции». Сам Маркс уже сделал выбор, высказавшись против старого порядка, за «чувство собственной силы, присущее новой жизни, которая разрушает разрушенное, отвергает отвергнутое» ⁵⁷.

Не только отдельные, избранные места, но и весь контекст ранней публицистики Маркса (вопреки тому, что утверждают некоторые буржуазные авторы) проникнут революционным духом. Это не просто юношеское бунтарство или типично младогегельянская игра в освобождение «самосознания» от действительности. Поразительная черта молодого Маркса — соединение бескомпромиссности с ответственностью, устремленности в будущее с социальным и политическим реализмом. Отсюда столь рано и резко проявившееся несогласие его с тактикой и всем стилем поведения «левых» эпигонов Гегеля, которые вместе со взглядами учителя отвергли и его проблематику, а тем самым и внутреннюю потребность в превращении понятия в действие. Маркс же шаг за шагом пробивается к действию, и именно это не только стимулирует отмеченное выше расширение поля исследования углублением в «эмпирию», но и все более четко обозначающийся переход от идеализма к материализму ⁵⁸.

Существеннейшая веха на этом пути — продолжаемый Марксом разбор дебатов шестого Рейнского ландтага. Как будто периферийная тема: закон о краже леса. Но за debатами по этому вопросу — массовое явление (из 207 тыс. уголовных дел, рассмотренных в Пруссии в 1836 г., около 150 тыс. были «проступками» против законодательства о лесе, скоте и выгонах ⁵⁹), а за параграфами лесного права — положение бедноты. Маркс входит во все детали, не пренебрегает никакими частностями, умышленно скрываемыми или извращаемыми в официальных документах. Всю силу своего философско-правового и философско-исторического анализа он направляет на будто бы незначительный казус: смешение «кражи» деревьев с «кражей» валежника. В первом случае, разъясняет он, имеется в виду либо растущее дерево, либо срубленный,

⁵⁵ Там же, стр. 87—88, 92.

⁵⁶ Там же, стр. 91, 650 (примеч. 41).

⁵⁷ Там же, стр. 88.

⁵⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 82.

⁵⁹ См. Ф. Меринг. История германской социал-демократии. Т. 1. До революции 1848 г. СПб. 1906, стр. 150.

то есть обработанный лес, во втором — ветви, естественным путем отделившиеся от ствола. И «если закон называет кражей леса такое действие, которое едва ли можно назвать даже нарушением лесных правил, то закон *лжет*»⁶⁰. Однако не сама по себе лживость закона занимает здесь Маркса. В ней он обнаруживает реальное отношение: генезис монополии собственности.

Природа, по Марксу, является опровержением несправедливости, так как не все ее предметы в естественном состоянии обладают качеством меры, характерным для предварительно фиксируемой частной собственности. Валежник и дикорастущие травы, ягоды и т. п. составляют придаток лесного владения, который практически учесть и заранее включить в оформленную собственность невозможно. В силу этой неопределенности обладание предметами, которые «не являются ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью», с незапамятных времен регулировал обычай⁶¹. Обычаю, иначе — праву, на которое опиралось сопротивление массы, Маркс противопоставляет «рассудочное» право собственников, претендующих на монополию и опирающихся на государство. Если неопределенность собственнических отношений служила бедноте источником существования, то эта же неопределенность питала обычай знати — привычку грабить и притеснять бедных. Какой обычай восторжествует? Ответ дает история. Маркс ссылается на факты и прецеденты: фальсификацию «варварских правд», являющихся наиболее богатым источником об обычаях бедноты, рецепцию римского права, секуляризацию монастырских имуществ и т. п.⁶². Вывод — дуалистическая собственность уступает место частной: обычные права бедноты превратились в нечто случайное; абстрагируясь от этой случайности, «рассудок» уничтожил обязательства неустойчивой собственности по отношению к беднейшему классу; повсюду, где речь заходила о спорных материальных моментах, низы лишались законодательной поддержки. Но одно юридическое оформление неравенства не устраивало знать. Поэтому наряду с законами, которые закрепили ее притязания, она пыталась удержать и свое обычное право, сохранить навеки состояние грабежа. «Когда привилегированные апеллируют от *установленного законом права* к своим *обычным правам*, они требуют, вместо человеческого содержания права, животной формы права, которая теперь утратила свою реальность и превратилась в простую звериную маску»⁶³.

Языком просветителя Маркс выражает здесь активное противоречие. «Животное право» исчезает там, где утверждается публичное право — равенство перед законом. («Когда речь идет о лесовладельцах, то законом становится доведенное до мельчайших тонкостей равенство между крупным и мелким лесовладельцем»⁶⁴.) Но это же юридическое равенство служит почвой, на которой «животная форма права» не только сохраняется, но и становится откровенно циничной. Маркс вплотную подходит тут к проблеме фактического неравенства как к проблеме исторической, а именно — проблеме сохранения и обновления феодальных пережитков путем внедрения их в систему буржуазной собственности и власти. Лесовладельцу удастся превратить публичное право в свою частную собственность, то есть «похитить *само государство*». «Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегаёт»⁶⁵.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 122.

⁶¹ Там же, стр. 128, 130.

⁶² См. там же, стр. 127—129.

⁶³ Там же, стр. 126.

⁶⁴ Там же, стр. 136.

⁶⁵ Там же, стр. 151, 142.

И еще одно немаловажное обстоятельство: бесчеловечный механизм, превращающий «всякое грязное притязание в чистое золото права», Маркс находит не только в средневековые или в монархическо-сословной Пруссии. Частнособственнический интерес, не знающий «ни отечества, ни провинции, ни общего духа, ни даже местного патриотизма», повсеместен. «Лес остается лесом в Сибири, как и во Франции, лесовладелец остается лесовладельцем на Камчатке, как и в Рейнской провинции. Если, следовательно, лес и лесовладелец, как таковые, станут издавать законы, то эти законы будут отличаться друг от друга только местом, где они изданы, и языком, на котором они написаны». Общая идея неразумности всех существующих государств, пройдя через конкретное исследование, становится основой защиты угнетенных, притесняемых в любой точке мира. «В интересах бедной, политически и социально обездоленной массы» Маркс настаивает на упразднении «обычного бесправия»: привилегии «должны быть отменены, и пользование ими должно даже повлечь за собой то или иное наказание». Не останавливаясь на этом, он предлагает юридически ограничить и произвол частной собственности, признав связанный с ней интерес лишь постольку, «поскольку он может быть обеспечен разумными законами и разумными предупредительными мерами»⁶⁶.

Та же тенденция прослеживается и в других выступлениях Маркса. Так, в статье «Проект закона о разводе» (написана 18 декабря 1842 г.) он обрушивается на попытку правительства гальванизировать в этой области старопрусское право посредством обманных реформ. Убеждение в необходимости мер, затрагивающих все общество в целом, отмечает Маркс, может иметь место лишь тогда, «когда закон является сознательным выражением народной воли, следовательно — когда он возникает вместе с нею и ею создается»⁶⁷.

В цикле полемических заметок «[О сословных комиссиях в Пруссии]. Вопрос о прусских сословных комиссиях в приложениях к №№ 335 и 336 аугсбургской «Allgemeine Zeitung», написанном в декабре 1842 г., Маркс опять-таки отталкивается от эпизода — попытки увековечить сословное представительство в так называемых центральных комиссиях, проектируемых правительством⁶⁸. «Allgemeine Zeitung» подержала это предложение, исходя из консервативной установки — нельзя уничтожить свойственное всему живому «различие элементов»: народ вне сословий не более чем «сырая неорганическая масса». Никто не думает «об искоренении различий» — отвечает Маркс. Но различие сословий, подобно всякому различию в живых организмах, не предшествует жизни, а, напротив, «непрестанно вытекает из нее самой и столь же постоянно исчезает и парализуется в ней». Вот почему ложно считать и народ раз навсегда данным в прежнем или нынешнем его виде. То, что для его оппонентов — извечное состояние, неизменяемый «божественный миропорядок», для Маркса — момент исторического развития. Сегодня народ — «сырая масса», завтра — активный компонент общественной, то есть государственной, жизни. «Если неразумна была бы попытка привести в движение народ как сырую неорганическую массу, то столь же неразумно рассчитывать, что можно вызвать органическое движение, механически разбив народ на твердые абстрактные составные части и потребовав от этих неорганических, насильственно фиксированных частей самостоятельного движения, которое может быть только конвульсив-

⁶⁶ Там же, стр. 125, 160, 126, 154.

⁶⁷ См. там же, стр. 161—163.

⁶⁸ Речь идет о попытке прусского правительства подменить введение конституции учреждением общегосударственного сословно-представительного органа с совещательными функциями (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 40, стр. 679, 682, примеч. 86, 103).

ным»⁶⁹. С этих позиций Маркс подвергает критике самый принцип, положенный в основу проекта центральных комиссий: воспроизвести и закрепить в них то соотношение сил, которое сложилось раньше в провинциальных собраниях, то есть придать старому сословному неравенству общегосударственный характер. Приоритет, по Марксу, должен принадлежать тому, что, развиваясь, способно вести к еще не существующему высшему единству. И в данном случае Маркс не отбрасывает существующих различий. Но в его глазах предпочтительнее все и в социальной, и в политической, и в культурной жизни (от суда и военного обучения до сельской общины и школьного образования), что не является остатком чисто сословных институтов и разлагающихся архаических форм.

Единственная альтернатива — «самопредставительство народа». Не следует, разумеется, модернизировать эту формулу. Маркс еще не освободился полностью от гегелевского растворения гражданского общества в «разумном государстве», которое только и способно быть воплощением всеобщности. Под самопредставительством народа он понимает здесь нечто привлекающее внимание скорее критической, негативной, чем положительной стороной. Это — отрицание особых, замкнутых в себе интересов. Кроме того, самопредставительство народа, по мнению Маркса, нельзя отождествлять и с государством, которое «концентрируется только в *правительстве* и, в виде компенсации, предоставляет ограниченному народному духу лишь некоторую сферу деятельности как отдушину для его особых интересов»⁷⁰. Ни то, ни другое, так что же?

На этот вопрос еще нет ответа. Он больше угадывается в общем ходе мысли, чем в отдельных формулировках. Конкретность предпринятого Марксом исследования действительности исключает уже возможность ограничиться «разумным государством» как идеалом и даже критерием. Маркс ищет такую форму государства, при которой оно, материализуя «духовную революцию», обнаружило бы, что его «господствующим началом является... не лишенный свободы предмет, а свободный человек»⁷¹.

Между «Дебатами о свободе печати» и работами конца 1842 г. — две статьи, проливающие дополнительный свет на становление революционного демократизма как системы философских и политических взглядов Маркса. Первая из этих статей — полемический отклик на передовицу № 179 «Kölnische Zeitung». Консервативную газету не устраивало вторжение философии в политику. Она недвусмысленно предложила прусскому правительству «закрывать рот *непризванным* болтунам». Характерным было вместе с тем стремление придать полицейскому наскоку псевдоученую форму, призвав для этого в качестве автора передовицы бывшего либерала. Либерал недавнего прошлого, замечает Маркс, выступает против либералов настоящего. Это, с его точки зрения, положительный факт, ибо «без партий нет развития, без размежевания нет прогресса»⁷².

Маркс использует представившуюся возможность противопоставить реакционному кредо собственное. Он выдвигает и обосновывает три взаимосвязанных пункта. Во-первых, философия не только имеет право заниматься «вопросами дня», это ее призвание. В политике она делает то же, что в своей области делает опытное знание. Во-вторых, предметом философии является весь исторический мир. «Должна ли философия, чтобы не впасть в противоречие с основными положениями догмы, иметь особые принципы для каждой отдельной страны, соответственно

⁶⁹ См. там же, стр. 278, 279.

⁷⁰ См. там же, стр. 275, 280, 290, 285.

⁷¹ Там же, стр. 291.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 95, 113.

поговорке: «что город, то норов?», — иронически спрашивает Маркс и отвечает: «Ее (то есть философию. — Г. А.) интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых; ее метафизические истины не знают границ политической географии; а где начинаются «границы» — это ее политическим истинам слишком хорошо известно, чтобы возможно было смешение иллюзорного горизонта частных мирозерцаний и национальных воззрений с истинным горизонтом человеческого духа». Третий пункт соединяет второй с первым: мир как масштаб и предмет глубоко современен. Он создан новой историей: «Тот же самый дух, который строит железные дороги руками рабочих, строит философские системы в мозгу философов. Философия не витает вне мира, как и мозг не находится вне человека, хотя он и не лежит в желудке. Но, конечно, философия сперва связана с миром посредством мозга, и лишь потом она становится на землю ногами; между тем многие другие сферы человеческой деятельности уже давно обеими ногами упираются в землю и срывают руками земные плоды, не подозревая даже, что и «голова» принадлежит этому миру, или что этот мир есть мир головы». Этому миру ближе кодекс Наполеона, то есть закрепленный в праве итог эпохи революций, чем превращенный в догму теологами Ветхий завет⁷³.

Так принцип активности, подкрепляемый всей историей мыслящего разума, формулируется Марксом как основание всемирно-исторического действия. Стоя на такой позиции, он не мог, естественно, пройти мимо идеи коммунизма даже в ее тогдашнем, утопическом, наивном виде. 16 октября 1842 г. Маркс опубликовал в «Rheinische Zeitung» небольшую статью «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung». Последняя поставила «Rheinische Zeitung» в вину (по ироническому пересказу Маркса), что та — «прусская коммунистка, правда, не настоящая коммунистка, но все же особа, мечтательно кокетничающая с коммунизмом и платонически строящая ему глазки»⁷⁴. Однако «Allgemeine Zeitung» не ограничилась этим выпадом (или доносом). Станным, но только на первый взгляд, образом консервативный орган пытается перехватить инициативу, утилизировав чужеродные ему идеи. Так появляется рекомендация, адресованная прусской монархии, — «усвоить» исповедание веры социализма и коммунизма. Маркс точно характеризует социальную подоплеку этого призыва. «Все писатели феодального образа мыслей» воспринимают коммунизм на свой лад, то есть меряют будущее человечества средневековым масштабом. «Кто говорит о *корпорациях ремесленников*? Реакционеры. Сословие ремесленников должно образовать государство в государстве. Не находите ли вы странным, что подобные мысли, выраженные современным языком, означают вот что: «государство должно превратиться в ремесленное сословие»?⁷⁵.

Между тем подлинному коммунизму, по мысли Маркса, история сулит иное предназначение. «Что сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов, — это факт, который и без страсбургских речей⁷⁶ и вопреки аугсбургскому молчанию бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона»⁷⁷. Перечисленные города названы, разумеется, не случайно: с Манчестером был связан высший подъем чартистского движения — всеобщая стачка, охватившая в августе 1842 г. промышленные районы Англии; в Париже (май 1839 г., сентябрь 1840 г.) и Лионе (ноябрь 1831 г., апрель 1834 г.)

⁷³ Там же, стр. 101, 105, 112.

⁷⁴ Там же, стр. 114.

⁷⁵ Там же, стр. 115, 117.

⁷⁶ Маркс имеет в виду отчет о фурьеристских речах на научном конгрессе в Страсбурге, помещенный в «Rheinische Zeitung» в октябре 1842 г. (см. там же, стр. 651, примеч. 55).

⁷⁷ Там же, стр. 115.

рабочие неоднократно выступали с оружием в руках. Факты современности «Rheinische Zeitung» вводила в более широкий общесторический контекст. Еще раньше в одной из статей газета уподобляла положение «среднего сословия» (то есть по сути буржуазии) положению дворянства в 1789 г., отмечая вместе с тем, что нынешнее третье сословие «лучше защищено от внезапного нападения». «Allgemeine Zeitung» явно не устраивал этот тезис. Маркс, напротив, берет его под защиту, полемически заостряя и уточняя его обоснование. Он отмечает реакционное кликушество и обнажает страх, испытываемый противником перед лицом рабочего движения, этого «непокладистого» современного явления. Маркс не отказывается от высказанной в ранней статье «Rheinische Zeitung» надежды, что новая социальная коллизия, «существование которой бесспорно, разрешится *мирным* путем». Но выделяет он не сам по себе мирный исход как наиболее желательный; важнее всего для него невозможность ухода от действительности, подмена ее искусственными рецептами, любым прожектерством. «Мы не обладаем искусством *одной* фразой разделяваться с проблемами, над разрешением которых работают *два* народа»⁷⁸.

Для Маркса коммунизм — проблема, которая имеет прямое отношение к центральному пункту — достижимости «разумного государства». Он не признает за коммунистическими идеями «в их теперешней форме» теоретической реальности, а потому и возможности практического их осуществления. Отношение к коммунизму, каков он есть, для Маркса — это проблема изучения и критики с акцентом на последнюю. Но он ни на минуту не колеблется при этом в признании серьезного значения произведений утопистов, называя П. Леру, В. Консидерана, П. Ж. Прудона⁷⁹ и, вероятно, имея в виду В. Вейтлинга⁸⁰. Еще важнее — в свете идейной эволюции Маркса — сделанный им в той же статье вывод для себя: «Мы твердо убеждены, что по-настоящему *опасны* не *практические* опыты, а *теоретическое* обоснование коммунистических идей; ведь на практические опыты, если они будут *массовыми*, могут ответить *пушками*, как только они станут опасными; *идеи* же, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»⁸¹.

Тут проходит демаркационная линия, отделяющая молодого Маркса от его вчерашних друзей и единомышленников из среды младогегельянцев. Не кичливое самосознание, с высоты абстракции вззирающее на действительность, а добровольное подчинение убеждениям, которые не отделяют и тем более не противопоставляют себя реальности, реальному движению от настоящего к будущему, — таков жизненный идеал Маркса. В свете его становится понятным принципиальный смысл расхождения и разрыва Маркса с кружком «Свободных».

Первое упоминание о берлинской группе младогегельянцев, носящей столь претенциозное название, содержится в письме Маркса Руге от 9 июля 1842 года. Незадолго до этого «Свободные» обнародовали в печати свои задачи и цели. Их декларация, высказывает свое суждение Маркс, была, «по меньшей мере, не дипломатичной. Одно дело объявить себя приверженцем эмансипации — это честно; другое дело — заранее раструбить о своей пропаганде, это отдает бахвальством и раздражает

⁷⁸ Там же, стр. 116.

⁷⁹ См. там же, стр. 117.

⁸⁰ В сентябре 1842 г. в «Rheinische Zeitung» была перепечатана заметка из журнала В. Вейтлинга «Die junge Generation» (см. там же, стр. 114, 651, примеч. 53).

⁸¹ Там же, стр. 118. К проблематике этой статьи Маркс еще раз возвращается в кратком редакционном заявлении, напечатанном в «Rheinische Zeitung» 23 октября 1842 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 40, стр. 244—245).

филистера»⁸². Заданный в прессе «Свободными» тон послужил поводом для обращения к серьезным вопросам. Последовательный демократизм и непримиримость по отношению к существующему строю, опирающиеся на тщательное изучение конкретной ситуации, позволяют Марксу быть разумно осмотрительным в сфере тактики. В письме, отправленном около 25 августа 1842 г. Д. Оппенгейму, одному из ответственных издателей «Rheinische Zeitung», Маркс именно в этой связи комментирует конфликт между «Свободными» и либералами. Первые, «усевшись в удобное кресло абстракции, то есть фактически бездействуя, порицали вторых за практические шаги, предпринимаемые в целях утверждения конституционализма»⁸³. Маркс информирует Оппенгейма, что в приложении к своей работе, направленной «против гегелевского учения о конституционной монархии»⁸⁴, он готов выразить личное несогласие с тем, как «Свободные» освещают проблему государственного строя. Их «совершенно общие теоретические рассуждения», лишенные развития «применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей», содержат в себе (будучи к тому же насыщены радикальной демагогией) двойную опасность — полной изоляции «Rheinische Zeitung» в оппозиционном лагере и одновременно усиления цензурных репрессий вплоть до закрытия газеты. «Я считаю необходимым, — критиковал Маркс близорукость редакции, допустившей подобные выступления, — чтобы не столько сотрудники руководили «Rheinische Zeitung», сколько, наоборот, она руководила ими. Статьи вроде указанной дают прекраснейший случай наметить перед сотрудниками определенный план действий»⁸⁵.

Маркс, ставший с октября 1842 г. фактически главным редактором газеты, вызвал своей принципиальной линией явное недовольство со стороны «Свободных». 30 ноября 1842 г. он сообщал Руге, что его забрасывают ультимативными письмами, содержащими обвинения в консерватизме. «Почему я не пропустил того-то и того-то» (Маркс признавался, что забраковал массу статей «Свободных», содержащих кучу вздора, «претендующего на то, чтобы перевернуть мир»); почему газета проявляет сдержанность, «она обязана действовать *самым крайним образом*»⁸⁶ и т. п. «Я, — писал Маркс, — тотчас же ответил и откровенно высказал свое мнение о недостатках их работ, которые скорее усматривают свободу в необузданной, санкюлотской — и притом удобной — форме, чем в *свободном*, то есть самостоятельном и глубоком содержании. Я призвал их к тому, чтобы было поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольства и самолюбования и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела»⁸⁷. Берлинские младеггелянцы, надеявшиеся, что «Rheinische Zeitung» не выдержит предпринятого ими натиска, просчитались. Редакция решительно отвергла их притязания. Разрыв не заставил себя долго ждать.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 364.

⁸³ См. там же, стр. 367. Маркс имел в виду написанную Э. Бауэром и опубликованную в «Rheinische Zeitung» серию статей «Juste-Milieu» («Золотая середина»), где критика либерализма велась на основе рассуждений о нежелании считаться с любыми порядками, не вытекающими из самосознания. То, что «Juste-Milieu» писалась под влиянием работ главного идеолога «Свободных» Б. Бауэра, уже отмечалось в литературе (см. Л. Ф. Вольфсон. Борьба «Рейнской газеты» против прусской реакции (из истории идеологической борьбы в предреволюционной Германии). «К столетию революции 1848 года». М. 1948, стр. 208—209).

⁸⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 27, стр. 368.

⁸⁵ Там же, стр. 367, 368.

⁸⁶ То есть, комментирует это последнее требование Маркс, газета «должна спокойно уступить поле сражения полиции и цензуре, вместо того, чтобы удерживать свои позиции в незаметной для публики, но тем не менее упорной, проникнутой сознанием долга борьбе» (там же, стр. 370); см. также стр. 368.

⁸⁷ Там же, стр. 369.

Собственная диалектическая позиция Маркса видна из его «Редакционного примечания к статьям «Промахи либеральной оппозиции в Ганновере» и «С Рейна», написанного около 8 ноября 1842 года. Поводом для появления этих статей явился переворот в Ганновере, где по произвольному решению монарха была отменена умеренная конституция 1833 г. и введена в действие прежняя реакционная конституция (1819 г.)⁸⁸. Насильственная акция вызвала негодование либералов. Прекрасно понимая ограниченность этой оппозиции, как и узость отмененной конституции, Маркс одновременно далек от того, чтобы пренебречь этим казусом — несущественным с позиции абстрактного максимализма «Свободных». Прогресс, полагает Маркс, не только и даже не столько в том, что в данном случае может быть достигнуто одними либералами, сколько в обнажении корней действительного конфликта и в факте сопротивления произволу. «Конституция 1833 г. ни в коем случае не является выражением свободы, если сопоставить ее с идеей свободы, но она, конечно, является выражением свободы при сопоставлении ее с конституцией 1819 года. Вообще речь шла сначала не о каком-либо *определенном* содержании этой конституции — речь шла о том, чтобы во имя *законного* содержания выступить против *незаконной* узурпации»⁸⁹. Либерализм заслуживает поддержки, но для этого он должен стать подлинным, то есть действующим. Действие же не может быть простым восстановлением прошлого. Следует «стремиться к совершенно новой государственной форме, соответствующей более глубокому, более развитому и *свободному* народному сознанию»⁹⁰.

Все выступления Маркса, относящиеся к 1842 г. (статьи, заметки, редакционные реплики и другие материалы), — это схватки с реакцией, с консерватизмом и либерализмом, с мнимой революционностью. За один год был сделан громадный шаг вперед. Маркс вторгается в жизнь, подвергая испытанию те представления и понятия, которые были результатом целой эпохи духовного развития — до Гегеля и особенно в недрах гегелевского универсализма и идеалистической диалектики. Испытание жизнью вывело наружу противоречия мысли, превращая прежние ответы в вопросы, на которые ответ мог быть найден принципиально новым образом — путем соединения исследования с действием, в процессе этого соединения. Политика делалась поприщем теории: не только сферой приращения идей, но и источником их обогащения и изменения. При этом раздвигались рамки самой политики, ее «фокусом» становились действительные отношения людей, положение народной массы. Место гегелевского идеала и гегелевской мистики «невидимого» прогресса — поступательного движения, не носящего формы изменения, — занимает революция как проблема, как предмет теории, центральный пункт мировоззрения, охватывающего прошлое, настоящее и будущее «рода» — человечества. Чтобы обрести целостность, полноту конкретности, этот революционный демократизм должен был в дальнейшем преодолеть себя. Искания Маркса вели к материализму и научному коммунизму.

⁸⁸ Аналогичные процессы имели место и в других германских государствах. В заметках «Муниципальная реформа и «Kölnische Zeitung» (7—12 ноября 1842 г.) Маркс разоблачал намерение правительства распространить прусский сословный принцип на Рейнскую провинцию, сохранившую со времени Французской буржуазной революции конца XVIII в. черты демократического устройства в местном управлении. В аргументах Маркса заметно проявилась при этом тенденция к материалистическому истолкованию ряда общественных явлений, в частности законодательства и правовых норм (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 40, стр. 248—255).

⁸⁹ Там же, стр. 246—247.

⁹⁰ Там же, стр. 247.

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ Б. РИВАДАВИИ

К. В. Комаров

Аргентина представляет собой пример страны, в которой латифундизм тормозит развитие не только сельского хозяйства, но и всей экономики. Борьба за демократическую аграрную реформу началась там еще в первые годы независимости. Важный этап этой борьбы составил период президентства Б. Ривадавии (1826—1827 гг.) — буржуазного политика, стремившегося утвердить государственную земельную собственность как основу дальнейшего развития страны.

Одним из первых биографов Ривадавии (1780—1845 гг.) был видный государственный деятель Уругвая, историк и журналист А. Ламас¹. Для него «обществом социального совершенства» было такое буржуазное общество, в котором отсутствовала бы частная собственность на землю². Он высоко ценил аграрные реформы Ривадавии, видя в них попытку претворить в жизнь «справедливые принципы общественной земельной собственности»³. Ламас подчеркивал, что сами эти принципы противоречили общепринятым представлениям той эпохи. Отстаивая оригинальность Ривадавии как социального мыслителя, он писал: «Европейская наука исходила тогда из признания частного землевладения как чего-то абсолютного и священного... Европейская наука всегда отождествляла земельную частную собственность с социальной организацией общества вообще, рассматривая ее как краеугольный камень самой этой организации, который якобы нельзя стронуть без риска нарушить равновесие в обществе и даже разрушить его»⁴. Автор выражал надежду, что «в тот день, когда аграрная система, введенная в Аргентине в 1826 г., станет известной научному миру, Ривадавия займет выдающееся место в галерее реформаторов своего века»⁵.

В своем большинстве современные буржуазные историки находят планы Ривадавии фантастичными. Один автор назвал их даже «сумасшествием гения»⁶. Типична оценка, которую дал деятельности Ривадавии аргентинский исследователь Р. Сорракин Беку⁷. Он объяснял аграрные преобразования 1826—1827 гг. исключительно влиянием «европейской романтической пропаганды» и утверждал, будто политика Ривадавии «не отвечала национальным целям и не удовлетворяла общественное мнение»⁸. «Программа (Ривадавии и его сторонников.— К. К.), будучи лишь подражанием иностранному, имела целью изменить облик нации в соответствии с импортированными идеями, вовсе не считаясь с тем, насколько это целесообразно и своевременно»⁹. «Они

¹ A. Lamas. Rivadavia. Su obra política y cultural. Buenos Aires. 1941.

² Ibid., p. 13.

³ Ibid., p. 15.

⁴ Ibid., p. 14.

⁵ Ibid., p. 18.

⁶ O. Amadeo. Vidas argentinas. Buenos Aires. 1965, p. 252.

⁷ R. Zorraquin Becu. El federalismo argentino. Buenos Aires. 1953.

⁸ Ibid., p. 55.

⁹ Ibid., p. 56.

не знали своей страны и твердо верили во все догмы европейских авторов. Отсутствие духа критики и практицизма стало причиной их поражения»¹⁰.

Есть в современной буржуазной историографии и другое направление, которое признает прогрессивность аграрных реформ Ривадавии. Видным представителем этого направления является К. Гальван Морено¹¹. Он утверждает, что Ривадавия выступал против латифундий — первопричины «раковой болезни, поразившей весь национальный организм»¹². Первый президент Аргентины «старался предотвратить такое положение, когда алчные спекулянты и невежественные помещики обогащаются лишь за счет повышения стоимости земли, сами не прилагая для этого никаких усилий»¹³. «Его целью было также предотвратить земельные спекуляции наподобие тех, которые развернулись в стране позже, в связи со строительством железных и других дорог, и на которых колоссально нажились крупные землевладельцы, политики и вообще люди с положением»¹⁴. В то же время Гальван Морено подчеркивает, что частная земельная собственность обеспечивает наилучшую эксплуатацию земель¹⁵. Нарушая логику собственного изложения, он оспаривает мнение Ламаса о том, что в своей деятельности Ривадавия руководствовался идеей общественной собственности на землю¹⁶.

Классовая ограниченность буржуазных исследователей мешает им со всей объективностью подойти к теоретическому осмыслению опыта Ривадавии. Подлинно научную оценку его деятельности дают ученые-марксисты. Перу видного историка-коммуниста Л. Пасо принадлежит монография, посвященная политике первого президента Аргентины¹⁷. Глубокое исследование социально-экономических условий позволило автору сделать правильный вывод о буржуазном характере и прогрессивности реформ Ривадавии¹⁸. Выступая за неотчуждаемость государственных земель, против монополии частной земельной собственности немногих, он, как утверждает Пасо, стремился покончить с латифундизмом и отсталостью. Аграрные преобразования 1826—1827 гг., продолжает автор, открывали для Аргентины перспективу превращения в высокоразвитую страну¹⁹. Оценивая деятельность Ривадавии, Л. Пасо определил ее как попытку направить страну «по пути ускоренного капиталистического развития»²⁰.

Советская историография выработала общую характеристику деятельности Ривадавии и его эпохи²¹. Однако аграрные преобразования 1826—1827 гг. еще не были предметом специального исследования наших латиноамериканистов. Целью настоящей статьи является попытка восполнить этот пробел.

Почти сразу же после Майской революции 1810 г., положившей начало войне за независимость Аргентины, аграрный вопрос стал камнем преткновения в решении основных национальных проблем. Земля явилась предметом ожесточенной классовой борьбы, от исхода которой зависело дальнейшее социально-политическое развитие страны. В условиях Аргентины «помещичий, полуфеодальный»²² капитализм представ-

¹⁰ Ibid., p. 101.

¹¹ C. Galvan Moreno. Rivadavia el estadista genial. Buenos Aires. 1940.

¹² Ibid., p. 473.

¹³ Ibid., p. 472.

¹⁴ Ibid., pp. 472—473.

¹⁵ Ibid., p. 473.

¹⁶ Ibid., p. 472.

¹⁷ L. Paso. Rivadavia y la línea de Mayo. Buenos Aires. 1960.

¹⁸ Ibid., p. 203.

¹⁹ Ibid., pp. 69, 71.

²⁰ Л. Пасо. Диктатура Росаса. «Новая и новейшая история», 1970, № 5, стр. 71.

²¹ «Очерки истории Аргентины». М. 1961, гл. IV.

²² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 6.

ляли обуржуазивавшиеся латифундисты-скотоводы, которые стремились сосредоточить в своих руках земельные богатства страны. Отсутствие у них политической власти препятствовало осуществлению их планов. В 1810—1815 гг. во главе страны стояли, с небольшим перерывом, правительства буржуазных радикалов, а затем блок патриотических сил (1816—1819 гг.)²³.

Сражаясь против испанского владычества, народные массы вместе с тем боролись «за землю и свободу от всякого угнетения»²⁴. Отстаивая равное право всех членов общества на землю, они объективно выступали против латифундизма. Эксплуатируемым массам вице-королевства Ла-Платы²⁵ не удалось добиться последовательно демократического решения аграрного вопроса. Народное движение за социальную справедливость, отчасти нашедшее свое отражение в деятельности видного уругвайского патриота Х. Артигаса, было разгромлено в ходе классовых боев первого десятилетия независимости Ла-Платы. Буржуазно-радикальное крыло Майской революции пыталось направить аграрно-капиталистическое развитие страны по фермерскому пути посредством наделения земель мелких сельских производителей (арендаторов государственных и частных земель). Осуществление этих планов облегчалось тем, что собственником большей части земель было государство²⁶.

Попытка буржуазных радикалов Аргентины осуществить свои планы аграрных преобразований приходится на 20-е годы XIX в. и неразрывно связана с именем Б. Ривадавии. Как видный государственный деятель он выдвинулся в первые годы войны за независимость, входил в состав правительства (1811—1812 гг.), был его полномочным представителем в Европе (1815—1820 гг.). С июля 1821 г. Ривадавия занимал пост министра внутренних дел в правительстве провинции Буэнос-Айрес²⁷.

Началом аграрных реформ Ривадавии явился декрет от 17 апреля 1822 г., по которому «запрещалось, вплоть до особого распоряжения, передавать земли в частную собственность»²⁸. Латифундисты, испугавшись, что готовится экспроприация их земель, развернули антиправительственную кампанию. Обвиняя власти в покушении на право частной собственности вообще, они хотели вызвать недоверие к правительству со стороны всех имущих. Ривадавия же стремился показать несостоятельность утверждений реакционной оппозиции. По его предложению палата депутатов приняла указ (21 июня 1822 г.), декларирующий неприкосновенность частной собственности, «независимо от того, кому она принадлежит»²⁹. Выставив себя защитником права частной собственности, правительство вместе с тем не уточнило своих взглядов на частное землевладение. Лишь 15 октября 1822 г., чтобы «избежать ложных толкований, которые некие злоумышленники пытались дать постановлению от 17 апреля», правительство провинции разъяснило, что апрельское постановление относится к государственным землям³⁰.

²³ Их социальной базой являлись мелкие землевладельцы, арендаторы государственных и частных земель, владельцы небольших мастерских, а также демократическая интеллигенция. Проблемы истории Аргентины в колониальную эпоху и в период войны за независимость рассматриваются в монографии: А. И. Штрахов. Война за независимость Аргентины. М. 1976.

²⁴ А. А. Губер, Н. М. Лавров. К 150-летию войны за независимость Латинской Америки. «Новая и новейшая история», 1960, № 4, стр. 15.

²⁵ Вице-королевство Ла-Плата включало территории современных Аргентины, Уругвая, Парагвая и Боливии. В данном случае речь идет об Аргентине и Уругвае.

²⁶ Такое мнение высказывается рядом авторов (см.: Б. Марианетти. Аргентина. Современное положение и перспективы. М. 1966, стр. 48; А. Ламас. *Op cit.*, p. 15; J. O'ddonne. *La burguesia terrateniente argentina*. Buenos Aires. 1967, p. 13).

²⁷ В 1820—1824 гг. в стране не было центрального правительства. Развитие провинции Буэнос-Айрес, как и других районов, происходило автономно.

²⁸ S. B a g ú. *El plan económico del grupo rivadaviano 1811—1827. Con una sección documental*. Rosario. 1966, doc. № 38, p. 159.

²⁹ *Ibid.*, doc. № 43, p. 166.

³⁰ *Ibid.*, doc. № 50, p. 172.

Трудно сказать, входила ли в первоначальные намерения провинциального правительства конфискация земель помещиков, были ли обоснованы в связи с этим опасения последних. Но исключить такой возможности нельзя. Апрельский декрет не пояснял, что его действие распространяется лишь на государственные земли, поэтому правительство могло, опираясь на это постановление, признать незаконным любой акт, связанный с куплей-продажей земли. Кроме того, оно почти полгода воздерживалось от признания неприкосновенности частных землевладений.

Сам Ривадавия был противником частной земельной собственности. Чрезвычайно важен для понимания его аграрных идей один фрагмент. Ссылаясь на естественное право, Ривадавия распространил идею буржуазного равенства и на сферу аграрных отношений. «Люди рождаются равными,— писал он,— отсюда их равное право пользоваться благами этого мира. Если каждый свободен постольку, поскольку не нарушает свободы другого, то каждый свободен для удовлетворения своих потребностей пользоваться естественными благами, признавая такое же право и за другими»³¹. «Ясно,— продолжал Ривадавия,— что никто не может иметь монополию на пользование землей — иначе кто-то будет более свободен, чем другие, а это и есть нарушение Закона». Ривадавия отвергал такие формы решения аграрного вопроса, как «совместная обработка и даже равный раздел земли». По его мнению, «самой высокой ступени развития цивилизации соответствует теория коллективного права на недвижимость; и, несмотря на все трудности, сей принцип должен быть претворен в жизнь, этого настойчиво требует равенство»³².

С лета 1822 г., то есть еще до признания неприкосновенности частных земель, правительство разработало и начало вводить систему «энфитеусис»³³. Суть энфитеусиса заключалась в передаче государственных земель во временное пользование частным лицам. При этом размер ренты, уплачиваемой государству, через определенный срок подлежал пересмотру. Учреждение данной системы проходило по-разному. Что касается пустующих земель, а также земель, отнятых у индейцев³⁴, то здесь претворение ее в жизнь не встретило особых трудностей. Гораздо сложнее обстояло дело с теми землями, которые, хотя и считались собственностью государства, но уже давно находились в фактическом владении их пользователей. Латифундисты сопротивлялись намерениям Ривадавии распространить на захваченные ими земли режим энфитеусиса, но правительство последовательно проводило политику возвращения государству ранее утраченных земель. Недовольство помещичьих кругов провинции Буэнос-Айрес деятельностью властей вылилось в вооруженное выступление. Оно произошло 19 мая 1823 г. и закончилось неудачей. Ривадавия сурово расправился с мятежниками. Им были вынесены различные приговоры — от высылки из провинции до смертной казни³⁵.

Аграрные реформы Ривадавии создали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Оценивая деятельность предшествующего правительства, новый губернатор провинции Буэнос-Айрес Лас-Эрас говорил: «Меры, предпринятые для урегулирования отношений в пампе,

³¹ Ibid., doc. № 165, pp. 509—510.

³² Ibid., p. 510.

³³ Ibid., doc. № 45, p. 167. «Энфитеусис» (от греч. «эмфитевсис») — договор, по которому владелец недвижимого имущества передает его на долгий срок в распоряжение другого лица за определенную ренту.

³⁴ За счет земель, захваченных у индейцев, площадь провинции Буэнос-Айрес возросла с 50 тыс. кв. км в 1824 г. (R. Gorraiz Belouqui. Tandil a través de un siglo. Buenos Aires. 1958, p. 50) до 100 тыс. кв. км в 1830 г. (A. Ferrer. La economía argentina. Las etapas de su desarrollo y problemas actuales. México—Buenos Aires. 1955, p. 62).

³⁵ См. A. Saldías. Historia de la Confederación Argentina. Rosas y su época. Vol. I. Buenos Aires. 1911, p. 142.

принесли блестящие результаты»³⁶. Признавая заслуги Ривадавии, конгресс Объединенных провинций Ла-Платы³⁷ избрал его 17 апреля 1826 г. президентом страны. Пост министра внутренних дел занял Х. С. де Агуэро.

Благодаря усилиям президента конгресс активизировал свою деятельность в области аграрных отношений. Первое важное решение законодательное собрание приняло 15 февраля 1826 года³⁸. Конгресс запретил переход в частную собственность «земель и других видов недвижимости, принадлежащей государству»³⁹. Помещики всячески препятствовали принятию закона, ибо речь шла о новом наступлении на их позиции. Главный оратор оппозиции Мануэль Морено утверждал, что конгресс неправомочен распоряжаться землями страны, поскольку они принадлежат соответствующим провинциям. Кроме того, он пытался играть на тенденциях автономизма, предрекая, что принятие этого решения будет первым шагом на пути лишения провинций их собственности и даже правительств⁴⁰.

Следующим законом (18 мая 1826 г.) режим энфитеусиса был распространён на всю территорию страны⁴¹. Максимальный срок, на который государственные земли передавались в частное владение, был определен в 20 лет; по истечении указанного времени они возвращались государству. В том случае, если участок вновь переходил в энфитеусис, предпочтение должно было отдаваться прежнему землепользователю. Каждые 10 лет предполагалась переоценка земли энфитеуты, соответственно и размера взимаемой ренты. Земли, предназначенные для организации земледельческих хозяйств, облагались ежегодным налогом в размере 4% от стоимости участка, а скотоводческих — 8%. Дифференцированный налог отвечал интересам мелких и средних собственников, в большинстве своем земледельцев, и был направлен против помещиков-скотоводов. Аргументируя необходимость дифференцированных рент, Агуэро говорил: «Если уменьшить налог, то крупные собственники захватят земли, чтобы, в свою очередь, сдать их в аренду с большой выгодой для себя и в ущерб среднему классу. Такое положение неприемлемо для среднего класса, интересы которого мы должны ставить превыше всего»⁴².

В ходе парламентских дебатов оппозиция выдвигала предложения не ограничивать срок энфитеусиса и установить неизменную ренту (депутат Пасо). Эти «усовершенствования» имели целью санкционировать замаскированный переход государственных земель в частную собственность. Пасо утверждал, что условия энфитеусиса, разработанные правительством, не соответствовали интересам всего господствующего класса. Он говорил: «Только в том случае энфитеута будет настоящим

³⁶ Цит. по: S. B a g ú. Op. cit., p. 36.

³⁷ Открытие конгресса произошло 16 декабря 1824 г. в Буэнос-Айресе. В своем большинстве он состоял из демократически настроенных депутатов, группировавшихся вокруг делегации провинции Буэнос-Айрес. Ее лидером был Х. С. де Агуэро, единомышленник Ривадавии. Консервативное меньшинство конгресса возглавляли М. Дорrego и Мануэль Морено, выражавшие интересы помещичьих кругов Буэнос-Айреса. Однако они были избраны в конгресс не от своей провинции, где задавали тон радикалы, а от провинций Восточный берег и Сантьяго-дель-Эстеро, правящие круги которых отличались консерватизмом.

³⁸ Проект постановления был подготовлен еще 7 октября 1825 г. правительством провинции Буэнос-Айрес, обладавшим в тот период функциями высшей исполнительной власти страны.

³⁹ «Registro oficial de la República Argentina que comprende los documentos expedidos desde 1810 hasta 1873» (далее — «Registro oficial»). Vol. II. Buenos Aires. 1880, doc. № 1900, pp. 110—111.

⁴⁰ «Asambleas constituyentes argentinas seguidas de los textos constitucionales, legislativos y pactos interprovinciales que organizaron políticamente la nación» (далее — «Asambleas»). Vol. II. Buenos Aires. 1937, pp. 678—681.

⁴¹ «Registro oficial». Vol. II. doc. № 1944, p. 134.

⁴² S. B a g ú. Op. cit., doc. № 125, p. 353.

предпринимателем и станет заботиться о своем хозяйстве, если земли будут переданы ему как бы в собственность». Если ограничить срок, в течение которого энфитеута может чувствовать себя полным хозяином земли, то он не пойдет на крупные капиталовложения. В случае принятия его предложений, заключал Пасо, страна будет процветать, а ее граждане благоденствовать⁴³.

Доказывая обратное, Агуэро утверждал: если государственные земли перейдут в частную собственность, в стране неизбежно увеличится число лиц, арендующих землю у частных владельцев, и положение этой социальной группировки ухудшится. «С землей,— говорил он,— не происходит того же, что и с остальными вещами, количество коих зависит от спроса на них; поскольку спрос на землю будет постоянно расти, а ее количество ограничено, то властолюбие, корысть и даже прихоть крупных землевладельцев будут единственным законом, определяющим условия аренды». «Они смогут повышать аренду и станут полными хозяевами даже тех доходов арендатора, которые по праву принадлежат только ему одному». Картина изменится, продолжал он, когда земельным собственником станет государство. «Его интересы полностью совпадают с интересами арендаторов, так как оно заинтересовано в увеличении состоятельных налогоплательщиков... Следовательно, условия государственной аренды всегда будут справедливы и даже к выгоде энфитеуты»⁴⁴.

Разъясняя законопроект, министр указывал, что в случае непродления энфитеусиса государственный арендатор имел право на получение компенсации за все произведенные на участке улучшения. Поэтому установление срока энфитеусиса не послужит препятствием для прогресса сельского хозяйства⁴⁵. «Главной целью ограничения срока энфитеусиса было, — как утверждал Агуэро, — регулирование системы землепользования и определения размера ренты»⁴⁶. Предложение установить максимум при оценке лиги (2700 га) Агуэро назвал «химерой». «Качество земельных участков, а отсюда и цены на них столь различны, что невозможно установить какой-либо предел даже в границах одной зоны, не говоря уж о всей стране»⁴⁷. «Было бы несправедливо и вредно для общества установить неизменную ренту за каждую лигу. В таком случае пользователь плохой земли станет уплачивать столько же, сколько и пользователь хорошей»⁴⁸.

Помещица оппозиция не сумела навязать своих взглядов демократическому большинству конгресса, представлявшему интересы мелких и средних собственников и хорошо понимавшему, что система энфитеусиса выгодна «средним» слоям и что она создает благоприятные условия для сельского предпринимательства. Депутат Гальярдо указывал, что сохранение за государством права собственности на недвижимость являлось «справедливейшей и наилучшей» мерой⁴⁹. Энфитеута, говорил другой депутат, не тратит средств на покупку земельного участка, а почти целиком использует их на организацию хозяйства⁵⁰.

Вводя данную систему землепользования, радикалы хотели оставить за государством ту часть земельной ренты, которая образуется вследствие ограниченности земли как объекта хозяйства и естественного различия в плодородии отдельных участков. Объясняя мотивы своего одобрения правительственного законопроекта, члены специальной парламент-

⁴³ «Asambleas». Vol. II, p. 1213.

⁴⁴ Ibid., pp. 1201—1202.

⁴⁵ Ibid., p. 1214.

⁴⁶ Ibid., p. 1215.

⁴⁷ Ibid., p. 1214.

⁴⁸ Ibid., p. 1213.

⁴⁹ Ibid., p. 683.

⁵⁰ Ibid., p. 1225.

ской комиссии указывали, что все выгоды, связанные с дальнейшим повышением стоимости земли, должно получить государство, а не «одна-две компании земельных спекулянтов»⁵¹. Свое согласие с предложением уменьшить ренту Агуэро обусловил уменьшением сроков аренды — иначе, говорил он, «государство потерпит громадные убытки»⁵².

Сторонники закона сознавали тот факт, что энфитеусис перекрывал путь к земле неимущим слоям общества. Депутат Гомес прямо говорил: «У кого нет средств, тот вовсе не лишается права пользоваться благами энфитеусиса. Однако понятно, что не он призван участвовать в этом деле, в этом виде предпринимательства»⁵³. Как следовало из выступления Гомеса, неимущие могли пользоваться «благами энфитеусиса» лишь как батраки в хозяйствах своих зажиточных соотечественников. Конгресс отверг законопроект депутата Портильо, который предусматривал бесплатное наделение земель широких народных масс и даже «диких индейцев, если те подчинятся законам республики». Согласно проекту, распределяемые земли никогда не могли бы отчуждаться и облагаться налогами⁵⁴.

Закон об энфитеусисе был принят абсолютным большинством голосов. Подразумевалось, что государство навсегда сохранит за собой право собственности на свои земли, а энфитеусис будет вечен. Пресса демократических кругов Буэнос-Айреса с одобрением встретила принятие закона конгрессом. Одна из статей газеты «El Mensajero Argentino» от 15 июня 1826 г. была посвящена системе энфитеусиса, обоснованию законности и правомерности ее введения. В статье утверждалось, что эта система землепользования — «самая справедливая, выгодная и производительная, лучшая из всех принятых в других странах, в том числе и опередивших нас в своем развитии». «Абсолютно бесспорно, что право владеть и распоряжаться землей вообще является исключительно привилегией общества и отнюдь не естественным правом, присущим человеку до образования этого общества». «В вопросах о земле должно исходить из общественной пользы и целесообразности — только общество вправе распоряжаться землями и устанавливать условия их передачи частным лицам»⁵⁵.

Для контроля над осуществлением закона правительство образовало 26 июня 1826 г. топографо-статистический департамент. В обязанность ему вменялись учет государственной и частной земельной собственности, проверка прав владельцев, установление границ между хозяйствами⁵⁶. Все сведения об энфитеутах, размерах их участков и условиях аренды должны были заноситься в так называемую «Большую книгу общественных земель». Лица, которые не регистрировали занимаемые ими земли как взятые в энфитеусис, теряли на них всякие права⁵⁷.

Какая-то часть лиц, самовольно захвативших государственные земли, не зарегистрировала их в «Большой книге». Поэтому в октябре 1826 г. был издан новый декрет⁵⁸. Всем, кто арендовал «на неопределенное время» государственные земли, предлагалось узаконить свой статус энфитеутов до 1 января 1827 года (ст. 1). Лица, арендовавшие государственные земли на определенный срок, должны были по его истечении рассматриваться как энфитеуты (ст. 2). 1-я статья определенно имела в виду самовольных захватчиков государственных земель. Стремление правительства избежать точных определений объяснялось высоким

⁵¹ S. B a g ú. Op. cit., doc. № 125, p. 352.

⁵² «Asambleas». Vol. II, p. 1200. Конгресс оставил без изменения предложенный правительством размер ренты и сроки ее пересмотра.

⁵³ Ibid., p. 1207.

⁵⁴ Ibid., pp. 1264—1265.

⁵⁵ S. B a g ú. Op. cit., doc. № 132, p. 386.

⁵⁶ «Registro oficial». Vol. II, doc. № 2009, p. 138.

⁵⁷ Ibid., doc. № 2024, pp. 140, 141.

⁵⁸ Ibid., doc. № 2066, p. 152.

социальным положением нарушителей законности — ими были в основном представители помещичьих кругов. Соглашаясь называть расхитителей общественных угодий их арендаторами «на неопределенное время», правительство не уступало по существу дела: оно добивалось возвращения государству его земель.

К 1830 г. энфитеусисом было охвачено более 86% всех земель провинции Буэнос-Айрес⁵⁹. Правительство Ривадавии стремилось утвердить эту систему землепользования в интересах мелких и средних собственников. Однако время показало, что предпринятые им меры не обеспечивали достижения поставленной цели. Государственные земли попадали в руки богачей — помещиков, которые арендовали громадные площади. Так, 18% энфитеутов провинции Буэнос-Айрес, каждый из которых имел в пользовании участок не менее 10 лиг (27 тыс. га), занимали более 65% всех государственных земель⁶⁰. Сверх ожидания радикалов крупных собственников вовсе не отпугивала 8-процентная рента с арендованных участков⁶¹. В одной из своих заметок, опубликованных в газете «*Crónica Política y Literaria de Buenos Aires*», Ривадавия отмечал: «Легкость, с которой происходит концентрация земли, способствует складыванию привилегированного класса, который может использовать свое положение в низменных целях — чтобы разрушить основы нашей республики; и тогда откроется дорога для господства земельной аристократии»⁶².

Понимая напряженность ситуации, правительство стало уделять распределению земель особое внимание. В его политике все большее значение приобретала организация поселений энфитеутов. Декретом от 3 февраля 1827 г. запрещалось передавать в энфитеусис земли, лежащие к югу от линии: Кабо Коррьентес — Тандиль Лагуна де Куралафлен — Крус Колорада — Мар Чикита дель Норте. Правительство оставляло за собой эту зону, чтобы постоянно иметь под рукой земли, необходимые для создания поселений средних и мелких собственников. В районах, лежащих к северу от указанной границы, сохранялся прежний порядок передачи земель в энфитеусис. Однако и там предписывалось оставлять часть земли незанятой⁶³.

5 мая 1827 г. правительство смягчило условия энфитеусиса для мелких собственников, селившихся на юге провинции Буэнос-Айрес, на землях, захваченных у индейцев. Малоимущие поселенцы должны были получить для занятия земледелием участок в 350 гектаров. Землевладельцы и государственные арендаторы, имевшие не менее 200 голов скота, наделялись для организации скотоводческого хозяйства 675 гектарами. Поселенцы освобождались от уплаты налогов: скотоводы — на четыре года, земледельцы — на восемь. В течение этого времени они не могли ни продавать, ни уступать свои права энфитеутов⁶⁴.

Декретом от 10 мая 1827 г. запрещалось удовлетворять те заявки на государственные земли, податели которых были крупными энфитеутами. Целью декрета была защита интересов мелких и средних собственников. Его составители прямо заявили: «Отсутствие ограничений в

⁵⁹ Площадь земель, взятых в энфитеусис, составляла 86,5 тыс. кв. км (J. O d d o n e. Op. cit., p. 91), а вся территория провинции исчислялась тогда в 100 тыс. кв. км (A. F e r r e r. Op. cit., p. 62).

⁶⁰ Подсчеты осуществлены по перечню энфитеутов с указанием площади земель, взятых ими в пользование с 1822 по 1830 г. (J. O d d o n e. Op. cit., pp. 73—83).

⁶¹ Закон об энфитеусисе не установил предельный размер участка, который мог быть передан одному энфитеуту. Агуэро заявил, что такая мера была бы неоправданной, поскольку вряд ли кто станет брать в энфитеусис большие площади, за которые нужно уплачивать значительный налог («*Asambleas*». Vol. II, p. 1216).

⁶² Цит. по: C. S i e n r a. Campo y ciudad. El problema agrario argentino. Buenos Aires. 1946, pp. 81—82.

⁶³ «*Registro oficial*». Vol. II, doc. № 2117, p. 176.

⁶⁴ Ibid., doc. № 2154, pp. 187—188.

размерах передаваемых в энфитеусис земель, полное удовлетворение заявок на площади, в них указанные, создало ситуацию, пагубные последствия которой уже чувствуются обществом. Подаются заявки на необозримые поля, без намерения и возможности их эксплуатировать, но в уверенности перепродать в ближайшее время свои права пользователей, приобретенные за мизерную сумму, по высокой цене. В конце концов обнаружилось, что множество общественных земель уже распределено, хотя в своем большинстве они пустуют». Государственным интересам, как указывалось в декрете, противоречит, «чтобы общественными землями пользовались немногие, пользовались с громадным ущербом для общества и для частного предпринимательства более многочисленного класса»⁶⁵.

Буржуазные радикалы не сумели, однако, выполнить своих планов. Их «программа действий вызвала открытое сопротивление и саботаж со стороны крупных латифундистов, поднявших вооруженный мятеж, что в конечном счете и привело к падению правительства Ривадавии в 1827 году»⁶⁶.

Как мера буржуазного прогресса аграрные реформы Ривадавии, имевшие своей основой идею общественной собственности на землю, стали возможны в силу исключительно благоприятных условий: капиталистические отношения в Аргентине еще только зарождались, а собственником значительной части земель было государство. Многие хозяйства страны, как мелкие, так и крупные, велись на арендованных или самовольно занятых государственных землях. Частная земельная собственность не пустила там сколько-нибудь глубоких корней⁶⁷, господствующие классы не испытывали к ней особого «почтения».

Будучи важнейшей демократической реформой экономического строя Аргентины, аграрные начинания Ривадавии создавали материальную основу для быстрого развития капитализма. Энфитеусис позволял складываться фермерскому хозяйству на земле, свободной от средневекового надельного землевладения и тем более помещичьего уклада. При этом земля становилась открытой для беспрепятственного приложения капиталов, поскольку не была отягощена абсолютной рентой.

Поражение Ривадавии явилось последней вехой в борьбе буржуазно-радикального крыла Майской революции за демократическую аграрную программу. В период реакционной диктатуры Росаса (1835—1852 гг.) помещики решили аграрный вопрос в свою пользу⁶⁸. Тогда же были заложены основы крупной латифундистской собственности⁶⁹. Развитие Аргентины окончательно пошло по пути «помещичьего, полуфеодалного» капитализма.

⁶⁵ Ibid., doc. № 2155, pp. 189—190.

⁶⁶ Л. Пасо. Указ. соч., стр. 71. Вынужденный покинуть Аргентину, Ривадавия провел долгие годы в эмиграции, умер в Испании.

⁶⁷ E. Matteis. Analisis de la vida argentina. Buenos Aires. 1962, p. 57.

⁶⁸ Б. Марианетти. Указ. соч., стр. 59.

⁶⁹ Р. Гиольди. Избранные статьи и речи. М. 1974, стр. 86.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

СТРАНИЦЫ ТОКИЙСКОГО ПРОЦЕССА *

Л. Н. Смирнов, Е. Б. Зайцев

30 лет назад в Токио состоялся судебный процесс над главными японскими военными преступниками. Он начался 3 мая 1946 г. и закончился 12 ноября 1948 года. Процесс осуществлялся Международным военным трибуналом для Дальнего Востока. Этот трибунал был учрежден 19 января 1946 г. в результате соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии и Нидерландов. Затем к соглашению присоединились Индия и Филиппины. Из представителей всех этих стран и был сформирован трибунал.

Суду были преданы 28 человек. Из них 25 вынесли приговор; идеолога японского милитаризма Окаву признали невменяемым, а адмирал Нагано и бывший министр иностранных дел Мацуока умерли еще до вынесения приговора. В числе приговоренных к наказанию — 8 генералов и адмиралов (Доихара, Кимура, Мацуи, Муго, Ока, Сато, Умэдзу, Хасимото), 4 бывших премьер-министра (Койсо, Тодзио, Хиранума и Хирота), 11 бывших министров (Араки, Итагаки, Кайя, Кидо, Минами, Сигэмицу, Симада, Судзуки, Того, Хата и Хосино) и 2 посла (Осима и Сиратори). Семерых подсудимых (Доихара, Итагаки, Кимура, Мацуи, Муго, Тодзио и Хирота) приговорили к смертной казни через повешение, и в ночь на 23 декабря 1948 г. приговор был приведен в исполнение. Остальные подсудимые, за исключением Того (20 лет тюрьмы) и Сигэмицу (7 лет тюрьмы), получили пожизненное тюремное заключение.

Основное содержание констатирующей части приговора сводилось к тому, что, как это было неопровержимо установлено, с 1928 по 1945 г. внутренняя и внешняя политика Японии нацеливалась на подготовку и развязывание ряда захватнических войн, а стоявшие у кормила правления страной подсудимые совместно с лидерами фашистской Италии и нацистской Германии стремились к достижению их странами мирового господства, для чего заключили военно-политический союз. Они собирались установить так называемый «новый порядок в Великой Восточной Азии и в Европе». Для Японии это означало захват ею ряда стран и территорий в Азии, включая Советский Дальний Восток и Сибирь, а также Монголию, Индонезию, Таиланд, Бирму, Китай, Индию и др. В констатирующей части указывалось, что Япония осуществила агрессивные нападения на СССР в 1938 г. у оз. Хасан и на Монголию в 1939 г. у р. Халхин-Гол; что для вторжения в СССР японцы постоянно держали в Маньчжурии Квантунскую армию; что в 1941 г. Япония заключила с Советским Союзом пакт о нейтралитете с вероломной целью, имея в виду не соблюдать его на деле; что в 1941—1945 гг. военные штабы Германии и Японии осуществляли согласованную антисоветскую деятельность; что правящие круги Японии действительно помогали тогда Германии, топя советские торговые суда, снабжая Берлин военной информацией о положении СССР, отвлекая на Дальний Восток с советско-германского фронта значительные вооруженные силы СССР, и пр.

В этой связи следует сказать, в частности, о подсудимом Коки Хирота. Он был премьер-министром с марта 1936 г. по февраль 1937 года. Затем до мая 1938 г. являлся министром иностранных дел, а в дальнейшем участвовал в заседаниях старейших государственных деятелей Японии. В обвинительном приговоре говорилось: «В

* Очерк основан на документальных материалах — стенограмме судебных заседаний, приговоре и дополнениях к приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока, хранящихся в ЦГАОР СССР, ф. Р-7867, оп. 1.

1936 г. кабинет Хироты сформулировал и принял национальную политику экспансии в Восточной Азии и в южных ее районах. Эта политика, имевшая далеко идущие результаты, в конечном итоге должна была привести к войне между Японией и западными державами, начавшейся в 1941 году. В том же 1936 г. была подтверждена и развита японская агрессивная политика в отношении СССР, которая увенчалась Антикommунистическим пактом».

Наряду с Нюрнбергским процессом главных немецких военных преступников, состоявшимся с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., Токийский процесс является одним из самых впечатляющих показателей идейно-политических итогов второй мировой войны, а его материалы — важным источником по ее истории. Защита принципов, положенных в основу обоих процессов, представляет ныне одну из форм борьбы прогрессивного человечества против сил милитаризма, империализма, агрессии и реакции во всех их проявлениях. Л. Н. Смирнов был одним из обвинителей (от СССР) на Токийском процессе. Последний известен нашим читателям несколько меньше, чем Нюрнбергский. Вот почему целесообразно напомнить о некоторых фактах, оглашенных 30 лет назад в Токио, ибо они и по сей день представляют немалый интерес, оставаясь поучительными во многих отношениях. Материалы Токийского процесса — серьезный аргумент против тех деятелей из стана реакции и империализма, которые не прочь вернуть человечество в пучину новых разрушительных войн.

Хотим отметить, что судьям на Токийском процессе повезло меньше, чем их нюрнбергским коллегам: прямых предписаний высших японских властей о совершении военных преступлений в большинстве случаев не оказалось в распоряжении ни обвинителей, ни трибунала вообще. И вот почему. В приговоре Международного военного трибунала говорилось: «Когда стало очевидным, что Японии придется капитулировать, были приняты организованные меры, дабы сжечь или уничтожить каким-либо иным образом документы и другие доказательства плохого обращения с военнопленными и гражданскими интернированными лицами. 14 августа 1945 г. японский военный министр приказал всем штабам армии немедленно уничтожить путем сожжения все секретные документы. В тот же день начальник жандармерии разослал различным жандармским управлениям инструкции, в которых подробно излагались методы эффективного уничтожения большого количества документов путем сожжения. Начальник отделения лагерей для военнопленных (административный отдел по делам военнопленных при бюро военных дел японского военного министерства) отправил 20 августа 1945 г. начальнику штаба японской армии на острове Формоза циркулярную телеграмму, в которой предписывалось: «С документами, которые, если они попадут в руки противника, могут оказаться неблагоприятными для нас, следует обращаться так же, как с секретными документами, и по использовании уничтожить». Эта телеграмма была отправлена в японскую армию в Корею, в Квантунскую армию, армии в Северном Китае, Гонконге, на острове Борнео, в Таи, в Малайе и на острове Ява.

Так заматывались следы преступлений. В том же документе содержалась директива, адресованная лицам, знавшим, что они совершили военные преступления: «Личному составу, который плохо обращался с военнопленными и гражданскими интернированными лицами или к которому относятся с большим недовольством, разрешается ввиду этого немедленно переехать в другое место либо скрыться без следа». Этим путем военное министерство, уничтожая документацию, компрометировавшую японский империализм, одновременно принимало все меры, чтобы, с одной стороны, спасти военных преступников, а с другой — избавиться от опасных свидетелей. Однако слишком масштабными были преступления, чтобы их можно было скрыть. На стол трибунала легли 650 афидевитов (письменных свидетельских показаний под присягой) очевидцев японских зверств в разных странах.

Поскольку замести следы преступникам полностью не удалось и в распоряжении трибунала потом оказались и документы и свидетели, то адвокаты уже на самом процессе стали прибегать ко всякого рода уловкам и уверткам. Как и в Нюрнберге, защитники подсудимых в Токио выставляли в качестве фундамента своих «оправдательных» рассуждений два аргумента. Между прочим, эти последние до сих пор находят признание и горячую поддержку в теоретических изысканиях реакционных буржуазных юристов. Во-первых, заявляли адвокаты, до Устава Международного военного трибунала, утвержденного только после победы антифашистской коалиции во

второй мировой войне, международное право нигде ясно и недвусмысленно не устанавливало принцип преступности агрессии и, следовательно, уголовной ответственности за нее. Поэтому победители, впервые в Уставе провозгласив новый закон, не могут применить его к главным военным немецким и японским преступникам, не придавая ему обратной силы. Ведь все действия по развязыванию и ведению войны совершены этими лицами до издания Устава. Между тем придание обратной силы любому закону противоречит принципам цивилизованного правосудия. Нельзя никого обвинять в чем-то, что в момент совершения действия не рассматривалось законом как преступление. Во-вторых, в армии, связанной воинской дисциплиной, выполнение всякого приказа исключает уголовную ответственность независимо от тяжести наступивших последствий и от того, какой пост в военной иерархии занимало лицо, выполнявшее приказ. Еще в Нюрнберге один из адвокатов, защищая и расширяя этот принцип, откровенно заявил, что в тоталитарных государствах типа третьего рейха исключалась возможность неисполнения любого приказа или распоряжения по линии как военной, так и гражданской, даже если они были чудовищно преступными.

Международный военный трибунал в Нюрнберге эти доводы защиты опроверг полностью и развернуто. Токийский трибунал в своем приговоре сослался на нюрнбергский прецедент, не сочтя нужным повторять те же доводы в опровержение аргументов защиты, чтобы, как было указано в приговоре, не давать пищи для разноречивых толкований. Не вдаваясь здесь в подробности того, как современная юриспруденция толкует характер и значение данного прецедента, отметим лишь справедливость его по сути и важность для будущего, ибо нарушение общепринятых норм человеческого бытия, сложившихся в течение ряда эпох, грозит повлечь за собой и впредь суровое наказание для любых лиц, преступивших эти нормы. Обратимся прямо к некоторым фактам, отраженным в материалах Токийского процесса, и пусть сухое их изложение, заимствованное из описательной части приговора, говорит само за себя. Приведем вначале два типичных примера.

20 апреля 1942 г. генерал Муро был назначен командующим императорской гвардией, находившейся в северной части острова Суматра. Он являлся японским военным командующим в северной части острова со штабом в Медане до 12 октября 1944 г., когда был переведен на Филиппины. Во время пребывания его в должности командующего он осуществлял на практике политику, которую отстаивал, будучи начальником бюро военных дел военного министерства в Токио. С апреля 1942 г. по октябрь 1944 г. на территории, оккупированной его войсками, творились зверства, ответственность за которые прямо разделяет Муро. Военнопленных и гражданских интернированных лиц морили голодом, им отказывали в медицинской помощи, их пытали и убивали, гражданское население истреблялось. В октябре 1944 г. Муро был назначен начальником штаба при генерале Ямасита на Филиппинских островах и занимал этот пост вплоть до капитуляции Японии. И здесь японские войска проводили кампанию массовых убийств, пыток и других зверств в отношении гражданского населения. Военнопленных и гражданских интернированных лиц морили голодом, подвергали пыткам и убивали.

Когда 11 марта 1943 г. заместитель военного министра Кимура подал в отставку, он занимал потом различные должности, а затем был назначен 30 августа 1944 г. командующим японской армией в Бирме и находился на данном посту до момента капитуляции Японии. Во время пребывания в Бирме Кимура проводил в жизнь политику, осуществлению которой содействовал, еще находясь в должности заместителя военного министра. Вначале его штаб был расквартирован в Рангуне. В то время японские войска совершили массовые зверства в Сипао, в заповеднике Моссаквин, в Хензада (на кладбище Онгун), в Таравади и в жандармской тюрьме Рангуна. В конце апреля 1945 г. Кимура переехал со своим штабом в Моулмейн, после чего зверства имели место в самом Моулмейне и его окрестностях. Все население Калагона, деревни в 10 милях от штаба Кимуры, 7 июля 1945 г. было вырезано. Массовые убийства произошли в Моулмейне: жандармы стали еще более бесчеловечными в обращении с бирманцами и с интернированными в лагере Тавой, где тех и других морили голодом и избивали.

Бесконечное количество аналогичных примеров заставило трибунал, оценивший все касавшиеся военных преступников доказательства, с которыми судьям довелось

ознакомиться на протяжении двух с половиной лет процесса, прийти к следующему выводу: «Пытки военнопленных и гражданских интернированных лиц производились почти во всех районах, где располагались японские войска как на оккупированных территориях, так и в самой Японии. Японцы занимались подобной практикой в течение всего периода Тихоокеанской войны. Методы пыток, применявшиеся во всех районах, настолько единообразны, что они указывают на определенную политику как в обучении, так и в повседневной практике. К ним относились пытки водой, прижигание тела, пытки электричеством, растягивание коленных суставов, подвешивание, принуждение стоять на коленях на острых предметах и порка». Приговор констатировал, что в результате такого обращения 27% всех британских и американских пленных погибли в лагерях, а многие тысячи других навсегда остались инвалидами.

Историческая правда требует отметить, что не только сухопутные силы Японии, но и ее военно-морской флот повсюду оставлял кровавый след военных преступлений. Этот флот свирепствовал не меньше, а даже, пожалуй, больше, чем нацистский, хотя бы уже потому, что он был многочисленнее и мощнее своего германского собрата и вырвался на океанский простор. Японские подводные лодки, как и немецкие, вели неограниченную морскую войну, грубо попирая подписанный и токийским и берлинским правительствами Лондонский протокол 1936 года. А он требовал, чтобы подводные лодки не атаковывали вражеские и нейтральные торговые суда без предварительного предупреждения и чтобы после потопления корабля подводная лодка принимала все заботящиеся от нее меры для спасения его экипажа и пассажиров. Между тем и немцы и японцы в открытом море и без всякого предупреждения подвергали нападению не только вооруженные, но и невооруженные торговые корабли. Это уже само по себе являлось военным преступлением. Однако дело этим не ограничивалось. Подводные пираты уничтожали пулеметным огнем всех, кто после потопления корабля пытался спастись вплавь или на шлюпках.

На стадии вступительных речей обвинение в качестве одного из доказательств зверств, совершенных японским подводным флотом, предъявило приказ № 209. Он был издан в марте 1943 г. японской императорской ставкой и подписан тогдашним начальником главного морского штаба адмиралом Нагано. Командующие соединениями подводных лодок довели этот приказ до сведения своих отрядов, а те, в свою очередь, разослали копии приказа непосредственно командирам подводных лодок для неукоснительного исполнения. Хотя подлинник приказа был уничтожен в Токио, его копия, посланная 20 марта командиром 1-го отряда подводных лодок, который дислоцировался тогда на островах Трук, попала 19 февраля 1944 г. при захвате американцами острова Кваджелейн в их руки. А в другом документе речь шла о беседе Гитлера с японским послом в Берлине Осима. Цитируем: «Гитлер объяснил, что он отдал своим подводным лодкам приказ всплывать на поверхность после торпедирования кораблей и расстреливать спасательные шлюпки с тем, чтобы распространились слухи, что большая часть моряков погибает при торпедировании, чтобы в США с трудом могли набирать новые команды». Осима одобрил это заявление и сказал, что японцы следуют этому же методу ведения подводной войны. В марте 1943 г. японская императорская ставка издала за подписью начальника главного морского штаба приказ, получивший известность как общий приказ № 209. Командующие соединениями подводных лодок довели этот приказ до сведения отрядов подводных лодок, находившихся под их командованием. Копия приказа, изданного командиром первого отряда подводных лодок на островах Трук 20 марта 1943 г., гласила: «Все подводные лодки должны взаимодействовать друг с другом, с тем, чтобы концентрировать свое нападение на караваны противника и полностью уничтожать их. Не ограничивайтесь потоплением кораблей и грузов врага, необходимо одновременно с этим уничтожать команды кораблей врага, а если это возможно, захватывать в плен некоторую часть команды и получать сведения о противнике». А советское обвинение представило доказательства, что японский военно-морской флот не только совершал нарушения законов и обычаев войны на море, действуя против торговых кораблей противника, но применял такие же методы и против советских кораблей вопреки советско-японскому пакту о нейтралитете. В частности, был случай, когда после потопления японцами судна «Перекоп» советская команда пыталась спастись, но тщетно: японцы расстреливали наших моряков из пулеметов и бомбили их с воздуха.

Варварски относились японцы и к военнопленным. С 7 декабря 1941 г. по 21 августа 1945 г. японским министерством иностранных дел было получено через нейтральные государства 40 нот правительства США, в которых содержалась просьба дать сведения об американских пленниках на острове Уэйк. Однако отвечать было нечего. Ведь все пленные были расстреляны.

Выступая на суде с обвинением в адрес Сигэмицу, Л. Н. Смирнов тогда говорил: «Как министр иностранных дел, Сигэмицу не мог не знать о бесчеловечном обращении с военнопленными в японских лагерях», — а затем привел некоторые документы, подтверждавшие этот факт: «Так, 5 апреля 1943 г. японский МИД получил ноту правительства США, в которой содержалось предупреждение, что Соединенные Штаты накажут японских военнослужащих и чиновников, которые ответственны за плохое обращение с американскими военнопленными и за зверства, совершенные в отношении их. Швейцарское правительство неоднократно обращало внимание японского министерства иностранных дел на факты бесчеловечного обращения с союзными военнопленными в лагерях как в самой Японии, так и на оккупированных территориях, и просило разрешения на посещение лагерей. Например, 16 июня 1943 г. швейцарская миссия довела до сведения японского министерства иностранных дел, что британское правительство чрезвычайно встревожено вопросом о продовольственном снабжении военнопленных. 5 февраля 1944 г. швейцарская миссия передала ноту с перечислением случаев бесчеловечного обращения с американскими и филиппинскими военнопленными в 1942 и 1943 гг. на Филиппинских островах. Сигэмицу не мог не знать, что в конце января 1944 г. Корделл Хэлл от имени США и Антони Иден от имени Великобритании выступили с публичными заявлениями, передававшимися по радио, в которых излагались факты плохого обращения с военнопленными со стороны японской администрации».

Все заявления такого рода принимались радиостанцией японского МИД, что подтвердили и Того, и Сигэмицу, и свидетель защиты Судзуки. Далее Л. Н. Смирнов продолжал: по этому же поводу было сделано предупреждение главнокомандующего силами союзных держав, «адресованное японским руководителям, в октябре 1944 года. На все эти сообщения... Сигэмицу неизменно отвечал пустыми отписками, содержащими ложную информацию, и отказами дать разрешение посетить лагерь... Между 25 апреля 1944 г. и 19 марта 1945 г. швейцарская миссия от имени Великобритании представила большое количество протестов против зверского обращения с военнопленными во время переброски в район Бирма — Таи, а также в лагерь Рангуна. В ответах на эти протесты Сигэмицу отрицал, что подобные факты вообще имели место. Лживость этих утверждений подсудимого с бесспорностью доказывается показателями свидетеля защиты генерал-лейтенанта Вакамацу и специальным докладом японского правительства, составленным после капитуляции, о положении в лагерях, из которого видно, что в свое время в распоряжении японского правительства имелась достаточная информация по этому вопросу. А в показаниях полковника Котса и полковника Уайльда, содержащихся во время войны в этих лагерях, подробно охарактеризован режим физического уничтожения пленников, который там господствовал».

В приговоре констатировалось: «31 марта 1942 г. было опубликовано «Положение об обращении с военнопленными», которым создавался административный отдел по делам военнопленных внутри бюро военных дел военного министерства под руководством и контролем Тодзио как военного министра. Тодзио осуществлял этот контроль и руководство через Муто как начальника бюро военных дел... Начальники лагерей, согласно инструкциям, должны были представлять ежемесячно доклады в административный отдел... Эти доклады раз в две недели обсуждались на совещаниях начальников бюро военного министерства, на которых обычно присутствовали военный министр и его заместитель. Доклады содержали статистические данные относительно питания и других моментов». Тодзио признал, что этому вопросу он уделял «особое внимание». На этих же совещаниях в присутствии Тодзио обсуждалось множество протестов союзных держав, подобных, например, вызванному расстрелом пленников летчиков из американской эскадрильи Дулиттла и отраженному в ноте от 6 апреля 1943 г.: «Американское правительство предупреждает японское правительство, что за любые нарушения своих обязательств в отношении американских военнопленных или за любые другие акты преступного и варварского обращения с американскими военноплен-

ными в нарушение законов и обычаев ведения войны, принятых и осуществляемых на практике цивилизованными нациями, американское правительство сейчас, когда военные операции приближаются к своему неизбежному концу, будет возлагать на представителей японского правительства ответственность за подобные бесчеловечные и недостойные цивилизованных людей акты и накажет их по заслугам». О совершаемых военных преступлениях знали не только Тодзио, Того, Сигэмицу, Кимура, Симада, Ока. Об этом знала вся токийская правящая клика.

Л. Н. Смирнов не раз вспоминал впоследствии одно место из показаний премьерера Тодзио на суде: «Что касается Женевской конвенции, то она не была ратифицирована Японией. Действительно, японцы рассматривали вопрос о военнопленных не так, как европейцы и американцы. Кроме того, разница в жизненных условиях, а также в обычаях и манерах между японцами и другими народами, большое число пленных разных национальностей, находившихся на обширной территории, недостаток различных материалов и продуктов делали невозможным для моей страны следовать Женевской конвенции дословно. Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев, означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными. При таком положении вещей считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение Японии поверить, будто власти поощряют подданных сдаваться в плен. Опасение, что ратификация договора может вступить в конфликт с японской традиционной идеей о военнопленных, не было рассеяно до начала войны. Поэтому в ответ на запрос нашего министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции военное министерство заявило, что, хотя оно не может объявить о полном согласии с ее принципами, оно не возражает против их применения, но с необходимыми оговорками. И в январе 1942 г. министр иностранных дел объявил через посольства Швейцарии и Аргентины, что Япония будет следовать Женевскому протоколу с изменениями».

Как же понимались эти «необходимые оговорки» и «изменения»? Сотни страниц приговора и двух томов приложений к нему посвящены одним только описаниям конкретных фактов злодеяний, учиненных японскими войсками в ходе второй мировой войны. Вновь предоставим место выдержкам из текстов. «Во время войны в Гонконге японские войска вступили в военный госпиталь в колледже св. Стефана, закололи штыками больных и раненых, находившихся на койках, изнасиловали и убили медсестер, находившихся на дежурстве. Во время боев в северо-западной части Джохор-Бару на Малае (январь 1942 г.) японские солдаты захватили колонну санитарных машин, в которых находились больные и раненые. Обслуживающий персонал и раненых вытаскивали из санитарных машин и расстреляли, закололи штыками или сожгли заживо, предварительно облив бензином. В Катонге на Малае (январь 1942 г.) колонна санитарных машин была обстреляна японскими пулеметами, обслуживающий персонал и раненых выгрузили из машин, связали вместе и убили выстрелами в спину... Японские военные врачи практиковали висекцию военнопленных теми японцами, которые не были врачами. Были найдены мертвые тела военнопленных с удаленными органами при обстоятельствах, которые указывали на то, что увечье было произведено до их смерти. Так, в Кандоке с военнопленным, который описывается как «здоровый, не имеющий ранений», поступили следующим образом: его привязали к дереву, вокруг него встали полукругом японские врач и четыре студента-медика. Сначала они вырезали у него ногти на пальцах, затем разрезали грудную клетку и удалили сердце, на котором врач продемонстрировал работу этого органа».

В дневнике одного японца описывается следующий случай на Гуадалканале: «26 сентября обнаружили и поймали двух военнопленных, которые прошлой ночью бежали в джунгли, и поставили возле них охрану. Чтобы предотвратить вторичный их побег, им прострелили ноги из пистолета. Военный врач Ямадзи вскрыл тела этих двух военнопленных, когда они были еще живы, удалив из их тел печень. Я впервые увидел внутренние органы человека. Это было очень поучительно». Поедание печени военнопленных (символ самурайской доблести) часто практиковалось в японской армии. Некий японский военнопленный во время допроса заявил: «10 декабря 1944 г. штаб 16-й армии издал приказ о том, что войскам разрешается есть мясо погибших граждан союзных держав, но что они не должны есть мясо своих соотече-

стенников». В циркуляре, который находился у одного японского генерал-майора, имеются следующие строки: «Хотя это и не предусмотрено уголовным кодексом, однако те, кто ест человеческое мясо (кроме мяса противника), зная, что оно является таковым, должны приговариваться к смертной казни». Значит, есть мясо противника можно! Иногда эта процедура обставлялась торжественными церемониями в жилых помещениях для офицеров. В процедуре принимали участие высшие офицеры в звании генералов и адмиралов. Подавались мясо убитых военнопленных или суп, приготовленный из такого мяса, даже в тех случаях, когда продуктов доставало. А вот выдержка из заявления солдата Ёйдзи Ямагидзава: «1 ноября 1944 г. в речи к своим войскам генерал-майор Аоцу, командир 41-й пехотной дивизии, указал, что войска должны сражаться с союзниками до последнего предела, вплоть до того, чтобы поедать их. 10 декабря 1944 г. штаб 18-й армии издал приказ о том, что войскам разрешается есть мясо убитых союзников».

Вот на трибуне стоит советский обвинитель полковник А. И. Иванов. Он произносит заключительную речь в отношении подсудимого Умэдзу, говорит о его преступлениях в бытность командующим Квантунской армией, а затем начальником генерального штаба и приводит соответствующие показания маньчжурского императора Пу И, в объективности которого сомневаться не приходится, ибо марионеточный император вместе с Умэдзу разделял ответственность за эти действия, совершенные с его согласия и от его имени: «Лица от 18 до 45 лет должны были нести трудовую повинность в интересах японцев и японской армии. Это сделало из населения Маньчжурии рабов, а из Маньчжурии — колонию. Маньчжурия использовалась для проведения дорог, в рудниках, а также для производства японских вооружений. Наши рабочие находились в ужасных условиях. Они получали недостаточную и почти несъедобную пищу, жили в плохих жилищах, больные не получали лекарств. В случае ухода с работы их строго наказывали». Так свидетельствовал Пу И. Далее полковник Иванов продолжал приводить другие факты: «Умэдзу как командующий Квантунской армией несет ответственность за зверства, совершенные над китайцами в провинции Жэхэ в августе 1941 г. японскими солдатами и солдатами марионеточной маньчжурской армии. Тогда в течение одной ночи, под предлогом поисков партизан, было убито более 300 семей и сожжена дотла деревня Сыдути в уезде Пичжуань. Карательные экспедиции в провинции Жэхэ, организованные командованием Квантунской армии, имели место также в 1942 и 1943 годах... Во время пребывания Умэдзу на посту начальника генерального штаба в ноябре 1944 г. было осуществлено вторжение японских войск в Гуйлинь и Лючжоу (Китай). Умэдзу несет ответственность не только за самое вторжение, но и за зверства, совершенные японской военщиной в районе Гуйлиня, Лючжоу и в других районах Китая в 1944—1945 годах... Умэдзу несет ответственность и за незаконные временные военно-полевые суды, созданные для рассмотрения дел военнопленных и действовавшие в Квантунской армии, и за вынесение ими незаконных приговоров военнопленным. Он несет также ответственность за плохое обращение с военнопленными в лагерях в Маньчжурии. В результате недооказания, чрезмерно тяжелых работ, плохого медицинского обслуживания многие пленные умирали от истощения и заболеваний».

Посмотрим также, что происходило в лагерях для военнопленных, расположенных в Японии. Приложения к приговору гласят: «Сэндай. Этот лагерь находился в Онахама, и военнопленные, заключенные в нем, должны были работать в угольных шахтах. Тех военнопленных, которые говорили, что они больны, жестоко избивали. Вечером 4 февраля 1945 г. при проверке военнопленных один капрал пожаловался на то, что он болен, и попросил разрешения пойти к врачу. Часовой немедленно ударил капрала кулаком, сбил его с ног и начал бить ногами по животу, когда тот находился на земле. Через несколько минут после этого капрал умер. Было обычной практикой избивать военнопленных и наносить им удары ногами во время осмотра... Хосоккура. Этот лагерь находился в районе Сэндай, на острове Хонсю. Военнопленные, содержащиеся в данном лагере, работали на оловянных и цинковых рудниках. Их заставляли выполнять самую изнурительную физическую работу с 6 утра до 6 вечера. Работа заключалась в сверлении скал, взрывании их, очистке от камней, в наполнении ведер, которые нужно было уносить из рудников ручным способом, заготовке леса и другом тяжелом труде в лагере и вокруг него. Военнопленные каждый

день должны были проходить две или три мили вверх по крутому подъему от лагеря к руднику и нести в мешках продовольствие для японцев. Из очистков картофеля, кусочков лука и редиски, выдававшихся из отходов японской столовой, военнопленные варили жидкий суп. В результате такого голодного существования люди страдали от недоедания и разных видов болезней: бери-бери и пеллагры, малокровия и дизентерии.

Хотя Хосокура находится на высоте 600—900 м над уровнем моря, военнопленных заставляли работать в тропической одежде, которая была на них во время их захвата в Сингапуре. Склады на рудниках были полны товаров американского Красного Креста, в том числе теплой одежды, но эти вещи выдавались не военнопленным союзных войск, а японским рабочим. Людям, получившим повреждения в руднике, оказывали лечебную или хирургическую помощь только в конце того дня, когда они были ранены, и только по возвращении в лагерь, находившийся у подножия горы. У многих были раздроблены ступни и руки, и многие без всякой помощи часами оставались со сломанными конечностями. Операции производились без анестезирующих средств; американские врачи, которые присутствовали при этих операциях, называли их резней. Хотя на складах имелись медикаменты от Красного Креста, присланные для использования военнопленными, последним они не выдавались. Во время пребывания в Хосокура умерло около 60 военнопленных. Их смерть явилась результатом отсутствия медицинской помощи при ранениях и результатом лишений. Тех военнопленных, которые жаловались, уводили в комнату охраны, где их заставляли стоять по стойке «смирно» со спущенными брюками и поднятой и завязанной вокруг головы рубашкой. Если они двигались, японская охрана избивала их дубинками...».

В ноябре 1942 г. командующий Восточным военным округом приказал организовать специальное отделение в токийской военной тюрьме для заключения летчиков из стран-союзниц. Для этой цели было выделено отделение № 4 военной тюрьмы... Токийская военная тюрьма находилась на краю плаца в Ёёги, в Токио, а позднее стала поселком американских оккупационных войск, известным под названием «Вашингтон Хайтс». Тюрьма была окружена кирпичной стеной примерно в 3,7 м высотой. Здания тюрьмы представляли собой деревянные строения, находившиеся близко друг от друга и занимавшие большую часть площади внутри кирпичной ограды. Эти здания являлись весьма вероятным объектом бомбардировок, поскольку тюрьма была известна и признана как часть военных сооружений Токио. В ночь на 25 мая 1945 г. в специальном отделении тюрьмы находились 62 американских летчика. Они помещались в эту ловушку группами. На дежурстве были два старших тюремных надзирателя и 21 тюремщик.

Американские самолеты B-29 начали бомбить Токио примерно в 11 часов ночи 25 мая 1945 года. Город был охвачен пожарами, здания внутри тюремной ограды стали гореть. Пламя и искры попали в деревянные сооружения тюрьмы и воспламенили их. Тюремщики организовали из японских заключенных пожарные команды и сделали попытку погасить огонь, однако эти попытки были неудачны, и от них пришлось отказаться. На тюрьму падали зажигательные бомбы, и деревянные здания сгорели дотла. На следующий день среди развалин камер были найдены обугленные трупы 34 американских летчиков, а сгоревшие трупы остальных 28 нашли неподалеку. Это свидетельствовало о том, что по крайней мере этим 28 летчикам удалось в последний момент спастись из камер, но было уже слишком поздно, чтобы убежать, и они сгорели в пределах кирпичных стен тюрьмы. Все японские заключенные и японские тюремщики избежали смерти, лишь некоторые получили слабые ожоги. Это произошло через 17 дней после безоговорочной капитуляции нацистской Германии и в месте от которого рукой подать до правительственной резиденции в Токио! В те дни в Германии тюрьмы начали принимать первых новых заключенных — бывших лидеров третьего рейха, и мир был широко оповещен, что союзные державы приступают к претворению в жизнь своих торжественных обещаний сурово покарать виновников мировой трагедии. Что же в этой связи предприняло японское правительство после пожара в токийской военной тюрьме? «Наказанием, наложенным на офицера, виновного в том, что сжег заживо 62 союзных летчика во время воздушного налета на токийскую военную тюрьму, явился выговор».

«Кавасаки находится на побережье Токийского залива, на расстоянии менее 10 миль от столицы, в промышленном районе, около железной дороги и сталелитейного завода. Лагерь представлял собой двухэтажное здание, стоявшее на окруженном оградой участке размерами примерно в 160 кв. метров. Военнопленные содержались в комнатах площадью 3,5 на 3 м, причем на каждую комнату приходилось по 8 человек. Помещения кишели насекомыми. Питание состояло из овощной ботвы, горстки ячменя и корейского риса. Паек был недостаточным, и все военнопленные умерли бы от бери-бери и других дистрофических заболеваний, если бы не крали фрукты. Все продукты выдавались в количестве одной чашки на день. Военнопленные получили комплект одежды из брюк, куртки и двух рубашек на зиму, пары трусов и одной рубашки на лето. Вся эта одежда принадлежала английской армии и была захвачена в Гонконге. Одежда же, посылавшаяся для военнопленных американским Красным Крестом, присваивалась японцами. В лагере имелся большой запас материалов Красного Креста, но японцы не выдавали их военнопленным. Медицинские запасы держались на складе и никогда не попадали к военнопленным, которые остро нуждались в них. В этом лагере в результате голода, пыток и отсутствия медицинской помощи умерли многие. Военнопленных избивали, заставляли стоять по стойке «смирно», в течение долгого времени держать над головой тяжелые предметы. Такие пытки были повседневной практикой...

Еккати. Этот лагерь был расположен на побережье залива Исэ примерно в 200 милях к югу от Токио, на острове Хонсю, в военном округе Токай. В нем находилось 300 американцев. В 1944 г. из охраны была создана регулярная команда, которая совершала пытки. Военнопленных привязывали руками к верхним перекладинам лестницы с таким расчетом, чтобы они не касались ногами земли, и оставляли их в таком положении по 3—5 часов в течение нескольких дней, а иногда к их ногам привязывали груз. При этом их избивали палками, ремнями и кулаками. Как правило, в результате побоев на теле появлялись открытые раны, в которые охрана сыпала соль, причем военнопленным не давали пищи. Нередко их пытали таким образом за то, что те пытались выйти из барakov во время воздушных налетов.

Лагерь в Норима был расположен недалеко от Нагоя. В июле 1945 г. американского летчика Вагнера, которого взяли в плен на острове Коррехидор, подвергли пыткам после того, как он был пойман при попытке достать ночью пищу из кладовой. Четыре японских часовых избивали его прикладами и дубинками, били по лицу ботинками, затем заставили стоять по стойке «смирно» перед караульным помещением в течение трех суток без воды и пищи, а все проходившие мимо японцы могли избивать его дубинками, которые были выданы для этой цели. Когда в последующие месяцы Вагнера морили голодом, он предпринял еще одну попытку достать пищу на кухне, но не смог вернуться в свою камеру в бараке и спрятался. Его отсутствие обнаружили, и японская охрана начала поиски. Хотя его не смогли найти, однако в своем укрытии он продержался без пищи только два дня и попытался покончить жизнь самоубийством, перерезав себе горло. Попытка оказалась неудачной, и охрана по крови, которая текла из того места, где он спрятался, обнаружила место его пребывания. Вагнера схватили и в бессознательном состоянии привязали к стулу перед японским караульным помещением, где 15 человек избивали его с перерывами в течение 3 суток. Он не получал ни пищи, ни воды, а 20 июля, еще живого, его положили в ящик и закопали».

Во всех японских лагерях так называемые «побои Б-29» были обычным явлением. После каждого налета американских бомбардировщиков Б-29 военнопленных безжалостно избивали. Излюбленной формой пыток было накачивание воды через задний проход с помощью огнетушителя. Военнопленных били башмаками, нанося удары по ушам. У многих лопнули барабанные перепонки.

«Ямани. Этот лагерь находился на острове Сикоку. 8 марта 1945 г. двух военнопленных обвинили в краже са ра, который они купили у своих часовых. Их подвергли допросу с применением пыток, чтобы заставить признаться в «краже». Руки их пригвоздили к столам, после чего с пальцев рук ножом сорвали ногти. Военнопленных там часто колотили часовые с помощью тяжелого деревянного меча, изготовленного специально для этой цели. Излюбленным способом пытки являлось также избивание военнопленных палкой размером с бейсбольную клюшку. Охрана заставляла

пленных вставать на колени на бамбуковые палки, держа в вытянутой руке кусок металла, к которому затем прикасались электрическими проводами, или принуждала часами подтягиваться на руках, либо избивать друг друга. Иных оставляли в течение долгих часов с открытыми ртами, вставляя им между зубами бамбуковые щепки».

А на оккупированных территориях, в лагерях для военнопленных и интернированных граждан царил режим, вообще стиравший грани между тюремщиками и хищными зверями, причем поведение последних заметно уступало изощренным преступлениям первых, их садистской фантазии. Документы зафиксировали убийства пленных в Кай Тай в 1942 г., резню на острове Хайнань в мае 1943 г., резню в Лангсоне в марте 1945 г. и массовые изнасилования там же, неоднократные пытки над пленными индокитайцами, китайцами, канадцами, французами в апреле и мае 1945 г. в Хайфоне, Ханое и других местах. Когда 16 марта 1945 г. японцы напали на французский гарнизон в Дамха и французы отступили, то один солдат, взятый в плен, был доставлен в блокгауз. Руки и ноги ему связали железной проволокой и затем его заживо сожгли. Там же военнопленных систематически подвергали различным пыткам: избивали дубинками, загоняли под ногти зажженные спички, прижигали сигаретами и горящими свечами, пытали посредством блоков для подвешивания, воды и электричества. Одна из пыток состояла в том, что военнопленных заставляли становиться на колени на острые куски дерева, после чего унтер-офицер, проводивший «допрос», прыгал на их ноги. Более 200 французских военнопленных было убито группами по 50 человек. Их убивали саблями, штыками и кирками. Массовые убийства военнопленных и гражданских лиц имели место и в других местах в Лангсоне. Ребенку, которому было несколько месяцев от рождения, размозжили череп. В Донданге французский гарнизон капитулировал, после чего всех его солдат японцы зарезали саблями и штыками. В Дамха сожгли заживо пять человек. Массовые убийства имели также место в Ксин Мане, Хоан Су, Фи Хояне. Двух женщин в Хояне в течение нескольких недель заставляли сожигательствовать с 50 солдатами, причем одна из них сошла с ума; затем обеих убили. Над 15-летней французенкой и ее матерью совершили насилие, потом убили. В Лаосе убили всех европейцев-мужчин, включая двух епископов. Генерал Нагано, командир 37-й японской дивизии, поздравил свои войска и заявил, что он считает эти акты военными действиями.

В Такхеке умертвили 55 французов, включая 40 гражданских лиц, 10 солдат, двух женщин и одного ребенка. У некоторых из них отсекали головы, других повесили. В форте Бриель де Лиль выводили пленных группами по 50—60 человек и строили в ряд, после чего японцы, стоявшие сзади, закололи их штыками и саблями, а оставшихся в живых добивали кирками. Леон Атуард, французский унтер-офицер, был захвачен японцами в Мито 9 марта 1945 года. Его доставили в штаб жандармерии, связали веревками, а через сутки стали наносить удары по ступням ног, затем подвергали пытке водой, через ноги пропускали электрический ток, а потом ежедневно избивали. Подобное же обращение имело место с другими пленными. Цитировать документы, содержащие упоминания о сходных фактах, можно было бы без конца. Эти факты имели место во всех районах «Великой Восточной Азии», во всех японских воинских частях, сталкивавшихся с военнопленными.

В ходе судебного процесса адвокаты, учитывая многочисленность и непреодолимую силу улик, собранных обвинением, не осмеливались оспаривать факты. Но, признавая их, они выдвинули другую задачу: каждый из них доказывал, что именно его подопечный не имел касательства к военным преступлениям и даже не знал о них, многочисленные же дипломатические протесты и выступления лидеров союзных держав на эту тему, передававшиеся по радио, расценивал просто как вражескую пропаганду. Азарт «судебной борьбы» настолько увлек защиту, что никто из адвокатов не задумался над вопросом: к какому же выводу придут судьи, если суммируют во едино их высказывания? А подытоживание подобных преступлений показывало, что они, огромные по масштабу и единые по методам совершения, длились 8 лет (в течение 1937—1945 гг.) и по площади охватили (в момент кульминации японских военных успехов) целую четверть земного шара. Оказывается, все эти преступления явились результатом «разрозненных» и «самочинных» действий исполнителей низшего ранга, которые творили их на свой страх и риск; члены же правительства и

командующие армиями, у которых это происходило буквально под носом, дескать, ничего не ведали и не приказывали так поступать. Абсолютно все такого рода попытки адвокатов обелить подсудимых трибунал убедительно опроверг.

Порою сами подсудимые или некоторые свидетели защиты своими показаниями просто «топили» доводы адвокатов. Вот дает показания бывший министр Сигэнори Того. Он говорит о событиях 10 августа 1945 года. Накануне Советский Союз вступил в войну против Японии. Того рассказывает, что после этого даже самым оголтелым на токийском Олимпе стало ясно: война безнадежно проиграна, на пороге стоит катастрофа. Идет срочно созванное заседание Высшего военного совета в присутствии императора. Решается вопрос о необходимости принять Потсдамскую декларацию союзных держав и безоговорочно капитулировать. В принципе, свидетельствует Того, все были согласны при условии сохранения основной структуры Японского государства. Однако верховное командование армии и военно-морского флота, а также военный министр выставили три условия своего согласия. Третье из них: «Наказание военных преступников будет поручено самим японцам». Представители вооруженных сил так упорно настаивали на этом требовании, что заседание было закрыто из-за невозможности прийти к позитивному решению. В тот же день император вызвал к себе членов Высшего военного совета и согласился с мнением, что необходимо принять Потсдамскую декларацию при одном условии — сохранении основной структуры государства. Что касается военных, то они, по словам Того, остались при своем мнении, но подчинились решению императора.

Итак, японское военное руководство требовало передачи японских военных преступников не в руки союзников, а в руки японских судов. Поистине «на воре шапка горит»: значит, тогдашнее правительство Страны Восходящего Солнца знало о наличии военных преступлений, а военное руководство стремилось спасти военных преступников, в том числе самих себя, от справедливого возмездия. Тодзио и компания хорошо понимали, что «при условии сохранения основной структуры государства» японский суд им не страшен. Пройдет еще несколько дней, и министр Кидо запишет в своем дневнике о беседе с императором, который сказал: «Мысль о привлечении к суду военных преступников для меня невыносима, но сейчас пришло время выносить невыносимое». Конечно, японский министр-хранитель печати, ведя дневник, менее всего думал, что последний найдет место среди многих других доказательств, предъявленных обвинителями высокому трибуналу.

В этих явно нелегких для защиты условиях американские адвокаты решили выпустить на авансцену своего японского коллегу, профессора международного права Такэянаги. Ему была доверена миссия произнести «теоретическую» речь в защиту всех подсудимых оптом. Здесь нас интересует та часть речи, которая касается преступлений против законов и обычаев войны. Такэянаги утверждал: «Делая поверхностное предположение о том, что ситуация в Германии и Японии была аналогичной, главный обвинитель, возможно, считает, что подсудимые, занимавшие определенные посты, издавали приказы о совершении преступления против законов и обычаев ведения войны на различных участках театра военных действий. Но подобные «приказы свыше» не могут быть доказаны. Главный обвинитель поэтому основывает свое обвинение о «приказах свыше» на предположении, и только на предположении, поскольку он заявляет: «Эти убийства совершались на таком большом территориальном пространстве, охватывают такой продолжительный промежуток времени и такое большое количество их совершалось после протестов, врученных нейтральными странами, что мы должны рассматривать их только как следствие позитивных приказов, которые издавались лицами, сидящими здесь, на скамье подсудимых». Но явно следует показать, какой же конкретный пост занимал тот или иной подсудимый, когда он издавал такие приказы; предположение вины без наличия точных доказательств явится существенным нарушением правосудия и будет лежать на совести мира».

Такэянаги спекулировал на том, что его клиентам своевременно удалось в основном уничтожить компрометировавшую их документацию. Но при этом он «забыл», что, во-первых, самый факт уничтожения документов есть хотя и косвенное, однако все же веское доказательство нечистой совести токийских правителей. А косвенные доказательства в их совокупности нередко не уступают по достоверности прямым уликам, и это признано во всех странах. Во-вторых, ряд преступных приказов япон-

ских властей тем не менее оказался на судейском столе. Наткнувшись на стену неотразимых улик, Такэянаги начал, не стесняясь, клеветать на собственный народ, лишь бы спасти подлинных преступников. Вот его циничное высказывание: «Даже если предполагаемые зверства или другие нарушения по своему виду аналогичны, это не может оправдать подобное предположение. Такой вид действий может явиться лишь отражением национальных или расовых особенностей. Преступления не меньше, чем величайшие произведения искусства, могут выражать характерные черты, присущие данной расе. Сходство в географическом, экономическом или стратегическом отношении именно и может частично оправдывать «аналогичные виды» действий. Наличие же распоряжений свыше, а также лиц, издававших их, должно быть, несомненно, доказано в случае серьезного характера действий».

Требую далее для своих подзащитных «сверхгарантий» справедливости, как ее толковали адвокаты, и плетя сеть казуистики вокруг положений международного права, Такэянаги перешел к вопросу о массовых убийствах, отрицать которые он не решился, и позволил себе такие утверждения: «Массовые убийства, о которых идет речь,.. по-видимому, были совершены (если они действительно были совершены) при подавлении попыток местных жителей к восстанию. Вооруженный мятеж нельзя ликвидировать с помощью розовой водички. Абсолютно необязательно, что должны быть назначены формальные суды еще до осуществления казни в тех случаях, когда власти стояли перед лицом вооруженных мятежников и предателей. Если и будет доказано, что военнопленных иногда убивали, то это происходило, когда поблизости находились вооруженные силы противника, готовые к вторжению. Убийства военнопленных при подобных обстоятельствах могут иногда быть вполне допустимой мерой военной предосторожности. Во всяком случае, из них нельзя сделать вывод о наличии такого общего плана. Рассказы военнопленных об угрозах и рассказы писарей о существовании секретных приказов не являются достаточным подтверждением, а, наоборот, представляя собой весьма слабое доказательство. Возможно, японская военная доктрина и считала, что обязательства по отношению к военнопленным не превышают обязательств по сохранению жизни собственных войск и в отдельных не связанных друг с другом случаях командующие могли истолковать этот принцип без достаточной ответственности. Но это не означает, что они следовали инструкциям. Данный принцип сам по себе вовсе не находится в противоречии с Гаагской конвенцией и с не ратифицированной Японией Женевской конвенцией 1929 года».

Услышав эти утверждения, абсурдные с позиций международного права и чудовищные по бесчеловечности, можно было понять, почему американская часть защиты поручила развить «теоретическую» ее сему именно японскому коллеге. Кому же приятно брать подобную миссию на себя? Такэянаги же спокойно продолжал: «Что касается зверских методов обращения, применявшихся жандармерией, то в заключительной речи обвинения говорится следующее: «Это единство методов не могло быть случайным, а должно быть результатом всеобщего обучения. И если подобное всеобщее обучение проводилось, то оно являлось частью правительственной политики». Ссылка на «всеобщее обучение» не может быть поддержана здравым смыслом, так как применение зверских методов обращения могло явиться результатом общего уровня умственного состояния лиц одной и той же профессии. Дальнейшее же утверждение, что существовавшее якобы обучение было вопросом государственной политики, показывает, что под словом «обучение» имеется в виду «военное обучение». Это утверждение опять-таки неоправданно. В обязанности правительства не входит вести наблюдение за деталями «военного обучения». Заканчивая, Такэянаги требовал: «Мы призываем трибунал к тому, чтобы при вынесении своего исторического решения по данному беспрецедентному уголовному делу он руководствовался только общепризнанными нормами международного права. Нет необходимости напоминать высокому трибуналу, что несправедливое наложение суровых наказаний за преступления, которые неизвестны праву, вызовет лишь озлобление в сердцах грядущих поколений и помешает установлению вечного мира, необходимого для обеспечения дружественных отношений между Востоком и Западом. Будущие поколения восточных народов, а также всего мира, рассматривая это историческое решение с точки зрения широкой исторической перспективы, могут прийти к выводу, что была допущена величайшая несправедливость путем наказания лидеров одной из наций Во-

сточной Азии, в то время как государственных деятелей и генералов западных держав на протяжении последних трех столетий никогда не наказывали за их агрессивные действия на Востоке».

Действительно, европейские и американские колонизаторы совершали в той же Азии и на других континентах немало тяжких преступлений на протяжении ряда столетий и оставались безнаказанными. Но человечество шло вперед, развивалось и совершенствовалось международное право, лик Земли менялся, и, к огорчению Такэянаги, задолго до его речи это международное право твердо декларировало наказуемость военных преступлений, объявив агрессию криминалом для любых государственных деятелей. Такэянаги не захотел обратить внимание на подобные «мелочи» и из глубины веков извлек новую параллель, напомнив о Жанне д'Арк: «Как простая дочь Орлеана, осужденная и казненная на глазах озлобленной оккупационной английской армии, стала позднее великомученицей и святой в глазах французского народа, так и смертный приговор, вынесенный здесь в отношении любого из подсудимых по указке завоевателей, сделает простого сына Ямато великомучеником в глазах его народа и даже великомучеником за дело свободы всей Азии». Судьи были вынуждены терпеливо выслушивать эти перлы «красноречия», в которых героическая дочь Франции, боровшаяся за свободу и независимость родины и заживо сожженная захватчиками, сравнивалась с преступными правителями милитаристской Японии, обремененными бесчисленными преступлениями против мира и человечества.

Как говорится в старой пословице, «врет-врет, да и правду скажет». Такэянаги, «страшая» судей последствиями сурового приговора, заявил: «Трибуналу прекрасно известно, что история знает много случаев, когда смертный приговор, вынесенный какому-нибудь политическому или религиозному лидеру, не только устранял все его преступления, но и озарял магическим светом славы обычную прозаическую жизнь». Правда здесь заключается в предположении, что смертный приговор «устраняет все преступления». Тем самым Такэянаги признал наличие этих преступлений. Что касается «магического света славы», то тут Такэянаги отнюдь не стал пророком в своем отечестве. Мы уверены, что современные прогрессивные японцы дают правильную оценку милитаристским государственным деятелям того времени, людям, которые залили кровью не только чужие страны, но и собственное государство, приведя его к национальной катастрофе. Не говорим уже о том, что общепризнанным нормам уголовного права чужд принцип, будто преступление одного лица может сойти ему безнаказанно, если такое же преступление осталось ранее без наказания для другого лица.

4 июня 1946 г. вступительной речью главного обвинителя американца Кинана открылась фаза предъявления Токийскому трибуналу многочисленных доказательств, уличающих подсудимых в совершении ими тягчайших преступлений. Кинан, в частности, утверждал: «Принятый обвиняемыми план войны — такой же, каким руководствовались их соучастники по заговору германские нацисты в своей привычной тактике террора, жестокости и дикого зверства, особенно в отношении беспомощных военнопленных, мирных жителей и тех, кто остался в живых после торпедирования японскими подводными лодками торговых и военных кораблей». Эта одинаковость совершенных преступлений не случайна. Новейшая история свидетельствует, что когда империалисты развязывают захватнические войны или пытаются расправиться с национально-освободительным движением, то зверства, как тень, сопровождают каждый их шаг. Причем эти зверства — не плод отвратительной импровизации отдельных садистов-офицеров или солдат и отнюдь не следствие каких-то национальных или расовых особенностей одной из воюющих сторон, как это пытаются изобразить некоторые буржуазные психоаналитики и как это старался доказать Такэянаги.

Тщетные усилия! В действительности эти зверства планируются, благословляются и санкционируются заблаговременно на самом высоком уровне власти, превращаясь в способ империалистического ведения агрессивных войн. Токийский процесс главных японских военных преступников, как и Нюрнбергский процесс главных немецких военных преступников, дал убедительные доказательства правильности такого утверждения. И любопытно, что под давлением неоспоримых фактов правильность такого вывода признавалась в Токио представителями обвинения из числа буржуазных юристов, причем порой весьма консервативного образа мыслей. Так, Ки-

нан во вступительной речи говорил: «Японцы стремились, и это являлось частью их плана агрессии, подавить волю народов к борьбе, совершая зверства невероятной жестокости как по характеру, так и по масштабам. Доказательства покажут, что бесчеловечный метод ведения войны носил общий характер в отношении как географического распространения, так и времени его осуществления. Это является свидетельством существования определенного плана войны, характерного для японской военной агрессии всюду, где бы она ни развертывалась». Ему вторил другой обвинитель, филиппинец Лопец: «Перед трибуналом прошло немало свидетелей. Немало оглашено и японских документов, характеризующих основную политику, которую проводили подсудимые, чтобы воспитать воинственную расу господ, стремящихся к завоеванию мира. Следует вспомнить, что для осуществления этой политики были мобилизованы все средства, находившиеся под контролем государства,— радио, школы, театры, кино, литература и религия, чтобы внушить японскому народу фанатический дух милитаризма, слепое поклонение тоталитаризму и ультранационализму, любовь к агрессии, жестокую ненависть и презрение ко всем потенциальным и действительным врагам. Обвинения покажут результаты этой политики: тысячи и тысячи невинных людей, убитых, искалеченных, заморенных голодом и доведенных до нищеты, бесчисленное количество опустошенных городов, сел и деревень, разграбленных домов и изб.

Залогом правильной оценки наших доказательств является осознание того, что эта коварная пропаганда ненависти, проповедовавшаяся внутри страны, успела отравить каким-то образом умы и сердца многих японцев, которые либо в заносчивости, рожденной в победах, либо в отчаянии, в предвидении неотвратимых поражений на полях сражений, совершали такие варварские поступки, полное выявление которых заставит содрогнуться весь мир. Мы покажем, что японские зверства были не единичными инцидентами, индивидуальными преступлениями, а общим явлением на всем Тихоокеанском и Азиатском театре войны. Техника и методы, применявшиеся для убийства, пыток и изнасилований, для разнужданного уничтожения собственности, были постоянными и одинаковыми. Чем сильнее было сопротивление, тем более жестоким становился нападающий. Эти зверства, начавшиеся в огромных масштабах, впервые в Нанкине в 1937 г., и достигшие своей кульминации во время манильских событий в 1945 г., совершались на протяжении 8 долгих лет. Они охватили четверть всего земного шара, включая Бирму, Китай, Индокитай, Малаю, Нидерландскую Индию, Гонконг, Филиппины, Новую Гвинею и разные острова Тихого океана. Главную массу преступников составляли солдаты и офицеры из всех частей японской военной организации. Жертвы были неисчислимы, а в их число входили население и военнопленные, здоровые и больные, молодые и старые, мужчины и женщины, даже дети и новорожденные младенцы. Таким образом, стратегия террора составляла часть японской формы ведения войны, рассчитанной на уничтожение духа сопротивления у населения областей, в которых проходили бои».

Признанные международным правом законы и обычаи войны становятся непреодолимым препятствием для государства, ведущего войну несправедливую, захватническую. Вот почему они сознательно отменяются, а военные преступления становятся одним из средств достижения антинародных целей агрессивной войны и в значительной мере планируются заранее, составляя неотъемлемую часть военно-стратегического плана. Если с этих позиций оценивать природу военных преступлений периода второй мировой войны, то становится совершенно очевидной вся опасность современной гонки вооружений в области ракетного и ядерного оружия, навязанной человечеству реакционными кругами. Ведь такое оружие в случае его умышленного применения в агрессивных целях положило бы вообще конец правовому регулированию военных конфликтов. Международное право было бы просто отброшено в сторону, а войны превратились бы в истребление многих народов и опустошение целых континентов. Вот почему так важна для существования человечества и современной цивилизации та неустанная борьба, которую ведут в послевоенный период Советский Союз, другие социалистические страны, за ограничение гонки в сфере ракетно-ядерного оружия и сокращение его арсенала, а затем и за его полное запрещение и уничтожение. И до тех пор, пока мирное сосуществование государств с различным социальным строем не станет незыблемым фундаментом международного права, пока не будут запрещены и уничтожены современные средства массового истребления

людей, опасно забывать о военных преступлениях, совершенных агрессорами. Живых свидетелей преступлений тех лет становится все меньше и меньше. И необходимо, чтобы люди, родившиеся и выросшие под мирным небом, знали и постоянно помнили, какую опасность для них и их потомства представляют планы империалистической реакции.

Когда обсуждается проблема военных преступников, нередко возникает вопрос: как могло случиться, что в армиях современных капиталистических государств с богатой материальной и духовной культурой всегда находится более чем достаточное количество офицеров и солдат, готовых совершать самые отвратительные преступления? Ответ коренится в образе жизни, господствующем в этих странах, который устроен так, что, когда это необходимо, легко пробуждает в человеке все самое темное и низменное. А подготовка ведется повседневно, ибо в капиталистических странах каждый час идет борьба за право жизни на Земле. А понятие «жизнь» имеет необычайно широкий диапазон — от существования на пособие по безработице до вершин роскоши и бездумного разбрасывания гигантских сумм на ублажение собственных прихотей. В таких условиях мощная пропагандистская машина ежедневно в весьма разнообразных и порою изощренных формах вколачивает в головы людей мысль: «Будь сильным, волевым, целеустремленным, не бойся борьбы и не стесняйся в ее приемах, смело бросайся в жизненный водоворот, который, поглотив слабых, вынесет крепких, беспринципных, к сияющим вершинам богатства, наслаждений и власти». Распространяются литература, кино и телефильмы, откровенно героизирующие преступников, копающиеся в психологии садистов, натуралистически изображающие во всех деталях их отвратительные деяния. И вся эта идеологическая артиллерия бьет в одну цель: подавив в человеке все светлое и возвышенное, разбудить темное и низменное. В результате в недрах буржуазных государств еще в мирное время создаются условия формирования преступников, среди которых немало молодых и здоровых людей, будущих военных призывников.

Каждому, приехавшему в современный Токио, нелегко будет найти бывшее здание военного министерства, где заседал Международный военный трибунал для Дальнего Востока. Дом этот, в 40-е годы казавшийся внушительным и объемным, сейчас теряется на фоне великанов из бетона и стекла, выросших позднее. Его фасад хранит глухое молчание, и ничто, казалось бы, не напоминает об исторических событиях, которые развернулись в его стенах. А внутри дома все неузнаваемо изменилось: теперь здесь казарма одной из частей токийского гарнизона. В самой Японии это здание окутала плотная паутина забвения. Нам же так и видятся на его фасаде как бы высеченные слова: «Здесь судили не только главных военных преступников; здесь, как и в Нюрнберге, на скамье подсудимых незримо, но ощутимо присутствовал еще один обвиняемый. Его преступления были предельно обнажены и с судебной точностью доказаны. Этим обвиняемым являлись империалистическая политика и дипломатия в японо-милитаристском варианте, которые вместе с их фашистско-нацистским вариантом ввергли человечество в пучину второй мировой войны».

БУОНАРРОТИ И МИССИЯ АНДРИАНА

Д. М. Туган-Барановский

За последние три десятилетия литература о Филиппо Буонарроти пополнилась новыми исследованиями, в которых великий друг Г. Бабефа предстает перед нами не только как пропагандист идей бабуизма, но и как один из активнейших руководителей западноевропейского революционного подполья периода реставрации монархии во Франции¹. В предлагаемом очерке на основе некоторых архивных данных и специальной литературы рассказывается о малоизвестном эпизоде из жизни Буонарроти, подтверждающем это мнение².

В начале 1819 г. французский посол в Берне граф Ш. М. Талейран стал получать сведения от некоего итальянца Ц. Джакомини Гомано, которые сильно встревожили правительство Людовика XVIII. В них речь шла о деятельности политических изгнанников, нашедших убежище в швейцарских кантонах, и о тайных связях Ф. Буонарроти с карбонариями Лиона, Марселя и Кале. По настоянию Талейрана Джакомини совершил поездку в Лион и проник на заседание местной карбонарской венты. О результатах этой миссии был послан в середине июля 1819 г. подробный отчет в Париж. В нем говорилось, что известный своими республиканскими симпатиями Ф. Буонарроти, проживающий уже около 14 лет в Женеве, является «весьма активным членом общества» и тесно связан не только с лионскими республиканцами, но и с другими карбонарскими организациями Франции, а также с их вождями, в частности полковником Рикаром³.

Королевская полиция предложила Джакомини, используя его связи с некоторыми республиканцами, заручиться у Буонарроти рекомендательным письмом к туринским революционерам. «Если это удастся, — сообщалось далее в полицейском наставлении, — результаты представляются интересными. Буонарроти — незаурядная личность: это ум, отвага и упорство; он республиканец, и Женеве, его местожительство, может стать важным объектом для наблюдения»⁴. Целью задуманной провокации было выяснение контактов французских заговорщиков с их единомышленниками в Италии, где движение карбонариев получило особенно широкое развитие. Можно только представить себе масштабы трагедии, которая могла бы произойти, если бы Буонарроти согласился дать требуемые рекомендации. Но этого не случилось. Уже 9 августа 1819 г. заместитель префекта известил министра внутренних дел о фиаско миссии Джакомини и дал такую характеристику опытному революционеру: «Буонарроти сейчас чрезвычайно осторожен и осмотрителен в своих речах и знакомствах. Я сомневаюсь, между тем, что его взгляды изменились, но имею основания думать, что скорее в отношении Италии, нежели Франции, сосредоточены его взоры и надежды»⁵.

Внешне Буонарроти вел скромный и, казалось бы, далекий от политики образ жизни, занимаясь преподаванием музыки, пения и итальянского языка. По данным

¹ A. Saitta. Filippo Buonarroti. Vol. 1—2. Roma. 1950—1951; A. Galante-Gargone. F. Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento, 1828—1837. Torino. 1951; A. Lehning. From Buonarroti to Bakunin. Leiden. 1970; P. Onnis Rosa. F. Buonarroti e altri studi. Roma. 1971; П. П. Щеголев. Ф. Буонарроти и его книга «Заговор равных». «Ученые записки» ЛГУ. Серия «Исторические науки». Вып. 6. 1940; см. также биографию Ф. Буонарроти, написанную В. М. Далиным, в кн.: Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Тт. 1—2. М. 1963.

² Нами использованы материалы АВПр и некоторые документы Национального архива Франции. Последние были получены в микрофильме от профессора МГУ А. В. Адо, которому автор выражает искреннюю признательность.

³ Archives Nationales (далее — AN), F⁷ 6685, dos. 22.

⁴ M. Vuilleumier. Buonarroti et ses sociétés secrètes a Genève (1815—1824). «Annales historiques de la Révolution Française» (далее — AHRF), Juillet—Septembre 1970, p. 475.

⁵ Ibid.

французской агентуры, это приносило ему весьма скромные доходы: около 60 экю в месяц⁶. Его часто можно было видеть на узких женевских улицах, неприязнительно одетого зимой и летом в одно и то же платье: широкополая шляпа, жилет, черные брюки, заправленные в короткие кавалерийские сапоги, и сюртук, если было холодно. Своим серьезным, озабоченным видом он производил впечатление скорее ученого, нежели революционера-конспиратора. Приблизительно таким нарисовал его портрет 24-летний француз Александр Андриан (в письме к родным от 5 июля 1820 г.)⁷, который приехал из Парижа в Женеву по настоянию своей семьи, чтобы посвятить себя основательно изучению наук. Через Форестье, старого революционера, этот молодой человек познакомился с Буонарроти и стал брать у него уроки.

Потребовалось немного времени, чтобы Андриан оказался под влиянием своего учителя. Спустя 17 лет он постарался объяснить, как это произошло: «Тайна, окружавшая Буонарроти, действовала на мое воображение, рисуя его в моих глазах исключительным человеком, которому я внимал, как гению свободы»⁸. Видимо, немалую роль сыграло тут и легендарное прошлое старого бабувиста. Своим аскетизмом и безмерной преданностью революционным идеалам он покорила романтически настроенного молодого француза. Но вскоре Андриан стал догадываться, что жизнь Буонарроти не ограничена только преподавательской деятельностью. Однажды во время занятий учитель рассказал о неаполитанской революции, затем заговорил о карбонариях, понизив голос до шепота. С тех пор он не раз возвращался к этой теме, но говорил больше намеками. Однако на Андриана даже эти нечастые беседы произвели неизгладимое впечатление: он хотел быть хоть немного похожим на тех героев, которых так близко знал Буонарроти. 9 октября 1821 г. Андриан стал членом тайного общества.

Позднее в своих воспоминаниях он описывал, как проходил его прием. Сначала ему пришлось отвечать на вопросы о своем отношении к монархии, религии, семье (среди вопросов был и такой: «Какое правительство дает народу наибольшие возможности для свободы и общественного благополучия?»); затем, введя его с завязанными глазами в большую залу «Совета», предложили новые вопросы, после чего президент (им был Буонарроти) попросил произнести клятву посвящаемого в общество: пропагандировать любовь к свободе и ненависть к тирании, содействовать практически уничтожению монархических режимов, любить и поддерживать братьев по обществу⁹. После этого президент объявил о его принятии в общество. Андриану сняли повязку с глаз, и он увидел себя в окружении нескольких десятков человек, среди которых узнал многих уважаемых жителей Женевы. Вся обстановка в зале говорила о том, что вновь посвященный находится в помещении масонской ложи. Спустя некоторое время Буонарроти объяснил ему, что это делалось из конспиративных соображений: если кандидату отказывали в приеме в общество, то перед уходом ему развязывали глаза, чтобы создать впечатление об обычном масонском собрании.

Андриан официально стал членом ложи «Искренние друзья», которая являлась легальным прикрытием «Общества высокодостоящих мастеров». Ложа была закрыта Наполеоном и возобновила свои заседания в 1818 году¹⁰. Истоки «Общества высокодостоящих мастеров», руководимого Буонарроти, восходили к наполеоновским временам¹¹. По его собственному признанию, «Высокодостоящие мастера» образовались в 1809—1810 гг. после слияния антибонапартистских подпольных обществ «адельфов»

⁶ AN, F⁷ 6685, dos. 22.

⁷ A. Andryanе. Souvenirs de Genève. T. I. P. 1839, pp. 137, 139.

⁸ A. Andryanе. Mémoires d'un prisonnier d'Etat au Spielberg. Vol. 1. P. 1837, pp. 23—24.

⁹ G. Weill. Ph. Buonarroti. «Revue historique», Juillet — Août 1901, p. 267.

¹⁰ Ibid.

¹¹ В «Записке», составленной французской полицией в 1824 г., говорилось, что «общество образовалось вскоре после падения Французской республики и узурпации трона Бонапартом... До сих пор орден чтит память Уде, французского генерала, павшего в битве при Ваграме; о нем позднее в опубликованной истории филадельфов сообщалось, что он был убит по приказу Наполеона как создатель тайного общества филадельфов... Мобильный дьякон Буонарроти, прекрасно осведомленный о тайнах ордена, доверил адепту Андриану, что общество претерпело различные изменения и по желанию его членов много раз перестраивалось... Последней формой общества были адельфы во Франции и Италии...» (AN, F⁷ 6684, dos. 7 (Sociétés secrètes, sublimes Maîtres parfaits), «Mémoire»).

и «филадельфов», действовавших во Франции и Италии¹². Он рассказывал Андриану, что стал «филадельфом» еще при консульстве и, высланный в 1806 г. под полицейский надзор в Женеву, «продолжал... с успехом привлекать патриотов и подготавливать заговоры против угнетателей Франции и Италии». Буонарроти признался Андриану, что он участвовал также в антибонапартистском выступлении генерала Мале в октябре 1812 года¹³.

«Высокодостойные мастера» представляли собой тайную организацию, обладавшую сложной иерархической структурой. Организация состояла из трех звеньев, называвшихся степенями, причем каждая имела свою политическую программу. Буонарроти был убежден, что интересы народа должна защищать только тайная организация и в первую очередь ее верхушка. «Те, кто захотел бы превратить тайное общество в полностью демократическую организацию по своим целям и формам, — писал он, — неминуемо раскрыли бы его тайну... Полагаю, что должно существовать несколько степеней, авторитет которых будет последовательно возрастать, а доктрины — усложняться от наиболее простых моральных и политических идей к более сложным и более смелым; степени, обладающей самою высокою тайной, принадлежит и право руководить всеми остальными»¹⁴. Идеалом Ф. Буонарроти было такое тайное общество, в котором самое полное представление о конечных задачах борьбы имеют лишь руководители — своеобразная директория, а все другие члены могут быть осведомлены только в определенных пределах.

Символом веры первой степени, носившей условное название «церковь» (ее члены именовали себя «мудрецами»), были морально-религиозные принципы масонского братства и равенства. Посвященные в тайну второй степени — «высоких избранников» составляли «синаод», доктрина которого включала в себя идеи республики и народного суверенитета: «Не может быть истинной свободы, пока все без исключения не будут приобщены к законодательству. Законодательная власть может быть препоручена одному лицу только в том случае, если это лицо будет избрано многими, но она не может быть наследственной или пожизненной. Любой человек вправе умертвить узурпатора верховной власти»¹⁵. Наконец, третья степень — «ареопаг», или «великая твердь» — была строго засекречена. Ее принципы в начале 50-х годов нашего столетия раскрыл итальянский ученый А. Саятта. В Национальной библиотеке Парижа он обнаружил несколько листов с латинским текстом, написанным рукой Буонарроти. Из их содержания ему удалось установить, что там сформулировано неизвестное дотоле кредо третьей степени. Оно содержало в самых общих словах принципы, близкие к раннекоммунистическим: «Пусть будут уничтожены различия и все имущество объединено в одну общую казну, и родина, единственная властительница и нежнейшая мать, обеспечит в равной степени всем своим любимым и свободным детям хлеб, образование и работу»¹⁶.

Третья степень связывала идейно Буонарроти с Бабефом и «равными» 1796 года. По словам французского исследователя Ж. Дотри, «великая твердь» была как бы «последним каре последователей Бабефа»¹⁷. Нельзя не согласиться с А. Саяттой, утверждавшим, что знание программы «ареопага» для исследователей этой проблемы равносильно нити Ариадны при рассмотрении международной тайной деятельности Буонарроти¹⁸. П. П. Щеголев, не располагая такими данными об идеологии «Высо-

¹² A. Saitta. Op. cit. Vol 2, p. 95.

¹³ A. Andruane. Souvenirs de Genève. T. 2. P. 1838, pp. 206—207; о заговоре Мале см.: В. М. Далин. Наполеон и бабувисты. «Люди и идеи». М. 1970; А. З. Манфред. Наполеон Бонапарт. М. 1971; Д. М. Туган-Барановский. Второй заговор генерала Мале. «Вопросы истории», 1974, № 8, его же. Генерал Мале, «Общество Филадельфов» и Наполеон. «Французский ежегодник, 1973». М. 1975.

¹⁴ A. Saitta. Op. cit. Vol. 2, pp. 92—116.

¹⁵ AN, F⁷ 6684, dos. 7: Profession de Foi du Synode de O, ou rassemblement des Sublimes Elus.

¹⁶ A. Saitta. Op. cit. Vol. 2, pp. 91—92; e j u s d. Una conferma irrefutabile: il terzo grado buonarrotiano. «Critica storica», 1969, № 6, pp. 706—711; A. Lehning. Buonarroti and His International Secret Societies. «International Review of Social History», vol. 1, 1956, pp. 120—124.

¹⁷ Ж. Дотри. Бабувистская традиция после смерти Бабефа и до революции 1830 г. «Французский ежегодник, 1960». М. 1961, стр. 182.

¹⁸ A. Saitta. Filippo Buonarroti. Vol. 1, pp. 90—92.

кодостойных мастеров» (он скончался в 1936 г., и его работа была опубликована посмертно), пришел к ошибочному выводу, будто для бывшего бабувиста участие в таком обществе «в классовом отношении... означало переход с позиций пролетарского революционера на рельсы мелкобуржуазной, национальной революционности»¹⁹. В действительности такой эволюции не произошло. Если бы дело обстояло иначе, то вряд ли появилась бы книга Буонарроти «Заговор во имя равенства», защищающая бабувистские принципы.

Буонарроти был революционером-интернационалистом. Он не замыкался в национальных рамках и рассматривал итальянское освободительное движение только как начальный этап; вторым шагом, по его мнению, должно было стать уничтожение всех европейских монархий, а затем — строительство нового социального строя на основах общности имущества²⁰. Один из ближайших сподвижников Буонарроти, член таинственного «ареопага» итальянец Дж. Прати, «филадельф» с 1809 г., писал в воспоминаниях, что общество стремилось не просто к завоеванию республики, а к «изменению социальных условий» и установлению подлинно демократического строя. По его словам, «ареопаг», которого «не могли уничтожить полиция ни Наполеона, ни Бурбонов, ни Луи-Филиппа», «состоял из учеников Бабефа, объединенных Ф. Буонарроти». Только они одни были осведомлены о целях общества, его истории, дате возникновения, развитии и всей разнообразной деятельности²¹.

Ввиду исключительной засекреченности политической программы «ареопага» «Общество высокодостоинных мастеров», по замыслу Буонарроти, могло стать как бы цементирующей основой антимонархического подпольного движения в ряде европейских стран. Он говорил Андриану, которого посвятил в тайну «высокого избранника», что задачей общества является «уничтожение всех европейских монархических режимов и достижение народного суверенитета»²². Поэтапность, предусмотренная его планом, не только не исключала, но даже предполагала возможность соглашения с умеренными кругами на различных этапах борьбы. «Характерной особенностью общества, — отмечалось в «Записке» французской полиции, — является участие в делах других организаций, имеющих широкое распространение»²³. По словам одного политического авантюриста, состоявшего на службе у австрийского правительства, «отчетливо прослеживалось стремление Великой тверди» распространить свое влияние даже на те ассоциации, задачи которых шли «вразрез с ее собственными». О том же писал Дж. Прати²⁴. Согласно свидетельству Андриана, Буонарроти направил «искусных и многочисленных эмиссаров... в Германию, Польшу и даже в Россию, чтобы придать новую силу тайным обществам»²⁵.

Во Франции и Италии «Высокодостоинные мастера» стремились установить контакты с карбонариями, в Германии — с организациями, возникшими на основе «тугендбунда», в Греции — с «гетериями». Возможно, именно под влиянием Буонарроти польские «филоматы» (тайная организация студентов Виленского университета, действовавшая в русле шляхетской революционности) в начале 20-х годов XIX в. стали преобразовывать свою организацию в «Общество филадельфов». Эту точку зрения, которая нуждается в дополнительной аргументации, защищает польский исследователь

¹⁹ П. П. Щеголев. Указ. соч., стр. 246.

²⁰ Дж. Канделоро. История современной Италии. Т. 2. М. 1961, стр. 58.

²¹ Цит. по: A. Saïtta. Una conferma irrefutabile: il terzo grado buonarrotiano, p. 709. Мемуары Дж. Прати были опубликованы анонимно в лондонском еженедельнике «The Penny Satirist» в конце 30-х годов XIX века. Они содержали уникальные сведения о структуре и программе общества. Достаточно сказать, что Прати разъяснял доктрину не только первых двух степеней, но и третьей — «ареопага». Однако эти мемуары не привлекли серьезного внимания исследователей, а их переиздание в сокращенном виде (P. Pedrotti. Note autobiografiche del cospiratore trentino G. Prati. Rovereto. 1926) нельзя признать вполне удачным. П. Педротти не придавал значения доктрине «ареопага» и не опубликовал ее в своем издании. Только работы А. Саитты и А. Ленинга вызвали заслуженный интерес к мемуарам Дж. Прати.

²² AN, F⁷ 6685, dos. 1: Extrait d'un rapport de M-r le Comte de Strassoldo, gouverneur du Milanais, a M-r le Président de la police 19 févr. 1823.

²³ Ibid., dos. 7: «Memoire». Французская полиция характеризовала общество словом «proteiforme», то есть выступающее в различных формах.

²⁴ J. Witt-Dorring. Les sociétés secrètes de France et d'Italie ou fragments de qua vie et de mon temps. P. 1830, p. 9; A. Saïtta. Una conferma..., p. 709.

²⁵ A. Andryane. Mémoires d'un prisonnier d'Etat... Vol. 1, p. 30.

В. Лукашевич²⁶. Следовательно, в конкретной практической деятельности «Высокодостойных мастеров», как справедливо заметил Дж. Канделоро, «не исключался приспособленческий расчет, лишь бы это не запятнало небольшую группу избранных, составлявших высшую степень общества»²⁷.

Отсюда видно, что широко распространенное мнение о карбонаризме Буонарроти не вполне соответствует действительности²⁸. Однако нельзя не признать его активной роли в этих организациях. В 1820 г. он принял участие в деятельности венты, образовавшейся в Савоие (в 30 км от Женевы). Аналогичные венты существовали и в других местах, более или менее близких к Женеве. Дж. Прати вместе с Шнеллем создал в кантоне Во секту под названием «Клуб Святого Франсуа», членами которой были Ж. Мюре и генерал Ф.-Ц. Лагарп²⁹. По словам Дж. Мадзини, Буонарроти не только участвовал в реорганизации карбонарских обществ, но даже являлся руководителем «Центральной венты»³⁰. И тем не менее было бы ошибочно считать его карбонарием. Буонарроти скептически относился к этому обществу, порицая его за отсутствие «четкой и последовательной доктрины», «легкомыслие в выборе кандидатов», «недостаточную секретность», но считал необходимым принимать участие в деятельности карбонариев из тактических соображений, рассматривая это как «способ косвенного привлечения» к своей организации «наиболее трезвых людей из самых угнетенных классов гражданского общества»³¹.

Пожалуй, из всех тогдашних революционеров именно Буонарроти более всего подходил для роли руководителя организации такого типа. Родившись в Италии, он декретом Конвента от 27 мая 1793 г. получил «за заслуги перед человечеством» французское гражданство. При Директории — заключенный, при Наполеоне — политический ссыльный, в период Реставрации и вплоть до революции 1830 г. — политический изгнанник, преследуемый всеми монархическими режимами, он пользовался авторитетом в революционных кругах и почитался ими как «патриарх»³². Когда после поражения итальянских революций в Швейцарию бежали их активные деятели, то все они были радушно встречены Буонарроти, и некоторые из них (Б. Босси, Дж. Аллеманди, Дж. Ф. де Меестер, Ж. Малинверни) стали членами его общества. Андриан вспоминал, что в любое время дня и ночи «старый монтаньяр» был готов оказать помощь изгнанникам: «Последнее су, последний кусок хлеба — для голодных. Напрасно его несчастная старая жена протестовала против такого разорительного гостеприимства; он ей отвечал: когда нам приходилось трудно, нам помогали, и я счастлив сейчас возвратить долг»³³.

Возникает вопрос: сумели ли «Высокодостойные мастера» распространить свое влияние на другие организации? Буонарроти полагал, что его замысел блестяще удался, и уже в 1812 г. «ареопаг» «раскинул свои ветви по Европе»³⁴. Еще более категорически высказалась французская полиция: «Установлено на основании показаний адептов, что орден получил распространение не только во Франции и Италии, но и в дру-

²⁶ W. Łukasiewicz. Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną («W stulecie Wiosny Ludów, 1848—1849». T. III. Wiosna Ludów w Europie. Część druga. Warszawa. 1951, str. 196).

²⁷ Дж. Канделоро. Указ. соч. Т. 2, стр. 59.

²⁸ Историк Дж. Романо-Катания вслед за А. Ваннуччи и многими другими современниками Буонарроти полагал, что его деятельность протекала только в границах карбонарского общества (G. Romano-Catania. F. Buonarroti. Milano. 1902; «I Martiri della liberata italiana dal 1794 al 1848. Memorie raccolte da Atto Vannucci». Vol. 1. Torino. 1850, p. 299. Такого же мнения придерживался П. П. Щеголев (указ. соч., стр. 246).

²⁹ M. Vuilleumier. Op. cit., pp. 485—486. «Даже, если их связи (Буонарроти и французских карбонариев. Д. Т.-Б.), — писал исследователь этого вопроса М. Вьюйме, — не всегда были прямыми, многочисленные указания свидетельствуют, что эти связи имели место и что Буонарроти был хорошо информирован о готовящихся против Бурбонов заговорах» (Ibid., p. 486).

³⁰ Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Т. 2. М. 1948, стр. 335.

³¹ A. Saitta. Filippo Buonarroti. Vol. 2, pp. 95—106.

³² «Carteggio del Conte F. Confalonieri ed altri documenti spettanti alla sua biografia pubblicato con annotazioni storiche a cura di G. Gallavresi». Parte I, Milano. 1910, pp. 409—410.

³³ A. Andryane. Souvenirs de Genève. Vol. 1, pp. 225—226.

³⁴ A. Saitta. Filippo Buonarroti, Vol. 2, p. 95.

гих странах Европы, а также Америки»³⁵. Современные исследователи отнюдь не единомышленны в этом вопросе. Точку зрения А. Ленина, что «Общество высокодостойных мастеров» превратилось в «международный штаб революции», оспаривает американский историк Э. Спитцер. Он скептически относится к идее существования «революционного союза» и полагает, что в литературе допускалось преувеличение роли Буонарроти³⁶. Нам представляется более справедливым именно это мнение. Пока можно говорить лишь о наличии некоторых секций общества в Италии и Швейцарии, о каких-то отдельных и, по-видимому, все же случайных контактах самого Буонарроти с французскими и немецкими революционерами. Что касается Апеннинского полуострова, то здесь «Высокодстойным мастерам» удалось в ряде мест подчинить себе карбонарские венты. Из Турина, где находились уполномоченные «ареопага», деятельность «церквей» распространялась на города Пьемонта, Ломбардо-Венецианской области, герцогств Парма, Тоскана и Модена, Папского государства³⁷. Буонарроти под псевдонимом «Поликарп» исполнял функции «мобильного дьякона», заключавшиеся в связи «синодов» с «великой твердью». Любопытно, что русские дипломаты знали о деятельности «Высокодстойных мастеров» и не раз упоминали о них в своих документах³⁸.

«Ареопаг» чутко реагировал на изменение политической ситуации. 17 сентября 1820 г. «церкви» в Италии получили декрет «великой тверди», в котором предписывалось оказывать всяческое содействие «не только революционным выступлениям в Испании и Неаполе», но и другим такого же рода попыткам, имеющим место на континенте³⁹. Вообще для тех лет, отмеченных почти одновременными революционными движениями, восстаниями и заговорами в разных местах Европы (Португалия, Испания, Италия, Греция, Россия), характерно стремление к интернациональному сплочению дворянских и мелкобуржуазных революционеров. Проявлением этой тенденции является миссия Андриана в Италии.

В начале марта 1822 г. из Парижа в Женеву возвратился активный деятель революционного движения в Италии Б. Босси, который во время своего короткого пребывания в Швейцарии (май — июнь 1821 г.) близко узнал Буонарроти и принимал участие в собраниях его общества. Около года он провел во Франции, ставшей одним из центров итальянской эмиграции. Туда от австрийских преследований в разное время бежали Л. Анджелони, Ф. Сальфи, С. Сантароза, Дж. Колленьо, Ч. Бальбо, Ф. Угони и многие другие. Некоторые из них, в особенности пьемонтские военные, сумели проникнуть во французскую армию, используя сфабрикованные удостоверения об их якобы швейцарском происхождении⁴⁰. Во Франции итальянцы вступали в сношения с французскими карбонариями, а через них с испанскими. «Мы общались, — рассказывал Босси, — с отдельными французами, конспирировавшими против правительства Реставрации. Среди них был полковник Фавье. Он вошел с нами в контакт через нашего старого друга Колленьо. Мы познакомились также со знаменитым депутатом Мануэлем. Эти господа нас уверяли в своем содействии»⁴¹.

На одном из таких собраний, которое состоялось в конце 1821 г., было решено отправить в Италию «какого-либо эмиссара для поддержания духа и восстановления прежних надежд народа». Французские карбонарии обещали свою помощь, а также содействие всех тех, с кем они поддерживали связи. «Меня, — вспоминает Босси, — обязали подготовить общие инструкции (они были одобрены нашим объединением в Париже) и поехать в Женеву, где с помощью общества Буонарроти найти наиболее

³⁵ AN, F⁷ 6684, dos. 7: «Mémoire».

³⁶ A. L e h n i n g. Buonarroti., pp. 119—124; A. B. S p i t z e r. The French Carbonari against the Bourbon. Cambridge (Mass.). 1971, pp. 201—202, 266—272.

³⁷ Дж. Канделоро. Указ. соч. Т. 2, стр. 58—59; «История Италии». Т. 2, М. 1970, стр. 86—88; М. И. Ковальская. Движение карбонариев в Италии. М. 1971, стр. 52—54.

³⁸ АВГР, ф. Канцелярия МИД, 1820 г., д. 4505, л. 89.

³⁹ AN, F⁷ 6685, dos. 1: Copie d'une dépêche de M-r le C-te de Strassoldo a M. le Prince de Metternich. Milan, 24 Janvier 1823.

⁴⁰ Correspondance générale de Chateaubriand». Т. 4. Р. 1913, pp. 100—101. Шатобриан располагал информацией, что эти удостоверения пьемонтцы получали от швейцарских «тайных обществ».

⁴¹ B. B o s s i. Extraits des souvenirs. AHRF, Juillet—Septembre 1970, pp. 498—503.

подходящего кандидата для выполнения этой миссии. По приезде в Женеву я проконсультировался с ним, и после некоторого обсуждения он мне сообщил, что это опасное путешествие предпримет Андриан»⁴². Последний согласился выполнить возлагаемую на него миссию. «Я получил возможность, — писал он, — доказать более сильными средствами, чем словами, свою любовь к Италии»⁴³. Эти свидетельства Б. Босси нашли подтверждение в материалах австрийской полиции. Что касается обещания французских карбонариев, то оно, видимо, не было голословным. Известно, что они пытались воспрепятствовать вооруженной интервенции Франции в Испанию для подавления восстания, возглавленного Р. Риго, которую предприняло правительство Людовика XVIII в соответствии с решениями Веронского конгресса Священного союза. Депутат Мануэль был даже исключен из палаты 1 марта 1823 г. за свою горячую речь против предстоящего вторжения в Испанию. Карбонарии вели агитацию в войсках даже тогда, когда французские части стали переходить через Пиренеи. Навстречу им вышел полковник Ж. Фавье с группой смельчаков, в которой были и итальянцы. Размахивая трехцветным знаменем, он хотел остановить войска и побудить их выступить против Бурбонов⁴⁴. Вполне возможно, что французские карбонарии готовы были оказать поддержку и итальянским революционерам.

Приготовлением Андриана к выполнению его миссии руководил Буонаротти. Главный смысл ее заключался в восстановлении прежних, утраченных после 1821 г. связей с итальянскими революционерами и координации их деятельности в масштабах всей страны. Андриан наделялся правами «экстраординарного дьякона Италии», дававшими ему возможность вовлекать новых членов и создавать организации под эгидой «ареопага». Он располагал многочисленными рекомендательными письмами, адресами, статутами общества, инструкциями и другими документами⁴⁵. В условиях, когда после подавления революционных выступлений пессимизм и разочарование охватили большинство патриотов, Буонаротти предлагал иные, более эффективные средства борьбы и хотел связать все выступления в единое целое. В «Акте», подписанном «мобильным дьяконом Поликарпом» (этим документом располагал Андриан), говорилось о решении «великой тверди» созвать всеобщий конгресс итальянских революционеров, который будет состоять «из представителей различных государств Италии» и создаст «особый совет» для координации деятельности всех тайных обществ⁴⁶. Направляя своего эмиссара в Милан, Буонаротти поручал ему наладить контакты с «федератами» — членами разгромленного тайного общества «Итальянская федерация», возглавленного Ф. Конфалоньери, которое добивалось освобождения Ломбардо-Венеции от австрийского гнета и создания конституционного королевства⁴⁷.

18 декабря 1822 г. Андриан выехал из Женевы, 26 декабря находился в Милане, а 18 января 1823 г. был схвачен австрийскими жандармами. Причины столь быстрого разоблачения до сих пор неясны. Босси объяснял это неопытностью Андриана. Он рассказывал, что по дороге в Милан Андриан остановился на несколько дней в Лугано (на границе с Ломбардией) у друзей Буонаротти, ломбардских изгнанников. Там во время пышных встреч, устроенных итальянцами, когда за столом произносились зажигательные речи, Андриан позволил себе несколько таинственных реплик, которые могли в какой-то мере объяснить характер возложенной на него миссии. В те дни Лугано было наводнено австрийскими агентами, Босси даже допускал возможность их присутствия среди гостей во время встреч с Андрианом. «Мы узнали позднее из достоверных источников, — писал он, — что по приезде в Милан о нем (Андриане. — Д. Т.-Б.) сразу последовал сигнал как о неблагонадежном человеке»⁴⁸. Полиция установила за Анд-

⁴² Ibid., pp. 499—500.

⁴³ A. A n d r i a n e. Mémoires d'un prisonnier d'Etat... Vol. I, p. 27.

⁴⁴ А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. 1. М. 1947, стр. 219; «История Франции». Т. 2. М. 1973, стр. 185.

⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1823 г., д. 813, л. 59.

⁴⁶ Там же; AN, F⁷ 6685, dos 1: Papiers d'Andryane saisis à Milan à l'époque de son arrestation.

⁴⁷ Есть основания полагать, что Ф. Конфалоньери был членом буонароттистского общества, в которое вступил еще в 1814 г. (см.: J. R a t h. The Provisional Austrian Regime in Lombardy — Venetie (1814—1815). L. 1969, p. 215).

⁴⁸ B. B o s s i. Op. cit., p. 501.

рианом наблюдение, выявила все его явки и спустя некоторое время арестовала его. Был захвачен также тайник с секретными бумагами, которых хватило бы для осуждения очень многих людей.

Началось следствие. Если сначала австрийские власти готовы были допустить, что Андриан приехал в Ломбардию с чисто разведывательными целями как агент другого государства⁴⁹, то по мере расшифровки документов (в тайнике был захвачен алфавитный табель для дешифровки⁵⁰) характер миссии все более прояснялся. Вскоре полиция уже не сомневалась, что имеет дело с представителем важного революционного центра. Около 9 месяцев длилось следствие. Обвиняемый вел себя достойно, никого не выдал и не сказал более того, что говорили захваченные при нем материалы. Даже по словам Босси, весьма строгого критика, с самого начала скептически относившегося к выдвинутой Буонарроти кандидатуре, Андриан стал образцом «редкой стойкости и настоящего самообладания».

Австрийцы, заинтересованные в громком процессе, решили объединить два совершенно различных политических дела — Андриана и «федератов» — в одно. В ноябре 1823 г. был вынесен смертный приговор Ф. Конфалоньери, А. Андриану, П. Борсьери, Г. Кастиллья, Дж. Паллавици, А. Тонелли и Ф. Арезе. Кроме того, заочно были приговорены к смертной казни некоторые члены буонарротистского общества, проживавшие во Франции и Швейцарии: Б. Босси, Ф. Угони, Дж. Арривабене, Дж. Филиппо, — а также «федераты», успевшие уехать за границу. Однако имперским указом смертная казнь была заменена пожизненным заключением для Андриана и Конфалоньери и различными сроками тюрьмы — для остальных⁵¹. Вена умышленно преувеличивала масштабы дела. В официальном обвинительном заключении говорилось, что «Общество высокодостоинных мастеров» стремится к уничтожению всех монархических режимов и располагает многочисленными секциями в большинстве европейских стран⁵².

С большим вниманием следил за ходом процесса австрийский канцлер К. Меттерних. Его постоянно держали в курсе событий. 24 января миланский губернатор Страссольдо отправил ему подробнейший рапорт с анализом захваченных у Андриана материалов. Было установлено, что «устав и итальянские статуты... исправлены той же рукой, которой написано рекомендательное письмо в Рим к одному лицу», — рукой «знаменитого Анджелони, бывшего консула Римской республики, проживающего ныне в Париже»⁵³. Это «открытие» следствия многое проясняет. Джуиджи Анджелони — не рядовая фигура в итальянском освободительном движении, а один из его патриархов, республиканец и демократ, тесно связанный с Буонарроти. Он был «архонтом» «филадельфов» и активным участником ряда антинаполеоновских заговоров (депутата Законодательного корпуса Арена — в 1800 г., генерала Мале — в 1808 и 1812 гг.). Понятно, что в подготовке экспедиции Андриана бывший «архонт» принимал самое деятельное участие⁵⁴. Андриан располагал также другими рекомендательными письмами, из которых два были написаны Ф. Угони и Ж. Антонини (оба находились в Париже), а одно — известным французским карбонарием полковником Рикаром⁵⁵. «Рекомендации, составленные в неопределенных выражениях, — сообщал Меттерниху Страссольдо, — были почти все адресованы подозрительным лицам, арестованным за участие в последних заговорах». В этом донесении Андриан оценивался как «эmissар ложи итальянских изгнанников в Швейцарии, действующей под руководством великой тверди Франции»⁵⁶.

⁴⁹ J. M. Roberts. The Mythology of the Secret Societies. L. 1972, p. 329.

⁵⁰ О системе шифра см.: AN, F⁷ 6685, dos. 1: Extrait authentique du species facti rélatif au pommé Philippe Buonarroti.

⁵¹ Дж. Канделоро. Указ. соч. Т. 2, стр. 151—152.

⁵² A. Luzio. Nuovi documenti sul processo Confalonieri. Roma — Milano. 1908, pp. 216—232.

⁵³ AN, F⁷ 6684, dos. 1: Extrait de la Procédure criminelle d'Andryane; F⁷ 6685, dos. 1: Copie d'une dépêche de M-r le C-te de Strassoldo a M. le Prince de Metternich. Milan, 24 Janvier 1823.

⁵⁴ «I Martiri della liberata...». Vol. 2, pp. 62—71; P. Onnis Rosa. Op. cit., pp. 283—301.

⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1823 г., д. 813, лл. 60—60 об.

⁵⁶ AN, F⁷ 6685, dos. 1: Copie d'une dépêche de M-r le C-te de Strassoldo.

Меттерних тоже склонен был считать, что центр общества расположен в Париже⁵⁷. Он придавал всему делу чрезвычайно большое значение, намереваясь использовать его в своих дипломатических комбинациях. Австрийскому посланнику при русском дворе Л. Лебцельтерну Меттерних писал: «Мы извлечем из миланских процессов большую выгоду»⁵⁸. Еще в самом начале следствия венский кабинет направил материалы об Андриане правительствам Франции и государств Священного союза, в том числе и России⁵⁹. Целью этих демаршей было объединение монархической Европы против якобы «международного заговора». О процессе подробно сообщили многие европейские газеты⁶⁰. В германских княжествах Меттерних распространил «Меморандум» о «революционной угрозе», после чего там были задушены и без того слабые ростки парламентаризма и демократии⁶¹.

Особое возмущение легитимистов вызывала Швейцария. Ведь из Женевы Буонарроти направил Андриана в Милан (это в ходе следствия было установлено неоспоримо), и именно в швейцарских кантонах нашли себе прибежище итальянские изгнанники. На Веронском конгрессе Священного союза обсуждался этот вопрос. «Дело Андриана» еще более подлило масла в огонь. 7 апреля 1823 г. из Берна последовало женеvским властям послание, в котором говорилось: «Дружественные суверены (то есть государства Священного союза.— Д. Т.-Б.)... с горечью высказывают сожаление, что, несмотря на все предыдущие предупреждения и обещания... эти изгнанники-заговорщики, эти подозрительные иностранцы все еще находятся в большом количестве в вашем городе и на вашей территории. Утверждают, что они поддерживают связи со всеми недовольными Пьемонта и Ломбардии, которые заняты подготовкой революций в этих странах, а также во Франции, когда война в Испании породит там затруднения и опасности»⁶². Бернская федеральная директория потребовала немедленной высылки всех «заговорщиков». Через несколько дней в Женеву прибыл член «тайного совета» Финшер, имевший при себе составленный послом Австрии в Швейцарии де Скро список из 19 итальянцев, замешанных в различных антимонархических заговорах.

21 апреля Бернское правительство направило Женевскому совету «новый лист», исправленный и дополненный де Скро и включавший еще 11 человек, в том числе Буонарроти. О нем было написано следующее: «Тосканец, старый революционер. Его следует рассматривать как одного из главных сектантов и, вероятно, одного из посредников в переписке между заговорщиками Италии и их товарищами по ту сторону гор, за ее пределами. Это он втянул в общество Андриана, арестованного сейчас в Милане, которому дал многочисленные инструкции с перечнем способов сношений с различными итальянскими государствами. Он живет в Женеве»⁶³. 24 апреля женеvские власти приняли решение о высылке Буонарроти и других итальянцев, упомянутых в списке. По-видимому, австрийская полиция намеревалась установить за ними наблюдение, поскольку запросила сведения о выданных им паспортах. Было сообщено, что Буонарроти 13 мая получил паспорт «для проезда в Англию через Лозанну, Берн... и Германию»⁶⁴.

С этого времени к поднятой австрийцами кампании присоединились другие государства Священного союза. 14 мая 1823 г. посол Людовика XVIII в Берне Талейран направил президенту федеральной директории ноту, к которой прилагался список из

⁵⁷ Меттерних, допрашивая Конфалоньери, требовал назвать имена лиц, которые, по его мнению, входили в руководящий комитет, возбуждающий из Парижа «все революционные движения, время от времени вспыхивавшие в Европе» (Н. И. Тургенев. Россия и русские. М. 1915, стр. 347—348).

⁵⁸ «Les rapports diplomatiques de Lebzeltern, ministre d'Autriche à la cour de Russie (1816—1826)». St. Pétersbourg. 1913, p. 265.

⁵⁹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1823 г., д. 813.

⁶⁰ «Сын отечества», 1824, № 6, стр. 28; «Le Conservateur impartial». St. Pétersbourg. 5.II.1824; «Moniteur universal», 30—31.I.1824; «Journal des Débats», 31.I.1824. Эти газеты перепечатали сообщение о «деле Андриана и Конфалоньери» из миланской прессы. О процессе упоминал также «Ежегодник» К.-Л. Лезюра за 1823 г. (Lesur. Annuaire historique universal pour 1823. P. 1823).

⁶¹ А. Дебидур. Указ. соч., стр. 223—224; J. M. Roberts. Op. cit., p. 331.

⁶² M. P i a n z o l a. La mystérieuse expulsion de Philippe Buonarroti. «Cahiers internationaux», № 61, Décembre 1954, p. 55.

⁶³ Ibid., p. 56; P. O n n i s R o s a. Op. cit., p. 191.

⁶⁴ M. P i a n z o l a. Op. cit., p. 58.

подлежавших немедленной высылке 10 французских подданных, в том числе Буонарроти. Свои претензии предъявили Швейцарии послы Сардинии, Пруссии и Королевства обеих Сицилий. О позиции русского посла в Берне барона Крюденера можно судить по его письму Александру I в мае 1823 г., в котором отмечалось, что положение, создавшееся в Швейцарии, будет предметом обсуждения специальной конференции в Париже. Кантональные власти, утверждал далее посол, «бессильны что-либо предпринять и против секретных обществ, и против прессы, и против подозрительных лиц, так как доминирующее мнение средних классов слишком пропитано либерализмом... Вот почему все демарши в отношении изгнанников... оказывались более или менее безрезультатными»⁶⁵.

Любопытно, что почти во всех нотах одной из первых стояла фамилия Буонарроти. Заменявший Талейрана на посту французского посла в Берне де Мустье, составляя новый, более обширный список, включил туда его опять: «Буонарроти (Филипп), тосканского происхождения, но французского гражданства. Проживает в Женеве около 17 лет. Был учителем языков, математики и музыки»⁶⁶. По поводу этих нот женевские власти 10 сентября 1823 г. сообщили в Берн, что Буонарроти отбыл из Женевы «16 мая в дилижансе в Лозанну. В Лозанне был 19 вечером, откуда на следующий день выехал в Берн»⁶⁷. В действительности Буонарроти, хотя и приехал в Лозанну, не сел в дилижанс, следовавший в Берн, а изменил маршрут. Сначала он скрывался недалеко от Женевы, в кантоне Во, в доме своего друга Дж. Фази, а затем с паспортом на имя Ж.-Ж. Раймона выехал в Брюссель. Через несколько месяцев он прислал оттуда письмо, в котором сообщал, что хорошо устроился и нашел своих товарищей еще по наполеоновской ссылке. Предосторожности, предпринятые Буонарроти, не были излишними. Позднее Меттерних в разговоре с одним из швейцарских дипломатов выразил сожаление, что из его рук ушли генерал де Меестер и Буонарроти. По его мнению, федеральная директория «попросту закрыла на них глаза»⁶⁸.

Что касается Андриана, то он был освобожден из Шпильберга в 1832 г., просидев около 10 лет. В 1837—1838 гг. в Париже в четырех томах вышли его «Записки политического заключенного», которые читались с тем же интересом, что и известные «Мои темницы» другого узника Шпильберга, С. Пеллико⁶⁹. Высоко оценил мемуары Андриана А. И. Герцен, выразивший пожелание об их переводе на другие иностранные языки⁷⁰.

«Дело Андриана» — не случайный эпизод в революционном движении тех лет, когда логика борьбы уже приводила к установлению отдельных международных контактов. Русские декабристы, польские филматы, французские и итальянские карбонарии, члены греческих «гетерий» и германских студенческих организаций, испанские повстанцы видели своих врагов не только в Бурбонах или Габсбургах, но в Священном союзе в целом⁷¹. Дж. Байрон пересек континент, чтобы сражаться за свободу Греции. Сотни итальянцев⁷² защищали испанскую революцию. Возглавленные полковником Фавье, французские карбонарии пытались воспрепятствовать королевской интервенции в Испании. Буонарроти уловил этот дух времени. Его заботила судьба не одной Италии, а всей Европы. И хотя его «Общество высокодостоящих мастеров» в силу тогдашних условий не смогло выполнить своих задач, с именем Буонарроти связана одна из первых попыток объединения революционных сил (преимущественно романских стран) на основе бабунистских идей.

⁶⁵ АВГР, ф. Канцелярия МИД, 1823 г., д. 813, лл. 43—46 об.

⁶⁶ M. Pianzola. Op. cit., p. 60.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid., p. 62.

⁶⁹ См. М. И. Ковальская. Италия глазами русских. «Вопросы истории», 1976, № 7.

⁷⁰ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. 7. М. 1956, стр. 360—361; т. 9. М. 1956, стр. 144.

⁷¹ См. подробнее: М. В. Нечкина. Декабристы во всемирно-историческом процессе. «Вопросы истории», 1975, № 12; Г. А. Невелев. 14 декабря 1825 года. (Официальные версии и Западная Европа). Там же, 1975, № 11.

⁷² Дж. Канделоро. Указ. соч. Т. 2, стр. 177.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Наука об историческом прошлом ставит в настоящее время перед исследователем столь многообразные и сложные задачи, что для их решения требуются очень большие знания, широкий кругозор, овладение различными специальностями гуманитарного цикла. Особенно это относится к тем, кто занимается проблемами средневековья, где источников мало и каждый из них приходится изучать всесторонне, привлекая при этом и памятники письменности, и археологические материалы, и произведения изобразительного искусства, зодчества и т. д. Конечно, каждая отрасль исторической науки имеет свою специфику, свой круг источников, свою методику и технику исследования, но лишь комплексное использование всех источников с применением разных методик может обеспечить полноценные выводы. А направляющим при этом принципом исследования должен быть принцип историзма, закономерного развития человечества, его культуры.

Все сказанное относится непосредственно к акад. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Филолог, литературовед по специальности, он является историком широкого профиля по научным интересам, эрудиции, проблематике, методологии своих трудов. В своей книге «Возникновение русской литературы» он писал: «История литературы есть часть истории культуры (без всякого растворения в ней ее специфики), а история культуры есть часть исторической науки в целом, и это обстоятельство опять-таки облегчает нам изучение литературного развития, помогает восполнить недостающие звенья»¹. Таким образом, исследователь сам заявляет о своей тесной связи с исторической наукой, и все его творчество подтверждает это.

Благодаря Лихачеву издано много памятников средневековой письменности. Они публикуются в выпусках трудов Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР и в серии «Литературные памятники». Иногда Лихачев сам готовит тексты к печати, иногда это делают его ученики и сотрудники под его редакцией. Но всегда налицо творческое участие ученого в подготовке изданий. Археографическая деятельность Лихачева касается, естественно, литературных произведений, но они являются и историческими источниками, которые постоянно используются при изучении разных проблем отечественного прошлого. Широко известны такие издания, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Воинские повести древней Руси», «Послания Ивана Грозного», «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.» и пр., осуществленные Д. С. Лихачевым совместно с другими учеными. Публикации, подготовленные Институтом русской литературы, отличаются высокой археографической культурой. Тексты печатаются с использованием всех известных списков. Дается обзор списков, комментариев и ряд указателей: именной, географический, иной раз и предметно-терминологический. Иногда в издании помещаются тематические очерки: литературные и исторические. Большую популярность приобрел особый тип публикаций — так называемые монографические исследования — издания текстов, где памятник воспроизводится вместе с монографией о нем.

Органически вошли в историческую науку переводы древнерусских произведений и комментарии к ним, принадлежащие Лихачеву. Для примера достаточно сослаться на его перевод (совместно с Б. А. Романовым) «Повести временных лет», на который ссылаются все, изучающие Киевскую Русь.

Обращаясь к проблематике исследований Лихачева, следует прежде всего указать на глубокий его интерес к истории летописания и назвать его яркий труд «Русские

¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л. 1952, стр. 11.

летописи и их культурно-историческое значение» (М.—Л. 1947). Автор рассматривает летописи как исторический источник и как явление русской культуры, летописные своды — как памятники исторической и политической мысли. Он кладет в основу своей книги тезис: летописание тесно связано с жизнью, под влиянием ее требований менялся его характер и содержание. Глубокий историзм в подходе к материалу позволяет разглядеть за генеалогией летописных сводов борьбу и скрещивание идейно-политических течений. Расценивая появление летописного дела на Руси не как результат подражания византийским хроникам, а как следствие развития общественного сознания, Лихачев связывает дальнейший ход летописания с теми явлениями в жизни русского народа, которые происходили в периоды Древнерусского государства, феодальной раздробленности, политического объединения и создания Русского централизованного государства, вплоть до XVII века. Если в рассматриваемой работе автор в основном остановился на отражении в летописях идейно-политической борьбы, то в других своих трудах он показал, как реагировали летописцы на классовые столкновения своего времени.

В области источниковедческой (текстологической) методики Лихачев является последователем крупнейшего русского ученого А. А. Шахматова. В очерке «Шахматов как исследователь русского летописания» Лихачев отмечает, что Шахматов внес в изучение летописей новые приемы, изумительные по тонкости и дальновидности, подчеркивает его склонность к сложным обобщениям, охватывающим огромное число частных фактов, «комплексный» характер его наблюдений. Предложенный Шахматовым текстологический метод (сличение летописных списков, расчленение летописных сводов, установление их взаимосвязей и т. д.) Лихачев считает фундаментом летописного источниковедения². Он зачастую идет вслед за Шахматовым и при рассмотрении чередования конкретных летописных сводов.

Но текстологию летописных памятников Лихачев всегда подчиняет задаче раскрытия их значения как явлений общественной жизни, их классовой сущности, их политического смысла. И здесь он выступает как историк-марксист, а его непосредственным учителем является акад. Б. Д. Греков, сделавший много для создания концепции истории феодальной России. В этом отношении заслуживает, например, внимания статья Лихачева «Софийский временник» и новгородский переворот 1136 г., в которой история новгородского летописания рассматривается в связи с выводами Грекова об эволюции политического строя Новгорода в XII веке³.

К оценке летописных произведений Лихачев подходил и с точки зрения их значения как памятников исторической мысли. Показательна его статья «О летописном периоде русской историографии»⁴. Она была опубликована в связи с дискуссией о том, когда появились на Руси исторические представления, и была ответом тем, кто отрицал их наличие в летописях. Лихачев доказывает, что летописец был историком, что у него имелось свое понимание причинно-следственной связи событий, он сознательно относился к предшествующему ему материалу, проверял хронологию используемых источников, стремился к пополнению своего труда новыми фактами.

Летописное дело — это лишь один участок культуры и лишь один из источников для его изучения. Творческое перо Лихачева всегда стремится к воспроизведению явления во всей его полноте с привлечением источников во всем их многообразии. Так зарождаются яркие труды ученого по истории русской культуры: «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)» (М. 1946), «Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв.» (М. 1949), «Культура русского народа X—XVII вв.» (М.—Л. 1961), «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)» (М.—Л. 1962) и др. Все это в основном научно-популярные работы. Написанные мастером слова, знатоком вопроса, выдающимся ученым, проникнутые любовью к национальным культурным ценностям, они имеют большое познавательное значение, содействуют патристическому воспитанию людей. Есть общие черты у всех этих книг: понимание многосторонности культуры (просвещение, литература, летописное дело, эпос, живопись,

² См. «А. А. Шахматов. 1864—1920». Сборник статей и материалов под ред. С. П. Обнорского. М.—Л. 1947.

³ «Исторические записки». Т. 25. 1948.

⁴ «Вопросы истории», 1948, № 9.

зодчество, нравы, быт), ее динамизма, ее национального облика, богатства, международного значения.

Лихачев поднимает вопрос о значении культуры прошлого для познания настоящего и проникновения взором в будущее. «Знание истории своего народа,— пишет он,— знание памятников его культуры открывает перед человеком целый мир — мир, который не только величествен сам по себе, но который позволяет по-новому увидеть и оценить современность». Передача культурных ценностей связует поколения и создает условия прогресса человечества. По словам Лихачева, «знание прошлого — это понимание современности. Современность — это итог прошлого, а прошлое — это еще не разившееся будущее. Мы живем в великом потоке времени, движением которого мы научились управлять и которое приведет нас к коммунизму, где понадобится все, в том числе и все то лучшее, что было создано человеком во все века его существования»⁵. Глубокими мыслями о роли памятников культуры в истории человечества делится Лихачев с читателями своей книги «Поэтика древнерусской литературы». «В отличие от общего движения «гражданской» истории,— пишет он,— процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия нового в старом, накопления культурных ценностей»⁶. Лучшие произведения культуры продолжают участвовать в жизни человечества. Писатели прошлого, произведения которых люди продолжают читать,— это наши современники. В произведениях гуманистических, человеческих культура не знает старения.

Эти мысли ученого плодотворны и поучительны. Они свидетельствуют о том, что наряду с исследовательским мастерством в изучении конкретных явлений русской культуры Лихачеву присуще также стремление к постановке больших теоретических вопросов. Философская направленность интеллекта — его органическое свойство. Ряд теоретических положений развивает автор в уже упоминавшейся книге «Возникновение русской литературы». Основные из них сводятся к обоснованию исторического метода: памятники литературы и письменности — частица истории; история литературы и письменности входит в историческую науку как часть в целое; историк литературы обязан опираться на достижения исторической науки; историзм — необходимое требование, предъявляемое теоретической мыслью к научному изучению развития литературы. С этих позиций Лихачев рассматривает основные проблемы возникновения древнерусской литературы. Она родилась из внутренних потребностей феодального общества древней Руси, была подготовлена развитием русского языка, устного творчества; известную роль в этом процессе сыграло и культурное общение Руси с другими странами, но оно не было первопричиной появления литературы.

Рассматривая процесс феодализации и образование Древнерусского раннефеодального государства, Лихачев останавливается на вопросе о создании господствующим классом своей надстройки путем подчинения письменного творчества и установления контроля над творчеством устным. Так складывались две культуры: одна господствующая, идеалистическая, церковная, тесным образом связанная с Византией, другая — народная, самобытная, связанная с русской действительностью. Касаясь обеих культур, Лихачев делает тонкие исторические наблюдения. Так, говоря о роли деловой письменности в становлении литературы, он отмечает искусство юридических обобщений в «Русской Правде», договорах с греками, подготовивших развитие обобщений художественных.

Ряд важных соображений высказывает Лихачев по поводу византийского «влияния» на Русь. Культура, попадавшая в русское общество из Византии, была культурой не народа, а аристократии, чиновничества, хотя и создавалась руками народа. Старая классовая культура Византии была призвана на помощь молодой классовой культуре Руси. Таким образом, византийское влияние не являлось делом общенародным. При этом Русь воспринимала его не пассивно, а активно — брала лишь необходимые ей элементы культуры.

В книге Лихачева «Возникновение русской литературы» поднимается еще одна общая теоретическая проблема: классовый характер русской литературы и ее народность. Автор возражает против встречающегося вульгаризаторского утверждения, что

⁵ Д. С. Лихачев. Культура русского народа X—XVII вв., стр. 7.

⁶ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е. Л. 1971, стр. 405—406.

все, идущее от устного народного творчества, прогрессивно, а все «письменное», «книжное» — реакционно. Борьба шла не между письменным и устным творчеством, а между идеологиями двух основных классов эпохи феодализма. При этом обоим классам-антагонистам феодального общества был свойствен патриотизм, но содержание и проявления его были различны.

Продолжением труда «Возникновение русской литературы» является книга Лихачева «Развитие русской литературы X—XVII вв.» (Л. 1973). В ней автор, по его словам, стремился дать некоторые обобщения для построения в будущем «теоретической истории русской литературы», под которой он понимает исследование на основе изучения «целых ансамблей микрообъектов» характера процесса и его движущих сил. «Теоретическое (статистическое)» литературоведение он сравнивает со статистической физикой. Выступая с позиций историзма, Лихачев развивает мысль о единстве человеческой истории, о том, что путь каждого народа подчинен общим законам движения общества. Он присоединяется к концепции мирового исторического процесса, предложенной акад. Н. И. Конрадом, которая связывает развитие мировой культуры со сменой общественных формаций, выделяя три эпохи: античность с культурой рабовладельческого строя, средневековье с культурой феодализма, Возрождение, когда появляются первые ростки капитализма. Наличие этих трех эпох в жизни народов — закономерное явление, а не историческая случайность.

Лихачевым сделана попытка применить концепцию Конрада к России. Русь миновала стадию рабовладельческой формации. Славяне от первобытнообщинного строя перешли непосредственно к феодализму. Поэтому русский народ не знал античной стадии культуры. Но отсутствие какой-либо стадии общественного развития требует «компенсации» — восполнения, обычно получаемого от соседних народов. Киевская Русь воспользовалась опытом Византии и Болгарии. В XIV—XV вв. Русь стояла на пороге Возрождения. Но Возрождения в ней не произошло. Имели место лишь отдельные элементы гуманистического и возрожденческого характера и реформационного движения. Весь этот комплекс явлений Лихачев именует Предвозрождением. Преренессанс не перешел в России в Ренессанс. Сказалось отсутствие на Руси настоящей античности с развитой культурой рабовладельческой формации. Черты Предвозрождения автор ищет в проявлении в письменных памятниках личного начала, росте самосознания.

В соответствии со своей специальностью, интересами и темой книги он пишет о явлениях в области литературы. Но историк не может пройти мимо заявления Лихачева, что следовало бы рассмотреть в том же плане взаимоотношения литературы и юридических памятников древней Руси («Русской Правды», «Мерила Праведного», различных судебных, «Уложений» и т. д.). Проблема Предвозрождения в России, с которой Лихачев выступил в печати, встретила живой отклик со стороны историков русской и мировой культуры. Отношение к его выводам было разное. Сторонники понимания Ренессанса как явления чисто итальянского определенной эпохи считали неправомерным искать в русской действительности даже зачаточные явления Преренессанса. Однако идея общих закономерностей мировой истории, находящая все большее признание у исследователей и подтверждение на материалах русской жизни XIV—XV вв., склоняет отечественных медиэвистов к признанию понятия «Предвозрождение».

Книгу Лихачева «Человек в литературе древней Руси» (М. — Л. 1958, изд. 2-е — 1970) можно было бы назвать, по ее впечатлению на читателя, произведением литературной живописи. Ее задача — рассмотреть художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения. Книга снабжена снимками, показывающими соответствие изображений человека в литературе и в живописи. Видение человека (его понимание писателем) «это начало пассивное, воспринимающее; методы изображения — начало активное, творческое; и то и другое зависит в конечном итоге от отношений своего времени, от классового мировоззрения писателя. Лихачев рассматривает изменения в изображении человеческого характера на протяжении XI—XVII вв. в связи с переменами в общественном строе, прослеживает сменявшие друг друга на протяжении эпох стили.

Книга содержит большой познавательный материал. В ней даны итоги изучения богатого культурного наследия Руси. Но есть в ней еще одна черта, заслуживающая быть отмеченной: это — исследование из области исторического источниковедения. В

самом деле, видение писателем человека — это отражение в источнике как самого человека, так и среды. В то же время Лихачев показывает воздействие среды и людей на писателя и его вмешательство в окружающую действительность. Все это демонстрируется на примере ряда эпох. Так, литература XI—XIII вв. в изображении людей следует феодальным идеалам, воспроизводит представления о том, каков должен быть представитель феодального класса, занимающий ту или иную ступень иерархической лестницы. В начале XVII в. накопление социальных противоречий в феодальном обществе и опыт классово-борьбы приковывали внимание литературы к сложности и противоречивости человеческих характеров.

Источниковедческая тематика пронизывает всю деятельность Лихачева, будь то подготовка памятников к изданию, изучение конкретных проблем исторического прошлого, разработка общетеоретических вопросов литературоведения и истории, философские размышления о роли культуры в мировом процессе. Заслуживает особого рассмотрения специальный труд Лихачева из области теоретического источниковедения «Текстология на материале русской литературы X—XVII вв.». В нем подведены итоги многолетним наблюдениям автора над рукописным наследием прошлого и намечены новые перспективы в этой области. Он определяет текстологию как науку, которая «ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у авторов и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении пока только изменялся текст памятников... История текста явилась в известной мере историей их создателей и отчасти... их читателей. На первое место в текстологии выступили человек и общество в том их понимании, которое дает исторический материализм»⁷.

Лихачев подчеркивает, что текстолог обязан быть историком в самом широком смысле слова. И весь труд Лихачева построен на материале памятников письменности разнообразного характера и содержания: литературных (особенно летописных), законодательных, актовых и т. д. Автор широко использует опыт анализа «Русской Правды», документов княжеских архивов, монастырских копийных книг. На новую ступень подняты Лихачевым методические приемы Шахматова, призванные служить марксистско-ленинскому источниковедению. Вся система построений Лихачева направлена к утверждению в текстологии понятия «закономерность» и в подчинении текстологии решению этой задачи.

Научно разработанная текстология, по мысли Лихачева, должна сузить применение понятия «случайность» к наблюдениям за историей рукописных памятников. С точки зрения методики научного исследования случай — это тот остаток, который остается в результате всех попыток ученого объяснить то или иное явление, считает Лихачев. Свести роль случая в науке к минимуму и тем самым расширить возможности научного познания — этому он посвящает свою богатую творческую жизнь. Задача благородная, и в ее решении автор достиг больших высот.

Академик Л. В. Черепнин

В высшей школе

В НАУЧНОМ КООРДИНАЦИОННОМ СОВЕТЕ МГУ ПО ПРОБЛЕМАМ АМЕРИКАНИСТИКИ

В МГУ в целях осуществления общего руководства и координации научных исследований в области американистики создан Научный координационный совет по проблемам американистики, который объединяет усилия историков, юристов, географов, экономистов, философов, филологов, журналистов и специалистов других дисциплин, занятых изучением США. Работа совета строится на основе взаимодействия с

⁷ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л. 1962, стр. 23, 24, 25.

другими научными учреждениями, ведущими исследовательскую работу по той же проблематике. Председателем совета утвержден Н. В. Сивачев.

5—6 октября 1976 г. совет по проблемам американистики провел научную конференцию на тему «200-летие образования США: история и современность». Наряду с американцами университета в ней приняли участие сотрудники Ленинградского университета, институтов США и Канады, всеобщей истории, мирового рабочего движения, мировой экономики и международных отношений АН СССР, Ленинградского отделения Института истории АН СССР и других научных и высших учебных заведений. В пленарном заседании участвовал атташе по культуре посольства США в СССР Р. Миллер.

Пленарное заседание открыл ректор МГУ академик Р. В. Хохлов. Он подчеркнул жизненность традиций добрососедства и сотрудничества в русско-американских и советско-американских отношениях. В осуществлении сотрудничества двух стран заметную роль играет Московский университет. С 1958 г. он осуществляет обмен со многими американскими университетами. Ежегодно на длительный срок МГУ принимает около 40 стажеров и профессоров из США, многочисленные американские делегации прибывают с кратковременными визитами. Регулярно читаются семестровые и лекционные курсы американскими профессорами. Р. В. Хохлов сообщил, что накануне конференции было подписано первое соглашение между МГУ и университетом штата Нью-Йорк о прямом обмене аспирантами, преподавателями и профессорами.

Конференцию приветствовал канцлер университета штата Нью-Йорк Э. Бойер, который особо подчеркнул важность соглашения о прямом обмене.

Затем были заслушаны доклады В. В. Согрина (Институт всеобщей истории АН СССР) «Война за независимость и образование США: история и современность» и А. А. Мишина (МГУ) «Проблемы эволюции американского конституционализма».

В. В. Согрин посвятил свой доклад следующим проблемам: предпосылки войны за независимость, характер основного конфликта Американской революции XVIII в., ее развитие и итоги. Отметив значительный вклад советских ученых в разработку этих проблем, докладчик выявил несостоятельность попыток ряда американских буржуазных историков (особенно после второй мировой войны) затушевать революционное существо войны за независимость. Подвергнув критике консервативные и идеалистические концепции Р. Брауна, утверждавшего, что революции, собственно, «нечего было делать», В. В. Согрин показал, что «в Америке было, что преобразовывать, революции было, что делать». В североамериканских колониях имелись налицо феодальные пережитки в области как политической структуры, так и экономики. Эти пережитки, по мнению докладчика, состояли в том, что политическая правоспособность, как правило, связывалась с владением недвижимостью, в первую очередь земельным участком, в том, что фактически в структуре политической власти господствовали ставленники короны или владельца данной колонии, в том, что многие посты (в том числе и места в нижних палатах) передавались по наследству. Сюда же следует отнести наличие фиксированной ренты, получаемой лордом манора, майораты, манориальную собственность на землю, а также аграрную политику английской короны. Американские патриоты вели антиколониальную войну против английского господства, которое по своим принципам было феодальным, во имя утверждения буржуазных ценностей. Это и определяло классовый характер конфликта.

По мнению В. В. Согрина, начало войны за независимость относится к апрелю 1775 г., причем в дальнейшем она развивалась одновременно как антиколониальная война и «внутренняя революция» (М. Дженсен). В противовес «консенсусным» концепциям буржуазных историков докладчик отметил наличие глубоких внутренних противоречий в пестром по своему составу патриотическом лагере, приведших к взрыву народных выступлений после победы над англичанами — в 1783—1787 годах. Во главе этого лагеря во время войны за независимость находился союз буржуазии Северо-Востока и плантаторов-рабовладельцев Юга, который отстаивал в конечном счете буржуазные ценности, опираясь на поддержку народных движений. Здесь не было того накала классовой борьбы, который отмечался во время буржуазных революций в Англии и Франции, поскольку в Северной Америке было больше возможностей для превращения неимущего труженника в мелкого собственника. Слабее была развита и

городская жизнь. Не было и таких радикальных идеалов, которые провозглашали «бешеные», эбертисты, бабувисты и т. п. И тем не менее противоречия здесь имели место, и притом достаточно острые. В этой связи В. В. Согрин заметил, что требуют дальнейшего сравнительного изучения конституции штатов. Должны быть более глубоко изучены факты, свидетельствующие о том, что напор демократического движения поколебал господство буржуазно-плантаторского блока. Требуют дальнейшего анализа и так называемые «секционные» конфликты, которые в основе своей также были классовыми.

Важное значение Американской революции докладчик видит в том, что она способствовала развитию буржуазных конституционных принципов. Основные результаты в этом отношении были достигнуты на начальной стадии, когда была провозглашена республика, урезаны в пользу законодательной власти прерогативы власти исполнительной, осуществлена демократизация избирательного права. Американская революция XVIII в. превзошла в этом отношении уровень демократизации общественно-политической жизни, характерный для Английской революции XVII в., но не достигла того уровня, на который поднялась Французская революция конца XVIII века. Конституция 1787 г. означала пересмотр некоторых завоеваний начального периода революции, в частности, произошло усиление исполнительной власти, особенно в лице президента США, возвышение значения верхней палаты — сената. Тем не менее в целом эта конституция не была реакционной, хотя известный «термидор» все же имел место, поскольку речь шла об использовании буржуазией плодов революции, о вхождении революции в предназначенные ей изначально буржуазные рамки. В аграрной сфере война за независимость закончилась конфискацией земель лоялистов и превращением западных земель в государственную собственность. Но это еще не было, конечно, решением аграрного вопроса, что произошло лишь в ходе гражданской войны 1861—1865 годов. Ограниченность революции проявилась и в вопросе о рабстве и в ряде других. При всем том Американская революция XVIII в. заложила основы тех принципов, носителями которых впоследствии выступают демократические силы американского буржуазного общества.

А. А. Мишин среди источников американского конституционализма выделил: практику управления колониями, их хартии и другие документы, английское конституционное право, труды теоретиков права XVII—XVIII вв. Дж. Локка, П. Гоббса, Ш. Монтескье. Но прежде всего, по мнению докладчика, американский конституционализм явился продуктом Американской революции XVIII в. и отражением того, насколько глубоко она сумела решить национально-освободительные и социальные задачи. Парадоксально, но факт, что американцы отмечают 4 июля 1776 г. — день принятия Декларации независимости, не являющейся действующим документом, а не 17 сентября 1787 г., дату принятия конституции, отрицающей записанное в Декларации — как естественное — право народа на восстание. По мнению докладчика, эта конституция — «завершенный американский вариант термидора». В ней нашли отражение как революционно-демократическая тенденция (идеи Т. Джефферсона и Т. Пейна), так и консервативно-охранительная (идеи Дж. Гамильтона, Дж. Мэдисона), причем преобладала последняя.

Докладчик считает, что развитие американского конституционализма носило двойственный характер: с одной стороны, оно представляло собой развитие государственного (конституционного) права, а с другой — это был процесс институционализации порядков, учреждений и методов, не нашедших отражения в конституционном корпусе. «Живая конституция», по мнению А. А. Мишина, резко отличается от юридического конституционализма, который не знает двухпартийной системы, «групп давления», «первичных выборов» (primeries), ЦРУ, ФБР и многого другого, входящего в существующую политическую систему. Развитие американского конституционализма, считает докладчик, и в наши дни идет по линии постепенного сокращения полномочий конгресса и роста власти президента и подчиненного ему аппарата, представляющего собой продукт внеконституционного развития и роста министерства. Другая линия состоит в усилении унитаристских, централистских тенденций. И, наконец, третьей линией является развитие двухпартийной системы, которая фактически монополизировала избирательный процесс. Однако сейчас наметилась тенденция к падению роли двух главных партий: растет доля абсентеистов и независимых избирателей, выборы

приобретают плебисцитарный характер, когда вопреки конституции избиратели голосуют прямо за президента, кандидат в президенты обращается прямо к народу, используя современные средства массовой информации и комитет по переизбранию (а не партийный аппарат), что, по мнению А. А. Мишина, представляет собой важнейший исторический прецедент.

«Уотергейтское дело» докладчик рассматривает не просто как грандиозный скандал, а как глубочайший конституционно-политический кризис. Докладчик подверг критике утверждения, будто события последних лет — это своего рода «ренессанс американского парламентаризма». По его мнению, специфические отношения между президентом и конгрессом, сложившиеся в последние годы, отнюдь не отменяют общих тенденций, свойственных эпохе государственно-монополистического капитализма, которые ведут к неизбежной концентрации власти в руках правительства.

Второй день конференции был отведен для работы секций: истории и права, литературы и журналистики, философии, экономики и географии.

Выступления в секции истории и права касались отдельных вопросов войны за независимость. В. А. Ушаков (ЛОИИ АН СССР) коснулся проблем, связанных с историей «Статей Конфедераций», которые он считает прообразом американской конституции. Он рассмотрел различные трактовки «Статей Конфедерации» в американской буржуазной историографии и охарактеризовал роль этого документа в войне за независимость.

Б. А. Ширяев (ЛГУ) осветил вопросы политической борьбы в США в первые годы после принятия конституции. Эта борьба была отмечена дальнейшей поляризацией политических сил, обострением столкновений по вопросам национального долга, тарифов, западных земель, организации власти, рабства. Низы предприняли попытку углубить революцию, о чем свидетельствовали восстание Д. Шейса и ряд других выступлений (в Массачусетсе, в армии, и т. д.). Расхождение интересов в блоке торгово-промышленной буржуазии Северо-Востока с плантаторами Юга завершилось прагматическим компромиссом между этими силами.

К. С. Гаджиев (ИМЭМО АН СССР) коснулся проблемы пуританизма в дореволюционной американской мысли. Проанализировав основные источники и этапы возникновения идеи индивидуализма и трудовой этики, он пришел к выводу, что эти идеи поднимавшейся буржуазии в XVII — XVIII вв. были результатом полного отказа от одних и коренного пересмотра других элементов протестантской идеологии. Значительный вклад в их формирование внесли важнейшие течения европейской общественной мысли, связанные с Возрождением, Просвещением и коперниковско-ньютоновской научной революцией. Определяющую роль в этом отношении сыграли глубинные социально-экономические процессы.

С сообщением на тему «Англо-американские отношения во время войны за независимость» выступил В. Н. Плешков (ЛОИИ), который проследил основные моменты и линии обострения конфликта между Великобританией и ее колониями в Северной Америке в 1774—1776 годах.

По докладам и сообщениям развернулись прения. Е. Ф. Язьков (МГУ) поддержал основные выводы В. В. Согрина. Однако, по мнению Е. Ф. Язькова, некоторые положения доклада нуждаются в уточнении. Слишком большой упор был сделан в нем на антиколониальный характер революции. Между тем социальные задачи играли в ней важную роль с самого начала, и в этом отношении Американская революция не отличалась от других буржуазных революций. Представление о слабости массовых движений проистекает в основном от недостаточной их изученности. Более глубокое знакомство с источниками (в частности, местными петициями) позволит лучше показать, что имели место и устремления, в чем-то сходные с левеллеровскими.

М. И. Захарова в связи с сообщением К. С. Гаджиева, подчеркнула роль Просвещения в идеологической подготовке Американской революции. Касаясь утверждения В. В. Согрина о том, что плантаторы защищали во время революции чуждые им интересы, поскольку главная их цель состояла в захвате западных земель, она предложила принять во внимание и то, что колониальный гнет распространялся и на плантаторов, а также последствия кризиса плантационного хозяйства. Не случайно из среды плантаторов вышли такие выдающиеся деятели, как Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон и др. М. И. Захарова подчеркнула необходимость специального рас-

смотрения борьбы в лагере лоялистов. Она выразила несогласие с тезисами о «термидоре» в Американской революции, сославшись на то, что конституция 1787 г. решала национальные задачи и в этом плане к ней неприменима подобная характеристика. «Статьи Конфедерации», по ее мнению, были мелкобуржуазной конституцией, которая не могла обеспечить решение задач национального развития.

Н. В. Сивачев привлек внимание участников конференции к конституционной доктрине «Welfare state» (государство благосостояния), которая получила хождение в условиях государственно-монополистического капитализма.

В заключительном слове В. В. Согрин остановился на вопросе о «термидоре» и характере конституции 1787 года. Возражая Б. А. Ширяеву, он заявил, что правильнее говорить о компромиссе не между южными плантаторами и северной буржуазией, а между господствующими классами и народом. Авторы конституции 1787 г. так и не смогли воплотить в ней все свои реакционные замыслы. Что же касается термина «термидор», то он вполне применим к этой конституции, поскольку она означала утверждение буржуазного строя в чистом виде, буржуазно-плантаторский блок освободился от своих связей с народными массами, плебейская линия в развитии революции была пресечена. Отстаивая свою точку зрения, что Американская революция продолжалась до 1787 г., В. В. Согрин апеллировал к ее социальному содержанию. Он сослался на то, что к 1783 г. была решена только часть задач, перед нею стоявших, наиболее острая классовая борьба приходилась на ее завершающую стадию. Затем выступавший остановился на вопросе о значении «Статей Конфедерации». Он не согласился с оценкой этого документа как демократической конституции. По его мнению, «Статьи Конфедерации» были отражением борьбы децентралистских и партикуляристских элементов со сторонниками централизации.

А. А. Мишин в заключительном слове подчеркнул, что в отличие от антиколониального движения, социальные аспекты Американской революции исследованы пока недостаточно. Он поддержал оценку конституции 1787 г. как своего рода «термидора» в развитии Американской революции. Что же касается «Статей Конфедерации», то они ни в коей мере не являются конституцией. Это скорее своеобразный международный договор.

На заключительном заседании конференции выступил директор Института США и Канады АН СССР акад. Г. А. А р б а т о в, который охарактеризовал основные итоги юбилейной кампании, развернувшейся в США в связи с 200-летием, а также подчеркнул плодотворность сотрудничества американистов, работающих в системе Академии наук СССР и МГУ имени М. В. Ломоносова. Доклад о проблемах избирательной кампании 1976 г. сделал зав. сектором того же института В. П. З о л о т у х и н.

Р. Е. Кантор

Обзоры

НОВЕЙШАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Проблема крестьянского движения в России периода разложения и кризиса крепостничества интенсивно разрабатывается советскими историками. Особенно много было сделано в изучении этой проблемы в 50-е — 60-е годы. Результаты проделанной работы отражены в двух обзорах специальной литературы по данной теме¹. Краткие историографические введения содержатся в некоторых монографиях о крестьянском движении. Однако специальных историографических работ обобщающего

¹ См. В. А. Федоров. Историография крестьянского движения в России периода разложения крепостничества. «Вопросы истории», 1966, № 2; его же. Крестьянское движение в национальных районах дореформенной России. «Вопросы истории», 1968, № 1.

характера на эту тему до сих пор нет. Появившиеся в последние годы немногочисленные статьи посвящены частным вопросам².

В данном обзоре предпринимается попытка кратко проанализировать новейшую литературу по проблеме, увидевшую свет за минувшее десятилетие. Всего было издано за это время свыше 120 монографий, статей, публикаций документов о крестьянском движении в России в первой половине XIX в., в научный оборот введены новые данные (идет дальнейшее накопление конкретного материала). Хотя большинство работ написано на локальные темы, следует отметить и определенные качественные сдвиги, происшедшие за последнее время: шире и разнообразнее стала проблематика, поставлен и разрабатывается ряд важных теоретических вопросов крестьянского движения, совершенствуется методика его изучения.

Большое внимание уделяется разработке новых методов статистического анализа крестьянского движения. Исследователи отошли от простого подсчета численности крестьянских выступлений. Теперь учитываются волнения, происходившие не только в помещичьих имениях, но и в селениях, а также численность их участников, мотивы волнений, другие формы борьбы крестьянства³. Статистический анализ всех форм и проявлений крестьянского протеста стал более глубоким и разносторонним, он позволяет дать не только количественную, но и качественную его характеристику. В конце 60-х — начале 70-х годов на страницах «Украинского исторического журнала» развернулась дискуссия о методах статистического анализа крестьянских выступлений, которая вылилась в обсуждение методики изучения крестьянского движения периода позднего феодализма и капитализма. Были поставлены задачи координации исследований, выработки единого критерия учета форм крестьянского движения и единой методики их статистической обработки⁴.

Значительное внимание уделяется характеристике различных форм крестьянского движения⁵. Ряд исследований посвящен такой особенно распространенной в

² В. И. Бабкин. Классовая борьба в период Отечественной войны 1812 г. в до-революционной и советской историографии. «Материалы научной конференции Волгоградского пединститута», т. 229, 1968; С. М. Шевченко. И. Я. Франко о классовой борьбе крестьян Галиции в период разложения крепостничества. «Историографические исследования в Украинской ССР». Вып. 2. Киев. 1969 (на укр. яз.); Р. С. Попова. О состоянии изучения положения и борьбы помещичьих крестьян южных губерний Украины накануне падения крепостного права (1841—1860 гг.). «Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР». Вып. 4. Днепропетровск. 1973; В. И. Тищенко. Устим Кармалюк в историографической литературе. «Український історичний журнал», 1974, № 6; Н. Родоная. Историография крестьянского движения Грузии в предреформенный период. «Грузинская историография». Вып. 3. Тбилиси. 1975 (на груз. яз.).

³ Б. Г. Литвак. Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1855—1863 гг. (статистические итоги анкетного обследования местных архивов). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964». Кишинев. 1966; его же. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М. 1967; В. И. Крутиков. К вопросу о статистическом изучении крестьянского движения в России. «Ученые записки» кафедры истории СССР Тульского пединститута, вып. 2, 1969; В. А. Федоров. Крестьянское движение в центрально-промышленных губерниях России в 1800—1860 гг. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965». М. 1970; М. А. Рахматуллин. Крестьянское движение в России в 20-х годах XIX в. Там же; Ю. Ю. Кахк, Х. М. Лиги. О связи между антифеодальными выступлениями крестьян и их положением. «История СССР», 1976, № 1.

⁴ См. Д. П. Пойда. О методике изучения крестьянского движения периода домонополистического капитализма. «Український історичний журнал», 1966, № 5; Н. Н. Лещенко. Усовершенствовать методику исследования крестьянского движения. Там же; Б. Г. Литвак. Координация методики изучения крестьянского движения — задача принципиальной важности. Там же, 1967, № 1; А. Г. Михалюк. О методике изучения крестьянских движений. Там же, 1969, № 9; Л. Г. Мулявичус. О методах изучения крестьянских движений. Там же, 1971, № 1; Д. П. Пойда, Н. Н. Лещенко. Классовая борьба в украинской деревне в эпоху домонополистического капитализма. Там же, 1971, № 10 (все статьи на укр. яз.). Итоги этой интересной дискуссии, к сожалению, не подведены.

⁵ А. В. Эммаусский. Формы крестьянского движения в Вятской губернии в конце XVIII — первой половине XIX века. «Ученые записки» Горьковского университета, вып. 85, 1967; Е. К. Розов. Формы движения помещичьих крестьян в России в период разложения и кризиса крепостного строя (по материалам Тверской губернии). «Ученые записки» Хабаровского пединститута, серия историческая, т. 16, 1968; А. В.

феодалной России форме антикрепостнического протеста, как бегство крестьян от помещика⁶.

Раньше крестьянское движение рассматривалось как самодовлеющее явление. Сейчас наметилась тенденция связать его с другими сторонами исторического процесса, показать воздействие, с одной стороны, на борьбу крестьян ведущих социально-экономических и политических явлений, а с другой — самой этой борьбы на политику правительства и формирование освободительной идеологии. Исследуется то влияние, которое оказывали на крестьянское движение города, промысловый отход, участие в волнениях городских низов, разночинных элементов, солдат⁷. В нескольких статьях рассматривается проблема социальных противоречий внутри крестьянства и отражение их в крестьянском движении⁸. В. И. Крутиков и М. А. Рахматуллин предостерегают против модернизации и преувеличения глубины социальных противоречий в крестьянстве. В их работах приводятся конкретные данные, показывающие, что даже в тех помещичьих селениях, где эти противоречия проявлялись более отчетливо, они не влияли на изменение характера крестьянского движения. Крестьяне, как правило, выступали против феодала единой массой. Но это отнюдь не означало, что в поведении бедных и зажиточных крестьян не было различий. Если бедная часть крестьянства действовала более стойко и последовательно в ходе волнений, то зажиточные обычно являлись колеблющейся, неустойчивой, компромиссной группой. Иногда они выступали весьма активно, даже являлись инициаторами волнений, но при этом стремились ограничить размах движения, направить его в русло мирных прошений. И все же, как указывают эти авторы, попытки властей воспользоваться данным об-

Клеянкин. К вопросу о формах крестьянского движения в Среднем Поволжье в первой половине XIX в. «Огаревские чтения в Мордовском университете, декабрь 1972». Тезисы докладов. Саранск. 1973; А. В. Полонский. К вопросу о некоторых формах классовой борьбы крестьян периода разложения и кризиса крепостничества (по материалам Белоруссии). «Проблемы социально-экономического развития Белоруссии». Минск. 1976. Данный вопрос подробно рассматривается в монографии Б. Г. Литвака «Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.». Автор выделяет 49 форм крестьянских выступлений.

⁶ В. В. Мухин. Бегство как форма социального сопротивления горнозаводского населения Урала в первой половине XIX века. (По материалам вотчины Всеволожских). «На западном Урале». Вып. 5. Пермь. 1969; А. В. Клеянкин. С Волги на — легендарную «реку Дарью» (из истории крестьянских побегов в первой четверти XIX в.). «Вопросы истории», 1971, № 6; Т. С. Мансик. О борьбе с побегами мастеровых и приписных крестьян на Кольвано-Воскресенских горных заводах во второй половине XVIII — начале XIX в. «Бахрушинские чтения, 1973 г.». Вып. 2, Новосибирск. 1973; Ю. Ю. Кахк. О побегах крестьян во второй четверти XIX столетия по данным протоколов Тартуского Ордунггерихта. «Известия» АН Эстонской ССР, общественные науки, т. 22, № 1, 1973 (на эст. яз.); А. Куренагу. Бегство крестьян в Западной Эстонии в конце XVIII — начале XIX в. «Труды по истории». Тарту. 1974 (на эст. яз.).

⁷ М. А. Рахматуллин. К вопросу о влиянии разночинных элементов на крестьянское движение в 20-е годы XIX в. «Города феодальной России». М. 1966; его же. Солдаты в крестьянском движении 20-х годов XIX в. «Вопросы военной истории России. XVIII — первая половина XIX в.». М. 1969; его же. Подъем крестьянского движения и реакция самодержавия после восстания декабристов. «Из истории экономической и общественной жизни России». М. 1976; А. Г. Коломойцев, Э. А. Шульман. Некоторые вопросы классовой борьбы на Дону в первой половине XIX века. «Вопросы экономики, истории и советского права». Вып. 2. Ростов-на-Дону. 1970; С. Я. Боровой. Правовое положение крестьянства Южной Украины и антикрепостническое движение в первой половине XIX века. «Проблемы правоведения», вып. 19. Киев. 1971 (на укр. яз.); С. В. Дичковский. К вопросу об участии разночинных элементов города в крестьянском движении во второй четверти XIX века. «Из истории Тульского края». Тула. 1972; В. А. Федоров. Некоторые проблемы крестьянского движения в России периода разложения крепостничества. «Проблемы истории общественной мысли и историографии». М. 1976. Вопрос о воздействии массового антикрепостнического движения на внутреннюю политику самодержавия рассматривается академиком Н. М. Дружининым в главе «Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826—1852 гг.». «История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. IV. М. 1967.

⁸ М. А. Рахматуллин. К вопросу о влиянии расслоения крестьянства на характер его борьбы. «История СССР», 1970, № 4; В. И. Крутиков. Некоторые вопросы крестьянского движения в России в период разложения и кризиса крепостничества. «Из истории Тульского края»; С. А. Чекомнев. Социальные отношения и классовая борьба казачества и крестьянства в Предкавказье в конце XVIII — первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971». Вильнюс. 1974.

стоятельностью, внести раскол в крестьянскую среду не привели к успеху. Социальное расслоение крестьян только осложняло характер борьбы, но не меняло ее направления, и противоречия нового типа сказывались лишь на методах антифеодального протеста, степени решимости и последовательности участвовавших в нем различных социальных групп крестьянства.

В последнее время заметно возрос интерес к вопросам общественного сознания крестьянства, которые до этого изучались слабо. Появилось уже немало статей и монографий, написанных не только историками, но и философами, филологами, этнографами, исследующими антикрепостнические идеи и социальную психологию крестьян, взгляды крестьянских вольнодумцев, крестьянские требования и отражение их в идеологии революционной демократии. Разрабатываются темы о религиозных формах антикрепостнического протеста угнетенных масс, о сущности наивного монархизма крестьян⁹. Много сделано по выявлению новых источников для изучения крестьянского самосознания. Начато систематическое исследование такого массового материала, как жалобы и прошения крестьян¹⁰. Все более привлекается фольклор, в котором находили свое отражение идеи борьбы за волю, представления о свободной жизни без эксплуататоров, прославлялись народные герои — борцы за свободу, проповедавались традиции крестьянских войн под предводительством Разина и Пугаче-

⁹ Л. А. Коган. Крепостные вольнодумцы. М. 1966; А. И. Клибанов. Социальные утопии в русских крестьянских движениях. М. 1966; его же. Народная социальная утопия в России в XIX веке. «Вопросы философии», 1972, № 11; его же. К характеристике идейных движений в среде государственных и удельных крестьян в первой трети XIX в. «Из истории экономической и общественной жизни России». В. И. Крутиков. О характере крестьянских требований в период разложения феодально-крепостнической системы и первой революционной ситуации в России, «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964»; В. Н. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. XVII—XIX вв. М. 1967; Г. А. Кавтарадзе. К истории крестьянского самосознания периода реформы 1861 г. «Вестник» ЛГУ, № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, 1969; М. А. Рахматуллин. Проблема общественного сознания крестьянства в трудах В. И. Ленина. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М. 1970; его же. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России. «Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР». Смоленск, 1972; Д. И. Раскин, А. Л. Шапиро, И. Я. Фроянов. Наивный монархизм крестьян в истории феодальной России. «Тезисы докладов и сообщений XII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М. 1970; П. В. Иванов. В. И. Ленин о классовой борьбе крепостных крестьян и осознании трудовыми слоями населения своего исторического значения в жизни общества, «Ученые записки» Курского пединститута, вып. 76, 1971; Б. Г. Литвак. О некоторых чертах психологии русских крепостных людей первой половины XIX в. «История и психология». М. 1971; В. А. Федоров. К вопросу об идеологии крепостного крестьянства. «Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР»; его же. О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 г. «Освободительное движение в России». Вып. 5. Саратов. 1975; Н. А. Миненко. К характеристике общественного сознания русского населения Северо-Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.), «Бахрушинские чтения 1971 г.». Вып. 2. Новосибирск. 1972; Н. С. Савкин. В. И. Ленин и ценностные ориентации крестьянства. «Труды» Научно-исследовательского института языка, литературы и этнографии Мордовской АССР, вып. 43, 1972; Т. Д. Липовская. К вопросу о требованиях помещичьих крестьян в период первой революционной ситуации (на материалах Левобережной Украины). «Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР». Вып. 4; В. Г. Базанов. Русские революционные демократы и народознание. М. 1974 (гл. 4: «Народные толки и крестьянское политическое красноречие»).

¹⁰ Г. А. Кавтарадзе. Жалобы крестьян первой половины XIX века как источник для изучения их социальных требований. «Вестник» ЛГУ № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1968; Т. Д. Липовская. Жалобы как форма классовой борьбы крепостного крестьянства Левобережной Украины в 1841—1860 гг. «Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР». Вып. 3. Днепропетровск. 1972; М. Е. Сорокин. О крестьянских прошениях как историческом источнике. «Из истории Сибири». Вып. 13. Томск. 1974; В. В. Пундани. Жалобы и прошения государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX века. «Из истории Южного Урала и Зауралья». Вып. 9. Челябинск. 1975. Исследователи рассматривают крестьянские прошения и жалобы как проявление социального протеста и как «форму защиты коренных социальных интересов трудящихся» (М. Е. Сорокин), отмечают обличительный характер этих прошений, хотя они и написаны в верноподданническом духе.

ва¹¹. Следует отметить необходимость и иного аспекта исследования фольклора — его действенность. Фольклор оказывал большое влияние на умы народных масс: он не только отражал крестьянские взгляды и настроения, но и являлся формой протеста против несправедливости существующих порядков.

Историки прослеживают эволюцию крестьянского самосознания, влияние на него ведущих социально-экономических процессов в дореформенной России. При этом отмечаются определенные сдвиги в крестьянском мирозерцании, в развитии крестьянских требований в эпоху падения крепостного права. Весьма интенсивно изучается социально-утопическое творчество народа, которое рассматривается как «первая глава в истории русской утопической мысли». Справедливо указывается, что данный аспект исследования народного мировоззрения «выявляет в лице народа субъект социально-утопического творчества, а вместе с тем и раздвигает хронологические рамки развития русской утопической мысли»¹². Раскрытие народных истоков русского утопического социализма опровергает тезис буржуазных историков об «интеллигентской» почве социалистических идей в России и их вывод о том, что идеи социализма — якобы явление всецело русской книжности. Весьма важно и перспективно исследование того, как отражались крестьянские взгляды и требования в теоретических построениях и программе революционных демократов, иначе говоря, раскрытие социальной базы революционно-демократического движения в России.

Конечно, в изучении этой новой и сложной темы остается еще немало спорного и неясного. Имеются различные оценки уровня крестьянского самосознания, характера крестьянских требований. Ряд историков отрицает наличие у крестьянства каких-либо идеологических взглядов и социальных представлений. По мнению Б. Г. Литвака, «собственное его (крестьянства. — В. Ф.) сознание не может подняться выше понимания необходимости борьбы против помещиков»¹³. Еще более категоричен в своих оценках М. А. Рахматуллин. «Крестьянству в целом, — пишет он, — чуждо понимание общности своих интересов, и в их среде не имело место противопоставление себя, как обособленного класса эксплуатируемых, классу феодалов эксплуататоров» и подчеркивает, что крестьянство «не было способно вести подлинно самостоятельную классовую борьбу»¹⁴. По мнению М. А. Рахматуллина, правомерно говорить лишь о социальной психологии крестьян — обыденном сознании, выше которого они не могли подняться. Однако многие историки считают, что у крестьян была своя идеология: система представлений о своем историческом значении в жизни общества, о царской власти, роли сельского «мира», об идеалах лучшей жизни, то есть об определенных, пусть в примитивной форме выраженных, социальных понятиях. «Вряд ли правильно, анализируя программные требования крестьянства, отказываться от понятия «идеология», — указывает акад. Л. В. Черепнин. — Надо только не забывать об исторически ограниченном его характере»¹⁵. Наличие у крестьян определенных, исторически обусловленных, идейных представлений подчеркивает и А. И. Клибанов: «Борьба крестьянства против феодально-крепостнического господства велась не «вслепую», в социально-исторически детерминированных пределах она выступала и в теоретической форме»¹⁶. Мы разделяем точку зрения Л. В. Черепнина и А. И. Клибанова.

¹¹ П. Я. Мирошниченко. Народные истоки утопического социализма в России. «История общественной мысли». М. 1972; его же. Классовая борьба в сознании народных масс периода кризиса крепостничества. Донецк. 1975; А. В. Клеянкин. Идеи свободолюбия в устном народном творчестве крестьян Среднего Поволжья (1-я половина XIX в.). «Труды» кафедры истории СССР Мордовского университета, вып. 52, 1972; его же. Свободолюбивые мотивы в творчестве крестьян Среднего Поволжья (1-я половина XIX в.). «Вопросы истории и археологии Мордовской АССР». Ч. 2. Саранск. 1973.

¹² А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России в XIX веке, стр. 108.

¹³ Б. Г. Литвак. О некоторых чертах психологии русских крепостных людей первой половины XIX в., стр. 200.

¹⁴ М. А. Рахматуллин. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России, стр. 161.

¹⁵ Л. В. Черепнин. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России. «Коммунист», 1975, № 1, стр. 70. Его оценку идеологии и программы крестьянских движений, см. Л. В. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева, «Коммунист», 1973, № 13, стр. 85.

¹⁶ А. И. Клибанов. К характеристике идейных движений, стр. 167.

При оценке характера крестьянских требований в ряде работ нередко можно встретить утверждения, что крестьяне (если не до самой отмены крепостного права, то, во всяком случае, до второй трети XIX в.) выступали лишь за улучшение своего положения в рамках феодальных отношений¹⁷. Тем самым, по существу, отрицается антифеодальный характер крестьянского движения. Многочисленные случаи крестьянских волнений не только во второй трети XIX в., но и в начале него, а также и в XVIII в. показывают, что какими бы мотивами они ни вызывались и какие бы требования крестьяне первоначально ни выдвигали, они в конечном счете выступали за полную ликвидацию крепостной зависимости. Разве крестьянские войны были направлены только на улучшение положения народных масс в рамках феодальных отношений? Почти все историки признают, что аграрные требования крестьян сыграли огромную роль в период подготовки и проведения реформы 1861 года. Однако до сих пор остается спорным вопрос, насколько далеко шли эти требования. Одна группа исследователей (Б. Г. Литвак, В. И. Крутиков, Т. Д. Липовская) считает, что крестьяне боролись только за свои «неурезанные» наделы, другая (Г. А. Кавтарадзе, В. И. Неупокоев, автор данной статьи и др.) доказывает, что крестьяне притязали и на помещичьи (оставшиеся вне их наделов) земли.

В минувшее десятилетие продолжала интенсивно разрабатываться история крестьянского движения в рамках отдельных районов страны. Была опубликована серия работ о выступлениях в центральных губерниях России, Поволжье, Приуралье, Сибири, степном Предкавказье¹⁸. Как правило, все эти работы написаны на основе изу-

¹⁷ См. В. И. Крутиков. О характере крестьянских требований..., стр. 598. Автор указывает, что до середины XIX в. протест крестьян был направлен «против отдельных сторон крепостного права», с преимущественным использованием легальных средств борьбы. «В первой трети XIX в., — пишет В. В. Чепко, — крестьяне не выступали еще против крепостнического порядка в целом — не требовали полного освобождения их от феодальных повинностей, а лишь уменьшения и приведения их в соответствие с «законом» и инвентарем» (В. В. Чепко. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в. Минск. 1972, стр. 86).

¹⁸ Е. И. Терещенко. Волнения государственных крестьян Шадринского уезда Пермской губернии в первой четверти XIX в. «Ученые записки» Свердловского пединститута, сб. 38, 1966; К. А. Булдаков. Классовая борьба крепостного крестьянства в первой четверти XIX века. (По архивным материалам Костромской губернии). «Ученые записки» Ярославского пединститута, вып. 58, история, 1966; Ю. П. Балашова. Крестьянское движение в Московской губернии в конце XVIII — первой четверти XIX в. «Ученые записки» Московского областного пединститута, т. 191, вып. 9, история СССР, 1968; Т. И. Беленкина. Д. И. Балин (очерк жизни и деятельности), «Ученые записки» Коми пединститута, вып. 34, 1968 (о крестьянском вожаке Д. И. Балине); е е же. Новое о борьбе коми крестьян в середине XIX века. Там же; А. В. Эммануэльский. Борьба помещичьих крестьян Вятской губернии за личное освобождение в конце первой половины XIX в. «Вопросы аграрной истории», Волгоград. 1968; Б. С. Давлетбаев. Крестьянское движение в Башкирии накануне отмены крепостного права. «Итоговая научная сессия Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР за 1967 год». Уфа. 1968; Г. В. Яровой. Борьба государственных крестьян Урала за землю в первой половине XIX в. «Ученые записки» Уральского университета, вып. 9, серия история, 1969; Е. Д. Харитонов. Волнения на пермских соляных караванах в 1813 году. «На западном Урале». Вып. 4. Пермь. 1969; В. А. Романовский. Восстание в селе Маслов Кут в 1853 году. «К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа». Ставрополь, 1969; Г. Г. Рабинович. Борьба тверских крестьян против крепостничества накануне реформы 1861 г. «Из прошлого и настоящего Калининской области». Вып. 2. Калинин. 1969; М. М. Степук. Помещик Каннабих и его крестьяне. Там же; Г. М. Дейч. Крепостники и крепостные. «Псковский край в истории СССР. Очерки истории». Псков. 1970; В. С. Годин и Е. Я. Дмитриук. «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева о событиях в Пензенской губернии. «Краеведческие записки». Вып. 2. Пенза. 1970 (о крестьянском движении в Пензенской губернии в 1856 г.); В. Клеянкин. К вопросу о крестьянском движении на Средней Волге в последней четверти XVIII в. «Труды» НИИ ЯЛЭ Мордовской АССР, вып. 43; Н. Ф. Тюгаев. Классовая борьба в крепостной деревне на территории Мордовии в конце XVIII — первой половине XIX в. Там же; М. Е. Сорочкин. Борьба крестьян Приуралья против приписки к заводам в 1798 г. «Краевед Кузбасса». Вып. 5. Новокузнецк. 1972; е го же. Волнения крестьян Бычатской волости в 1816 г. Там же; И. Д. Кузнецов. Акрамовская война 1842 года (восстание чувашских и марийских крестьян). Чебоксары. 1972; В. Н. Алферов и С. А. Чекуменев. Непокоренные. Ставрополь. 1974 (о столетней борьбе крестьян села Маслов Кут); А. Н. Вахрушев. К вопросу о Камите Усманове (1822—1824). «Вопросы истории Удмуртии». Вып. 2. Ижевск. 1974 (о крестьянском вожаке К. Усманове); Н. А. Ми-

чения местных архивов и содержат ценные фактические данные. Среди них следует особо отметить монографию В. И. Крутикова¹⁹, в которой рассматривается история крестьянского движения в Тульской губернии почти за сто лет и имеются важные выводы и наблюдения. Наибольшее количество работ посвящено борьбе помещичьих крестьян. Вместе с тем появилось немало исследований и об антикрепостническом движении других категорий феодально-зависимого крестьянства: удельных, приписных к заводам, государственных (главным образом в связи с проведением реформы 1837—1841 годов).

Интенсивно изучается крестьянское движение на национальных окраинах России. В местных архивах выявлено огромное количество новых документальных данных о различных формах крестьянского протеста. Борьба крестьянства рассматривается на широком социально-экономическом фоне, с учетом национальной специфики исследуемых районов. Историки уже не ограничиваются описанием отдельных восстаний и волнений, а исследуют борьбу крестьянства во всех ее разнообразных формах и проявлениях, анализируют крестьянские требования. Появился ряд содержательных исследований о крестьянском движении в Эстонии, Латвии, Литве и Белоруссии²⁰. В этих работах отмечается связь выступлений в Литве и Белоруссии с национально-освободительной борьбой. Следует выделить наблюдения Т. А. Колюховой и В. В. Чепко о том, что в антикрепостнической борьбе литовского и белорусского крестьянства широкое участие принимали и жители многочисленных местечек, ранее находившихся на положении городов. Если из центральных губерний России беглые крестьяне стремились, как правило, на окраины страны, то в Прибалтике, как указывают Ю. Какх и А. Куренагу, они направлялись преимущественно в города, где пополняли кадры промышленных рабочих. Старинные права и привилегии крупных прибалтийских городов делали их надежным убежищем для беглых крестьян.

Особенно много работ было опубликовано о крестьянском движении на Украине²¹. Исследуется специфика крестьянского движения в различных районах Украи-

ненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск. 1975 (глава V «Освободительное и антифеодальное движение народов Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.»). Классовой борьбе и общественному сознанию сибирского крестьянства посвящен специальный сборник статей «Классовая борьба, общественное сознание и культура крестьянства Сибири XVII — начала XX вв.». Новосибирск. 1975.

¹⁹ В. И. Крутиков. Крестьянское движение в Тульской губернии в конце XVIII и первой половине XIX века. Тула. 1972.

²⁰ См. X. Стродс. Причины волнений крестьян Лудзенского староства (1832—1841 гг.). «Известия» АН Латвийской ССР, 1968, № 4 (на лат. яз.); Т. А. Колюхова. Движение государственных крестьян Виленской и Ковенской губерний в годы люстрации (1840—1857 гг.). «Вестник» МГУ, серия истории, 1970, № 1, ее же. Крестьянское движение в государственной деревне Виленской и Ковенской губерний в период реформы П. Д. Киселева (1840—1847). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966». Таллин. 1971; ее же. Государственная деревня Литвы и реформы П. Д. Киселева. 1840—1857 гг. (Виленская и Ковенская губернии). М. 1975 (о крестьянском движении см. главы 1 и 6); В. В. Чепко. Указ. соч.; Ю. Ю. Какх. О побегах крестьян во второй четверти XIX столетия; А. Куренагу. Указ. соч. Крестьянское движение широко освещается также в общих работах по истории Белоруссии и прибалтийских советских республик.

²¹ Ф. И. Стеблій. Мирон Штолюк — вождь движения опришков. «Архивы Украины». 1966, № 3 (на укр. яз.), его же. О крестьянских волнениях в Галиции в 1805 г. «Вопросы истории народов СССР», Вып. 3. Харьков. 1966; его же. Восточная Галиция и крестьянское восстание 1846 г. «Український історичний журнал», 1971, № 5 (на укр. яз.); его же. Крестьянское движение в Восточной Галиции перед революцией 1848—1849 гг. «Український історичний журнал», 1973, № 6 (на укр. яз.). В. В. Грабовецкий. Антифеодальная борьба карпатского опришковства. XVI—XIX вв. Львов. 1966 (на укр. яз.); В. И. Тищенко. Кармалюк в оценке Й. Ролле. «Материалы 2-й Подольской краеведческой конференции». Львов. 1968 (на укр. яз.); Д. П. Пойда и Р. С. Попова. К истории крестьянского движения на Екатеринославщине накануне падения крепостного права (1841—1860 гг.). «Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР». Днепропетровск. 1970; Р. С. Попова. К вопросу о положении и борьбе помещичьих крестьян Херсонской губернии накануне падения крепостного права (1841—1860 гг.). Там же; А. П. Крыжановский. Крестьянские волнения в Волынской губернии после проведения инвентарной реформы 1847—1848 гг. «Український історичний журнал», 1970, № 3 (на укр. яз.);

ны: на Левобережье и Правобережье, в южных степных губерниях, в Галиции и Закарпатье. Наибольшее внимание уделяется борьбе в последние предреформенные десятилетия — в период углубления кризиса крепостничества, когда крестьянское движение приобрело наибольший размах. Специальные работы посвящены выступлениям крестьян в связи с проведением инвентарной реформы 1847—1848 гг. на Правобережной Украине, обострению классовой борьбы в конце 40-х годов XIX в. в деревне Галиции и Закарпатья (входивших тогда в состав Австрийской империи), протесту крестьян южных степных губерний против закрепощения. В широком хронологическом плане разрабатывается тема движения опришков в Западной Украине; это была старая форма своеобразной партизанской борьбы трудящихся масс против своих угнетателей.

Рассматривается историками и антикрепостническая борьба социальных низов Бессарабии²². Расширение и укрепление дворянского землевладения в крае, захват общинных земель, наступление на права и привилегии государственных крестьян и колонистов поднимали на борьбу и эти относительно свободные, незакрепощенные слои населения. Следует отметить, что данная сторона антикрепостнической борьбы крестьянства исследована меньше всего.

Детально изучаются положение и борьба частновладельческих и государственных крестьян в Грузии, Армении, Азербайджане, Осетии, Адыгее, Кабарде и других районах Кавказа и Закавказья²³. Анализируется антифеодальный и национально-ос-

Т. Д. Липовская. Из истории крестьянского движения на Левобережной Украине накануне падения крепостного права (1841—1860 гг.). «Сборник научных статей» аспирантов кафедр истории СССР и УССР и всеобщей истории Днепропетровского государственного университета, 1971; ее же. Из истории классовой борьбы в крепостном селе Левобережной Украины накануне падения крепостного права (1841—1860 гг.). «Актуальные вопросы современной науки». Ч. 2. Днепропетровск. 1972; И. Г. Шульга. Борьба крестьян Карпатского района против феодально-крепостнического гнета перед буржуазной революцией 1848—1849 гг. «Культура и быт населения Украинской Карпатии». Ужгород. 1973 (на укр. яз.); Н. Н. Лещенко. Усиление классовой борьбы в украинской деревне в 1848 г. «Український історичний журнал», 1973, № 2 (на укр. яз.); Д. П. Пойда. О размахе и характере крестьянского движения на Украине в первой половине XIX века. «Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР». Вып. 6. Днепропетровск. 1975.

²² И. А. Андупов. Борьба государственных крестьян Бессарабии за землю (1812—1870 годы). «Известия» АН Молдавской ССР, серия общественных наук, 1969, № 2; Е. И. Дружинина. Волнения колонистов Новороссии и Южной Бессарабии. «Проблемы истории общественного движения и историографии». М. 1971.

²³ К. Чхатаруишвили. Из истории антифеодальной борьбы крестьян в Грузии. «Вестник» Отделения общественных наук АН Грузинской ССР, 1967, № 6 (на груз. яз.); И. Гасанов. Крестьянские волнения в Казахе и Шамшадиле в 1844—1845 годах. «Доклады» АН Азербайджанской ССР, т. 23, № 4, 1967; И. Н. Цховребов. Крестьянское движение в Нарском участке в сороковых годах XIX века. «Известия» Юго-Осетинского научно-исследовательского института, вып. 15, 1968. И. Г. Антелава. Государственные крестьяне Грузии в XIX веке. Т. 1. До крестьянской реформы 1864 г. Тбилиси. 1969; П. В. Догузов. Краткая характеристика крестьянского движения в Юго-Осетии в первой половине XIX в. и отмена крепостного права. «Ученые записки» Юго-Осетинского пединститута, т. 14, серия гуманитарных наук, 1969; «Очерки истории Юго-Осетии». Т. 1. Цхинвали. 1969, гл. VI; Д. М. Лемонджав. К вопросу обострения классовой борьбы в Имеретии (30—40 гг. XIX в.). «Труды» Сухумского пединститута, т. 2, 1969 (на груз. яз.); его же. Антикрепостническое движение крестьян в дореформенной Грузии (30-е—60-е годы XIX в.). Сухуми. 1970; его же. Эпизод из истории классовой борьбы в Грузии в 40-х годах XIX в. «Известия» АН Грузинской ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, № 4, 1975 (на груз. яз.); его же. Волнение крестьян села Сабуге Кварельского участка в 1843 г. «Сообщения» АН Грузинской ССР, т. 78, № 3, 1975; Б. Джимов. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее (1793—1868 гг.). «Ученые записки» Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, т. XI, 1970; М. Ахобадзе. Антикрепостническое выступление бешуетских крестьян. «Вестник» Отделения общественных наук АН Грузинской ССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, №1, 1972 (на груз. яз.); Г. Бердзенишвили. Социальное движение в мусульманских районах Нижней Картли (первая половина XIX века). «Из истории социально-экономического развития Грузии XIX века». Тбилиси. 1973 (на груз. яз.); А. Кахнаишвили. Выступления крестьян Западной Грузии в 1829 г., связанные с призывом в милицию. Там же; В. П. Мирко. Волнения в Кабарде в 1825 г. «Проблемы отечественной истории». Ч. I. М. 1973.

вободительный характер движения различных угнетенных слоев населения Кавказа: борьба против местных феодалов (князей, беков, шамхалов), податного гнета и притеснений местных властей. Приводятся новые данные о крестьянских волнениях в Кабарде в 1825 г., антимиристском движении в 40—50-х годах XIX в. в Адыгее, восстании бжедужских крестьян (Адыгея) в 1856 г. против дворян и князей, волнениях в Грузии в 1843—1845 гг. против податной реформы 1843 г., волнениях крестьян в Осетии против закрепощения и усиления гнета царизма. При этом отмечается, что борьба крестьянства различных национальных районов Кавказа не принимала широкой антирусской националистической окраски²⁴.

В течение рассматриваемого десятилетия появился ряд публикаций документов и материалов о крестьянском движении²⁵. Среди них сборник о классовой борьбе в Восточной Галиции²⁶. В него включено свыше 300 документов о крестьянском движении, извлеченных из ЦГИА УССР во Львове, а также из некоторых польских изданий. Документы даны в переводе с немецкого и польского языков на украинский. Сборник снабжен большой вводной статьей, обширным научным комментарием и библиографией.

Итак, за минувшее десятилетие историография крестьянского движения в России периода разложения и кризиса крепостничества значительно обогатилась. Однако, к сожалению, наряду с исследованиями, содержащими ценные выводы и наблюдения, появляется немало описательных работ. Не изжит еще иллюстративный метод изложения материала. Во многих работах (особенно локального характера) авторы стремятся всячески подчеркнуть «размах», «упорство» крестьянских выступлений, преувеличить степень «организованности» и «сознательности» крестьян. Вместе с тем в ряде работ доказывается, что крестьяне боролись не против феодальной системы в целом, а за лучшую долю в рамках этой системы. Поэтому вполне обоснованно высказанное в научной печати предостережение как против недооценки исторической роли крестьянского движения, так и против его идеализации²⁷.

В изучении крестьянского движения в России первой половины XIX в. остается еще немало спорных и нерешенных проблем. Некоторые из них были отмечены выше. К числу важных и малоисследованных проблем крестьянского движения следует отнести: отражение в крестьянском движении изменений правового положения крестьянства; значение сельского «мира» в сознании крестьян; роль общины и ее выборных органов, общинных традиций и институтов в крестьянском движении; методы борьбы самодержавия с крестьянским движением; влияние на него промыслового отхода и города. Требуется теоретическая разработка таких понятий, как «наивный монархизм крестьян», «стихийность крестьянского движения», которые являлись историческими категориями и не оставались неизменными. Очень важен сравнительно-исторический анализ крестьянского движения в России эпохи позднего феодализма и других эпох, а также и других стран; исследовательская литература, необходимая для такого анализа, весьма обширна. Наконец, следует вплотную заняться историографическим обобщением накопившейся литературы о крестьянском движении.

В. А. Федоров

²⁴ См. В. М. Мирко. Указ. соч., стр. 108.

²⁵ Б. А б а л и х и н. Из истории антифеодального восстания ратников киевской милиции в декабре 1807 г. «Архивы Украины», 1965, № 5 (на укр. яз.); В. А. Борис. Антифеодальная агитация в Восточной Галиции во второй половине 30-х — начале 40-х годов XIX в. «Архивы Украины», 1968, № 3 (публикация трех прокламаций к крестьянству); В. И. Б а б к и н. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. «Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в.». М. 1969; И. Ф. Грек, И. Д. З б у н е в. Новые документы о движении бессарабских болгар в поддержку второго Бромльского бунта 1842 г. «Известия» АН Молдавской ССР, серия общественных наук, № 1, 1974; В. Д. Чернышев. Документы о крестьянском движении в 1826 году. «Вопросы истории», 1975, № 8. (Новые документы о крестьянском движении в Псковской и Петербургской губерниях, вызванном распространением слухов о воле в связи со сменой на престоле и восстанием декабристов в 1825 г.).

²⁶ «Классовая борьба крестьянства Восточной Галиции (1772—1849 гг.)». Документы и материалы. Киев. 1974 (на укр. яз.).

²⁷ А. Л. Н а р о ч н и ц к и й, В. И. Б у г а н о в, В. П. Ш е р с т о б и т о в. XXV съезд КПСС и задачи изучения отечественной истории. «История СССР», 1976, № 2, стр. 23.

Рецензии

Р. Х. АМИНОВА. *Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане*. Ташкент. Изд-во «ФАН». 1975. 355 стр. Тираж 1000. Цена 2 руб. 66 коп.

В 1975 г. по решению XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН народы всех стран впервые в истории отметили Международный год женщины, девизом которого явилось обеспечение равноправия и широкого участия женщин в экономическом, социальном и культурном развитии всех стран, всемерное повышение их роли в укреплении мира, в утверждении дружбы и сотрудничества между народами. Борясь за свои права, счастье детей, социальный прогресс, женщины всего мира обращают взоры к Советской стране, где впервые в истории достигнуто социальное равенство всех членов общества, претворено в жизнь ленинское учение о социальном освобождении женщины. Коммунистическая партия и Советское государство, руководствуясь этим учением, осуществили важные социально-экономические, идеологические, организационные меры по вовлечению женщин во все сферы общественного производства, обеспечению их участия в государственной и общественной жизни, созданию условий для расцвета их способностей и талантов. Успехи советских женщин, их равноправное положение в обществе, их большая роль в коммунистическом строительстве, управлении государством — великий пример для трудящихся женщин всего мира. Особое внимание привлекает в решении женского вопроса опыт Советского Востока, ибо в этом опыте отражены изменения в положении женщин, которые в недавнем прошлом были самыми угнетенными и бесправными среди трудящихся царской России. Советскими исследователями, прежде всего учеными-женщинами, создана уже значительная литература по этой проблеме¹. Даль-

нейший шаг в ее разработке делает член-корреспондент АН УзССР Р. Х. Аминова. Она идет по пути более углубленного изучения проблемы раскрепощения женщин Востока, в частности Узбекистана. Монография построена на широкой источниковой базе. Автор привлекает новые архивные материалы, особенно по начальному периоду раскрепощения женщин Узбекистана.

Книга Р. Х. Аминовой охватывает широкий круг вопросов, связанных с историей раскрепощения женщины в Узбекистане с момента установления Советской власти и до победы социализма. Автор излагает марксистско-ленинскую трактовку женского вопроса, анализирует советскую и буржуазную историографию. Этапы разработки проблемы в советской литературе, приводимые Р. Х. Аминовой, в основном соответствуют общепринятой периодизации истории СССР. Рассматривая буржуазную историографию 60—70-х годов о Советской Средней Азии вообще и Узбекистане в частности, искажающую действительность, в том числе положение женщины в этих республиках, Р. Х. Аминова разоблачает их клеветнические измышления (стр. 33—44).

Автор подробно характеризует различные аспекты деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по преодолению вековых предрассудков, принижавших женщину-узбечку; показывает становление советского законодательства, закрепившего равноправие женщины; деятельность судов республики, направленную против носителей феодально-байских пережитков; раскрывает разнообразие форм и методов вовлечения узбечек в экономическую, культурную и общественную жизнь. Особое внимание при этом уделяется «Худжуму» как переломному этапу в борьбе за решение женского вопроса в Узбекской ССР. Р. Х. Аминова привлекла обширный фактический материал, характеризующий рост политической активности женщин Уз-

¹ Х. С. Сулайманова. *Женщина Узбекистана — активный участник коммунистического строительства*. Ташкент. 1955; В. Л. Бильшай. *Решение женского вопроса в СССР*. М. 1959; е е же. *Раскрепощение женщины Советского Востока и переход ранее отсталых народов СССР к социализму*. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 10; Б. Палъванова. *Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин-туркменок*. Ашхабад. 1957; е е же. *Дочери Советского Востока*. М. 1961; е е же. *Октябрь и женщины Туркменистана*. Ашхабад. 1967;

Х. Шукурова. *Социализм и женщины Узбекистана*. Ташкент. 1970; «Освобожденная женщина Советского Востока». Ашхабад. 1972; «Раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана». Ашхабад. 1972, и др.

бекистана, вовлечение их в ряды Коммунистической партии, комсомола, в работу Советов, профсоюзов, женотделов и делегатских собраний, союза «Кошчи», народных судов и т. д. В монографии отражена неустанная забота Советской власти об охране труда женщин-производительниц, о расширении сети и улучшении деятельности женских и детских учреждений.

Анализируя роль женщин Советского Узбекистана в борьбе за подъем социалистической экономики и культуры, автор показывает, что широкое вовлечение женщин в народное хозяйство стало частью намеченной Коммунистической партией задачи построения социализма в СССР. В 1940 г. общий удельный вес женщин в составе рабочего класса республики достиг 40,7% (стр. 229) (до Октябрьской революции женщины-узбечки не участвовали в общественном производстве). Автор отмечает, что наиболее высоким удельный вес женщин был в шелководной и пищевой отраслях промышленности, но рост техники, механизация тяжелых и трудоемких работ позволили женщинам накануне Великой Отечественной войны освоить сложные профессии в каменноугольной, полиграфической, хлопкоочистительной и других отраслях. В книге говорится о системе производственного обучения женщин, о роли работниц в движении многостаночников, в борьбе за совмещение профессий и других новаторских начинаниях.

Коренные перемены в положении дехканки вызвала коллективизация сельского хозяйства. Автор подчеркивает, что земельно-водная реформа обеспечила экономическое равноправие дехканок, пишет о значении кооперации в деле вовлечения женщин в сельскохозяйственное производство, потребкооперации как формы участия женщин в хозяйственном строительстве; о вкладе женщин в становление и развитие колхозного производства. Высокая трудовая активность дехканок в выращивании богатых урожаев хлопка и других сельскохозяйственных культур подтверждается обобщенными цифровыми данными (стр. 254). Общественные организации республики уже в предвоенные годы серьезно занимались подготовкой женских механизаторских кадров. В книге показано, как по призыву знатных женщин страны П. Ангиной, П. Қовардак и М. Мухтаровой в Узбекистане развернулось движение за подготовку женщин—трактористок и комбайнеров.

Не ограничиваясь хронологическими рамками исследования, автор в общих чертах прослеживает участие женщин в экономической жизни республики вплоть до сегодняшнего дня.

Большое внимание уделяет Р. Х. Аминова неуклонному повышению культурного уровня узбечек. В монографии на обширном фактическом материале рассматриваются такие вопросы, как ликвидация неграмотности среди женщин и развитие женского образования в республике в годы первых пятилеток, культурно-воспитательная работа среди узбечек, деятельность специальных женских клубов, подготовка женских кадров для народного хозяйства и культуры, мероприятия по охране материнства и младенчества. Обобщая изложенный материал, Р. Х. Аминова подчеркивает историческое значение победы Великого Октября в деле раскрепощения женщин Востока, в решении женского вопроса в Узбекистане и других республиках Средней Азии, отмечает трудности пройденного пути, огромное, непреходящее значение опыта КПСС, разносторонней политической, организаторской и идеологической работы партии для решения женского вопроса в стране; анализирует закономерности борьбы за раскрепощение женщин в условиях Узбекистана, пришедшего к социализму, минуя капитализм; показывает международное значение этой борьбы.

Вызывает сожаление, что Р. Х. Аминова ограничила исследование 1917—1941 гг., не раскрыв обстоятельно участие женщин Узбекистана в борьбе за завершение строительства социализма и построение коммунизма в нашей стране. В историографической части монографии, которая, к сожалению, не отличается полнотой, автор, характеризуя основные издания по рассматриваемой проблеме, отмечает, что они охватывают в основном 20—30-е годы. Хотелось бы, чтобы было уделено больше внимания освещению неизученных периодов и аспектов темы, рассмотрению их на уровне современных задач.

В отличие от авторов других работ по этой проблеме Р. Х. Аминова всесторонне раскрывает особенности решения женского вопроса в республиках Средней Азии в процессе построения социализма, минуя капитализм, более подробно останавливается на начальном этапе борьбы за раскрепощение узбечек. Однако в книге отсутствуют обобщенные данные (к началу и концу па-

тилеток) о численности женщин—работниц, колхозниц, об уровне их образования. Не освещены, к сожалению, и вопросы участия женщин в становлении и развитии национального искусства, литературы, а ведь такие узбекские артистки, как Х. Насырова, Т. Ханум, С. Ишантураева, стяжали славу и в нашей многонациональной стра-

не и за ее пределами именно в рассматриваемый автором период.

Указанные недочеты не умаляют ценности работы. Это — серьезное исследование одной из важных проблем истории социалистического строительства в республиках Советского Востока.

Ж. С. Татыбекова

И. Я. ТРИФОНОВ. *Ликвидация эксплуататорских классов в СССР*. М. Политиздат. 1975. 406 стр. Тираж 16 000. Цена 1 руб. 55 коп.

Советская историография располагает значительным количеством работ, посвященных исследованию различных аспектов классовой борьбы в нашей стране от победы Великого Октября до построения фундамента социализма. Наиболее (хотя, конечно, не исчерпывающе) изученным является вопрос о борьбе с кулачеством в годы нэпа¹. В ряде работ освещены весьма сложные вопросы борьбы с нэпманской буржуазией². Однако процесс ликвидации различных эксплуататорских классов в СССР — капиталистов, помещиков, новой буржуазии и кулачества — изучен еще не полно. Пробел этот в значительной степени устраняется новой монографией профессора Ленинградского университета, доктора исторических наук И. Я. Трифонова, на протяжении многих лет плодотворно работающего в данной области³. Для ее написания автор

использовал многочисленные документы КПСС, решения Советского правительства, новые материалы из фондов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГАСА, партийных и государственных архивов Ленинградской и Мурманской областей.

И. Я. Трифонов последовательно и весьма обстоятельно показывает общие закономерности процесса экспроприации и ликвидации эксплуататорских классов в СССР, а также специфические его особенности. В частности, в книге прослежены связь и взаимозависимость уничтожения условий, поддерживавших существование эксплуатации и эксплуататорских классов, с коренными социально-экономическими преобразованиями в переходный период. При этом обращено внимание не только на ликвидацию экономической основы существования эксплуататорских классов, но и на то, как по мере развития социалистического сектора эти классы утрачивали свое политическое и духовное влияние. В монографии дана характеристика движущих сил этого процесса — рабочего класса, трудящегося крестьянства, государства диктатуры пролетариата, Коммунистической партии.

Автор впервые сделал обстоятельный обзор литературы по теме, предложил свою периодизацию истории классовой борьбы в СССР в переходную эпоху от капитализма к социализму (стр. 395—396), показал всемирно-историческое значение ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране. Можно лишь пожалеть, что довольно скупо автор говорит здесь о мало или вовсе не исследованных аспектах проблемы. То обстоятельство, что И. Я. Трифонов использовал не только результаты своих исследований, но и некоторые данные и выводы, содержащиеся в работах других советских

¹ С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. II. М. 1967; М. Н. Шумилов. Октябрьская социалистическая революция и исторические судьбы батрачества. М. 1967; Ю. С. Кукушкин. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М. 1968; Н. А. Ивницкий. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М. 1972, и др.

² Л. Ф. Морозов. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (Из истории ликвидации капиталистических элементов города. 1926—1929 гг.). М. 1960; его же. К вопросу о периодизации истории борьбы с нэпманской буржуазией. «Вопросы истории», 1964, № 12; А. И. Бузлаева. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М. 1969; Э. Р. Лебакова. Опыт КПСС по приобщению мелкой буржуазии города к строительству социализма. М. 1970, и др.

³ И. Я. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М. 1960; его же. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Чч. I—II. Л. 1964, 1969, и др.

ученых по истории классово́й борьбы в СССР, придает его труду обобщающий характер. Это, по существу, первая попытка комплексного рассмотрения проблемы ликвидации эксплуататорских классов в СССР.

Книга открывается характеристикой места и роли в российском обществе эксплуататорских классов — помещиков, буржуазии, кулачества до Великой Октябрьской социалистической революции. Приведенный автором фактический материал убедительно свидетельствует о тех исключительно благоприятных условиях, которые царизм создавал для помещиков с целью сохранения их политического господства и огромного удельного веса в социально-экономической жизни страны. Столь же выразительно представлена в книге русская буржуазия, особенно империалистическая, которая, как отмечал В. И. Ленин, давно правила Россией экономически⁴. Наряду с этим И. Я. Трифоновым рассмотрен генезис самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества, бывшего массовой опорой империалистической буржуазии. В книге освещено своеобразие соотношения классовых сил на окраинах России, обусловленное различием социально-политического, экономического и культурного развития большинства нерусских народов.

В результате Октябрьской революции классы помещиков и капиталистов, в руках которых была сосредоточена основная масса национальных богатств страны, были ликвидированы. Их экспроприация, как отмечается в монографии, протекала планомерно и в целом организованно. Органы Советской власти при поддержке и помощи широких слоев трудового крестьянства сделали максимум возможного для обеспечения строгого учета и надежной охраны конфискованного помещичьего имущества. Местным партийным органам и Советам пришлось выдерживать упорное сопротивление кулацко-эсеровских элементов, подстрекавших крестьян к стихийным погромам помещичьих имений.

На конкретных примерах в книге обстоятельно раскрыто, как возглавляемое В. И. Лениным Советское правительство последовательно проводило в жизнь декреты о национализации банков, крупных фабрик и заводов, синдикатов, горных округов, целых отраслей промышленности и транспорта. Саботаж, локауты, спекуляция, дезорганизация производства и другие формы

отчаянного сопротивления буржуазии не могли приостановить ее экспроприации и обобществления принадлежавших ей средств производства. Важную роль в создании условий для ликвидации класса капиталистов сыграло введение рабочего контроля. Автор правильно отмечает, что гражданская война, которую русские капиталисты совместили с международным империализмом навязали советскому народу, привела к тому, что пришлось всемерно ускорить ломку старых экономических отношений. Потерпев в ходе гражданской войны полное военно-политическое поражение, значительная часть помещиков и капиталистов бежала за границу. Созданная ими в эмиграции классовая организация при прямой поддержке правящих кругов ряда капиталистических держав на протяжении многих лет вынашивала планы новой вооруженной интервенции в нашу страну. И. Я. Трифонов знакомит читателя с тем, как и почему эти планы потерпели провал, называет причины, приведшие к распаду белой эмиграции.

Специальному рассмотрению подверглась в книге борьба с кулачеством в годы гражданской войны. В отличие от помещиков и капиталистов кулачество, хотя оно потерпело идейно-политическое поражение и понесло огромный экономический ущерб, после победы социалистической революции сохранилось как класс.

Много нового материала привлечено И. Я. Трифоновым для освещения экономической борьбы против нэпманской буржуазии, формировавшейся главным образом из мелкобуржуазных слоев города и деревни, а также для характеристики тех условий, на которых она временно допускалась Советским государством к хозяйственной деятельности. Автор характеризует гибкую и эффективную тактику Коммунистической партии и Советского государства, благодаря которой было обеспечено сначала ограничение эксплуататорских тенденций новой буржуазии, а затем ее полное вытеснение из промышленности и торговли; прослеживает, как Советская власть твердо и последовательно ограничивала эксплуататорские тенденции кулаков (выступавших в условиях известной свободы товарооборота в качестве арендаторов, скупщиков, торговцев-ростовщиков, владельцев подсобных предприятий), а затем ликвидировала кулачество как класс. В результате систематического ограничения и вытеснения кулацких элементов дифференциация крестьянства в

⁴ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 18.

доколхозной деревне протекала замедленными темпами и в ограниченных размерах. Этот вывод автор подкрепляет данными об увеличении удельного веса середняков (стр. 253).

Решительное наступление на кулачество в 1928—1929 гг. и последующая его ликвидация как класса не сводились только к экспроприации. И. Я. Трифонов отмечает, что уничтожение капитализма в сельском хозяйстве прежде всего зависело от успехов развития социалистических форм ведения сельского хозяйства. Выделяя главные методы в осуществлении политики ликвидации кулачества как класса, И. Я. Трифонов возражает тем исследователям, которые пытаются сузить эту сложную проблему, свести ее в основном к раскулачиванию, показать в отрыве от завершения процесса коллективизации (стр. 249). Ему удалось довольно подробно осветить такие малоизученные вопросы, как передача колхозам конфискованных у кулаков средств производства, выселение кулацких семей из районов сплошной коллективизации и их трудовое и социально-политическое перевоспитание. В монографии не замалчиваются те трудности, которые пришлось преодолеть нашей партии и Советскому государству на пути к полной ликвидации всех эксплуататорских классов с целью устранения опасности реставрации капиталистического строя изнутри.

Автор приводит неопровержимые данные о том, что Советское государство всегда проявляло гуманное отношение к тем представителям свергнутых классов, которые подчинялись его требованиям, отказывались от враждебной деятельности, вливались в ряды тружеников социалистического общества. Репрессивные меры, применявшиеся к эксплуататорским классам, были вызваны их борьбой против революционных завоеваний трудящихся и носили временный характер.

Имеющиеся в книге отдельные недостатки и погрешности связаны в ряде случаев с неудачным использованием цифровых данных. И. Я. Трифонов оперирует огромным статистическим материалом, который в целом правильно передает тенденцию исследуемых процессов и явлений, однако приведенные в ряде мест (стр. 215, 217, 229, 230 и др.) фрагментарные сведения об удельном весе продукции частных и арендованных предприятий в валовой промышленной продукции СССР, а также о соотношении частной и государственной торговли не дают, к сожалению, четкого представления о динамике вытеснения нэпманской буржуазии из различных отраслей народного хозяйства страны. Этого недостатка можно было избежать, если бы в книге были представлены таблицы, содержащие такие унифицированные данные за все годы нэпа. Явно не согласуются между собой данные об удельном весе товарной продукции кулацких хозяйств в 1927—1929 гг. на стр. 265 и 266, о количестве взятых на учет помещиков на стр. 269 и 270.

Полемизируя с рядом исследователей по вопросу о темпах и сроках ликвидации кулачества как класса, И. Я. Трифонов на стр. 295—296 намечает три основных этапа этого процесса: первый — с конца 1929 г. до лета 1932 г.; второй — с осени 1932 г. до конца 1934 г.; третий — 1935—1937 годы. Если с обоснованием первых двух этапов можно согласиться, то аргументация выделения третьего этапа неубедительна — возможность возрождения кулачества была ликвидирована не в 1937 г., как утверждает автор, а раньше, о чем он и пишет на стр. 361 и 369. Что же касается преодоления частнособственнической психологии определенной части колхозников, то эти сложные процессы никак нельзя ограничить двумя годами.

А. Е. Кучер

Р. Г. КУЗЕЕВ. *Происхождение башкирского народа. Этнический состав, истории расселения*. М. Изд-во «Наука». 1974. 572 стр. Тираж 2400 экз. Цена 2 руб. 49 коп.

Работа заместителя председателя Башкирского филиала АН СССР доктора исторических наук Р. Г. Кузеева выполнена в историко-этнографическом плане, в широком

историческом диапазоне, на базе комплексного использования различных видов источников. Среди них большая роль принадлежит как полевым материалам и исследова-

ниям автора, так и материалам Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, накопленным и осуществленным при участии Р. Г. Кузеева. Особого внимания заслуживают привлечение им данных шежере и родо-племенной этнонимии, которые, к сожалению, иногда не только недооцениваются, но и незаслуженно игнорируются. Шежере (родословные) башкир, по определению Р. Г. Кузеева, — своеобразные письменные памятники XVI—XIX вв., а иногда и более ранние. Но имеются и устные шежере как у башкир, так и у казахов, туркмен, киргизов и других народов¹. Родо-племенная этнонимия башкир широко используется в книге для выяснения этнического состава башкир в различные периоды их этнической истории, их этногенетических связей.

Устойчивость родо-племенных этнонимов, сохранение их в памяти старшего поколения многих современных народов, ведущих в недалеком прошлом кочевое или полукочевое хозяйство, ставят их в ряд выдающихся по значению историко-этнографических источников, достоверность которых обычно подтверждается соответствующим сравнительным материалом и данными разноязычных письменных источников различной древности. Этот вид источников плодотворно используется многими советскими исследователями². Автор высказывает новые соображения о башкирской этнонимии, отражающей народные представления о своей этнической и социальной истории. Он полагает, что этническую историю башкир, уходящую в далекое прошлое, отражают племенные этнонимы, а родовая этнонимия — преимущественно этнические процессы различных исторических эпох, вплоть до самых поздних. Однако это интересное наблюдение требует проверки на материале других народов. На материале саяно-алтайских тюркоязычных народов, например, оно не подтверждается. В тесной связи с родо-племенной этнонимией Р. Г. Кузеев широко использует в качестве источника и тамги. Кстати, было бы крайне желательно опубликовать свод башкирских этнонимов и тамг как ценный историко-этнографический источник, которым будут пользоваться исследователи разных профилей.

Книга затрагивает ряд важных и слож-

ных проблем, связанных не только с этногенезом, этнической и социальной историей башкир, но и с интенсивными этническими процессами, протекавшими на территории Башкирии, сопредельных с нею и более отдаленных районов. Такова, например, проблема датировки и путей проникновения тюркоязычных этнических элементов в Восточную Европу вообще и в Волжско-Камский район в частности. Значительный интерес вызывает вопрос о роли и значении кыпчакского этнического комплекса, влияние которого на этнические процессы, протекавшие в средневековье на территории пояса степей, тянувшихся от Центральной Азии до Причерноморья, было весьма велико. Не обошел автор и такие проблемы, как прародина древних венгров, булгаро-угорские и булгаро-мадьярские этнические компоненты в древнебашкирском этносе. Затронул он и теорию башкирско-мадьярского родства и многие другие вопросы, связанные с характеристикой этнических предшественников тех или иных современных народов Волжско-Камского бассейна. В книге имеется 18 карт, в которых Р. Г. Кузеев синтезировал обширный этногенетический материал и выводы.

Следует поддержать позицию, занятую автором в вопросе о времени появления тюркских этнических элементов в упомянутом выше районе (середина I тыс. до н. э.). Р. Г. Кузеев убедительно опровергает утверждения об автохтонности либо весьма раннем их присутствии здесь. Наиболее раннее проникновение тюркоязычных элементов в Восточную Европу он считает поэтапным и шедшим по двум направлениям. Для VI—VIII вв. это было проникновение из Зауралья и расселение здесь в составе общей угорской или угорско-самодийской массы некоторых тюркоязычных групп, а вслед за ними булгар, испытывших до прихода на Волгу гуннское влияние и сыгравших затем крупную роль в этнической истории башкир. Другим направлением проникновения древних тюрков, оказавшим еще большее влияние на этногенез башкир, была интенсивная миграция тюркских кочевников (консолидовавшихся в Средней Азии в ряд родоплеменных объединений) в Приаралье, прикаспийские степи и на Северный Кавказ. Перемещаясь, они внедряли свою культуру среди обитавших на их пути местных племен. Время их продвижения датируется автором VIII—IX веками. Изложенная гипотеза подтверждается в известной мере археологическим материалом.

¹ Подробнее о шежере см. Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа. 1960.

² См., например, С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. 1971.

Но она почти не учитывает участия в этом процессе мелких, но многочисленных групп кочевников, которые в эпоху тюркских каганатов именуется в источниках обобщенно «теле», хотя среди них были «разные названия родов». На западе группы «теле» достигали Каспийского моря. Одна из них названа *rei-ju-ku-li* и идентифицируется некоторыми учеными с этнонимом башкир³. Среди археологов все более укрепляется мнение о том, что широкое распространение обряда погребения умершего с коном способом трупоположения в пределах границ политического влияния каганатов связано именно с «теле».

Много внимания в книге уделяется этнической истории башкирских племен и сложению древнебашкирского этноса. При изучении данной сложной и трудоемкой проблемы Р. Г. Кузеев наметил и обосновал четыре географические группы башкир: юго-восточную, северо-восточную, юго-западную и северо-западную. Для каждой из них он рассмотрел этнический состав, этническую историю и расселение в ретроспективном плане. Опираясь на ареальное изучение и картографирование некоторых элементов традиционной культуры башкир, автор выделил четыре историко-этнографических области, представление о которых разработано советскими этнографами. Границы их совпали с географическими группами. Основные результаты изучения каждой группы башкир обобщены и сформулированы в кратких заключениях. Главный результат исследования сводится к тому, что Р. Г. Кузеев доказал весьма смешанный этнический состав всех башкирских групп и даже их отдельных племен. Так, например, в северо-восточной группе выявлены тюркские, монгольские, финно-угорские компоненты, отражающие различные этапы этнической истории башкир. В северо-западной группе автор устанавливает как ранние племенные компоненты башкирского этноса, происхождение которых связано с волжско-булгарской и угорской (мадьярской) этнической средой VII—IX вв., так и поздние кыпчакские элементы, ассимилировавшие булгаро-угорское и древнебашкирское местное население.

Научное значение упомянутого результата шире пределов истории башкир. Концепция этнического смешения и возникновения

на смешанной основе новых форм и видов этнической общности отражает историческую действительность жизни кочевников с неустойчивым этническим составом племен и народов, военно-политических и государственных образований. Причины этого кроются в специфике способа производства материальных благ и социально-экономических отношений у кочевников. Эта концепция ставит на надлежащее место значение миграций у кочевников, которые не являлись решающей причиной, объясняющей характер этнического состава, но могли быть иногда одним из факторов, влиявших на него. Воздействие миграций на этнические процессы зависело от социально-экономических условий, в которых оказывались группы мигрантов. В книге охарактеризованная концепция вытекает также из конкретных исследований этногенеза и этнической истории алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов, киргизов, казахов, каракалпаков и др. Очевидно, настало время сформулировать ее как закономерность этнической истории кочевников.

В смешанном этническом составе башкир автору удалось выявить большое количество тюрко-монгольских этнических элементов центральноазиатского, в том числе южносибирского или саяно-алтайского, происхождения и в первую очередь кыпчакские. Об участии кыпчаков в формировании различных тюркоязычных современных народов написано много. Но никто до Р. Г. Кузеева еще так обоснованно не показал их роль и значение в формировании конкретной народности. Теперь это не гипотеза, а доказанный факт. Автор оказался прав и в предположении подобной роли кыпчаков в этнической истории ряда среднеазиатских народов.

Распространенным почти во всех группах является компонент под названием «табын», составляющий у северо-восточных башкир целую группу. Автор приводит предания табынцев об Алтае как их древней родине, где они жили вместе с уйгурами. Добавим, что еще в начале XVII в. часть табынцев обитала в районе левобережья Енисея от р. Абакан вниз по течению. Об этом сообщают русские послы к Алтын-хану, проходившие через «Табынскую землицу» в 1616 г., а также записи ясачных книг XVII в. Кузнецкого уезда⁴. Табынцы ассимилировались позднее среди бельгиров левобе-

³ Li u Ma u T s a i. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Türkü). Wiesbaden. 1958. Bd. I, S. 127—128; Bd. II, S. 567—570.

⁴ Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан. 1957.

режья Абакана, у которых род Табан-бельтир считался коренным. В то же время невозможно согласиться с Р. Г. Кузеевым о правомерности сопоставления этнонима «табын» с упоминаемыми в орхонских древнетюркских надписях татаби. Под последними источниками имеют в виду особое племя восточных сяньбийцев, часто нападавшее на киданей. Они были кочевниками и охотниками, а умерших хоронили на деревьях⁵.

Автору следовало обратить внимание на новые археологические материалы, приписываемые кимакам. Речь идет о памятниках сротинской культуры (IX—X вв.), тождественных синхронным памятникам Восточного Казахстана, единодушно относимых

исследователями (С. С. Черников, Ф. Х. Арсланова и др.) к культуре кимаков. Это позволит расширить наши представления о кимаках и их роли в кыпчакской среде и о проникновении их в район Башкирии. Наконец, об этнониме «башкорт» (башкир). Автор убедительно доказывает его тюркское происхождение, связывая этимологию термина во второй его лексеме корт (курт) с названием волк, отражающей культ волка, и мифологию с центральным образом волка. Однако едва ли можно говорить о тотемистическом характере данного названия после рассмотрения этого вопроса английским тюркологом Д. Клосоном⁶.

Л. П. Потанов

⁵ См.: Liu Mau-Tsai. Op. cit. Bd. I, S. 124; Bd. II, S. 564.

⁶ G. Clauson. Turks and Wolves. Helsinki. 1964. Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica. XXVIII:2.

Л. ЛЮБИМОВ. *Искусство Древней Руси*. М. «Просвещение». 1974. 335 стр. Тираж 250 000 экз. Цена 1 руб. 28 коп.

В советской историографии и искусствоведении существует немало работ, посвященных проблемам древнерусского искусства¹. И все-таки книге Л. Д. Любимова, видимо, суждено будет занять в этом представительном списке свое особое место. Опираясь на исследовательские достижения русской дореволюционной и советской историографии и искусствоведения, Л. Д. Любимов создал книгу, отличающуюся широ-

той хронологического охвата (от первых веков н. э. до конца XVII в.), масштабностью поставленных проблем, яркостью и образностью изложения.

Работам исследователей искусства Древней Руси, как правило, свойственна не только большая научная сила, но и высокое литературное мастерство, огромная увлеченность своим предметом. Думается, что влияние этих работ Л. Д. Любимов и ощутил в значительной мере. Не случайно на протяжении всей книги он щедро цитирует своих предшественников. И при этом он сумел не только создать самостоятельное историко-искусствоведческое исследование, но и донести до читателя свою влюбленность в искусство Древней Руси.

На широком историческом фоне, в тесной связи с мировыми художественными процессами, в непрерывном развитии и совершенствовании, в движении трудном и противоречивом, обусловленном социально-экономическими, политическими, религиозными факторами, показывает Л. Д. Любимов древнерусское искусство — зодчество, живопись, художественные ремесла, декоративно-прикладное искусство. Этот комплексный подход определяет обилие включенного в книгу фактического материала,

¹ См.: И. Э. Грабарь. История русского искусства. Т. I. М. 1953; его же. О древнерусском искусстве. М. 1966; Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. «История русского искусства». Т. I. М. 1953; Н. Н. Воронин. Древнерусское искусство. М. 1962; его же. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польский. М. 1967; Д. С. Лихачев. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.-Л. 1962; Г. К. Вагнер. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбovo. М. 1969; В. Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. М. 1970; его же. Древнерусские мозаики и фрески. М. 1973; М. Н. Каргер. Новгород. Л.-М. 1970, а также сборники статей: «Древнерусское искусство XV — начала XVI веков». М. 1963; «Древнерусское искусство XVII в.». М. 1964; «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М. 1972.

касающегося различных областей искусства, обращение автора к истории искусства сопредельных стран и народов — Византии, Сербии, Болгарии, Армении, Грузии, искусству древней Эллады, итальянского Возрождения, с которым Л. Д. Любимов сравнивает древнерусские художественные ценности, справедливо полагая, что мировое культурное развитие двигалось вперед творчеством многих народов, каждый из которых вносил свою лепту в художественную сокровищницу человечества. Стремление и умение автора вести разговор о древнерусском искусстве в тесной связи с мировыми художественными процессами составляет, пожалуй, одну из ярких и оригинальных черт книги.

Л. Д. Любимов последовательно проводит выдвинутый им во вступлении тезис о том, что искусство Древней Руси, «возникшее на национальной почве и питавшееся национальными источниками, тесно переплетается с другими замечательными художественными культурами, и прежде всего с византийской художественной системой» (стр. 9, 10). Страницу за страницей развертывает он эту художественную систему. Мы начинаем понимать как сильные, так и слабые стороны византийского искусства, постигаем его неотразимое влияние на другие страны и невольно задаем себе вопрос: а что же взяла Древняя Русь из византийской художественной системы, как овладела ею, применяясь к собственному национальному опыту и традиции? Неторопливо подводит автор к ответу на этот вопрос: он не сразу раскрывает глубокие связи, соединяющие умирающую византийскую культуру и художественные ценности молодого Древнерусского государства.

Прежде Л. Д. Любимов вводит читателя в художественный мир Сербии и Болгарии, Армении и Грузии — стран, которые восприняли лучшие черты византийской художественной школы и, переплавив их в собственные художественные ценности, воздействовали на развитие искусства Древней Руси. Он показывает, «в соседстве с какими высокоразвитыми художественными культурами развивалась художественная культура Древней Руси.., органически связанная с византийской художественной системой» (стр. 80). И далее, анализируя искусство Древнерусского государства, Владимиро-Суздальской Руси, Новгорода, Москвы, Л. Д. Любимов еще раз возвращается к мысли о благотворной силе прогрессивных художественных влияний и взаимовлияний. Он

показывает, как взаимно обогащались художественные традиции романской и готической Европы, Прибалтики, Скандинавии и древнего Новгорода. Через всю книгу проходит эта благородная и исторически точная линия единства мирового культурного развития, взаимовлияния отдельных культур, их национальных достижений, отражающих художественный гений народа.

Л. Д. Любимов раскрывает древнейшие истоки искусства Древнерусского государства. Может быть, слишком нарочитая попытка связать это искусство с палеолитическими и неолитическими художественными явлениями вызовет кое у кого раздражение, но вряд ли можно сомневаться в конечном выводе автора о том, что в курганных находках предметов древнейшего искусства уже проявляется, как писал М. В. Алпатов, «та цельность и та простота образа, которые позднее станут характерными чертами русского народного искусства» (стр. 85). Врожденное чувство прекрасного, тесная гармоническая связь древнерусского искусства с природой, чуткость русских зодчих, живописцев, резчиков к подлинным художественным ценностям иных народов — вот та почва, на которой, по справедливому мнению Л. Д. Любимова, пышно расцвела художественная культура Киевского государства. В художественных школах зодчества, живописи, ремесла Полоцка, Чернигова, Смоленска автор увидел, как «русское народное начало вносило в древнюю традицию добрые, жизнелюбивые устремления» (стр. 99). Демократизм русского искусства, его национальное мироощущение, лиризм преобразили византийскую традицию, сделали ее теплее и человечнее. И это было уже новое древнерусское искусство, уходящее своими корнями в седую старину.

Идея неразрывности художественного процесса, его теснейшая связь с народным творчеством, народным художественным видением проходит и через разделы, посвященные искусству послекиевских древнерусских государственных образований. И хотя феодальная раздробленность как ржа разъедала политическое единство Руси, ее единство художественное отнюдь не рассыпалось, а крепло и развивалось. «То был труд на единой ниве русского искусства», — пишет Л. Д. Любимов (стр. 129), анализируя искусство политически разрозненной Владимиро-Суздальской Руси. И когда монголо-татарское нашествие поразило Древнюю Русь, русские люди восприняли эту траге-

дию не только сквозь призму разрушенных городов и сел, избиения и угона в полон их жителей, но и как гибель «красоты знаменитой», создаваемой народом веками на своей земле.

Аналогичный подход проявляет Л. Д. Любимов при анализе тенденций развития искусства Новгорода. В новгородских крепко сколоченных, массивных и в то же время удивительно стройных храмовых зданиях, в огненной киновари новгородской живописи, в ее несравненной силуэтности и исконно русской эмоциональности, в ярком, красочном новгородском шитье и узорочье Л. Д. Любимов увидел все ту же модифицированную в зависимости от местных условий русскую художественную традицию, которая на не тронутой монголо-татарским нашествием почве распустилась пышным и оригинальным цветом. Народное демократическое начало, созвучное вечевым новгородским и псковским порядкам, властно пробивалось и в этом религиозном по форме искусстве русского Северо-Запада.

И, наконец, искусство Москвы, которому, как пишет Л. Д. Любимов, «было суждено увенчать все древнерусское живописное творчество, равно как подмосковная церковь Вознесения (в Коломенском) знаменует, вероятно, вершину всего древнерусского зодчества» (стр. 227). Искусство Москвы питалось общерусскими и общеславянскими художественными соками. Страдающие под пятой султанской Турции славянские народы Балкан видели в Московской Руси не только цитадель православия и славянской государственности, но и светоч славянской культуры. И не случайно в Москве находят поддержку и приют талантливые представители балканских народов, соединяя в своем творчестве традиции южных славян и греков с традициями чисто русскими. Творчество Феофана Грека и Андрея Рублева стало вершиной этого общерусского, общеславянского художественного синтеза.

Рассматривая искусство Русского централизованного государства — творчество Дионисия, величественную архитектуру соборов Московского Кремля, этого, по выражению М. Ю. Лермонтова, «алтаря России», ансамбль Троице-Сергиевской лавры, Л. Д. Любимов пользуется малейшей возможностью, чтобы показать живительность и в этот период для всего русского искусства народных традиций, народного мироощущения, питавших все русское художественное творчество.

XVII век — завершающая хронологическая грань книги. Этот период в истории русского искусства Л. Д. Любимов совершенно справедливо определяет как противоречивый, связанный с упадком прежней живописной традиции, характеризующейся величавой лаконичностью и одухотворенностью, и зарождением новой реалистической школы, прокламированной в трудах и творчестве Симона Ушакова. С оценками Л. Д. Любимовым русского искусства XVII в. как искусства, находящегося в упадке, накануне обновивших его реформ Петра I, как «прекрасного догорания» (стр. 300), вряд ли можно согласиться. Правда, автор и сам пытается преодолеть эти несколько экстравагантные оценки. Верный своему излюбленному компасу — народным истокам искусства, Л. Д. Любимов много и подробно пишет о том, как и живопись и зодчество XVII в. были облагорожены струей народного творчества, а это тесно связало XVII в. с прежней художественной традицией. И другие факты, приводимые автором, показывают, что XVII в. явился славным продолжением русского художественного творчества.

Сильной стороной книги является глубокий историзм при подходе к явлениям искусства. Ни один крупный поворот в истории искусства сопредельных с Русью стран, как и в истории искусства самой Древней Руси, ни одно крупное художественное движение или создание творческой школы не оторвано от социально-экономических, политических, культурных факторов эпохи. Л. Д. Любимов объясняет, почему принципы византийского искусства были с такой глубиной восприняты и с таким блеском развиты в искусстве Древнерусского государства. Это произошло не только потому, что художественный строй древнерусского языческого искусства был полон представлениями, традициями, приемами, созвучными гуманистическим традициям Эллады, принесенным на Русь через Византию, Болгарию, Армению, Сербию, но и потому, что сам русский творческий порыв времен Киева зиждился на могучей общественной основе — пробуждении к жизни молодой государственности огромного и талантливого народа, выдвижении Киева в ряды крупнейших городов тогдашнего мира.

Историю Новгородского искусства Л. Д. Любимов анализирует, учитывая географическое положение города, избавленного в известной мере от кровавых междоусобиц, нашествия монголо-татар, спе-

цифику развития Новгородской «аристократической республики», ее зарубежные экономические и политические связи. «Точно так же, как голос народа подчас шумно пробивался на вече, народное демократическое начало властно и ярко, как, пожалуй, нигде на Руси, проявлялось в художественном творчестве», — пишет Л. Д. Любимов (стр. 170). И это справедливо. Понятен и переход руководящей роли в древнерусском художественном творчестве к Москве, поднявшей знамя объединения русских земель и их последующей централизации.

Одной из основных проблем книги является вопрос о соотношении в искусстве религиозной формы и гуманистического содержания, давящей роли церкви, регламентирующей искусство, и таланта живописцев, зодчих, рвущих эти церковные пути при помощи в первую очередь традиций народного творчества. История борьбы живой народной струи в древнерусском искусстве против омертвляющей церковщины составляет примечательную черту работы. И чем более превращалась церковь в тормоз общественного развития, тем активнее и беспощаднее диктовала она искусству свои омертвевшие догмы. Не этим ли объясняется начавшийся кризис искусства в XVII в., из которого его вывела уже позднее светская реалистическая тенденция? Замазывались творения Феофана Грека и Андрея Рублева, скрывались под дорогими безвкусными окладами иконы Донской и Владимирской богородицы, в уставах живописцам наказывалось, чтобы они «от самомышления бы и своими догадками божества не описывали» (стр. 203). Обстоятельно выявил автор усиливающееся давление на все стороны общественной жизни, в том числе и на древнерусское искусство, не только клерикальной реакции, но и развивавшихся крепостнических отношений (стр. 304—306).

Книга возрождает почти забытый у нас жанр исследования — эссе, который предполагает не только научный анализ проблемы, но и ее чисто личностное, эмоциональное восприятие автором, решение ее не только путем научно-аналитическим, но и художественно-образным, даже поэтическим. Таким жанром блестяще владел В. О. Ключевский. Лучшие образцы советской исторической литературы также не исключают литературное мастерство, образную выразительность. Подлинно поэтическими являются в книге рассказы о появлении в России византийской иконы «Вла-

димирской богородицы», чья удивительная красота стала священной на ее новой родине, о создании Киевской Софии, рублевской «Троицы», церкви Вознесения в Коломенском, храма Василия Блаженного, ансамбля Ростова Великого, соборов Кремля. Страницы книги согреты размышлениями автора о судьбах выдающихся живописцев и зодчих Древней Руси. Самостоятельное историко-познавательное значение имеют, например, такие разделы книги: «Как смореть икону» или «О значении и судьбах древнерусской иконописи», в которых автор рассказывает об ее «открытии» уже в XX в., делится своими наблюдениями над методом познания древнерусского искусства.

Эссеистский характер книги несет в себе не только большой эмоциональный заряд, не только возможность подтвердить научно проверенный вывод силой художественного образа. Восхищение древнерусским искусством порой приводит Л. Д. Любимова к идеализированным оценкам, нечетким высказываниям. Говоря, например, о славянах времен Киевской Руси, автор пишет: «Они были юны духом, по-юному восприимчивы и простодушны» (стр. 99). Нет, это мы порой хронологическую молодость государства принимали за юность народа, за простодушие людей, что не одно и то же. Идеализацией грешат и характеристики времени Владимира, которое, конечно, отличалось не только «удалью», «весельем», «молодечеством» (стр. 103), но и многими другими качествами — жесточайшим насилием по отношению к своему народу и народам окружающим, тяжелой эксплуатацией неимущих, кровавыми дворцовыми драмами и т. д. О времени феодальной раздробленности автор пишет, что, «несмотря на беду, этот народ (русские.— А. С.) сохранил единую волю, верил в свои силы». Подобного рода абстрактные и неточные «красивости» встречаются в книге. Несколько идеализирована история новгородской и псковской средневековой демократии. Порядки в этих городах были гораздо жестче и социально обнаженней, чем они представлены Л. Д. Любимовым. Думается, что эти недочеты, как и отдельные фактические ошибки (не внук Батия, а сам Батый—внук Чингисхана, осадил Киев — стр. 101; не Казань столетиями грозила Руси жестокими набегами, а Крымское ханство — стр. 274) легко могли быть устранены при редактировании книги.

На одной из страниц своей работы, рассказывая о рублевской «Троице», о всепо-

беждающей силе подлинного искусства, прорывающегося через религиозную догму, Л. Д. Любимов написал: «Но вот такова сила искусства, что уже вне зависимости от этой веры (христианства.— А. С.) внутреннее содержание рублевской «Троицы» понятно нам, как оно будет понятно и тем,

кто придет после нас» (стр. 235). После нас... Светлые и грустные слова. Совсем недавно Льва Дмитриевича Любимова не стало, а его книга будет жить долго и доставлять людям радость приобщения к искусству великого народа.

А. Н. Сахаров

«История Германской Демократической Республики. 1949—1973. Краткий очерк». М. Изд-во «Наука». 1975. Тираж 8200. 487 стр. Цена 2 р. 34 к.

Советскими исследователями за последние годы издан ряд коллективных монографий, посвященных истории социалистических стран¹. К числу такого рода трудов обобщающего характера, в которых на основе достижений исторической науки СССР и братских социалистических стран освещаются этапы строительства социализма в этих странах, относится и первая в советской историографии работа по истории ГДР².

В предисловии к книге акад. Е. М. Жуков подчеркивает, что история ГДР «имеет исключительно важное значение для понимания тех глубочайших революционных перемен, которые произошли в мире под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, победы Советского Союза и его партнеров по антигитлеровской коалиции над фашистской Германией и создания мировой социалистической системы. Рождение и успешное развитие в центре Европы немецкого социалистического государства — наглядное свидетельство необратимости исторического процесса пре-

образования мира на новых, социалистических началах» (стр. 5—6).

В книге рассматриваются основные этапы становления ГДР, ее внутренняя и внешняя политика, дана аргументированная периодизация истории ГДР.

Авторы исследуют события, предшествовавшие образованию на немецкой земле двух германских государств. «Военно-политическое поражение фашизма,— подчеркивается в книге,— открыло перед немецким народом возможность выбора нового пути. Это была нелегкая задача для немецкого общества. Трудность ее решения в немалой степени определялась тем, что фашизм не был случайным или чужеродным явлением для империалистической Германии (хотя и не являлся фатально неизбежным). Он вырос на благодатной почве, обильно удобренной милитаристской и шовинистической идеологией, реакционными традициями. Эта идеология имела глубокие исторические корни» (стр. 12). Авторы анализируют эти исторические корни.

В книге показано, что после разгрома фашизма с самого начала в подходе к решению германской проблемы обнаружилось две линии. Если Советский Союз в своей зоне оккупации неукоснительно соблюдал решения Потсдамской конференции трех великих держав о проведении глубоких социальных преобразований на немецкой земле, о единой демократической Германии, то западные державы с середины 1946 г. стали на путь открытого срыва достигнутых по этим вопросам соглашений (стр. 21). В первые послевоенные годы, пишут авторы, «фактически ни один из крупных вопросов четырехсторонних соглашений по Германии не получил полного и последовательного решения в западных зонах оккупации» (стр. 28). Характерно, что к такому же выводу

¹ «История Венгрии». Т. III. М. 1972; «История Румынии. 1918—1970». М. 1971. Ранее были изданы: «История Польши». Т. III. М. 1958; «Очерки истории народной Польши». М. 1965; «История Болгарии». Т. II. М. 1955; «История Чехословакии». Т. III. М. 1960; «История Югославии». Т. II. М. 1963; «Германская история в новое и новейшее время». Т. 2. М. 1970.

² Редакционная коллегия: В. Д. Кульбакин (отв. ред.), Б. А. Айзин, И. С. Галкин, И. И. Жигалов, А. И. Мартынов, М. П. Павлова-Сильванская, М. А. Полтавский, С. Д. Сказкин, В. Т. Фомин, В. И. Цапанов. Авторский коллектив: С. И. Висков, А. Л. Дымшиц, Е. М. Жуков, А. Ф. Залетный, В. Д. Кульбакин, Н. Е. Овчаренко, М. А. Полтавский, П. В. Поляков, Н. И. Салехов, С. Р. Сухоруков, В. Т. Фомин, В. И. Цапанов, В. И. Чернов.

пришли и многие буржуазные историки, в том числе Д. Флеминг, Д. Уорбург, Ф. Нил, С. Ленз, Е. Морен, Г. Швеппенхойзер и др. Именно западные державы при активном содействии крупной буржуазии Западной Германии раскололи страну и содействовали образованию в августе 1949 г. Федеративной Республики Германии. Этот факт признали и некоторые западногерманские буржуазные историки — тот же Г. Швеппенхойзер, а также П. Виндзор и другие (см. стр. 29 и 104).

На востоке Германии при поддержке Советского Союза по инициативе КПГ начали проводиться революционно-демократические преобразования. Большое место авторы уделили итогам реформ в области сельского хозяйства, промышленности и финансов, в сфере народного образования и культурного строительства в Восточной Германии. В книге подчеркивается решающее значение, которое имело для укрепления гегемонии немецкого рабочего класса в борьбе за антифашистско-демократические преобразования и создание предпосылок социалистического строительства в Восточной Германии преодоление раскола в рабочем движении и создание Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) (стр. 48—50).

Глубоко раскрывают авторы, как в ходе революционных преобразований, в ожесточенной классовой борьбе складывался в Восточной Германии антифашистско-демократический строй, являвшийся по своему содержанию революционно-демократической диктатурой рабочих и крестьян. Последовательно демократические реформы, осуществленные в 1945—1949 гг., подготовили условия для превращения этой части Германии в социалистическое государство рабочих и крестьян. 7 октября 1949 г. произошло событие, означавшее поворотный пункт в германской и европейской истории, — образовалась Германская Демократическая Республика. 15 октября 1949 г. Советский Союз первым в мире объявил о международно-правовом признании ГДР и установил с нею дипломатические отношения.

В свое время Ф. Энгельс с гордостью писал, что немецкий народ также имеет свою революционную традицию. В ходе антифашистско-демократической революции 1945—1949 гг. трудящиеся Восточной Германии, следуя этой традиции, под руководством СЕПГ, при бескорыстной помощи советского народа решили задачи буржуазно-демократической революции, завершив дело, начатое революцией 1848—1849 гг. и

Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии, и приступили к социалистическим преобразованиям. ГДР, указывал Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, «воплотила в себе лучшие традиции германской истории — традиции крестьянских восстаний средневековья, борьбы революционных демократов 1848 г., германского рабочего движения, основателями которого были Маркс и Энгельс, Бебель и Либкнехт, традиции мужественной антифашистской борьбы» (стр. 440—441).

Образование ГДР имело большое международное значение: оно явилось важным звеном создания мировой социалистической системы — процесса, начатого Великой Октябрьской социалистической революцией. На востоке Германии, подчеркивают авторы, возник прочный бастион мира, ставший неотъемлемой составной частью сотрудничества социалистических стран, западным форпостом мира и социализма в Европе (стр. 110).

Подробно рассматривается в книге ход осуществления в ГДР таких задач упрочения основ рабоче-крестьянской власти, как укрепление диктатуры рабочего класса в ходе перерастания антифашистско-демократического этапа революции в социалистический, упрочение союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и всеми прогрессивными силами народа, подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, осуществление и совершенствование хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций государственной власти. Успехи, достигнутые трудящимися ГДР, позволили IV съезду СЕПГ (30.III.—6.IV.1954 г.) сделать вывод, что программа антифашистско-демократических преобразований претворена в жизнь и в республике успешно осуществляется строительство основ социализма (стр. 172). ГДР по общему объему и уровню промышленного производства вышла наряду с Италией на 5-е место в Европе (стр. 211). К началу 60-х годов социалистические производственные отношения одержали решающую победу во всех сферах народного хозяйства ГДР.

Большое внимание уделено в книге рассмотрению хода социалистического строительства в ГДР в 50—60-е годы. Переход от капитализма к социализму в республике осуществлялся в тесном взаимодействии с СССР и другими социалистическими странами. В основе этого перехода лежали закономерности, которые действовали

в других социалистических странах. Вследствие этого развитие ГДР, при всех его исторических особенностях, характеризовалось теми же основными чертами, что и развитие братских социалистических государств (стр. 274). Авторы показывают важнейшее значение VI съезда СЕПГ (январь 1963 г.) в разработке новых стратегических и тактических установок, в принятии решения о переходе к строительству зрелого, развитого социалистического общества в ГДР. В решениях VI и VII (апрель 1967 г.) съездов СЕПГ, в принятой в 1968 г. новой Конституции ГДР были определены задачи и пути строительства в ГДР развитого социалистического общества. Обстоятельно характеризуется в книге значение VIII съезда СЕПГ (июнь 1971 г.), определившего задачи дальнейшего строительства развитого социалистического общества. Успешное выполнение заданий пятилетнего плана 1966—1970 гг. позволило съезду сформулировать главную задачу развития народного хозяйства на 1971—1975 гг.: дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, увеличения его эффективности, научно-технического прогресса и роста производительности труда.

Много места авторы отвели анализу внешней политики ГДР, органично связав успехи в социалистическом строительстве республики с укреплением ее международных позиций. «Международное положение ГДР, — говорится в книге, — определяется прежде всего ее местом в мировой социалистической системе... Укрепление дружбы, сплоченности и всестороннего сотрудничества с социалистическими странами является неизменным принципом политики ГДР. С другой стороны, дальнейшее укрепление социалистической системы, сплоченности и сотрудничества братских стран содействует успехам в строительстве социализма в ГДР» (стр. 438). Приведенный авторами материал убедительно свидетельствует, что в борьбе за укрепление нового общественного строя и развитие народного хозяйства трудящимся ГДР с первых же дней ее существования оказывали бескорыстную помощь Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Большое значение для развития экономики ГДР имело принятие ее в члены Совета Экономической Взаимопомощи (сентябрь 1950 года).

Строительству социализма в ГДР пытались помешать извне силы реакции. Поэто-

му оно сопровождалось непрекращавшейся, а временами резко обострявшейся классовой борьбой. В книге раскрывается ход этой борьбы. Так, используя открытые границы в Берлине, в июне 1953 г. агрессивные империалистические круги попытались спровоцировать в ГДР гражданскую войну и использовать ее для вооруженного вмешательства в дела республики. Трудящиеся ГДР при поддержке Советского Союза дали достойный отпор контрреволюционерам. Когда в мае 1955 г. европейские социалистические страны объединились в военно-политический союз — Организацию Варшавского Договора, участие в нем дало ГДР полную гарантию независимости, значительно укрепило ее международный авторитет. Упрочению позиций республики, отмечают авторы, содействовало также подписание 20 сентября 1955 г. Договора об отношениях между ГДР и СССР, который закреплял суверенитет ГДР, ее свободу решать все вопросы внутренней и внешней политики, в том числе в области ее взаимоотношений с ФРГ (стр. 193).

В книге подробно рассматриваются германская проблема, отношения между двумя германскими государствами, позиции ГДР, СССР и других социалистических стран, а также западных держав в подходе к решению этих вопросов. Авторы указывают, что СЕПГ, правительство ГДР дали ясный ответ на попытки некоторых кругов ФРГ обосновать тезис о так называемых «особых внутригерманских отношениях». В условиях, когда существуют два немецких государства, принадлежащих к различным мировым общественным системам, нет и не может быть каких-либо «особых внутригерманских отношений», между ГДР и ФРГ могут иметь место только отношения мирного сосуществования на основе строгого соблюдения всех принципов международного права (стр. 356, 436).

Начало 60-х годов ознаменовалось дальнейшим укреплением ГДР, ее новыми успехами в социалистическом строительстве, усилением позиций республики на международной арене. Все это вызывало злобу врагов республики, которые не скрывали своих намерений уничтожить социалистический строй в ГДР. В этих условиях ее правительство по согласованию с Советским Союзом и другими социалистическими странами перед лицом назревавшей опасности вынуждено было принять самые энергичные меры. В ночь с 12 на 13 августа части национальной Народной армии ГДР совмест-

но с рабочими боевыми дружинами и народной полицией перекрыли границу с Западным Берлином. В книге характеризуются меры и по укреплению государственных границ ГДР на западе, в результате которых планам реваншистов был нанесен сокрушительный удар. Оградив свой суверенитет, ГДР продемонстрировала перед всем миром, что социализм в немецком рабочекрестьянском государстве незыблем.

Авторы освещают внешнюю политику ГДР в 60-х — начале 70-х годов. Неизменными принципами ее были и остаются: социалистический интернационализм, прочная дружба с Советским Союзом, постоянное укрепление содружества социалистических государств, солидарность с молодыми национальными государствами, мирное сосуществование с государствами другой общественной системы. Тесная дружба с Советским Союзом, неоднократно отмечается в книге, зиждется на общности интересов народов обеих стран в борьбе за победу социализма и коммунизма (стр. 286, 332—334). 7 октября 1975 г. в Москве был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР. В Программе СЕПГ, принятой IX съездом партии в мае 1976 г., говорится, что всемерное укрепление социалистического содружества, тесно сплоченного вокруг Советского Союза, развитие братских отношений между ГДР и СССР занимают главенствующее место во внешнеполитических целях СЕПГ.

В книге ярко показано, что вместе с СССР и другими братскими странами ГДР вносит свой вклад в активную борьбу за мир, свободу, национальную независимость и социальный прогресс, за разрядку международной напряженности и улучшение отношений со всеми странами, в том числе и с ФРГ. 21 декабря 1972 г. был подписан Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, явившийся важнейшим шагом на пути к дальнейшей нормализации отношений между двумя германскими государствами на основе мирного сосуществования, к оздоровлению обстановки в Европе в целом. Благодаря последовательной и настойчивой борьбе ГДР и братских социалистических стран, всей прогрессивной мировой общественности были сорваны попытки сил реакции изолировать республику. В сентябре 1973 г. ГДР заняла равноправное место в ООН и в настоящее время поддерживает дипломатические отношения со 121 государством.

В кратком заключении подведены итоги социалистических преобразований в ГДР за 25 лет (она входит сейчас в число 10 наиболее развитых стран мира), отмечены крупные успехи республики в области внешней политики, еще раз подчеркнута, что социалистическое содружество, неотъемлемой составной частью которого является ГДР, твердой поступью идет по пути социализма и коммунизма.

Авторы широко использовали архивные материалы СССР и ГДР, обширные публикации документов обеих стран, советскую и зарубежную литературу. В приложениях к книге публикуется обзор трудов советских ученых по истории ГДР, перечень использованных источников и литературы, а также хронология истории Восточной Германии — ГДР (1945—1973 гг.). Все это, несомненно, повышает научную значимость труда.

Ведущий исторический журнал ГДР «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», оценивая эту работу советских ученых, справедливо заключил, что она подтверждает полное совпадение взглядов историков ГДР и СССР на историю немецкого социалистического государства³.

К недостаткам книги относится то, что в историографическом обзоре не рассматриваются труды историков ГДР, а также историков других стран. Авторскому коллективу не во всех главах и разделах удалось добиться единого стиля изложения, не все части работы «состыкованы», встречаются повторения, не всегда соблюдается хронологическая последовательность в изложении, названия одних и тех же книг в ряде случаев даны неточно (см. стр. 102 и 445, а также 60, 73, 447 и др.). Встречаются и фактические неточности. Так, 16 июня 1970 г. ГДР установила дипломатические отношения не с Республикой Шри Ланка (так это государство стало называться лишь с мая 1972 г.), а с Цейлоном (стр. 478). Опечатка вкралась в название Мальдивской Республики, с которой ГДР установила дипломатические отношения в мае 1970 г. (там же).

Однако все эти недостатки носят частный характер. Всем своим содержанием книга опровергает измышления буржуазных фальсификаторов истории, пытающихся в ложном свете изобразить внутреннюю и внешнюю политику ГДР. Обилие факти-

³ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1976. № 7. S. 811.

ческого материала, правильная оценка основных этапов социалистического строительства и перспектив развития ГДР, исторического значения внутренних и международных успехов первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства — все

это свидетельствует о научной ценности и политической актуальности нового коллективного труда советских ученых по истории братской социалистической страны.

А. С. Гроссман

А. Л. СЕМЕНОВ. *Левое студенческое движение во Франции (1956—1968 гг.)*. М. Изд-во «Наука». 1975. 232 стр. Тираж 2100. Цена 74 коп.

Бурное развитие массовых студенческих движений в 60-х годах на Западе — одно из наиболее примечательных явлений, привлекающих внимание исторической науки. Столь большой интерес объясняется не только широтой выступлений и радикальностью форм борьбы, но и самим характером поднятых проблем, значение которых выходит далеко за рамки высшей школы. В последние годы в нашей стране опубликовано немало работ, в которых рассматриваются те или иные аспекты студенческих выступлений как в отдельных странах, так и в целых регионах, дается критический анализ буржуазных, право- и левооппортунистических концепций студенческого движения, освещается деятельность коммунистических и рабочих партий капиталистических стран среди этой категории молодежи. Вместе с тем еще ощущается недостаток в комплексных исследованиях, опирающихся на конкретно-исторический материал, который дает возможность взглянуть на явление студенческого протеста как на непрерывно развивающийся процесс, вскрыть и проследить динамику этого процесса, выявить его глубокую диалектическую взаимосвязь с более широким контекстом общественного развития.

С этой точки зрения несомненный интерес представляет книга научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР кандидата исторических наук А. Л. Семенова, в которой данная проблематика разрабатывается на примере Франции — страны, где студенческие выступления приняли наиболее напряженный и драматический характер, послужив началом известных событий мая—июня 1968 года.

А. Л. Семенов поставил перед собой цель проанализировать прежде всего те глубинные общественные процессы, которые втянули в свою орбиту университет, привели

к радикальным количественным и качественным изменениям состава молодой формирующейся интеллигенции, выдвинули ее к концу 60-х годов в ряды активных, социально оппозиционных и политически взрывчатых сил французского общества. Рецензируемая работа — одна из первых в советской литературе попыток конкретно рассмотреть различные профессиональные и партийно-политические группировки французских студентов, их противоречивые, порой сумбурные идейные платформы, лозунги, организационные принципы, методы борьбы, выявить реальный вклад, сделанный студентами в развитие общедемократического движения, определить возможности и пути соединения их протеста с революционной борьбой рабочего класса.

На основе обширного фактического материала А. Л. Семенов сумел убедительно показать, что выцветание левых тенденций среди учащейся молодежи французской высшей школы не было случайным. Оно явилось закономерным продуктом всей совокупности явлений социально-экономической, идейно-политической и духовно-нравственной жизни буржуазного общества 50-х—60-х годов, когда с развертыванием научно-технической революции наука и образование все сильнее вовлекаются в систему непосредственного обеспечения как культурно-идеологических, так и материальных условий капиталистического способа производства и связанных с ним общественных отношений, а сам умственный труд, приобретший массовый характер, все более и более подчиняется формуле «наемный труд — капитал». Для большинства современных и особенно будущих носителей знаний, то есть рядовых представителей интеллигенции и ее резерва в лице возрастающих студенческих масс, это означало обесценение былых социальных привилегий,

превращение в одну из категорий лиц наемного труда, подвергающихся наряду с рабочим классом эксплуатации или подготовляемых к ней в рамках государственно-монополистического капитализма.

Как следствие этого в системе высшего образования возник узел противоречий — между старым, традиционным типом университета, сложившимся в буржуазно-либеральную эпоху, и необходимостью создания нового университета, отвечающего современным потребностям капитализма, между интересами основной массы будущих наемных работников умственного труда и правящего класса. Необеспеченность и бесперспективность существования обладателей университетских дипломов толкали значительную часть студенческой молодежи к оппозиции капитализму как системе, к тотальному отрицанию («оспариванию») буржуазной цивилизации.

Автор избегает примитивного «социологизирования», искусственного притягивания тех или иных этапов студенческого движения к эволюции экономики страны. В книге достаточно убедительно раскрыта сложность процесса субъективного осознания учащейся молодежью ее нового места в обществе — от преимущественно морально-этического протеста против войны в Алжире (1956—1962 гг.) с ее зверскими методами и реакционными целями через попытки собственными силами перестроить изнутри университетскую структуру (1962—1965 гг.) к увязыванию своих проблем с проблемами классовой борьбы в общенациональном и международном масштабах во второй половине 60-х годов.

Разумеется, этот процесс протекал не без серьезных издержек, организационной разобщенности и идейной пестроты, смешения самых различных взглядов, в той или иной степени окрашенных в левачье тона. Подвергая всестороннему критическому разбору анархистские и другие подобные им теории, А. Л. Семенов справедливо отмечает, что было бы в корне неверно сводить все сложное многообразие студенческого движения протеста, особенно проявившееся в майские дни 1968 г., к явлениям левачьего экстремизма и авантюризма (стр. 192). За причудливыми переплетениями зачастую незрелых или просто утопических идей стоят реальные проблемы, и одна из задач монографии — выяснить, на какие объективные потребности общественного развития эти идеи пытались дать ответ.

Определяя главные проблемы студенческого движения на каждом его этапе, автор аргументированно вскрывает несостоятельность попыток господствующего класса отодвинуть студенческую молодежь подальше от острых проблем, ограничить горизонт ее мыслей и действий узкопрофессиональными, корпоративными вопросами, целиком и полностью интегрировать в русло буржуазной идеологии и политики. Особый интерес в этом отношении представляет анализ левого студенческого синдикализма, основатели которого заявили в начале 60-х годов, что в центре внимания общестуденческой профсоюзной организации (Национального союза студентов Франции — НССФ) должны стоять не вопросы материального положения студентов, а организация массовой борьбы против капиталистического использования получаемых знаний, против подчинения человеческого интеллекта самодовлеющим законам извлечения прибыли и обслуживающей ее системы государственной власти. В книге прослеживаются эволюция взглядов левосиндикалистских лидеров, извилистые пути их заблуждений и исканий.

Важное место отводится автором изучению взаимоотношений студентов и рабочего класса. Широкое участие студентов в движении Сопротивления в годы второй мировой войны, а затем и в борьбе против войны в Алжире заложило добрые традиции совместных выступлений демократически настроенной учащейся молодежи с трудящимися, способствовало усилению в ее среде общей тяги к единству действий с рабочим классом. Однако, как справедливо подчеркивается в монографии, стремление к совместным выступлениям нередко сопровождалось у студентов гегемонистскими тенденциями, попытками поставить себя выше рабочего и демократического движения, приспособить рабочее движение к студенческим выступлениям, навязать ему свои представления о целях, формах и методах революционной борьбы (стр. 157). Авангардистские иллюзии питались также и тем, что левоопозиционные студенты не всегда находили ответ на волнующие их вопросы в теоретической или практической деятельности того или иного отряда общедемократического движения. Пытаясь решить их самостоятельно, они зачастую допускали серьезные ошибки, препятствовавшие созданию единого фронта борьбы.

В работе дается развернутая картина взаимоотношений студентов с политически-

ми, профсоюзными, конфессиональными и общественными организациями страны на различных этапах студенческого движения. Обстоятельно рассматриваются автором позиции ФКП и Союза студентов-коммунистов по вопросам образования, анализируется специфика их деятельности в университете, отмечаются достижения и трудности в борьбе за умы молодой интеллигенции.

В заключение А. Л. Семенов указывает, что, несмотря на присущие левому студенческому движению слабости и шатания, оно внесло весомый вклад в расширение и углубление общедемократического движения. Оно превратило университет в арену массовой борьбы, остро поставило проблемы социальной роли образования и науки, культуры и морали в современном буржуазном обществе. «Студенты, — пишет автор, — выступили против всех форм подавления личности, потребовали демократизации всех сфер общественной жизни человека посредством предоставления ему возможности участвовать в принятии решений. Массовый выход французского студенчества на арену политической жизни страны во второй половине 60-х годов означал, что речь идет не об отдельных акциях недовольства, а об исторической инициативе определенного общественного слоя, способного вести самоотверженную борьбу» (стр. 221). С этим выводом можно вполне согласиться.

Монография рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся различными сторонами жизни студенческой молодежи Франции. В этой связи нельзя не отметить как негативный момент ограничение исследования только левым студенческим движением. Нам представляется, что такая постановка проблемы ведет к нарушению истинных пропорций тех или иных явлений в университетской среде, сосредоточивает внимание

на мелких, зачастую второстепенных спорах в руководстве НССФ, нередко упуская из виду большинство не охваченной им молодежи (не говоря уже о крайне правых группировках типа движения «Запад» или Федерации студентов-националистов). Вряд ли обоснованно утверждение автора об «идентичности» университетских проблем во всех развитых капиталистических странах (стр. 218). Сама его работа свидетельствует о ярко выраженной специфике Франции не только по форме, но и по существу этих проблем.

Следовало бы также более четко раскрыть в работе соотношение общего и особенного в рабочем и студенческом движении во Франции. Как известно, Французская компартия уделяла и уделяет данному вопросу самое пристальное внимание. Она решительно выступает против как интеллектуального снобизма, левацких претензий части учащейся молодежи на роль «детонатора» революционного процесса, если не его вождя, так и «увриеристских» тенденций в рабочей среде, принижающих роль интеллигенции (настоящей и будущей) в борьбе против капиталистической системы. С точки зрения коммунистов, руководящая роль рабочего класса в общедемократическом движении не только не противоречит, но, напротив, предполагает активное участие в нем представителей людей умственного труда.

Однако в целом монография — ценное исследование. Оно помогает дать ответ на чрезвычайно важный вопрос об объективных и субъективных предпосылках и самом характере майско-июньского социально-политического кризиса 1968 г. во Франции, во всяком случае, на уровне студенческого движения, причем ответ конкретный, четкий, солидно аргументированный.

Ю. И. Рубинский

Я. Я. ЭТИНГЕР. *Межгосударственные организации стран Азии и Африки. (Политические и экономические аспекты)*. М. Изд-во «Наука». 1976. 192 стр. Тираж 3400. Цена 63 коп.

Новая работа специалиста по проблемам международных отношений развивающихся стран, ведущего исследователя Института мировой экономики и международных от-

ношений АН СССР, доктора исторических наук Я. Я. Этингера, являясь логическим продолжением предыдущей книги того же автора «Межгосударственные отношения в

Африке» (М. 1972), посвящена актуальному и важному вопросу. Она существенно дополняет предыдущую работу, в ней на обширном документальном материале исследован малоизученный аспект международных отношений. Изучение межгосударственных организаций стран Азии и Африки, процесса их формирования, характера, деятельности и той роли, которую они играют в современной международной жизни, необходимо для правильного понимания расстановки политических сил и экономической и политической ситуации, сложившейся на этих континентах.

Для работы характерен комплексный подход к изучению афро-азиатских межгосударственных организаций. Рассматривая исторические, структурные и функциональные аспекты исследуемого вопроса, автор сумел вскрыть многие важные, хотя зачастую и подспудные, факторы и тенденции, лежащие в основе растущего стремления афро-азиатских стран к сотрудничеству на региональной основе.

В книге широко использованы документы межгосударственных организаций Азии и Африки, советская и зарубежная пресса, а также труды советских и зарубежных ученых. Привлечение столь широкого круга источников и литературы позволило автору насытить работу богатым и интересным фактическим материалом, который дает довольно полное представление о пройденном историческом пути и современном состоянии важнейших межгосударственных организаций Азии и Африки. В то же время монография носит не столько информативный, сколько аналитический характер. Автор вскрывает основные особенности афро-азиатских региональных организаций, которые представляют собой важное и специфическое явление в системе международных отношений нашего времени. Обладая многими общими чертами, свойственными международным организациям, они в то же время несут на себе отпечаток национально-освободительного движения, являются его коллективными выразителями, отражая присущие ему сильные и слабые стороны.

Автором прослеживается эволюция межгосударственных организаций стран Азии и Африки, предлагается их убедительно обоснованная классификация. В основу ее положена политическая и социально-экономическая направленность межгосударственных организаций. Классифицируя их по этому признаку, Я. Я. Этингер выделяет две группы: «смешанные» и «однородные» по составу

участников (стр. 33—34). Анализируя деятельность каждой из этих групп, он рассматривает факторы, способные влиять на характер этой деятельности, и делает правильный вывод, что экономический эффект деятельности «однородных» организаций значительно выше, чем организаций «смешанного» характера.

Представляется правомерным и вывод автора, что «центробежные тенденции в региональных организациях стран Азии и Африки довольно велики, гораздо больше, чем в подобных же организациях промышленно развитых капиталистических стран, находящихся примерно на одном уровне социально-экономического развития и характер политических режимов которых в большинстве случаев весьма близок» (стр. 10).

Всесторонне рассмотрены в книге история возникновения и формирования, структура и основные аспекты политической и экономической деятельности таких межгосударственных организаций, как Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южнотихоокеанский форум, «Региональное сотрудничество для развития», Организация африканского единства (ОАЕ), Общая Африкано-Малагасийская организация (ОКАМ), Экономическое сообщество Западной Африки (КЕАО) и др. Особый интерес представляют разделы, посвященные анализу деятельности Южнотихоокеанского форума, деятельность которого в нашей литературе освещается впервые, а также АСЕАН, межгосударственных организаций Океании, Организации арабских стран — экспортеров нефти и ОАЕ.

Впервые в советской литературе автором обстоятельно освещен вопрос о позиции ОАЕ в крупнейших международных кризисах, показано отношение ОАЕ к проблемам внутреннего единства и территориальной целостности африканских государств. Я. Я. Этингер подчеркивает, что ОАЕ, как и другие межгосударственные организации стран Африки, с большой тревогой воспринимают любые действия, направленные против участников этих организаций, любые попытки ослабить или расчлнить молодые государства. Это рассматривается как посягательство на всех участников межгосударственных организаций, как угроза самому существованию этих государств. Иллюстрируя это положение, автор исследует позицию ОАЕ и ее участников во время нигерийского кризиса 1967—1970 гг., оказавшего заметное влияние как на политические судьбы Африки вообще, так и на направление и ха-

рактик деятельности ОАЕ и других межгосударственных организаций африканских стран. В работе освещается также позиция ОАЕ в индийско-пакистанском конфликте в начале 1970-х годов, приведшем к созданию Народной Республики Бангладеш, рассмотрен вопрос о взаимоотношениях ОАЕ с другими межгосударственными организациями африканских стран. Привлекает внимание также раздел, посвященный ОКАМ, в котором анализируются эволюция, деятельность и место этой организации в системе межгосударственных региональных организаций в Африке.

В монографии содержится принципиально важный вывод, что в последние годы усиливается тенденция к созданию межгосударственных региональных организаций в Азии и Африке (стр. 9, 184). Эти организации играют все возрастающую роль в политической и экономической жизни молодых государств, способствуют укреплению их сотрудничества в борьбе против неокolonизма, за упрочение политической и достижение экономической независимости. Вместе с тем автор убедительно обосновывает выдвигаемый им тезис, что по мере все большего расхождения путей социально-экономического развития участников международных организаций последние все чаще становятся ареной острых дискуссий и политической борьбы между странами, которые занимают последовательно антиимпериалистические позиции, и странами, правящими кругами которых склоняются к компромиссам с империализмом и готовы ради этого пойти на отказ от принятия согласованных решений (стр. 186).

Все выводы книги основательно аргумен-

тированы. Многие из них имеют как научно-теоретическую, так и практическо-политическую ценность. В некоторых разделах автор не только вскрывает основные факторы и тенденции, лежащие в основе существования и функционирования ряда межгосударственных организаций, но и дает обоснованный прогноз перспектив развития этих организаций в будущем.

В то же время Я. Я. Эттингеру следовало уделить большее внимание проблеме погранично-территориальных споров в Азии и Африке и их влиянию на процессы региональной интеграции. Как известно, опыт политического развития африканских стран за последние десятилетия свидетельствует о том, что именно территориально-пограничные споры тормозят не только развитие двусторонних отношений, но и создание и деятельность различных межгосударственных организаций соседних стран (например, кенийско-угандийский пограничный конфликт в значительной степени осложняет функционирование Восточноафриканского экономического сообщества). Желательно было бы также более подробно осветить вопрос об отношении западных держав к межгосударственным организациям стран Азии и Африки. Это целесообразно сделать, учитывая, что ведущие империалистические державы неоднозначно оценивают эти организации. Хотелось бы видеть в работе более развернутое и основательное заключение. В своем нынешнем виде оно не может удовлетворить читателя, так как не адекватно тому богатому и интересному фактическому материалу и тем важным выводам, которые содержатся в монографии.

А. М. Хазанов

А. А. КОКОШИН. *Прогнозирование и политика. Методология, организация и использование прогнозирования международных отношений во внешней политике США*. М. Изд-во «Международные отношения». 1975. 176 стр. Тираж 8000. Цена 67 коп.

В последние годы в советской американистике все большее внимание уделяется различным аспектам процесса формирования и осуществления внешнеполитического курса США, попыткам руководящих кругов этой страны «усовершенствовать» данный процесс путем использования современных методов разработки политики, создан-

ных американскими буржуазными специалистами. Однако в советской историографии до недавнего времени практически отсутствовали работы, в которых бы рассматривались вопросы прогнозирования международных отношений и его место в практической деятельности внешнеполитического аппарата США.

Монография ученого секретаря Института США и Канады АН СССР кандидата исторических наук А. А. Кокошина представляет собой первую в нашей литературе попытку проанализировать современное состояние и основные тенденции развития прогнозирования международных отношений как одного из важнейших инструментов разработки американской внешней политики. Автор при этом весьма четко выделяет место именно прогнозирования, его отличие от других видов аналитической деятельности, в том числе от внешнеполитического планирования. Подробно анализируются коренные пороки современной буржуазной теоретической основы прогнозирования международных отношений.

В работе прослеживается связь между теоретико-методологическими основами прогнозирования, конкретными методами и методиками, организационно-политическими аспектами прогнозирования и внешнеполитического планирования в США, с одной стороны, и проблемами их внешнеполитической стратегии в 70-е годы — с другой. Комплексный характер исследования, удачно избранная структура монографии, а главное — четкие научные критерии позволили автору всесторонне осветить рассматриваемый предмет, избежать крайностей в оценках и сделать важные в теоретическом и практическом отношении выводы.

Критически анализируя американский опыт в области прогнозирования международных отношений, автор использует собственную, логически обоснованную классификацию основных методов прогнозирования международных отношений, а также разбирает главные категории прогнозирования, что продвигает вперед разработку советской методологии прогнозирования международных отношений. А. А. Кокошин аргументированно выделяет те элементы американского опыта, которые, при достаточно критическом к нему отношении, заслуживают внимания советских ученых и практиков. Это, в частности, относится к информационному обеспечению международно-политического прогнозирования.

Обстоятельно, с большим знанием дела анализируются организация и механизм использования результатов прогнозирования во внешней политике США, как на ведомственном (например, управление разведки и исследований и группа планирования политики в госдепартаменте США), так и на межведомственном уровне (различные комитеты и группы в системе Совета нацио-

нальной безопасности (СНБ), в частности высшая группа анализа, комитет по разведке и др.). Автор показывает, что в последние годы принимаются меры по более активному применению прогнозирования при разработке внешнеполитического курса, в том числе и на высшем уровне государственного руководства. Об этом свидетельствует, в частности, создание в системе СНБ в январе 1972 г. группы суммарных оценок, главная функция которой состоит в определении состояния и перспектив общего мирового соотношения сил по политическим, военным и экономическим параметрам, в установлении «потенциальных угроз» для США в мире, а также во внедрении в практику соответствующих ведомств методик, нацеленных на более тесную увязку прогнозирования с разработкой внешнеполитических мероприятий. Как отмечается в работе, этот механизм включает в себя многочисленные американские исследовательские центры, или «фабрики мысли» («Рэнд корпорейшн», Гудзоновский институт, Институт внешнеполитических исследований, Институт оборонных исследований и др.), в которых составляются долгосрочные прогнозы военно-политического и общего внешнеполитического характера, а в последние годы во все большей мере и прогнозы, связанные с международно-политическими последствиями научно-технической революции, а также с рядом внутренних проблем, имеющих наибольшее значение для внешней политики США.

В работе дается научно обоснованная классификация исследовательских центров, оцениваются их возможности, подвергаются анализу их связи с плано-аналитическими подразделениями правительственных ведомств. Автор выделяет около 40 американских центров, где прогнозирование занимает ведущее место. Во многих из этих организаций ведется работа по созданию комплексных математических моделей для изучения международных отношений, их информационно-аналитическому и техническому обеспечению (стр. 92). Автор приходит к выводу, что в условиях острых межведомственных противоречий, внутриполитической борьбы различных групп в американском правительственном аппарате и за его пределами, неизбежной для политической системы США, организационный механизм прогнозирования «не стал, да и не может стать функционально совершенным даже с точки зрения буржуазных теорий принятия политических решений» (стр. 169).

Любпытген разбор крупномасштабных американских прогнозов, в которых очерчиваются основные контуры международных отношений в 70—80-х годах и предлагаются главные задачи и направления внешнеполитической стратегии США на этот период. Автором рассматриваются варианты будущей системы международных отношений, предполагаемые ведущими американскими специалистами. В книге содержится обоснованные суждения о структуре внешнеполитической стратегии империалистического государства, ее основных компонентах, сочетании объективных и субъективных факторов при разработке стратегии и ее реализации.

Анализируя с классовых позиций внешнеполитические цели правящих кругов США, автор впервые в советской литературе предлагает критерии разделения американских монополий на группы в зависимости от их конкретной заинтересованности в характере и масштабе международно-политической деятельности государства (стр. 124). Такой подход, безусловно, имеет основания. Вместе с тем он нуждается в дальнейшей разработке.

Большое научное и политическое значение имеет анализ различных концепций будущего международных отношений, которые рассматриваются А. А. Кокошиным в связи с теоретическими поисками современной буржуазной политической науки. Сопоставляя прогностические разработки с ре-

альными направлениями внешнеполитической стратегии США, автор приходит к выводу, что внешнеполитический курс Соединенных Штатов, выступающих в роли гаранта и охранителя международной системы капитализма, по классовым соображениям имеет долгосрочную ориентацию на активное приспособление к объективным реальностям складывающейся международной обстановки (стр. 170). В свою очередь, эти объективные реальности — непрерывное усиление влияния на ход мирового процесса активной мирной политики Советского Союза, других стран социалистического содружества, возрастающая роль международного коммунистического и освободительного движения и других факторов — вынуждают правящие круги США более конструктивно подходить к решению отдельных международных проблем, учитывать в той или иной мере интересы основных групп государств, представленных на мировой арене, двигаться по пути разрядки. Сопоставление прогнозов развития системы международных отношений с политическими акциями США помогает уточнить наши представления о реальных целях политики американских правящих кругов на международной арене.

Труд А. А. Кокошина, являющийся оригинальным, практически важным исследованием, удостоен в апреле 1976 г. премии имени Ленинского комсомола.

В. Ф. Петровский

Г. В. ЕФИМОВ. *Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911—1913 гг.). Факты и проблемы.* М. Изд-во «Наука». 1974. 416 стр. Тираж 3600. Цена 1 руб. 61 коп.

Автор рецензируемой монографии профессор Ленинградского университета доктор исторических наук Г. В. Ефимов почти 40 лет целеустремленно исследует политическую жизнь Китая конца XIX — начала XX в. и участие в ней революционера-демократа Сунь Ят-сена¹. Новая книга Г. В. Ефимова обобщает исследования советских

историков по проблемам Синьхайской революции 1911—1913 гг. и роли в ней Сунь Ят-сена.

Г. В. Ефимов использовал разнообразие в Китае и Сунь Ят-сен. «Ученые записки» Ленинградского пединститута имени М. Н. Покровского. Т. 5, вып. 1. 1940; его же. К вопросу об образовании китайской нации. «Вопросы истории», 1953, № 10; его же. Революция 1911 года в Китае. М. 1959; его же. Синьхайская революция в Китае и английское правительство. «Новая и новейшая история», 1969, № 5; его же. К ленинской оценке революционных демократов Китая. «В. И. Ленин и проблемы истории стран Востока». Л. 1970.

¹ Г. В. Ефимов. Сунь Ят-сен в борьбе за независимый Китай. «Исторический журнал», 1937, № 1; его же. История Китая в эпоху империализма. «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость». М.-Л. 1940; его же. Революция 1911—1913 гг.

ные отечественные и зарубежные архивные материалы (в частности лондонский Foreign Office Archives). Книга опирается на обширный круг источников, документов и литературы на русском, китайском и английском языках, на русскую и зарубежную периодику 1911—1913 годов. Некоторые материалы впервые вводятся в научный оборот.

Особое внимание Г. В. Ефимов уделит ленинским оценкам политической истории Китая. Приведя ленинское положение о том, что «у европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»², автор показывает, что Китай не выпал из общего мирового революционного процесса, подчеркивает значение интернациональной солидарности трудящихся Азии и Европы. Для анализа классово-идеологической сущности идеологии и политики Сунь Ят-сена Г. В. Ефимов широко использовал и статью В. И. Ленина «Демократия и народничество в Китае»³. Автор доказательно вскрыл несостоятельность построений некоторых буржуазных интерпретаторов идеологии и политики Сунь Ят-сена, попыток приуменьшить позитивную историческую роль идеологии и политики Сунь Ят-сена и поднять на щит умеренно-конституционные элементы и либеральную буржуазию.

В книге подчеркнуто, что вдохновляющим стимулом для подъема национальных движений в угнетенных странах оказалась русская революция 1905—1907 годов. В этом плане чрезвычайно ценными представляются приводимые в монографии факты о влиянии русской революции на китайских рабочих, о революционной пропаганде большевиков, работавших на КВЖД, о солидарности китайских и русских рабочих на КВЖД. Впоследствии часть китайских рабочих с этой дороги была переброшена в Центральный Китай, где «они сыграли немаловажную роль в революции 1911 г.» (стр. 24—25). Г. В. Ефимов справедливо утверждает, что «1905 год стал важной вехой в истории революционной борьбы китайского народа» (стр. 7). 20 августа в Иокогаме (Япония) произошло объединение революционных организаций в Китайский революционный объединенный союз Чжунго Гэмин (тунмэнхуэй), возглавленный Сунь Ят-сеном. Союз принял программу, призывавшую свергнуть маньчжурскую ди-

настию Цин и учредить в стране республиканский строй.

Автор дает четкую характеристику расстановки классов в революции 1911—1913 гг., которую он считает следствием глубоких противоречий между господствовавшей в стране маньчжурской династией и поддерживавшими ее феодалами-помещиками и чиновной бюрократией, с одной стороны, и противостоявшими им китайской буржуазией, крестьянством, городской мелкой буржуазией и рабочим классом — с другой. Молодую китайскую буржуазию, неоднородную и экономически и политически, объединяло противоречие между нею и феодально-бюрократическим антинациональным режимом Цинов и насаждавшимися им средневековыми регламентациями, препятствовавшими развитию предпринимательской инициативы и на этой основе обострявшими национальные чувства буржуазии. «Политическим рупором» ее была интеллигенция, наиболее болезненно переживавшая отсталость страны и антипатриотическую линию правящих кругов.

Поскольку острота этих противоречий неодинаково ощущалась разными слоями буржуазии, то и уровень ее объективно прогрессивной оппозиции режиму тоже был различным по своему содержанию и организационным формам. Отсюда две противоположные политические линии. Одна — левая — представляла революционно-демократическую буржуазию, ставившую своей целью свержение монархии и установление республики, другая — правая — отражала интересы либерально-конституционной буржуазии, идейно связанной с либерально-реформаторским движением конца XIX в., а в социальном плане с помещичье-шэньшуйскими элементами, ставшими перед собой задачу ввести в Китае конституционный монархический режим.

Национально-политическое сознание китайской буржуазии, пробудившееся у нее раньше, чем у других классов китайского общества, выдвигало ее на роль гегемона национального и антифеодального движения. Но, как верно отмечает Г. В. Ефимов, китайская буржуазия с момента своего выхода на арену политической борьбы «показала с неоспоримой убедительностью свою непоследовательность» (стр. 195), что выявилось при решении вопроса о стратегической цели борьбы. В реализации этой цели буржуазия могла опереться на крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения и являвшееся «наиболее

² В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 179.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21.

важной революционной силой» (стр. 70), не раз выступавшей против маньчжурской власти и ее ставленников. Хотя эти выступления были локальными и не имели политической программы, они говорили об активизации революционных сил китайской деревни. Их стремились привлечь на свою сторону как правое, так и левое крыло буржуазии. При всей противоречивости аграрной программы Объединенного союза его лозунг «уравнение прав на землю», предусматривавший ломку феодальных отношений, подталкивал крестьян в сторону буржуазных демократов и их вождя Сунь Ят-сена. «Большой горячий материал враждебности феодальной власти» (стр. 14) имела и многочисленная городская мелкая буржуазия. Характеризуя немногочисленный китайский рабочий класс (около 650 тыс. человек), автор отмечает, что он, хотя и присоединялся к антиправительственным выступлениям, а в отдельных случаях даже был их инициатором, все же оставался еще «классом в себе», способным «при должном руководстве участвовать в политической борьбе...» (стр. 14).

Содержательные страницы монографии, посвященные политическим партиям в революции. Наиболее оформленным в идеологическом отношении был тогда Объединенный союз, оказывавший «существенное влияние на политическую обстановку в стране. Он был основной организацией, систематически готовившей революционное ниспровержение существующей власти» (стр. 63). По своему социальному составу союз был разнородным, в нем «были представлены буржуазные и мелкобуржуазные элементы, шаньшайская интеллигенция, военные, вышедшие из помещичьей и крестьянской среды» (стр. 49). Не будучи массовой партией, он ориентировался на узкий круг преданных революции людей и, по существу, игнорировал работу в массах. Хотя выступления крестьянства, главной социальной опоры революционной буржуазии, поддерживались союзом, тем не менее оно в большинстве «оставалось вне сферы влияния революционных демократов» (стр. 275). Союз не был связан и с рабочим классом. Более того, когда в начале марта 1912 г. шанхайские рабочие «организовали первое классовое объединение, федерацию механиков шанхайского арсенала», она вскоре была разогнана одним из лидеров Объединенного союза — Чэнь Ци-мэем (стр. 261). Не отличался союз и политической монолитностью. И хотя Сунь Ят-сен был его лидером, это не озна-

чало, подчеркивает Г. В. Ефимов, что «его идеи и его воля были непререкаемы» (стр. 49). Союз раздирали противоречия между правым и левым течениями, ослаблявшие его единство и борьбу.

Что касается либералов-конституционалистов, то они, как пишет автор, «сыграли известную положительную роль в развитии патриотических чувств в китайском народе, но основная направленность их деятельности была антиреволюционной» (стр. 63). Между двумя ведущими буржуазными партиями шла борьба за гегемонию в революции.

В книге рассмотрен вопрос о характере и направленности революции, о роли масс в ней. Выражая несогласие с оценкой китайской революции рассматриваемого периода как «верхушечной» (стр. 354) и отмечая домыслы буржуазных ученых, считающих ее «армейским восстанием» (стр. 186) и «консервативным движением» (стр. 189), инспирированным якобы высокопоставленными чиновниками в центре и на местах, Г. В. Ефимов, тщательно проанализировав документы, пришел к выводу, что революция была «процессом, охватившим в той или иной степени всю страну» (стр. 193), что она являла собой массовое «народное революционное движение» (стр. 193, 194) в формах мирной и вооруженной борьбы, перехода на сторону революции армии, создания отрядов революционных войск и т. п., то есть отличалась высоким уровнем и различием форм участия в ней народных масс.

Но правомерно ли рассматривать участие народных масс в Синьхайской революции как свидетельство ее народного характера? В. Н. Кучумов, один из первых советских ее исследователей, еще в 1934 г. определил ее как буржуазную по своему характеру (стр. 350). В последующие годы советские историки, в общем, придерживались этой оценки. Г. В. Ефимов с учетом новых данных подтвердил, что в Китае «историческая действительность ставила в повестку дня буржуазную по своему социальному содержанию революцию» (стр. 352). Но буржуазные революции могут отличаться друг от друга степенью массовости революционных сил, организованности, готовности масс к решению социальных, экономических и политических требований. В. И. Ленин, сравнивая буржуазные революции начала XX в. (турецкую, португальскую, русскую), писал, что «португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо мас-

са народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»⁴. В этом смысле китайская революция 1911—1913 гг. тоже не была народной, ее нельзя «уподоблять... по роли масс первой русской революции», поскольку «массы со своими программными требованиями самостоятельно не выступили, хотя они и сыграли огромную роль в революции, в достижении победы над феодальным маньчжурским режимом» (стр. 355). В этой связи Г. В. Ефимов справедливо отмечает, что стремление буржуазной историографии умалить роль масс и демократии в революции 1911—1913 гг. лишено реальной почвы (стр. 357).

В советской литературе 60-х годов широко дискутировался вопрос о том, «была ли антиманьчжурская программа китайских революционеров связана с задачами борьбы против империалистического господства в Китае?» (стр. 9). Г. В. Ефимов положительно отвечает на этот вопрос. Он видит особенность Синхайской революции в том, что она была «буржуазной по своему социальному содержанию и одновременно национальной, антиманьчжурской» (стр. 14). Антифеодальную и антиимпериалистическую направленность революции придавало то, что она выступила против цинской династии, опекаемой иностранными державами. Идейной основой антиимпериалистической направленности революции был национализм угнетенной нации, содержащий в себе прогрессивную тенденцию борьбы за независимый и свободный Китай.

Рассматривая идеологию и политику Сунь Ят-сена, Г. В. Ефимов не идеализирует этого деятеля, анализируя как положительные, так и негативные стороны его программы. Как подчеркивает автор, в идеологии и политике Сунь Ят-сена важное место занимал принцип национализма — борьба за свободный и сильный Китай. Вопреки распространенной в буржуазной историографии точке зрения, будто национализм не связан с классовой борьбой и не имеет классового характера, поскольку-де в нем выдвигаются интересы всей нации, Г. В. Ефимов отмечает, что развитие национализма в Китае «приняло форму революционного освободительного движения и имело классовый характер» (стр. 14). Это движение находилось под руководством буржуазии и ставило за-

дачу установления буржуазного строя в Китае. 1 января 1912 г. Сунь Ят-сен вступил на пост президента Китайской республики. Во внутренней политике он предпринял «некоторые шаги по осуществлению буржуазно-демократических преобразований в стране», призвав к ликвидации самодержавия, утверждению республики, обеспечению народного благосостояния, установлению национального единства путем провозглашения равноправия всех наций (ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэйцзу, тибетцев), отбросив тем самым «всякие тенденции к великоханьскому шовинизму» (стр. 222—223).

Но ни Сунь Ят-сен, ни его ближайшие соратники не были готовы к тому, чтобы, опираясь на революционную армию, на крестьянство, развернуть войну против пекинского правительства милитариста Юань Ши-кая. Во внешней политике Сунь Ят-сен стремился к сохранению мира и укреплению уз «дружбы с доброжелательными» к Китаю государствами (стр. 224) и вместе с этим признавал все договоры, заключенные маньчжурским правительством, его обязательства по внешним займам. В достижении свободного и сильного Китая Сунь Ят-сен «возлагал надежды на помощь... Англии, Франции, США, Японии...» (стр. 312). Г. В. Ефимов заключает, что внешнеполитическим суждениям Сунь Ят-сена были свойственны явно ошибочные представления. Он и его окружение не видели, например, империалистической сущности политики Японии, ее захватнических планов в отношении Китая (стр. 314), наивно рассчитывая на то, что в создании сильного и демократического Китая им помогут империалисты.

1 апреля 1912 г. Сунь Ят-сен ушел с поста временного президента Китайской республики, отказавшись от него в пользу Юань Ши-кая. Несмотря на малоэффективность, «правительство Сунь Ят-сена проявило себя как первая в истории Китая революционная власть» (стр. 250). Сунь Ят-сен был первым революционным демократом в Азии, поставившим вопрос о социализме в Китае (стр. 270). Его понимание социализма, сформулированное в принципе народного благоденствия, было весьма далеко от научного социализма. Он «не дошел до признания классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, не уяснил сущности современного капитализма» (стр. 358) и даже пытался «избежать капитализма» путем передачи ренты государству (стр. 18). В общем, он «остался союз-

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 39.

ником революционного пролетариата, не став на его позиции» (стр. 358). «Непоследовательность и нерешительность революционных демократов во главе с Сунь Ят-сеном, отражавшие их слабость и неверие в творческие возможности масс, боязнь империалистической интервенции» (стр. 253), — пишет Г. В. Ефимов, толкали их на сближение с реакционным Севером. Неспособность буржуазии стать подлинным гегемоном революции и то, что народные массы, ничего не получившие от нее, были разочарованы в Объединенном союзе и его лидерах, обусловили победу Юань Ши-кай (стр. 239, 338).

В заключение выскажем некоторые замечания. Не всегда автор дает строго очерченные и исторически оправданные этапы и периоды Синьхайской революции. В одном случае он пишет, что «к началу апреля 1912 г. завершился важный этап китайской революции: на смену революционному демократу Сунь Ят-сену к руководству страной пришел реакционер и изменник Юань Ши-кай» (стр. 254), в другом — «с апреля 1912 г. наступил юаньшикаевский период президентства» (стр. 257). При таком делении трудно уловить последовательность этапов и периодов, их качественное отличие друг от друга и, что особенно важно, стратегическую направленность этапов.

В историографии вопроса следовало бы сильнее подчеркнуть актуальность вопроса об идеологии и политике Сунь Ят-сена. Автор правильно пишет, что в отличие от других буржуазных революционеров Сунь Ят-сен, «преодолевая немалые ошибки и заблуждения, пришел к дружбе с СССР,

к союзу с рабочими и крестьянами, к сотрудничеству с коммунистами» (стр. 51). Поэтому его имя весьма популярно не только в китайском народе, но к нему тянутся и в той или иной степени используют его идеи отдельные лидеры современного национально-освободительного движения в развивающихся странах. В противовес этому буржуазные идеологи, выхолащивая революционное содержание принципов Сунь Ят-сена, пропагандируют реакционные черты суньятсеновских концепций.

Сунь Ят-сен достоин того, чтобы советское Китаеведение акцентировало его прогрессивную роль и место в китайском революционном движении нового и новейшего времени. Но, говоря так, хотелось бы иметь в виду, что объективно, с точки зрения исторической перспективы, китайская революция новейшего времени ориентировалась не на буржуазно-демократические идеи Сунь Ят-сена и опыт Синьхайской революции, а на идеи марксизма-ленинизма и опыт русской революции. Важно, чтобы Сунь Ят-сен не заслонял китайских коммунистов-интернационалистов (Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Пэн Бая, Ван Мина и др.), нацеливавших свой народ на научный социализм и опыт Великой Октябрьской социалистической революции.

Написанная на высоком профессиональном уровне, монография Г. В. Ефимова, который по-новому взглянул на многие известные факты, является актуальным исследованием, подводящим к пониманию некоторых особенностей развития современного Китая.

Е. Ф. Ковалев

НОВЫЕ КНИГИ

В. И. Ленин и Калмыкия. Сборник документов и материалов. Сост. З. Б. Очирова и др. Элиста. Калмкнигоиздат. 1976. 187 стр. 1000 экз. 41 коп.

История СССР

Алексеева Т. В. Исследования и находки. М. «Искусство». 1976. 159 стр. с илл. 10 000 экз. 2 руб. 97 коп.— Проблемы истории русской культуры и искусства XVIII — начала XIX века.

Амурская область в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Сборник до-

кументов и материалов. Сост. Л. А. Суржина, Т. Г. Трубочки. Хабаровск. Книжное изд-во, Амурское отд-ние. 1976. 415 стр. 2000 экз. 87 коп.

Археологическая карта Башкирии. М. «Наука». 1976. 263 стр. с илл. 2200 экз. 2 руб. 32 коп.

Агаджанов А. Р. ЦКК — РКК Узбекистана в борьбе за социализм. Ташкент. «Фан». 1976. 204 стр. 1000 экз. 1 руб. 29 коп.

Болгари П., Любчиков М. Под красными вымпелами. Об участии моряков черноморцев в борьбе за победу и укрепление власти Советов на Украине. Киев.

Политиздат Украины. 1976. 173 стр. с илл. 54 000 экз. 32 коп.

В те суровые годы. Сост. Е. В. Мелихова. Предисловие И. Виноградова. Л. Лениздат. 1976. 311 стр. с илл. 50 000 экз. 63 коп.— Воспоминания и очерки о героинях партизанской борьбы и подполья на территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 2: 1815—1830 гг. Т. 2(10): октябрь 1817 г.—апрель 1819 г. М. Политиздат. 1976. 904 стр. 8500 экз. 4 руб. 18 коп.

Во имя победы. Трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны. Сост. В. П. Киселев, Е. Г. Филатов. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1976. 206 стр. 10 000 экз. 1 руб. 3 коп.

Газеты СССР. 1917—1960. Библиографический справочник. В 5-ти томах. Т. 2: А—И (краевые, губернские, областные, окружные, уездные, районные, городские, транспортные, военные и другие газеты). М. «Книга». 1976. 567 стр. (Всесоюзная книжная палата, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). 2000 экз. 2 руб. 90 коп.

Герои в бушлатах. Изд. 3-е, доп. Сост. М. Н. Гусев. Донецк. «Донбасс». 1976. 167 стр. с илл. 100 000 экз. 44 коп.— Очерки и воспоминания о моряках-донбассовцах.

Голоса из России. Сборник А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Книжки 1—9: 1856—1860, Лондон, факсимильное издание. В 3-х вып. Вып. 3: книжки 7—9, 1859—1860. Издание под руководством акад. М. В. Нечкиной. М. «Наука». 1976. 548 стр. с илл. 81 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Древнерусские княжеские уставы. XI—XV вв. Изд. подгот. Я. Н. Шапов. М. «Наука». 1976. 240 стр. 10 400 экз. 1 руб. 20 коп.

Дубинина Н. И. *Ты позови, Дальний Восток!* Хетагуровское движение девушек-патриотов, 1937—1939 гг. Исторический очерк. Хабаровск. Книжное изд-во. 1976. 173 стр. с илл. 5000 экз. 35 коп.

Иванов Б. В. *Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны.* Томск. Изд-во Томского ун-та. 1976. 375 стр. 1000 экз. 2 руб. 50 коп.

История внешней политики СССР. 1917—1976. В 2-х т. Изд. 3-е, доп. Т. 1: 1917—1945 гг. М. «Наука». 1976. 519 стр. 45 000 экз. 2 руб. 45 коп.

Кудрявцев А. *Город, не подвластный векам.* Махачкала. Дагкнигоиздат. 1976. 143 стр. 3000 экз. 18 коп.— Очерк об археологических раскопках в Дербенте.

Ларионов А. В., Силэш Я. *Невцы.* М. «Советская Россия». 1976. 156 стр. с илл. 50 000 экз. 64 коп.— Очерки о партизанах соединения имени Александра Невского.

Летопись важнейших событий истории Коммунистической партии Молдавии. (Авторский коллектив). Кишинев. «Карта молдовеняжскэ». 1976. 679 стр. 2500 экз. 1 руб. 14 коп.

Литература об Архангельской области за

1974 год. Сост. Г. М. Кошелева, З. В. Еремина. Архангельск. Северо-Западное книжное изд-во. 1976. 191 стр. (Архангельская областная библиотека имени Н. А. Добролюбова). 1000 экз. 59 коп.

Маринов А. А. *Негасимый огонь.* Предисл. А. М. Васильевского. М. Воениздат. 1976. 223 стр. 50 000 экз. 60 коп.— Из истории Советских Вооруженных Сил.

Массон М. Е. *Из воспоминаний среднеазиатского археолога.* Ташкент. ИХЛИ. 1976. 176 стр. с илл. 2000 экз. 1 руб.

Могилевская область, Белорусская ССР. Историко-экономический очерк. Изд. 2-е, доп. и перераб. Минск. «Беларусь». 1976. 206 стр. с илл. 40 000 экз. 80 коп.

Морозов В. В. *Город в золотой долине.* Изд. 2-е, перераб. и доп. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1976. 167 стр. с илл. 10 000 экз. 21 коп.— История г. Миасса.

Народное хозяйство Московской области, 1971—1975 гг. Статистический сборник. М. «Статистика». 1976. 191 стр. 2700 экз. 93 коп.

Непокоренная земля Псковская. Документы и материалы из истории партизанского движения и партийно-комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны, 1941—1944. Изд. 3-е, доп. и перераб. Сост. Я. Н. Альмухамедов и др. Л. Лениздат. 1976. 455 стр. с илл. 10 000 экз. 86 коп.

Новохатский М. *Путь в легенду.* Очерк жизни Г. И. Котовского. Предисл. И. К. Чобану. Кишинев. «Карта молдовеняжскэ». 1976. 663 стр. 100 000 экз. 1 руб. 18 коп.

Остапенко И. П. *Рабочий класс СССР в управлении производством, 1956—1970 гг.* М. «Наука». 1976. 483 стр. 2650 экз. 2 руб. 28 коп.

Пергаментные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI вв. Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 235 стр. с илл. (Библиотека АН СССР). 2400 экз. 1 руб. 56 коп.

Позывные истории. Вып. 5. Сост. и научн. ред. А. П. Зиновьев. М. «Молодая гвардия». 1976. 208 стр. 50 000 экз. 47 коп.— История ВЛКСМ.

Поляков Ю. А., Чугунов А. И. *Конец басмачества.* М. «Наука». 1976. 183 стр. (Серия «История нашей Родины»). 75 000 экз. 61 коп.

Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Вторая половина XIX—начало XX в. Сборник статей. Л. «Наука», Ленинградское отд-ние. 1976. 333 стр. 2300 экз. 1 руб. 61 коп.

Распутник Б. И. *Советская историография современного рабочего движения.* Вопросы теории и методологии. Ч. I. Львов. Изд-во Львовского ун-та. 1976. 224 стр. 1850 экз. 1 руб. 46 коп.

Рафиков М. А. *От Волги до Тянь-Шаня.* Казань. Таткнигоиздат. 1976. 158 стр. с илл. 6500 экз. 27 коп.— Очерк боевого пути Первой Приволжской татарской стрелковой бригады в 1919—1922 годах.

Родинский Д., Царьков Н. *Повесть о братьях.* Предисловие А. М. Васи-

левского. М. Политиздат. 1976. 128 стр. с илл. (Серия «Герои Советской Родины»). 200 000 экз. 19 коп.— Биографический очерк о Героях Советского Союза Александре и Петре Лизюковых, об их брате Евгении.

Руденко С. И. *Крылья Победы*. М. Воениздат. 1976. 412 стр. с илл. (Серия «Военные мемуары»). 100 000 экз. 1 руб. 4 коп.— Воспоминания Героя Советского Союза, маршала авиации.

Русакова Л. М. *Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв.* Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1976. 183 стр. 1000 экз. 73 коп.

Севастопольский морской. Очерк. Симферополь. «Таврия». 1976. 126 стр. с илл. (Серия «История фабрик и заводов»). 25 000 экз. 44 коп.

Сибирь, Центральная и Восточная Азия. Эпоха палеолита. Сборник трудов. Новосибирск. «Наука», Сибирское отд-ние. 1976. 189 стр. (Серия «История и культура Востока Азии»). 1800 экз. 1 руб. 43 коп.

Соффер Д. И. Сионизм — орудие антикоммунизма. Днепрпетровск. «Проминь». 1976. 143 стр. 13 600 экз. 19 коп.

Средневековая Русь. 1976. 367 стр. с илл. 16 500 экз. 2 руб. 62 коп.— Сборник статей.

Стрельский В. И. *Теория и методика источниковедения истории СССР.* Киев. «Вища школа». 1976. 130 стр. 3000 экз. 17 коп.

Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания. Изд. 5-е, доп. Сост. Г. В. Тепляков. Донецк. «Донбасс». 1976. 423 стр. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Толочко П. П. *Древний Киев.* Киев. «Наукова думка». 1976. 207 стр. с илл. (Научно-популярная серия). 100 000 экз. 37 коп.

Трехонин Н. *Тысяча дней над полем боя.* Волгоград. Нижне-Волжское книжное изд-во. 1976. 159 стр. с илл. 15 000 экз. 27 коп.— Воспоминания о боевых действиях 503-го штурмового авиационного полка в годы Великой Отечественной войны.

Ты помнишь, товарищ. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны. Сост. П. П. Нетета. Донецк. «Донбасс». 1976. 181 стр. 50 000 экз. 42 коп.

Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. М. «Наука». 1976. 556 стр. с илл. 1200 экз. 3 руб. 34 коп.

Хроника революционных событий на Одессине в годы первой русской революции, 1905—1907 гг. Сост. А. Д. Бачинский и др. Одесса «Маяк». 1976. 207 стр. 3000 экз. 66 коп.

Цуцулян С. Г. *Дорогой подвиг.* Ереван. «Айастан». 1976. 195 стр. с илл. 10 000 экз. 39 коп.— История советской рабоче-крестьянской милиции.

Черноморский М. Н. *Источниковедение истории СССР. Советский период.* Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Высшая школа». 1976. 296 стр. 15 000 экз. 90 коп.— Учебное пособие для студентов.

Черных Е. Н. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.* М. «Наука». 1976. 302 стр. 1450 экз. 1 руб. 45 коп.

Чибиров Л. А. *Народный земледельческий календарь осетин.* Цхинвали. «Ирыстон». 1976. 281 стр. 2000 экз. 1 руб.

Шинкарев Л. *Второй Транссиб.* Новый этап освоения восточных районов СССР. М. Политиздат. 1976. 247 стр. с илл. 200 000 экз. 51 коп.

Всеобщая история

Арш Г. Л. И. *Каподистрия и греческое национально-освободительное движение, 1809—1822 гг.* М. «Наука». 1976. 327 стр. 2100 экз. 1 руб. 22 коп.

Бсдрова В. В. *Народонаселение европейских социалистических стран.* М. «Статистика». 1976. 199 стр. 4500 экз. 1 руб. 23 коп. *Война за независимость и образование США.* М. «Наука». 1976. 551 стр. с карт. 4550 экз. 3 руб. 24 коп.

Голуб В. И. *Болгария социалистическая.* Союз рабочих и крестьян — основа развития социалистического хозяйства НРБ. Киев. «Вища школа». 1976. 191 стр. 2000 экз. 95 коп.

Дипломатия развивающихся государств. Предисл. Н. П. Фирюбина. М. «Международные отношения». 1976. 320 стр. (Внешняя политика. Дипломатия). 10 000 экз. 1 руб. 39 коп.

Зак Л. А. *Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы.* М. «Международные отношения». 1976. 287 стр. 8000 экз. 1 руб. 22 коп.

Колпаков А. Д. *Ирландия на пути к революции, 1900—1918 гг.* М. Изд-во Московского ун-та. 1976. 280 стр. 1160 экз. 2 руб. 20 коп.

Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М. «Наука». 1976. 215 стр. 3150 экз. 85 коп.

Корсунский А. Р. *История Испании IX—XIII веков.* Социально-экономические отношения и политический строй Астуры-Леонского и Леоно-Кастильского королевства. М. «Высшая школа». 1976. 239 стр. 13 000 экз. 57 коп.

Левое студенческое движение в странах капитала. М. «Наука». 1976. 311 стр. 3700 экз. 1 руб. 26 коп.

Лю Ю. *Современный Сингапур.* Справочное издание. М. «Наука». 1976. 165 стр. 10 000 экз. 44 коп.

Международные монополии и рабочий класс. М. «Наука». 1976. 296 стр. 3600 экз. 98 коп.

Мельниченко Б. Н. *Социальные реформы в Таиланде в конце XIX — начале XX в.* М. «Наука». 1976. 106 стр. 1400 экз. 59 коп.

Миккульский К. И. *Классовая структура общества в странах социализма.* М. «Наука». 1976. 279 стр. 6300 экз. 1 руб. 11 коп.

Покровский А. С. *Монополистический капитал в странах Южной Африки.* М. «Наука». 1976. 179 стр. 2100 экз. 95 коп.

Проблемы изучения Австралии и Океании. История, экономика, этнография. Сборник статей. М. «Наука». 1976. 223 стр. 1650 экз. 1 руб. 20 коп.

Шпажников Г. А. *Религия стран Западной Азии.* Справочник. М. «Наука». 1976. 326 стр. 10 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Книги, переведенные
с иностранных языков

Такин Чит Маун. *Заметки о политической жизни Бирмы, 1962—1971*. Сборник статей. Пер. с бирман. Ред. и послесл. А. Ф. Малова; М. «Прогресс». 1976. 294 стр. 3500 экз. 1 руб. 17 коп.

Тодоров Н. *Балканский город XV—*

XIX веков. Социально-экономическое и демографическое развитие. Пер. с болг. М. «Наука». 1976. 516 стр. с илл. 1800 экз. 3 руб. 90 коп.

Уотт У. М., Какиа П. *Мусульманская Испания*. Пер. с англ. Предисловие А. Б. Куделина. М. «Наука». 1976. 215 стр. с илл. (Серия «По следам исчезнувших культур Востока»). 10 000 экз. 74 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«История СССР» № 6, 1976. В. С. Лельчук. Промышленное развитие СССР в годы девятой пятилетки; Б. И. Краснобаев. Русская культура XVIII века. Предмет и задачи изучения; М. А. Барг. Исторический факт: структура, форма, содержание; А. М. Сахаров. Изучение социально-экономической основы объединения русских земель в советской исторической литературе; А. М. Сеницын, Г. Н. Чистяков. Некоторые итоги развития промышленности Москвы в годы девятой пятилетки; П. П. Панченко. Развитие сельского хозяйства Украинской ССР в девятой пятилетке; В. В. Кабанов. Из истории создания Конституции 1936 года; О. Н. Криворучко. Борьба Советского государства за социалистическое освоение Дальнего Востока в 20-х годах; М. А. Исмаилов. О характере так называемого кочевого скотоводства в Азербайджане в XIX — начале XX века (К историографии вопроса); В. А. Золотарев. Русско-турецкая война 1877—1878 годов: некоторые аспекты мемуарного наследия; А. Ф. Исаевская. М. И. Васильев-Южин К 100-летию со дня рождения; Е. А. Дудзинская. Содружество историков социалистических стран (1945—1975 гг.).

«Советские архивы» № 5, 1976. В. И. Буганов. XXV съезд КПСС и советская историческая наука на современном этапе; М. И. Найдель. Итоги работы архивных учреждений в девятой пятилетке и перспективы развития архивного дела в Азербайджанской ССР; Д. И. Вердыш. Организация работы архивных учреждений с ведомствами в Молдавской ССР; А. А. Кузин, Н. Г. Филиппов. Роль технических архивов в совершенствовании системы научно-технической информации; Документы о строительстве предприятий нефтяной и газовой промышленности в девятой пятилетке. (Публикацию подготовил В. А. Алексеев. Вводная статья К. К. Смирнова); Актовые и летописные материалы о восстании И. И. Болотникова (Публикацию подготовил В. И. Корецкий); Записка М. А. Корфа о Комитете министров в 1831—1834 годах. (Публикацию подготовил С. В. Мироненко); Неопубликованные документы Г. К. Орджоникидзе. (Публикацию подготовили Ф. Г. Сейранян, В. А. Степанюк); В. М. Просвирина. Документы о разработке первого пятилетнего пла-

на развития промышленности Урала; М. А. Додолев. Фонд Д. П. Татищева в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина; Т. И. Лысенко. Документальное наследие В. Н. Любименко.

«Украинский исторический журнал» № 10, 1976. С. В. Кульчицкий. Экономическая стратегия КПСС; Ю. В. Бабко, З. А. Сильченко. Социально-политическое развитие советского общества на современном этапе; А. В. Кудрицкий. Конференция компартий Европы — важная веха в борьбе за мир и социальный прогресс народов; Н. В. Романовский, П. М. Шморгун. Несостоятельность буржуазных концепций истории большевистских организаций Украины дооктябрьского периода; И. Я. Жученко. Помощь партизан и населения Закарпатья Красной Армии; В. В. Бухонский. Рост рядов коммунистов в войсках Украинских фронтов; И. Т. Муковский. Партийно-политическая работа среди воинов Юго-Западного фронта в начале войны; П. М. Калениченко, В. А. Нерод. Связи общественных организаций УССР с рабочими и крестьянами буржуазно-помещичьей Польши (1929—1933 гг.); М. И. Слободян. КПЗУ — организатор борьбы трудящихся Западной Украины в защиту СССР; М. И. Скуленко. Из истории советского радиовещания; А. М. Левинщико. Экспансионистская политика США в ООН в отношении африканских государств; С. А. Крутиков. Из опыта воспитания советской молодежи в духе социалистического интернационализма (1970—1975 гг.). Ф. Г. Смеричевский. О формировании марксистско-ленинского мировоззрения молодых рабочих (1959—1965 гг.); В. Е. Мельниченко. Деятельность Восточного отдела при Одесском губкомпартии (1920 г.); С. В. Виднянский. Сотрудничество советских и чехословацких профсоюзов в деле обмена передовым производственным опытом (1971—1975 гг.); А. С. Шляхтовский. Воспоминания о В. И. Ленине на уроках истории СССР; М. З. Петренко. Киево-Печерский историко-культурный заповедник.

«Архивы Украины» № 4, 1976. А. П. Курянтов. Организацию управления архивным делом — на уровень современных научных требований; П. С. Гончарук. Зональное совещание по вопросам улучшения

делопроизводства и состояния работы ведомственных архивов в министерствах и ведомствах; В. М. Солоник. Предвестник дружбы народов; А. Н. Аксенов, О. И. Хлановская. Деятельность объединенных архивов в системе профсоюзных организаций УССР; Е. М. Корнева. Из опыта создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к документальным источникам Центрального государственного архива РСФСР; П. С. Кориненко. Архивные источники об агитационно-массовой работе большевистских организаций Украины в годы гражданской войны; Б. П. Крачковский. Фонды партийных архивов как источник изучения истории совхозного строительства в западных областях УССР (1940—1941, 1944—1970); В. И. Туваев, П. Г. Гагал. Источники для изучения биографии Артема (Ф. А. Сергеева); В. И. Гриценко. Борьба трудящихся Прикарпатья за предотвращение войны против СССР (1926—1939) (по документам Ивано-Франковского облгосархива); В. М. Тищенко, А. И. Юристовский. Революционные события в г. Львове 16 апреля 1936 г. (по документам Львовского облгосархива); Н. П. Гусева, Р. Б. Плоткин. Антифашистский конгресс деятелей культуры в г. Львове в 1936 г. (Подборка документов Л. Ю. Портнова); Новые документы об академике Е. В. Тарле.

«Американский ежегодник, 1976». Институт всеобщей истории Академии наук СССР. 1976. В. С. Аничкина. О тенденции в США к нормализации советско-американских отношений (1945—1972 гг.); Н. А. Смирнова. Позиция США на Каирской конференции в ноябре—декабре 1943 г.; В. А. Никитин. Подрывная деятельность нацистского рейха в США; Н. В. Курков. К вопросу о внешнеполитической концепции панамериканизма в политике АФТ (20-е годы XX в.); Ш. А. Богина. Американские немцы (последняя треть XIX в.); О. С. Сороко. Забастовочное движение в Канаде в 1929—1935 гг.; Г. И. Хенегар. Американское экономическое проникновение в Румынию накануне первой мировой войны; Э. В. Лисневский. Ку-клукс-клан в период Реконструкции Юга (1865—1877 гг.); Н. Н. Болховитинов. Выдвижение и провал проектов П. Добелла (1812—1821 гг.); В. А. Тишков. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 7, 1976. Г. Саркисян, Ал. Мясникян. О партийности литературы; Г. Абрамян. Армянские большевики в Иркутской ссылке (1914—1917); Р. Оганесян. Ванская самооборона 1896 г.; Д. Эйнарян. «Копия великого армянского календаря» и некоторые его толкования; М. Катвалян. 13-ое и 18-ое сатрапства Ахеменидского владычества.

«Вестник общественных наук» Академии наук Армянской ССР № 8, 1976. К. Арутюнян. Советская армянская воинская печать в 1920—1930 гг.; Ж. Элчибекян. Армянские средневековые первоисточники о кушанах; Г. Шароян. К вопросу об оцен-

ке аграрных преобразований в Советской Армении.

«Известия» Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук № 4, 1976. Х. Мусабеков. Роль социалистического соревнования в развитии колхозного производства в послевоенный период; Б. Бекмуратов. К истории совхоза «Пахта-Арал»; В. З. Галиев. Из истории революционной деятельности народников в Казахстане.

«Труды» Академии наук Литовской ССР № 2, 1976. Серия «А». Общественные науки. Л. М. Накайте-Вайткусене. Исследования погребений III—VI вв. в Бандужайском могильнике в 1974 г.; Э. Ю. Видмантас. Периодическая печать социал-демократов Литвы в 1895—1907 гг.; П. П. Жостаутайте. Экономика и культура Клайпедского края в 1923—1939 гг.; Н. С. Кайрюкштите. Промышленность и рабочие города Клайпеды в 1945—1958 гг.; Ю. М. Юргинис. Понятие народа в литовской историографии эпохи Ренессанса.

«Известия» Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук № 2, 1976. М. С. Асимов. Основные достижения и задачи развития науки и техники в Таджикской ССР; Б. И. Исхандаров, Ш. Юсупов. Русская школа на Памире; А. К. Мирбабаев. Материальная база медресе городов Северного Таджикистана.

«Общественные науки в Узбекистане» Академии наук Узбекской ССР № 7, 1976. И. Искендеров. Повышение жизненного уровня трудящихся — главное направление социально-экономической политики партии; М. Ч. Баратова. К вопросу о повышении культуры быта на селе (на материалах УзССР); М. Алтынов. Из опыта воспитания сельских труженников в духе научного атеизма; Х. Г. Гулямов. К истории связей между Россией и Бухарой во второй половине XVIII века; М. Е. Массон. Прошлое самаркандского Даргома.

«Общественные науки в Узбекистане» Академии наук Узбекской ССР № 8, 1976. Б. Ю. Мухлисов, Д. Я. Сиричев. Общественный прогресс при социализме; М. Т. Абдурасулов. Социалистическое соревнование — важный фактор повышения эффективности общественного производства; Х. Т. Турсунов. Народное восстание 1916 года в Узбекистане; Х. З. Зияев. Воспоминания участников восстания 1916 г. в Узбекистане; Б. В. Лунин. Средняя Азия в трудах III Международного конгресса востоковедов. (К 100-летию конгресса).

«Вестник» Московского государственного университета № 5, 1976. Серия IX. История. К. Г. Левыкин. Задачи исторического факультета МГУ в выполнении решений, поставленных XXV съездом КПСС; Н. В. Беглова. Изменения в квалификационном составе промышленных рабочих СССР в 1959—1970 гг.; Ю. А. Львунин. Кампания солидарности трудящихся СССР с борьбой английского пролетариата в 1926 г.; В. И. Терехов. Развитие взглядов республиканцев на роль государства в экономической и социальной жизни общества

в период президентства Д. Эйзенхауэра; З. В. Гришина. Первый Всероссийский женский съезд; Ю. Б. Живцов. Из истории монополизации металлообрабатывающей промышленности России (соглашения 1902 и 1903 гг.); Н. И. Цимбаев. Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 году.

«Сибирский исторический сборник» Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Вып. III, 1975. И. И. Кузнецов. Крупный ученый и талантливый педагог. (К 75-летию Ф. А. Кудрявцева); Е. Е. Тармаханов, Н. П. Егуннов. Профессор Ф. А. Кудрявцев как первый марксистский исследователь истории бурятского народа; М. П. Хамаганов. Роль профессора Ф. А. Кудрявцева в изучении бурятского эпико-героического искусства; П. Т. Ващенко. О времени прихода самодийских народов на Обь-Енисейский север; А. В. Дулов. Дореволюционные русские историки о роли географической среды в истории России (период феодализма); Л. М. Дамешек. Ясачная политика царизма в Сибири по материалам ревизии И. Н. Толстого (1842 г.); Н. Н. Щербаков. Из истории суда и высылки в Сибирь членов большевистской партии (1906—февраль 1917 г.); Е. М. Даревская. Партизанский отряд Тохтох-Тайджи в Сибири; В. Т. Агалаков. Слом старого государственного аппарата в Сибири в конце 1917—первой половине 1918 г.; Т. П. Кузнецова. Вклад школьников Восточной Сибири в укрепление единства фронта и тыла; П. А. Новиков. Посланцы партийных и комсомольских организаций Сибири в рядах партизан Великой Отечественной войны; Список научных трудов Ф. А. Кудрявцева (составила З. С. Рудых).

«Античная древность и средние века». Сборник № 12 Уральского государственного университета им. А. М. Горького. 1975. А. И. Романчук. Керамический комплекс XI—XII вв. из раскопок портового района Херсонеса; В. Е. Рудаков. Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.); М. Я. Сюзюмов. Закономерный переход к феодализму и синтез; Н. Н. Белова. О свободном крестьянстве в Галлии в I—III вв.; А. С. Козлов. Основные черты оппозиции правительству Феодосия I в восточной части Римской империи; В. В. Кучма. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX—X вв. (Структура и численность армейских подразделений); В. П. Степаненко. Государство Филарета Варажнуни (1071—1084/86 гг.); М. А. Поляковская. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила); В. А. Сметанин. Расходы Византии на армию и флот (1282—1453 гг.); Н. А. Бортник. Экономика и политический строй Тиволи в начале XIV в.; В. Е. Майер. Источники по истории развития производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений в Германии XIV—XVI вв.

«Проблемы германской истории». Сборник Вологодского государственного педагогического института. Вып. III. 1975. Социалистическое строительство в ГДР. Рабочее и демократическое движение в новейшее время. А. С. Бланк. Проблемное объединение по германской истории при ВГПИ; С. С. Дмитриев. В. И. Ленин о предьстории образования Коммунистической партии Германии; В. Д. Кульбакин. Немецкий рабочий класс в борьбе за построение социализма в ГДР; А. С. Завьялов. Идеино-политическое развитие демократических партий ГДР в процессе социалистического строительства; И. И. Кроневальд. Особенности ликвидации капиталистической собственности в ГДР; Е. Н. Петрунин. Массовые демократические организации ГДР в борьбе за переустройство сельского хозяйства (1945—1952 гг.); В. Ф. Стафеева. Демократическая крестьянская партия в годы осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства ГДР; В. И. Головань, Е. Е. Романов. Боевое содружество воинов Советских Вооруженных Сил и Национальной народной армии ГДР — яркое выражение социалистического интернационализма; Л. К. Лебедев. Политика СЕПГ в области культуры в период перехода к социалистической культурной революции в ГДР; А. Б. Рейтман. Социалистическая взаимопомощь трудящихся СССР и ГДР (на материалах г. Череповца); А. А. Иванов. Из истории борьбы ГКП за ратификацию договоров между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ; С. Н. Фрумкин. «Антикапиталистические» мотивы в идеологии старых и новых нацистов; И. З. Захаров. Единство национальных и интернациональных интересов в борьбе немецких антифашистов на фронтах Великой Отечественной войны; А. В. Зобков. О некоторых вопросах интернациональной солидарности советского и немецкого народов в борьбе против фашизма; В. А. Талашова. Испанские добровольцы в борьбе с германским фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны; А. В. Кириллов. Из истории борьбы Всеславянского комитета за укрепление антифашистского единства славянских народов (1941—1946 гг.); И. В. Семенов. Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии в 1933—1945 гг. (Рурская область, Нижний Рейн, Гамбург); Л. Н. Гаранин. Комитеты Магдебурга в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1939 гг.); Т. О. Спивак. Подпольная антифашистская печать в Германии в 1933—1935 гг.; Е. Г. Блосфельд. Английская газета «Трибюн» в борьбе против политики поощрения гитлеровского фашизма; Л. А. Шорохов. Документы МОПРа как источник для изучения некоторых вопросов германского рабочего движения; А. К. Воробьев. Яркая страница истории пролетарской солидарности (советские источники и историография о трудовой деятельности немецких специалистов в СССР в 1930—1933 гг.); Н. В. Фарбман. О формировании идеологии реваншизма после первой мировой войны; Р. А. Кустов. Советская историография германского фа-

шизма (1923—1925 гг.); А. А. Булдаков. Проблемы истории Союза красных фронтовиков в историографии ГДР; С. Р. Сухо-руков. Советско-германские отношения конца Веймарской республики в освещении западногерманской буржуазной историографии; Р. Г. Кашин. Борьба прогрессивных сил Великобритании в поддержку национального комитета «Свободная Германия»; Ю. Н. Филиппов. Разрядка международной напряженности и банкротство ее «критики справа»; А. Е. Дмитриев. Из истории борьбы индийских коммунистов за признание Германской Демократической Республики (1961—1972 гг.).

«Исторические науки» Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. XXIX Герценовские чтения. 1976. А. Д. Койчурев. О разработке В. И. Лениным проекта программы РСДРП; А. П. Тельянов. Ленинградские рабочие второй половины 60-х гг. в советской исторической литературе; Б. Д. Семашкин. Изменения в численности и составе рабочих Восточного Забайкалья в 1951—1958 гг.; Б. Д. Семашкин. Подготовка квалифицированных кадров для народного хозяйства Восточного Забайкалья в послевоенные годы (1946—1950); С. С. Юнусов. Подготовка кадров для промышленности Таджикистана в годы Великой Отечественной войны; А. А. Мухин. Советское учительство в годы Великой Отечественной войны; С. И. Потолов. Министерство торговли и промышленности и рабочий вопрос в первой русской революции; А. В. Жданков. Вопросы аграрной истории Европейской России в связи с сельскохозяйственным кризисом конца XIX в. на сессиях Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958—1974 гг.); А. В. Жданков. Проблема аграрного кризиса конца XIX в. в работах Вольного экономического общества (ВЭО); В. А. Ушаков. Совместная правитель-

ственная программа 1972 г. и некоторые проблемы союза левых сил во Франции; Г. А. Игнатьев. События 1968 г. в Чехословакии и социалистический интернационализм; Е. И. Авдашева. Отношение Коммунистической партии США к лозунгу «Власть черным!»; А. В. Репневский. Буржуазные историки США и Англии о борьбе КПИ за осуществление программы Народного фронта (1936—1939 гг.); Л. С. Хейфец. Коммунисты Латинской Америки на конгрессах Коминтерна и пленумах ИККИ (1919—1929 гг.); Ю. М. Чернецовский. Крах центризма в германском рабочем движении (октябрь 1920—сентябрь 1922 гг.); В. В. Курякин. Американско-английские отношения в конце XIX—начале XX в.; Л. Г. Чепурной. Формирование кабинета Джорджа Каннинга и политическая борьба; С. Н. Соломонов. Джон Пим и парламентская оппозиция в Англии в 1621—1642 гг.; М. А. Коган. Из истории экспансионистских планов Англии в Арктике. (Мнимое открытие Северного полюса в 1860 г.); К. Д. Авдеева. Типология внутренней колонизации в Западной Европе в XI—XIII вв.; Л. М. Глускина. Фратрия в структуре Дельфийского полиса.

«Вопросы историографии и методологии исторической науки». Сборник статей Ростовского-на-Дону государственного педагогического института. 1975. В. Г. Мирзоев. Эпическое отношение к действительности (по материалам русских былин); А. П. Кожанов. Освещение в советской исторической литературе непосредственной подготовки сплошной коллективизации на Северном Кавказе; А. А. Аникеев. Эволюция аграрно-крестьянских концепций германского фашизма; Г. Г. Бауман. Вопросы истории трибунистов в советской историографии; А. В. Дегтярев. А. Н. Веселовский — историк итальянского Возрождения.

Хроникальные заметки

◆ Задачам ученых, вытекающим из решений XXV съезда КПСС, было посвящено республиканское совещание историков, проведенное в Ташкенте 17 сентября 1976 года. В нем приняли участие сотрудники Института истории партии — филиала ИМЛ при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КП Узбекистана, специалисты из АН Узбекской ССР, профессора и преподаватели высших учебных заведений. Умело отображать эпохальные социально-экономические преобразования, которые совершает советский народ под руководством Коммунистической партии, давать убедительный, аргументированный отпор антисоветчикам и антикоммунистам любого толка — эти задачи исторической науки были названы участниками встречи в числе главных. Со-

вещание рекомендовало научным коллективам разработать конкретные мероприятия, направленные на повышение эффективности и качества исследований в области истории.

◆ В Алма-Ате в сентябре 1976 г. прошла Всесоюзная тюркологическая конференция по актуальным проблемам тюркского языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, археологии и этнографии, организованная отделениями истории, литературы и языка АН СССР, Советским комитетом тюркологов и АН Казахской ССР. Она была приурочена к 50-летию со времени проведения I Всесоюзного тюркологического съезда. Вступительным словом конференцию открыл вице-президент АН Казахской ССР Б. А. Тулепбаев. С докла-

дами выступили: акад. А. Н. Кононов, акад. АН Казахской ССР С. К. Кенесбаев, акад. АН Узбекской ССР Ш. Ш. Шабдурахманов, чл.-корр. АН Туркменской ССР Б. Ч. Чарьяров и др. Специалисты-тюркологи из Москвы, Ленинграда, Баку, Ташкента и других городов страны, а также ученые ГДР, Польши, Турции, США, Швеции и иных стран обсуждали актуальные вопросы тюрковедения.

◆ В Кишиневе в сентябре 1976 г. состоялся расширенный пленум специалистов по истории науки из Молдавской ССР с участием ученых из других республик. Акад. Б. М. Кедров остановился на роли данной дисциплины в понимании закономерностей развития современного материального производства и культуры. Становлению науки в Молдавии и ее развитию в годы Советской власти посвятили свои выступления вице-президент АН Молдавской ССР А. М. Лазарев и О. Ю. Тарасов. На секционных занятиях были обсуждены общие проблемы развития науки и социальные аспекты научного прогресса.

◆ В сентябре 1976 г. в Кишиневе имела место XVI сессия Симпозиума по изучению проблем аграрной истории, созданная Отделением истории и Институтом истории СССР АН СССР, Институтом истории АН Молдавской ССР и Кишиневским университетом. В ней приняли участие историки-аграрники из научно-исследовательских институтов и вузов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Казани, Риги, Одессы, Свердловска и других городов. Сессию открыл вступительным словом чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин. С докладами выступили: первый секретарь ЦК Компартии Молдавии И. И. Бодюль — «XXV съезд КПСС и перспективы интеграции общественного производства на селе»; В. И. Куликов — «Борьба КПСС за повышение эффективности использования земельного фонда в сельском хозяйстве на современном этапе»; И. М. Волков — «История сельского хозяйства и советского крестьянства в новейших исследованиях и задачи ее разработки в свете решений XXV съезда КПСС»; чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко, А. М. Сахаров — «Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной советской историографии». Молдавские историки сделали коллективный доклад «Проблемы аграрной истории Молдавии в современной историографии». На сессии работали секция по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, России во второй половине XIX — начале XX в., в первой половине XIX в., в XVIII в., до XVII в. включительно.

◆ 30 сентября 1976 г. в Ереване состоялась научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили. Ее организовали институты истории и востоковедения АН Армянской ССР и Матенадаран. Сессию открыл вступительным словом директор Матенадарана акад. АН Армянской ССР Л. С. Хачикян. С докладом «Жизнь и деятельность Ивана Джавахишвили» выступил акад. АН Армянской ССР С. Т. Еремян. П. М. Мурадян затронул вопросы арменистики в тру-

дах И. А. Джавахишвили. Х. А. Торосян говорил об И. А. Джавахишвили как исследователе истории социальных движений. А. Г. Маркарян охарактеризовал историко-научные труды грузинского историка. С заключительным словом выступил академик-секретарь Отделения общественных наук АН Армянской ССР Ц. П. Агаян.

◆ Во Владивостоке в сентябре 1976 г. проходила X Дальневосточная научная конференция по проблемам истории, археологии и этнографии народов советского Дальнего Востока и смежных зон Азии. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Владивостока, Хабаровска, Калининграда, Благовещенска, Магадана, Южно-Сахалинска и других городов. С докладами об итогах развития исторической науки на Дальнем Востоке в период между XXIV и XXV съездами КПСС и перспективах ее развития в десятой пятилетке выступили заведующий отделом науки и учебных заведений Приморского крайкома партии В. И. Никонов, академики Е. М. Жуков и А. П. Окладников, члены-корреспонденты АН СССР А. И. Крушанов, И. Д. Ковальченко и М. П. Ким. В числе главных задач дальневосточных историков названы подготовка «Истории Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытного общества до середины 70-х годов XX столетия)», серии «Народы Дальнего Востока (историко-этнографические очерки)» и «Истории Маньчжурии (XVII—XX вв.)».

◆ «Книга в России до середины XIX века» — тема научной конференции, которая состоялась в Ленинграде в октябре 1976 года. Она была организована Научным советом по комплексной проблеме «История мировой культуры» секции общественных наук Президиума АН СССР и Библиотекой АН СССР. История книгопечатания, уникальные книжные собрания и их судьба, вопросы издательского дела, рукописные книги и их изучение, фонды редкой книги в государственных собраниях — вот темы докладов и научных сообщений, которые были заслушаны и обсуждены специалистами из различных городов страны.

◆ 2—3 ноября 1976 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоялись III чтения памяти акад. Е. А. Косминского, организованные ведущими советскими центрами медиевистики. Вступительное слово о жизненном и творческом пути и значении научной деятельности Е. А. Косминского произнесла З. В. Удальцова. С докладами выступили: Е. В. Гутнова — «Словная монархия и крестьянство», Б. Г. Могилицкий (Томск) — «Е. А. Косминский как историк исторической науки», Ю. К. Некрасов (Вологда) — «Идея общественного переворота и отношение к государству в немецкой хронистике XVI в.», А. А. Сванидзе — «К возникновению словной монархии в Швеции», Н. А. Хачатурян — «Города в системе французской сословной монархии». Состоялась также читательская конференция по сборнику «Средние века», в ходе которой был высказан ряд замечаний и пожеланий, нацеленных на улучшение содержания сборника.

◆ 23—25 ноября 1976 г. в Москве проходила Всесоюзная научная конференция по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР. Вступительным словом конференцию открыл начальник ГАУ при Совете Министров СССР Ф. И. Долгих. Были заслушаны доклады: «Основные проблемы и задачи организации научной информации по документам Государственного архивного фонда СССР в свете решений XXV съезда КПСС» — К. С. Кузнецова; «Роль документной информации государственных архивов в развитии исторической науки» — чл.-корр. АН СССР И. Д. Ковальченко; «Перспективы развития государственной системы научно-технической информации в СССР» — О. В. Кедровский; «Методологические вопросы научно-информационной деятельности советских архивов» — К. Б. Гельман-Виноградов; «Исследование проблем использования ретроспективной документной информации и совершенствование научно-информационной деятельности государственных архивов» — А. П. Курантов; «Проблема информации о документах по истории науки и техники, хранящихся в государственных архивах» — А. А. Кузин, С. В. Шухардин.

◆ Отделением истории АН СССР принято решение о выпуске многоотомной «История Средней Азии и Казахстана с древнейших времен до наших дней». В связи с этим во Фрунзе в сентябре 1976 г. имело место заседание Главного редакционного совета и редколлегия издания. Заседание открыл президент АН Киргизской ССР, чл.-корр. АН СССР К. К. Каракеев. В его работе приняли участие заведующие отделами науки и учебных заведений ЦК компартий республик Средней Азии и Казахстана, академики И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, президент АН Таджикской ССР, чл.-корр. АН СССР М. С. Асимов, вице-президенты АН Узбекской, Казахской и Туркменской ССР. Основная задача труда — всесторонний показ на материалах региона исторических корней общности и дружеских отношений между народами Средней Азии и Казахстана, глубокое освещение роли русского и других братских народов СССР в строительстве социализма, торжестве ленинской национальной политики КПСС и процесса образования новой исторической общности людей — советского народа. Утверждена структура издания и определены сроки представления текста.

◆ Первый том фундаментального труда О. Корню «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность» опубликован в издательстве «Прогресс» (изд. 2-е. М. 1976). В нем показаны основные черты экономического и социально-политического развития Западной Европы с конца XVIII в. до революции 1848 г., освещены начальный этап революционной деятельности основоположников научного коммунизма, работа К. Маркса и Ф. Энгельса в «Рейнской газете», дан анализ материалов из «Немецко-французского ежегодника».

◆ Издательство политической литературы (М. 1976) выпустило книгу В. Пика «Избранные статьи и речи», подготовленную

ИМЛ при ЦК КПСС. В ней освещаются важнейшие события истории и проблемы борьбы КПГ против империализма и фашизма, многообразная деятельность СЕПГ по руководству строительством новой жизни в ГДР, раскрыта деятельность Коминтерна. Впервые на русском языке опубликованы доклады В. Пика на Брюссельской и Бернской конференциях КПГ.

◆ Увидели свет первые два тома «Истории социалистической экономики СССР» (т. 1: «Советская экономика в 1917—1920 гг.»; т. 2: «Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР, 1921—1925 гг.» М. «Наука». 1976). В первом томе рассматривается создание основ социалистической экономики страны в период иностранной интервенции и гражданской войны, состояние хозяйства; во втором — сущность нэпа, борьба партии и трудящихся масс с хозяйственной разрухой, за восстановление промышленности, сельского хозяйства, транспорта.

◆ В издательстве «Наука» (М. 1976) вышел подготовленный Институтом мировой литературы имени А. М. Горького XIV том «Архива А. М. Горького». В нем неизданная переписка Горького с А. В. Луначарским, М. Н. Покровским, А. С. Бубновым и др. В том включено 386 писем, из них 272 — письма Горького. Главная тема их — это революция и культура.

◆ «Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г.» — так называется книга И. М. Кривогуза, вышедшая в издательстве «Наука» (Ленинградское отделение. Л. 1976). Борьба пролетариата против ига капитализма автором рассматривается в органической связи с формированием и развитием рабочего класса; пролетарское движение представлено в монографии как подлинно интернациональная сила; показано влияние Парижской Коммуны 1871 г. на развитие международного рабочего движения; раскрыто своеобразие развития рабочего движения в рассматриваемое время, исследованы процессы роста социальной и идейной зрелости пролетариата на рубеже XIX и XX веков.

◆ Вышла из печати книга П. Бушева «История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам)» (М. «Наука». 1976), посвященная дипломатическим отношениям между двумя странами. Автором изложена история русско-иранских посольств, дипломатических и торговых миссий. В отношениях двух государств немаловажную роль играли сопредельные страны, что также нашло свое отражение на страницах монографии.

◆ Этим же издательством выпущена книга «Иран. Очерки новейшей истории». В ней исследуется социально-экономическое и политическое содержание эволюции иранского общества с 1925 г. по первую половину 70-х годов.

◆ Монография Ш. Султанова «Партийное руководство культурным строительством в условиях развитого социализма» выпущена издательством «Ирфон» (Душанбе. 1976). В книге прослежены основные этапы

и особенности культурной революции в Таджикистане и задачи культурного строительства в условиях развитого социализма, рассмотрены совершенствование общеобразовательной школы и развитие высшего и среднего специального образования в республике, повышение культурно-технического уровня рабочего класса и колхозного крестьянства, рост их творческой и трудовой активности, возрастание роли народной интеллигенции, превращение науки в непосредственную производительную силу, раскрывается многообразная деятельность Коммунистической партии по развитию народной культуры, показана роль средств массовой информации и культурно-просветительных учреждений в коммунистическом воспитании масс.

◆ Издательство «Азернешр» выпустило книгу Р. Н. Данильянца «Исай Довлатов» (Баку. 1976), рассказывающую о жизни и деятельности И. И. Довлатова, вступившего в ряды Коммунистической партии еще в годы первой русской революции. Имя этого пламенного интернационалиста вошло в летопись борьбы трудящихся Закавказья за победу Советской власти, за торжество социализма и коммунизма.

◆ Вышел в свет историко-экономический очерк «Могилевская область. Белорусская ССР» (Минск. «Беларусь». 1976), повествующий о прошлом и настоящем Могилевщины, ее революционных, боевых и трудовых традициях.

◆ Приокским книжным издательством выпущена книга Н. А. Малеванова «Ефремов» (Тула. 1976). Она знакомит не только с историей города со времени его основания в XVII в. до нынешних дней, но и с событиями, которые происходили на ефремовской земле еще до возникновения города на Красивой Мече.

◆ Северо-Западное книжное издательство выпустило в свет монографию П. А. Колесникова «Северная деревня в XV — первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве» (Вологда. 1976). В ней исследуется история северного крестьянства с XV в. до 1861 года. Основное внимание автор уделяет социально-экономическому, политическому и юридическому положению крестьян, роли северного крестьянства в развитии аграрных отношений.

◆ В Мордовском книжном издательстве вышла в свет книга М. Ф. Жиганова «Память веков» (Саранск. 1976). На основе археологического материала автор доказывает, что заселение территории Мордовии началось еще в каменном веке, а во II тыс. н. э. развитие ремесел, земледелия и скотоводства у мордвы привело к началу формирования классовых феодальных отношений. При рассмотрении русско-мордовских отношений автор вводит в оборот

новые архивные материалы. Вхождение мордовских земель в состав Русского государства характеризуется как событие огромного значения для мордовского народа.

◆ Книга Ф. А. Тентюковой «Из прошлого Коми края» (Коми книжное издательство. 1976) посвящена памятникам культурного зодчества со времени христианизации края. Значительное место занимает в работе описание села Усть-Вымь с его памятниками. Автор повествует о начале деятельности Стефана Пермского, об основанной им школе.

◆ В Каракалпакии, в районе массива Джамбаскала, вскрыты остатки жилища конца неолита. Оно представляло собой наземную постройку овальной формы с конической крышей, крытой камышом или древесной корой. Найдены обломки сосудов, богато украшенных нарезным и штампованным орнаментом. Их возраст — более 6 тыс. лет. На некоторых черепках сохранились пятна и полосы красной охры. Такая раскраска встречалась на материалах раскопок Юго-Западной Туркмении, что свидетельствует о существовании связей населения низовий Амударьи с туркменскими племенами.

◆ Метеоритный кратер Каали на острове Сарема — место работы комплексной экспедиции АН Эстонской ССР. Найдены остатки поселения, возникшего вскоре после падения метеорита, которое произошло приблизительно за 500 лет до нашей эры. Обнаружены различные орудия труда и предметы быта. Самые древние из находок относятся к концу эпохи бронзы и началу эпохи раннего железа. Сохранились остатки каменной стены, окружавшей земляной вал вокруг кратера.

◆ На Ямале работает Ленинградская археологическая экспедиция. Ее участники обнаружили в районах Салехарда и Яр-Сале предметы домашнего обихода эпох неолита и бронзы, наконечники стрел, ножи, абразив для заточки костяных игл, каменные шесты, грузила, скребки, керамические изделия, относящиеся ко II—I тыс. до нашей эры.

◆ Экспедиция Института истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР и Красноярского пединститута вела раскопки в зоне затопления — возле деревни Пашина на Ангаре. Обнаружена стоянка древнего человека. Она имеет три культурных слоя: каменного, бронзового и железного веков. Найдены погребения. Возле останков одного из древних людей лежал обоюдоострый бронзовый кинжал примерно VI в. до нашей эры. В другом погребении сохранились каменные наконечники стрел, костяные наконечники гарпунов, бронзовый наконечник, костяная обкладка лука, костяные бусы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ И РУМЫНСКИХ ИСТОРИКОВ

В рамках Комиссии историков СССР и Румынии 6—12 сентября 1976 г. в Москве и Самарканде состоялась очередная научная конференция по теме «Национально-освободительное движение на Балканах во второй половине XIX века. Русско-румынские отношения и война 1877—1878 годов».

С советской стороны в конференции участвовали члены советской части комиссии, а также специалисты по истории Румынии и балканистике. На конференцию прибыла делегация румынских ученых во главе с членом ЦК РКП, чл.-корр. Академии Социалистической Республики Румынии (СРР), председателем румынской части комиссии Ш. Штефэнеску.

Конференцию открыл председатель советской части комиссии акад. И. И. Минц, который подчеркнул значение очередной встречи историков двух стран для расширения научного сотрудничества, для дальнейшего укрепления дружественных отношений между советским и румынским народами и преподнес румынской делегации труды советских историков, изданные за последнее время по проблематике конференции. С румынской стороны участников конференции приветствовал чл.-корр. Академии СРР Ш. Штефэнеску.

Советские историки выступили на конференции со следующими докладами: «Балканский кризис 1875—1878 гг. и великие державы»¹ (акад. А. Л. Нарочницкий); «Великие державы и борьба Румынии за независимость (1871—1876 гг.)» (Е. Е. Чертан); «Внешнеполитические предпосылки и условия провозглашения независимости Румынии» (М. М. Залышкин); «Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и ее значение для освобождения балканских народов» (И. И. Ростунов); «Революционная Россия и освободительные движения на Балканах накануне и во вре-

мя восточного кризиса 70-х годов XIX в.» (В. Я. Гросул); «Сочетание социальных и национальных задач в румынском освободительном движении» (Е. И. Спиваковский).

С румынской стороны были представлены доклады: «Место и роль войны 1877—1878 гг. в вековой борьбе румын за достижение и защиту независимости страны» (чл.-корр. Академии СРР Ш. Штефэнеску); «Некоторые соображения об экономическом и социальном положении Румынии во второй половине XIX века. Влияние достижения независимости на дальнейшее развитие страны» (В. Аксенчук); «К. Маркс и Ф. Энгельс о балканском вопросе во второй половине XIX в. и о борьбе румын за достижение государственной независимости» (В. Ионеску); «Война за достижение независимости — достопамятная страница истории румынского народа. Русско-румынское военное сотрудничество в период войны за независимость» (Н. Адэнилоае); «Укрепление национальной независимости страны как постоянная черта развития Румынии в последнее столетие» (А. Петрик); «Народные массы — определяющий фактор борьбы за достижение государственной независимости Румынии» (Т. Джорджеску); «Активная позиция рабочего и социалистического движения Румынии в поддержку борьбы за независимость» (И. Якош); «Румыния встречает столетие независимости» (Г. Ионицэ).

Доклады в целом подвели определенный итог в исследовании обсуждавшейся темы как в нашей стране, так и в Румынии. Обсуждение на конференции проблем национально-освободительного движения второй половины XIX в. и русско-румынских отношений того же периода выявило большой интерес историков обеих стран к важным событиям восточного кризиса, к ликвидации которого привела русско-турецкая война 1877—1878 гг., открывшая путь к независимому существованию Румынии, Сербии,

¹ См. «Вопросы истории», 1976, № 11.

Черногории и воссозданию Болгарского государства. Участники конференции подчеркнули роль России в освобождении Румынии от османского господства, значение русско-румынского боевого сотрудничества в период войны 1877—1878 годов. Была раскрыта подлинная роль в событиях на Балканах западных держав, прежде всего Англии, Германии и Австро-Венгрии, политика которых не раз вступала в противоречие с национальными интересами Румынии.

Подводя итоги конференции, председатель советской части комиссии акад. И. И. Минц и председатель румынской части чл.-корр. Академии СРР Ш. Штефэнеску отметили плодотворность прошедшего в ходе встречи обмена мнениями между советскими и румынскими историками по проблемам русско-турецкой войны

1877—1878 гг. и русско-румынских отношений того времени, подчеркнули важность выбора для будущих обсуждений тем, раскрывающих сотрудничество и дружбу двух народов.

На заключительном заседании был подписан протокол о работе комиссии на 1977 год. Стороны договорились провести очередную научную встречу осенью 1977 г. в Бухаресте. В качестве тем для обсуждения в протокол были внесены две проблемы: «Исторический опыт Октября и строительство основ социализма в Румынии» и «Прогрессивная мысль Румынии и России в XIX в.—важный фактор процесса ознакомления и сближения между двумя народами».

Л. Е. Семенова

Рецензии

«Prameny k nevolnickému povstání v Čechách a na Moravě v roce 1775».
Praha. «Academia». 1975. 890 s.

«Источники о крестьянском восстании в Чехии и Моравии 1775 г.»

Восстание 1775 г. в Чехии является одним из крупнейших крестьянских выступлений в Европе в период перехода от феодальной формации к капиталистической. Оно оказало огромное влияние на последующую чешскую историю, ускорило реформы, юридически оформившие ликвидацию личной зависимости крестьян в Габсбургской монархии.

По своему характеру восстание 1775 г. отличается от ряда предшествующих — в том числе и крупных — классовых выступлений в Чехии. Основные особенности восстания проявились в его первой фазе, которая началась — после широкой предварительной агитации — барщинной забастовкой на большой территории и демонстрациями у панских (поместных) канцелярий. Руководили этими акциями деревенские старосты и другие влиятельные люди села. Крестьяне поставили перед собой цель — ликвидировать барщинную систему. В этом и заключается главная особенность восстания: все происходившие до этого выступления были направлены лишь на ограничение барщинной эксплуатации. В ходе восстания значительно возросла активность народных масс, не ограничившихся демонстрациями, а создавших отряды, которые, переходя из панства (имения) в панство, превратили стачку в движение за полную отмену барщины. До крестьян дошли слухи, что император якобы уже издал соответствующий патент. Отсюда был сделан вывод, что феодалы на местах не желают выполнять волю императора лишь по своей злонамеренности, а следовательно, необходимо получить текст патента из собственных императорских рук и предъявить его господам.

Именно с этой целью двинулись в Прагу многочисленные колонны сельских подданных. Во время похода на Прагу, который начался между 20 и 24 марта 1775 г., была применена новая тактика. Главные силы крестьян были разделены на отряды, шедшие по разным дорогам, чтобы охватить как можно большую территорию и быстро получить подкрепление. Для участия в походе было мобилизовано по одному представителю от каждого двора во всех деревнях, через которые проходили отряды. Перед панскими резиденциями и городами отряды соединялись. Разработка такой тактики не была делом какого-либо одного руководителя: люди во главе отрядов менялись, а система оставалась прежней. Ясно, что ее выработала народная масса. Организация демонстраций в походе, элементы революционной тактики были новым явлением в истории крестьянских движений.

Против повстанцев были брошены правительственные войска. Полностью был разгромлен отряд, приблизившийся к Праге, вооруженной силой подавлены выступления на местах. Вторая фаза восстания — летом 1775 г. — протекала в основном в традиционных формах — отказ от барщины и повиновения феодалам вообще, стихийные нападения на усадьбы и т.п. Но восстание было столь массовым (оно охватило целиком Чехию и Моравию), что правительство, издав барщинный патент в августе 1775 г., пошло на большие уступки, хотя и не уничтожило барщину полностью. Восстание ускорило полную ликвидацию личной зависимости крестьян, оформленную юридически в 1781 году. В Чехословакии широко пропагандируются народно-рево-

люционные традиции восстания, и в 1975 г. отмечалось его двухсотлетие.

Исследовать историю крестьянского восстания 1775 г. начали, по существу, лишь чехословацкие ученые-марксисты в недавнее время¹. В 1964 г. по инициативе крупного специалиста по чешской истории проф. В. Гусы в Карловом университете была создана исследовательская группа с целью разыскать и изучить источники о восстании. В 1975 г. итоги многолетней деятельности коллектива (естественно, изменившегося и расширившегося) были подведены путем издания рецензируемого тома. Главную работу по его подготовке выполнили М. Тёгел, Й. Петрань и И. Обршлик. Научную редакцию осуществил Й. Кочи.

В том включены важнейшие источники о восстании, хранящиеся почти в трех десятках государственных и местных архивов и других хранилищах Чехии и Моравии. Некоторые материалы заимствованы из архивов Вены. В издании нашли отражение и отклики на восстание за пределами чешских земель, имеются материалы из архивов Парижа, Дрездена, Мерзебурга и Мюнхена. Всего в книге помещено 1906 документов, расположенных в хронологическом порядке. Основой расположения является дата описываемого события (а не возникновения источника). Отбор источников определялся богатством содержащихся в них сведений.

С точки зрения полноты воспроизведения публикуемые документы можно разделить на три категории. Часть текстов издана полностью (опущены лишь вводные титулатуры и заключительные формулы). Это важнейшие распоряжения императора и центральных государственных органов: рескрипты, декреты, патенты, ранее не публиковавшиеся². Полностью приведены документы военного характера, составленные в высших инстанциях, — общие реляции о ситуации в стране и оперативные планы, а также некоторые изданные местными органами власти материалы, дополняющие сведения о ходе восстания, и отдельные запи-

си в местных хрониках. В ряде случаев издатели отказались от сокращенного изложения документов, считая себя не вправе менять их язык и стиль и опасаясь не вполне правильно передать позицию их авторов.

Все перечисленные документы изданы на языке оригинала, с указанием даты составления. При наличии оригинала на двух языках публиковалась версия, представляющая первичной. Каждый документ снабжен краткой вводной характеристикой, вслед за текстом указано место хранения. В качестве примера полной публикации можно привести описание хода восстания в панствах Броумов и Полице, составленное чиновником канцелярии этих панств Микулашем Патцем (док. № 12, стр. 26—33); запись в хронике г. Горжиц о восстании в горжицком панстве (док. № 51, стр. 50—56); донесение управляющего панством Пршеров над Лабой о ходе восстания 22—24 марта 1775 г. (док. № 137, стр. 108—110); выдержки из дневника Й. Ф. Опица, свидетельствующие о ходе восстания и мерах его подавления (док. №№ 193, 198, 270 и др.). Опиц был секретарем и библиотекарем «наивысшего пуркрabia», то есть императорского наместника в Чехии князя Фюрстенберга.

Второй способ публикации представляет собой подробное или краткое — в зависимости от важности сведений — изложение содержания документа, осуществленное, естественно, на современном чешском языке, но во многих случаях с цитатами из подлинника. Таким образом изложена, например, информация, представленная графине С. Вальдштейн секретарем графа В. Вальдштейна И. Ф. Бемом; в документе между прочим говорится, что повстанцы под Прагой ожидают подкрепления из 6 тыс. немецких крестьян (док. № 362, стр. 361).

Наконец, третий способ подхода к публикации — краткое определение характера, места и времени происхождения документа и в нескольких строках — изложение содержания. Этот принцип использован в отношении источников стереотипного характера (например, циркуляров местных органов, док. №№ 453, 454, 460 и др.) или свидетельств, уже ранее опубликованных. Пример: донесение российского посла в Вене Д. М. Голицына министру Н. И. Панину о событиях 1775 г. в Чехии, уже ранее напечатанное (док. № 1905, стр. 819)³.

¹ Новейшая работа: J. Petráň. *Nevolnické povstání 1775*. Praha. (1973) «Acta Universitatis Carolinae». Philosophica et Historica. Monographia XLII, 1972. См. также Л. П. Лаптева. Восстание 1775 г. в Чехии и Моравии. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г.». М. 1970.

² Ряд документов такого типа (но не те, которые вошли в публикацию) печатались ранее в известных изданиях, например, в «Archiv Ceský», sv. XXIV (1908 г.).

³ Более раннюю публикацию см. в статье: J. V á v r a. Protifeudální povstání sedmdesát-

Подлинные документы о восстании 1775 г. составлены на разных языках. Вся служебная переписка учреждений и чиновников между собой велась по-немецки. В описательных источниках церковного происхождения преобладает латинский язык, реже встречается немецкий и чешский. На чешском имеются городские и общинные хроники, записи в городских книгах, письма и воспоминания крестьян. На чешском и немецком параллельно издавались типографским способом государственные патенты и важные распоряжения. В служебных документах чешский язык встречается в тех случаях, когда речь идет о контактах с крестьянами (например, протоколы допросов).

Главными материалами, информирующими о восстании в Моравии, являются документы официального характера, составляющие архив Моравского наместничества (губернииума) и архив Чрезвычайного суда, созданного в июле 1775 г. для расправы с повстанцами. Это прежде всего документы судопроизводства; имеются также фонды областных и других местных административных учреждений и владельцев отдельных поместий. Особенность хранения всех этих материалов состоит в том, что их подлинники сосредоточены в одном месте, а именно — в Государственном архиве Моравии (Брно). Это облегчает и поныне их использование: поэтому основные источники о восстании в Моравии уже ранее вошли в научный оборот — при составлении общих очерков⁴, а также в исследованиях по истории отдельных панств⁵. В Чехии же документы Чрезвычайного суда, созданного декретом Марии Терезии от 30 марта 1775 г., не сохранились. Как и бумаги Чешского наместничества, они были уничтожены за «ненадобностью» в XIX в., еще до того, как ими заинтересовались историки. Многие документы объединенной чешско-австрийской канцелярии в Вене сгорели во время пожа-

ра Венского государственного архива в 1927 году. Отсутствие сведений о деятельности Чешского земского губерниума в период восстания отчасти восполняется дневником Й. Ф. Опица, который записал все выступления на заседаниях губерниума, включая речи Фюрстенберга, нарисовал царившую там обстановку.

В отличие от источников о восстании в Моравии документы, касающиеся событий в Чехии, зачастую носят описательный характер. Это мемуары, хроники, ведшиеся разными лицами (горожанами, канторами, священниками). Свообразным источником по истории восстания в Чехии являются произведения народной словесности — стихи, песни, пьесы и даже одна опера, возникшие в 1775 г. или позднее уже как отклик на прошедшие события. Особую группу материалов составляют ведомости, в которых зафиксированы убытки, понесенные помещиками, а также расходы, связанные с подавлением восстания (содержание войск, судебные издержки, содержание заключенных (см. например, док. №№ 291—294, стр. 182—189). Распыленные по многим архивам, документы о восстании в Чехии еще не полностью введены в научный оборот⁶.

Источники о восстании 1775 г. имеют ярко выраженную классовую направленность. Большинство из них резко осуждает повстанцев. Из лагеря восставших исходят наказания, воззвания и воспоминания крестьян, сохранившиеся лишь в исключительных случаях и часто известные только по описаниям. Авторы местных хроник (горожане, священники) нередко сочувствовали положению угнетенных крестьян, подчеркивали тяжесть барщинных повинностей и считали, что причиной выступления было притеснение сельского люда. Но и они осуждали методы борьбы крестьян и восстание в целом. Таких же взглядов придерживались сочинители стихотворных и драматических произведений о событиях 1775 года.

Публикация снабжена двумя указателями — именным и географическим. В последнем приводятся немецкие, чешские (XVIII в. и современные) названия географических пунктов. С языковой точки зрения издание

tých let 18. století v českých zemích a v Rusku ve světle diplomatických relací a soudobého tisku. «Acta Universitatis Carolinae», 1961, Philosophica et Historica 3.

⁴ См, например: J. Fišer. Selské nepokoje na Moravě r. 1775. «Časopis pro dějiny venkova», XXII, 1935, ss. 49—64, 107—127, 155—171.

⁵ J. Nováček. Protirobotní nepokoje v Bochovicích v červenci r. 1775. «Vlastivědný sborník Vysočiny», 1956, ss. 173—174; J. Málková. Selské bouře na Telčsku v roce 1775. «Sborník Matice Moravské», sv. 82, 1963, ss. 149—154.

⁶ Кроме уже указанной монографии И. Петраня, представляющей собой как бы вводный том к данной публикации, историки Карлова университета издали еще три сборника статей о восстании: «Příspěvky k dějinám třídních bojů v Čechách», I. Praha. 1955; II. Praha. 1962; «Příspěvky k dějinám rolnických hnutí v 18. století». Praha. 1969.

осуществлено в соответствии с правилами, выработанными еще на XVII съезде немецких историков в 1930 году. Что касается шрифтов, то составители приняли решение отказаться от воспроизведения готики («швабах») и опубликовать все документы, помещенные полностью, независимо от написания их в подлиннике, антиквой, то

есть обычной латиницей. Для изложения содержания источников использован курсив, широко применяется петит. Все это позволяет читателю быстро ориентироваться в тексте. В полиграфическом отношении издание является образцовым.

Л. П. Лаптева

P. CHAUNU. *De l'histoire à la prospective*. Paris. «Robert Laffont». 1975. 398 p.

П. ШОНЮ. *От истории к будущему*.

Французский буржуазный историк, профессор Сорбонны Пьер Шоню принадлежит к направлению так называемой «квантитативной», или «серийной», истории. С 1964 г. он возглавляет первый во Франции исследовательский центр «квантитативной» истории в университете Кана. Наиболее известны его работы «Атлантика и Севилья» (12 т., 1955—1960 гг.), «Цивилизация классической Европы» (1956 г.), «Европейская цивилизация в эпоху Просвещения» (1971 г.). «От истории к будущему» — одна из последних книг Шоню, в которой он, как и в предыдущей монографии «История, социальная наука» (1974 г.), обращается к методологическим аспектам историографии. Его работы в определенной мере характеризуют состояние современной французской буржуазной историографии, итоги многолетних стремлений ряда ее представителей преодолеть ограниченность позитивизма «событийной» истории и отыскать вне марксизма какой-то «новый» методологический подход.

Едва ли не главное направление этих исканий как во французской, так и во всей буржуазной историографии лежит в области применения количественных методов. Книга Шоню показательна и как пример тех противоречивых умонастроений, порожденных на Западе глубокими социально-экономическими потрясениями конца 60 — начала 70-х годов, которые нашли отражение в общественных науках, в частности в истории. Размышляя над судьбой исторической науки в «атомную эру», Шоню вновь поднимает проблему, волновавшую французских ученых, особенно тех, кто стоял у истоков школы «Анналов», и прежде всего М. Блока: зачем нужна история?

Как пишет Шоню, воссоздание жизни в духе Л. Ранке в современную эпоху — непозволительная роскошь (стр. 73). Он призывает преодолеть пороки традиционного позитивизма, который не позволял взглянуть на историю как на цельный процесс с присущими ему закономерностями. Подлинно научная история возможна для него лишь на основе количественных оценок разнообразнейших показателей (серии статистик — откуда термин «серийная» история) материальной и духовной культуры. Технически это позволяет осуществить «кибернетическая революция». Такая «квантитативная», или «серийная», история, утверждает Шоню, «объясняет прошлое при помощи моделей, связывает его с современностью и позволяет предвидеть будущее» (стр. 13). Предвидение объявляется им основной задачей современной исторической науки.

Главной задачей «квантитативной истории» Шоню считает решение проблем, связанных с «кризисом цивилизации», вызванным перенаселенностью, истощением земных ресурсов, сырья, продовольствия. Автор отмечает, что анализом данного комплекса проблем, как правило, занимаются экономисты, математики, социологи — словом, специалисты своего дела, но «пленники короткого времени», почти бессильные предсказать будущее, ибо закономерности развития человечества могут быть выявлены лишь при изучении истории на всем ее протяжении. Историки до последнего времени мало интересовались футурологией, и это привело к тому, что ее выводы стали строиться на точных для других наук, но ложных для истории критериях, сожалеет Шоню. В частности, он выступает против модных на Западе с начала 70-х годов тео-

рий «нулевого роста», например, против доклада ученых Массачусетского технологического института, опубликованного в 1972 г., под названием «Остановить рост!». Шоню убежден, что «кризис цивилизации» преодолим, но не путем замедления роста, а путем его продолжения и даже ускорения. У человечества вопреки видимости нет выбора, пишет он, альтернативы росту нет, его прекращение означало бы смерть земной цивилизации (стр. 91).

Размышления Шоню о будущем полны оптимизма. Его рассуждения основаны на широко признанной в современной науке идее об ускорении прогресса как законе мирового развития. У Шоню эта идея конкретизирована понятием «множителя», подразумевающего «рост и способность, наблюдаемую по крайней мере в течение двух веков, к ускорению этого роста» (стр. 90). Его «множитель» — категория абсолютная, подчиняющая своей логике всю материальную и духовную культуру: численность населения, количество пищи, орудий труда, предметов потребления, коммуникаций, объем информации. Путем количественного сравнения этих и других факторов в разные исторические эпохи он приходит к выводу, что цивилизация возникла в условиях «горизонтального роста», то есть когда развитие главным образом характеризовалось расширением осваиваемого человечеством географического пространства. Так, европейская ойкумена, по мнению Шоню, древнейшая на планете из ныне существующих, возникла в Средиземноморье и затем концентрическими кругами по оси юго-восток — северо-запад распространилась на весь континент. Второй очаг образовался в Китае (более молодом, чем Европа, с точки зрения автора) и охватил всю Азию. Подлинный расцвет культуры «горизонтального типа» возможен лишь при достижении минимальной плотности населения—30—40 человек на 1 кв. километр. Европа оказалась быстрее заселенной. Это объясняется наиболее благоприятным сочетанием климата, рельефа и размеров пространства.

Иллюстрируя свои методы «серийной» статистики, Шоню утверждает, что очаги древнейших цивилизаций географически точно совпадают с данными ботаники о местах наилучшего произрастания продовольственных культур. «В истории пшеницы — история цивилизации» — эту мысль, высказанную еще Ф. Броделем, Шоню разделяет полностью. «Горизонтальный» рост, с его точки зрения, завершился в 30-е годы

XX века. Отныне выдающиеся научно-технические достижения преобразовали пространственную границу, достигшую предела, в «технологическую», далеко продвинув ее вперед. Бесконечный линейный рост, как представлял его себе Ж. А. Кондорсе, невозможен. Рано или поздно происходит неизбежный технологический скачок и «ломка структур», хотя сама идея прогресса, выдвинутая в эпоху Просвещения, по-прежнему единственно верна, заключает автор (стр. 43, 212, 286).

Всякая «мутация» культур, по подсчетам Шоню, сопровождалась резким увеличением численности населения, что, по его мысли, является абсолютным условием развития цивилизации на фазе подъема. Подобно человеческому мозгу, рассуждает он, восходящая культура должна обладать каким-то минимумом интеллектуальной энергии, чтобы накопленный веками объем знаний мог быть усвоен полностью. В противном случае цивилизация как бы задыхается, регрессирует и вымирает. «Психоз боязни жизни, — пишет Шоню, — апокалиптические настроения, которым поддаются правительства, вызвали замедление рождаемости в европейской цивилизации, где оно не было желательным» (стр. 337). В период перехода от эпохи камня к бронзе, за 7 тыс. лет, человечество увеличилось, по подсчетам Шоню, в 250 раз (стр. 305). Гибель древних американских цивилизаций он объясняет замкнутостью, недостатком коммуникаций и населения. Ставя уровень цивилизации в прямую зависимость от численности и плотности населения, Шоню утверждает, что голод в развивающихся странах является следствием не перенаселения, а недостаточной численности населения, вследствие чего в минувшие исторические эпохи культуры этих регионов стагнировали (стр. 259). И сегодня, по его мнению, это далеко не заселенные до «нормы» пространства. Шоню приводит такие цифры: в Африке средняя плотность населения 11 человек на 1 кв. км, в Латинской Америке—21 человек вместо 30—40, необходимых для процветания цивилизации (стр. 324). Однако он считает, что в наши дни наблюдается «формирование однородной культуры, европеизация всех культур» в рамках «технико-индустриальной цивилизации, восходящей к эпохе Просвещения» (стр. 133).

Хотя Шоню заявляет, что историческая наука начинается с исследования прошлого, отстоящего от историка как минимум на 50 лет, в его дальнейшем изложении чув-

ствуется явное влияние концепции «индустриального общества», оперирующей главным образом современной эпохой. «Европейская система цивилизации», к которой автор относит Западную и Восточную Европу, США и Советский Союз, является, по его мнению, передовой культурой. Наиболее высокого уровня, как он считает, она достигла в США, где «кибернетическая революция» больше всего способствует расширению технологических границ (стр. 268). «Америка — это наше будущее, лаборатория и надежда Европы» — так оценивает США французский профессор (стр. 226). Однако он же призывает Европу критически использовать опыт опередившей ее Америки и не повторять «философских ошибок», то есть главным образом не поддаваться призывам торможить развитие промышленности. «Нулевой экономический рост увековечит неравенство между людьми и народами», — пишет автор (стр. 355).

Таким образом, Шоню связывает перспективу высоких темпов экономического развития с решением социальных проблем. Но, как показали годы «промышленного бума» в капиталистических странах, быстрый рост не способен уменьшить пропасть между доходами бедных и богатых. Более того, взгляды многих сторонников «нулевого роста» отражали разочарование в прогрессе, когда стало очевидным, что равенство в «индустриальном обществе» невозможно, сколько ни производи предметов потребления. Эта истина признается сегодня на Западе даже теми, кто далек от марксизма. Руководствуясь своими формальными критериями «квантификации», беря их вне связи с конкретным социальным содержанием, Шоню видит «подлинный социализм» в США с их относительно высоким доходом на душу населения в год (стр. 338). Статистику распределения этого дохода по классам и слоям автор просто игнорирует. Отрицая на словах свою причастность к идеологическим соображениям «короткого времени», Шоню на деле твердо отстаивает политическую идею атлантизма, призывая к сотрудничеству США с Европой, исключая Советский Союз, хотя и относит СССР к «европейской системе» (стр. 226).

В «научной» истории «долгого времени» Шоню нет места анализу грабежа колоний и зависимых стран, зато колониализм изображен как «гораздо более положительный, чем отрицательный процесс» (стр. 148). Он оправдывает колонизацию Азии и Африки,

утверждая, что «европейцы в десять раз туда больше привезли, чем оттуда взяли» (стр. 150). Шоню высказывает озабоченность кризисом христианской церкви «как хранительницы традиций, устоев» и призывает христиан «осознать их наибольшую долю ответственности за общую судьбу человечества» (стр. 383). Христианские ценности для него — вершина духовной культуры. Стремление Шоню совместить, в сущности, материалистические принципы количественных оценок с христианскими догмами представляет основной методологический порок его концепции.

Как следствие, во взглядах Шоню, пытающегося выявить закономерности исторического развития в «долгом времени», нет места классовой борьбе; социально-экономические противоречия, отражающие диалектику исторического процесса, остаются нераскрытыми. Но, отвергая марксистскую теорию общественных формаций, он хочет противопоставить последовательным сменам способов производства некие «волновые» закономерности. Стремление осмыслить историю как единый, естественный процесс, результат «взаимоотношений человека и природы» побуждает его вводить некоторые позитивные материалистические элементы в свой анализ, например, устанавливать связь между плотностью населения и уровнем культуры, возрастом вступления женщин в брак и производительностью общественного труда. Однако в целом попытки сконструировать глобальную «структуру земной цивилизации» на основе количественных оценок не могут скрыть философской основы взглядов автора, которые коренятся в христианской идеологии.

Взгляды Шоню довольно типичны для новейшей западной исторической науки. Все настойчивее провозглашая «квантитативные» методы не только в специальных прикладных исследованиях, но и в изучении длительных исторических процессов, буржуазная историография стремится преодолеть глубокий кризис своей методологии. Этому способствуют и объективные тенденции в области познания, а именно: сильное влияние на историю других социальных наук, уже вооруженных математическими методами, и неизбежное взаимопроникновение наук. Но, как видно из книги Шоню, сама по себе «квантификация» неспособна решить методологические, а тем более философские проблемы историографии. Выступая против неомальтузианских лозунгов, Шоню объективно вносит ряд позитивных элемен-

тов в понимание отдельных проблем. Но в целом, выходящая в «долгом времени» живую историю, социальную динамику, он делает в этом смысле шаг назад даже по

сравнению с многими представителями традиционной буржуазно-либеральной историографии во Франции.

Г. Н. Новиков

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Военноисторически сборник».
София, 1976, № 2.

Х и XI съезды БКП — вклад в развитие исторического апрельского курса партии; А. Аврамов. Димитр Благоев — выдающийся деятель международного рабочего движения; К. Косев. Итоги боевой подготовки и укрепления дисциплины в Горнооряховском партизанском отряде (1943—1944 гг.); Ст. Рачев. Вклад балканских народов в победу над фашизмом (1941—1945 гг.); 100-летие Апрельского восстания. Ив. Унджиев. Боевой путь четы Ботева — эпилог апрельской эпопеи; Ст. Рачев. Апрельское восстание 1876 г. и Австро-Венгрия; История военного искусства. Л. Козлов. Сокрушительный разгром противника на центральных подступах к фашистской Германии; Выдающиеся военные и революционные деятели. Георги Икономов (С. Йоргова).

«Párttörténeti közlemények» Budapest, 1976,
№ 3.

Г. Вашш. О научной работе Института истории партии; М. Хабуда, Ш. Ракоши. Формирование социальной базы Венгерской коммунистической партии и Социал-демократической партии в 1945—1948 гг.; Л. Шерфёзё. Правые подпольные организации и парламентские дебаты о них в 1922—1924 гг.; Я. Емниц. Лондонский конгресс II Интернационала в 1896 г.; Сообщения. Э. Арато. Основные направления в исследовании национальных меньшинств и их результаты в Чехословакии за последние пять лет; И. Сереньи, К. Урбан. Об архивных материалах партии и их структуре.

«Asien, Afrika, Lateinamerika». Berlin, 1976,
№ 5.

Г. Дрефаль, Х. Шиллинг. Укрепление мира во всем мире, процесс международной разрядки и проблематика экономического и социального развития в бывшем колониальном мире; К.-Х. Хорн, Г. Рихтер. Против нищеты и безработицы в развивающихся странах. О некоторых итогах

конференции по мировому рынку рабочей силы; М. Роббе. Два мира: бедные и богатые? Экуменическая концепция развивающихся стран; Х. Пихт. Политика Трудовой партии Кореи по развитию материально-технической и общественной базы социализма; Э. Шаллер. Государственный аппарат, политика и социальный прогресс в Индии; Н. Г. Поспелова. Внутриполитическая интеграция — условие для складывания и консолидации народного хозяйства в развивающихся странах Африки южнее Сахары; Г. Бремё. Выборы и избирательная система в Танзании; К. Хученройтер, У. Шмидт. Народ, партия и государство в политической идеологии А. Секу Туре; Х. Штёкер. Соотношение между расизмом и империализмом (на материалах о Южной Африке); А. С. Прокофьевский. Поддержка международными монополиями расистского режима в ЮАР; Г. Вейнбергер. «Англоамерикэн корпорэйшн» и политика апартеида; К. Браде. Об отношениях между ЮАР и Южной Родезией; Д. Валь. Социологические проблемы борьбы за единство действий рабочего класса Аргентины.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung». Berlin, 1976, № 5.

Ф. Эберг. Итоги и задачи. К проблематике новой программы СЕПГ; Х. Нойберт. Соотношение интернационального и национального в мировом революционном процессе; Г. Россман. Новый этап братского боевого сотрудничества КПСС и СЕПГ с начала 70-х годов; Д. Келлер. Принципы политики СЕПГ в области высшего образования в переходный период от капитализма к социализму; С. Айххофер, Г. Мёшнер. Борьба СЕПГ за распространение марксизма-ленинизма в ГДР в 1950—1955 гг.; Документы и материалы. Из истории Эйзенахской партии. Неопубликованные письма к Бебелю и Либкнехту (Г. Гемков, Г. Хофман); Воспоминания. Ю. Булавас. Уполномоченный компартии Литвы в Берлине в 1932—1933 гг.; Сообщения. В. Клавс. Из истории братского сотрудничества КПГ и Компартии Литвы (1918—1939 гг.);

Ю. Балиутите. Помощь КПГ Компартии Литвы (1927—1933 гг.); Г. Зайцев, И. Фрич. Борьба британских горняков за национализацию шахт и улучшение своего материального положения. К 50-летию всеобщей стачки рабочего класса Великобритании; П. Дорнхайм. О положении молодых рабочих в ФРГ.

«*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Berlin. 1976, № 9.

Х. Хайтцер. Основные этапы боевого сотрудничества СЕПГ и КПСС; О. Данкельман. Политика Социалистического рабочего интернационала и Британской лейбористской партии в 1939—1940 гг.; И. Каллиш. Германо-польский протокол о прессе от 24 февраля 1934 г. Германо-польский институт в Берлине; Обзоры. Р. Фельберо. Буржуазная литература о новейшей истории КНР.

«*Dzieje najnowsze*». Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk. 1976, № 1.

А. Ф. Грабски. Связь изучения истории общества с проблематикой исторических знаний; Е. Едлики. «За» и «против» истории общественных структур; М. Богущка. Некоторые проблемы социальной истории в новейших исследованиях французских ученых; Я. Лескевичова. Общество Королевства Польского в середине XIX в. Направления и результаты исследований; Ян Борковски. Проблемы изучения польского крестьянства эпохи капитализма; Р. Чепулис-Растанис. Программа изучения истории польской интеллигенции и ее методологические вопросы; Э. Качиньска. Мелкая буржуазия польских земель в XIX — начале XX в.; И. Рыхликова. Польские помещики в 1795—1945 гг. Очерки исследовательской проблематики; Б. Бжезиньски. Исследовательские проблемы изучения истории польского рабочего класса в годы гитлеровской оккупации; Дискуссии и полемика. К проблеме «коллораации» с японскими властями в Китае в период второй мировой войны.

«*Przegląd historyczny*». Warszawa. 1976, № 3.

В. Ленгауэр. Военачальники и греческие полисы в конце V в. до н. э.; А. Свежавски. Присоединение Сохачевской земли к Короне (1476 г.); А. Эйзенбах. «Великая эмиграция» и еврейский вопрос в канун «весны народов»; Т. А. Шумовски. Концепции развития польско-чехословацких отношений в политической мысли эмиграции (1940—1941 гг.); Материалы. И. С. Миллер. Из бумаг Ю. К. Яновского, члена национального правительства 1863—1864 гг. (ч. II); Обзоры. Исследования по истории финансов Народной Польши (1944—1974 гг.); Дискуссии. Т. Наленч. Польские историки в годы первой мировой войны (в связи с книгой Е. Матерницкого).

13. «Вопросы истории» № 1.

«*Revista de istorie*». București. 1976, № 6.

Конгресс по вопросам политического образования и социалистической культуры и его значение для духовной жизни Румынии; Р. Вульпе. Румынские исследования по истории Фракии (часть I); М. Тоту. Участие трансильванских румын в революции 1848 г. в Валахии; И. Битолян, Г. Димитрашку. Укрепление национального сознания румын Добруджи в начале нового времени; Т. Лунгу. Место и роль Спиру Харета в социальной и политической жизни Румынии в конце XIX — начале XX в. (к 125-летию со дня рождения); 200-летие независимости США. А. Вяну. Американская историография первой американской революции; И. Станчу. Некоторые аспекты румыно-американских отношений в период нейтралитета Румынии (1914—1916 гг.); Проблемы современной историографии. Новейшие исследования по истории Добруджи (П. Диакону).

«*Revista de istorie*». 1976, № 7.

Т. Георгеску. Великие державы и малые страны во время и после первой мировой войны; А. Зуб. Политическая деятельность М. Когальничану в 1848 г.; В.-А. Георгеску. Хрисовул князя Валахии Леона Томзы от 15 июля 1631 г. и проблема «Хартии вольности»; Р. Вульпе. Румынские исследования по истории Фракии (часть II).

«*Byzantinostavica*». Praha. XXXVII (1).

Ф. Винкельман. Церковные труды по истории в Восточной Римской империи; Х. Дж. Магулиас. Торговля и ремесло в XVI—XVII вв. по «житиям святых»; Г. Канкова-Петкова. Из истории болгаро-византийских отношений в IX в.; В. К. Хэйнак. Некоторые аспекты византийской и варяжской политической и религиозной идеологии в Киевской Руси.

«*Československý časopis historický*». Praha. 1976, № 5.

В. Мелихар. Путь к чехословацко-польскому союзу и Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 10 марта 1947 г.; М. Цовак. Дипломатические донесения как исторический источник; В. И. Фрейдзон. Национально-освободительное движение славянских народов Габсбургской монархии до 1867 г.; Я. Цезар. 200-летие американской революции.

«*Historický časopis*». Bratislava. 1976, № 3.

Л. Голотик. Роль революционных традиций в формировании социалистического сознания в Словакии; Ч. Мадайчик. Гитлеровская оккупация в свете сравнительного изучения; В. Хромекова. Венгерские буржуазные политические партии и их позиции в Словакии в начале XX в.; Обзоры. И. С. Миллер. Изучение про-

блемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму» в Институте славяноведения и балканистики АН СССР; З. Сойкова. Словацкая историческая публицистика в чешских журналах после революции 1848 г. и очерки А. Г. Крчмери по истории словацкого национально-освободительного движения (1864 г.); Материалы. И. Полишенски, П. Раткош. «Codex Bratisla-

vensis» и его сообщения об открытии Америки.

«*Universitas Comeniana. Facultas paedagogica Tyrnaviensis. Spoločenské vedy. Historia*». Bratislava. 1976, № 5.

Л. Лашан. Из истории деятельности Словацкого исторического общества Словацкой Академии наук и его отделений; А. Чирч. Земельная реформа в поместье Иосифа Палория в 1924—1934 годах.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Когда цель оправдывает средства

«*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*». Wiesbaden. 1975, № 4.

Английский буржуазный историк Д. Лонгли попытался поставить ряд вопросов истории большевистской партии до возвращения В. И. Ленина в Россию 3 апреля 1917 г. на материале, относящемся к кронштадтской организации большевиков в марте 1917 года.

Д. Лонгли оперирует сведениями, выбранными в основном из опубликованных в СССР мемуаров и исследований. Он пытается сопоставлять данные, критиковать источники, определять, в частности, мотивы свидетельств современников, противоречия и ошибки в их описаниях. Все это рассчитано на то, чтобы произвести впечатление объективности и научности в подходе к проблеме. Однако лишь на страницах, касающихся положения в Кронштадте (стр. 502—513), — около десятка неточных отсылок к страницам, номерам документов и т. п. (сноски 41, 44, 51, 79, 101, 105, 114 и др.). В одном случае цитата представляет собой авторское изложение источника (стр. 507, сноска 63). К этому добавляется более 10 случаев произвольного толкования источников (сноски 33, 42, 40, 45, 55, 69, 79, 100, 101 и др.). Анализ статьи показывает, что подобное обращение с источниками отнюдь не небрежность, а прямое следствие тенденциозности автора.

Д. Лонгли утверждает, что большевистская организация в Кронштадте к февралю 1917 г. была слабой. Для «доказательства» своего тезиса автор применяет при оценке партийной работы в Кронштадте до Февральской революции мерки лета — осени

1917 г., игнорируя специфику нелегальной работы на флоте в условиях войны. Кроме того, он проходит мимо таких фактов, как возникновение и становление матросской большевистской организации, деятельность в годы войны большевистского Главного коллектива в Кронштадте, наконец, организация большевиками базы восстания 28 февраля 1917 года. Среди подсудимых по делу Главного коллектива Д. Лонгли обнаружил только пять большевиков, хотя в работе, на которую он ссылается, названы имена и других подсудимых-большевиков¹. Пытаясь подтвердить свой тезис сравнением по партийному стажу членов Кронштадтского комитета большевиков с членами комитета одного из петроградских заводов, автор умалчивает, что в отличие от заводского коллектива личный состав кронштадтской базы периодически обновлялся. Тот факт, что большевистский партийный коллектив в Кронштадте в годы войны был создан самими матросами, автор интерпретирует как свидетельство ...слабости большевиков (стр. 503), в то время как на самом деле это — еще одно подтверждение того, что именно ленинские идеи прочно укоренились в матросской среде.

В одном из разделов статьи автор в погоне за аргументами о наличии у большевиков фракций пытается найти в Кронштадте следы оппортунистической деятельности Каменева. Но доказывается это положение путем натяжек, домыслов и искаженного толкования источников. О предвзятости автора говорит и его подход к оценке положения в большевистских организациях в марте 1917 года. Он не учитывает трудностей вы-

¹ «Октябрьский шквал». Л. 1927, стр. 15.

работки новой тактики, «абстрагируется» от конкретной политической обстановки, от работы большевиков в массах, игнорирует то обстоятельство, что в целом большевики всей своей историей были подготовлены к борьбе за социалистическую революцию.

В конечном счете устремления английского буржуазного историка сводятся к тому, чтобы доказать ложную концепцию «неединой», «расколотой» партии. Стремясь подвергнуть сомнению неразрывность связи большевистской партии с рабочим классом, с народными массами, Д. Лонгли сводит весь свой анализ к субъективистскому разбору мотивировок действий отдельных личностей, к конструированию надуманных тезисов о «группах» и «фракциях». Объективное содержание такого рода концепции вполне согласуется с идеологической доктриной «плюрализма», которая нацелена на оправдание и стимулирование антипартийной фракционной деятельности и играет на руку международному антикоммунизму.

Н. В. Романовский

*Против ложного
истолкования ленинизма*

«*Political Studies*». Oxford. 1975, № 4.

Сотрудник университета г. Суонси (Великобритания) Нил Хардинг в статье «Ранние произведения Ленина. Проблема контекста» выступает против широко распространенной в буржуазной историографии трактовки ленинизма как якобы учения, шедшего вразрез с марксизмом. Автор разбирает аргументы сторонников этой трактовки, основывающейся, как он пишет, на «неверном толковании» или игнорировании исторических свидетельств. Этот неправильный подход, по мнению автора, мешает западному читателю понять логику и ход мыслей В. И. Ленина (стр. 443).

Н. Хардинг рассматривает работы, посвященные деятельности Ленина до написания им труда «Что делать?». При этом выделяются пять линий фальсификации идей и побуждений Ленина. Первая из них основывается на утверждении, будто он вступил на путь революционной борьбы против царизма, чувствуя вину перед братом, к бланксистским настроениям которого относился иронически. Этот довод выдвигает Р. Тин¹,

не приводя, впрочем, никаких свидетельств, подтверждающих эту надуманную гипотезу. Верно, пишет автор, что Ленин любил брата и был потрясен его казнью, но объяснять становление Ленина как революционера только этим нельзя (стр. 444).

Вторая и третья линии ложного истолкования ленинских идей выводят ленинизм из народничества, и в частности народолюбчества (Р. Пайпс)². Н. Хардинг называет этот «ход рассуждений примитивным», поскольку он никоим образом не доказывает, что Ленин по своим убеждениям был народником-якобинцем (стр. 445). Пайпс, отмечает автор, не хочет принять во внимание, что зимой 1888/1889 гг. Ленин читал вместе со своей сестрой первый том «Капитала», занимался в марксистском кружке в Самаре, критиковал концепции Н. Михайловского и особенно остро — народническую идею о социальной однородности крестьянства. Не выдерживает проверки фактами и тезис, выдвинутый бывшим меньшевиком Н. Валентиновым, будто Ленин целиком заимствовал свои революционные убеждения у Н. Г. Чернышевского (стр. 446).

Наибольшее внимание Н. Хардинг уделяет критике интерпретации в западной литературе взглядов Ленина на развитие капитализма и рабочего движения в России. Ряд буржуазных историков (И. Берлин, Р. Тин и другие)³ объявляет ленинский анализ развития капитализма в России не соответствующим действительности и волюнтаристским. Автор не соглашается с этим. Он считает, что характеристика России как уже капиталистической страны по своей хозяйственной структуре не только не несет на себе печати волюнтаризма, но, наоборот, свидетельствует о приверженности Ленина марксизму. Ленин, пишет автор, «полагал, что в целом Россия находится в ранней фазе капиталистического развития. Он уделял в своих ранних работах анализу капитализма в России больше времени и места, чем чему-либо еще, и удивительно, что комментаторы ищут ключ к его взглядам не там, где надо» (стр. 448). По мнению Н. Хардинга, глубоко марксистским был и тезис Ленина о необходимости союза рабочего

² R. Pipes. The Origins of Bolshevism: the Intellectual Evolution of Young Lenin. «*Revolutionary Russia*». Ed. by R. Pipes. L. 1968.

³ R. H. W. Theen. Op. cit.; I. Berlin. Preface to: F. Venturi. The Roots of Bolshevism. L. 1960.

¹ R. H. W. Theen. Lenin. Genesis and Development of a Revolutionary. L. 1974, p. 36.

класса с крестьянством в демократической революции, ибо посредством этого рабочий класс, во-первых, выводил крестьянство из политической орбиты буржуазии, а во-вторых, получал «естественного и самого надежного союзника в борьбе за демократию» (стр. 450).

Западные историки изображают как «отход» от марксизма ленинский вывод о необходимости создания пролетарской партии нового типа, ставящей целью воспитание у рабочих подлинно революционного сознания. В частности, они утверждают, что ленинский труд «Что делать?» был «весьма немарксистским»⁴. В действительности же, возражает Н. Хардинг, главной целью этой работы Ленина было «вновь утвердить постулаты ортодоксального русского марксизма в борьбе с экономизмом и бернштейнианством, а также в борьбе против организационного разброда, питавшего ревизионизм» (стр. 452). Ленин понимал, продолжает автор, что только политическая борьба вносит революционность в сознание рабочих, что она должна вестись под руководством революционной партии как авангарда всего класса. Таким образом, не Ленин произвольно толковал марксизм, как утверждают современные буржуазные комментаторы, а им самим «присуще непонимание ленинских идей о сознательности» (стр. 454). По Ленину, пишет Хардинг, «партия была призвана помогать пролетариату в осуществлении его ведущей роли в демократической революции, дабы он знал, умел выражать и связывать воедино чаяния всех прочих классов и слоев, борющихся против самодержавия» (стр. 457). Что касается руководства социал-демократическим движением, то целью Ленина было изжить невежество в марксистской теории, местничество и неорганизованность, чему и был посвящен труд «Что делать?» (стр. 458).

Весьма важным представляется то, что английский исследователь приводит конкретные примеры искажения буржуазными историками содержания ленинских текстов. Так, Р. Пайпс цитирует то место из работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», где Ленин призывает революционные рабочие организации преодолеть бланкистский дух народничества («русским социалистам давно бы пора понять... **НЕИЗБЕЖНОСТЬ и НАСТОЯТЕЛЬНУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ**

ПОЛНОГО и ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗРЫВА с идеями демократов»⁵), и на этом основании делает вывод, будто Ленин проповедовал идею немедленной социалистической революции⁶. Приведя контекст данного высказывания Ленина, Н. Хардинг показал, что Ленин говорит здесь о необходимости овладения передовыми рабочими теорией научного коммунизма, без чего невозможно совершить социалистическую революцию. Но при этом речь вовсе не идет о «немедленной» социалистической революции, ибо Ленин ясно представлял, что в 90-х годах условия для таковой в России еще не созрели. Так Пайпс «вводит в заблуждение» читателей, заключает автор (стр. 451).

В целом публикация статьи Н. Хардинга свидетельствует о наметившемся более серьезном подходе некоторых молодых исследователей на Западе к ленинскому теоретическому наследию. Не случайно в этой связи и широкое привлечение автором советской научной и мемуарной литературы.

Ю. И. Игрицкий

Новые свидетельства о притязаниях США на Советский Северо-Восток

«*The Slavonic and East European Review*». London. 1976, № 2.

Адъюнкт-профессор университета в Кэрлтоне (штат Джорджия, США) Джеймс Гэй публикует отчеты и выдержки из донесений лейтенанта военно-морской разведки США Д. Грейгтона о политическом и экономическом положении на Чукотке в 1920—1922 годах. Д. Гэй извлек эти документы из архива госдепартамента. В предисловии и комментариях к публикации он делает основной упор на противоречия между США и Японией главным образом в области торговли, оправдывая при этом империалистические замыслы США на Дальнем Востоке. Большое внимание уделяется автором оправданию американской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. Самоё миссию Грейгтона он объясняет необходимостью противостоять «интенсивной японской активности в этом районе» (стр. 248). «Японские офицеры,— пишет Д. Гэй,— снабжали

⁴ J. C. Rees. Lenin and Marxism. «Lenin. The Man, the Theorist, the Leader». Ed. by P. Reddaway and L. Schapiro. L. 1970, p. 102.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 280.

⁶ R. P. i p e s. Op. cit., p. 39.

бесчисленные банды авантюристов деньгами и военным снаряжением. Очевидно, что эта практика была направлена на то, чтобы сохранить в области неустойчивое положение, сделать все возможное, чтобы Япония эксплуатировала районы Восточной Сибири» (стр. 248). В то же время автор ничего не говорит о том, что США своим вмешательством усиливали политическую неустойчивость в этом районе, оружием и деньгами помогали белогвардейским бандам в их борьбе против ревкомов Чукотки и Камчатки¹.

Из публикации видно, что для сбора политической информации о положении на Дальнем Востоке госдепартамент использовал экспедиции торгового департамента, возглавлявшиеся офицерами разведки. Именно такой и была миссия Грейгтона, истинные цели которой прикрывались заявлениями об исследовании тюленьего и котикового промыслов и т. п. (стр. 248). Автор, разумеется, умалчивает о том ущербе, который принесла хищническая деятельность американских и японских фирм морскому зверобойному промыслу, основе «экономики оседлого населения морского побережья Камчатской губернии»².

«Научная экспедиция» Грейгтона выполняла важные политические задачи, поставленные госдепартаментом. Она должна была напомнить японцам о «неоспоримых» американских интересах на побережье Сибири (стр. 248—249), о том, что США не останутся безразличными «к ее (Японии.— Л. Ш.) деятельности в этом районе» (стр. 249). Но главной целью экспедиции было, как явствует из публикуемых документов, «дать достоверную информацию о политической ситуации в Сибири» (стр. 249). Это определяло маршрут экспедиции Грейгтона, в июле-августе 1922 г. посетившей Анадырь, Петропавловск-на-Камчатке и ряд других пунктов на востоке Сибири и Командорских островов.

Самым пространством документом, приводимым Д. Гэем, является письмо Грейгтона в госдепартамент от 30 июля 1922 года. В основу его положены дневниковые записи представителя американской фирмы Свен-

сона в Анадыре Д. Лэмпа и беседы с ним Грейгтона (стр. 250—257). Лэмп, который вел подробный дневник, посвятил Грейгтона в ход событий, начиная с декабря 1919 г., когда в Анадыре были свергнуты колчаковцы и установлена Советская власть. С ее приходом были национализированы магазины фирмы Свенсона. Во всех своих «бедах» Лэмп винит руководителя большевиков Анадырского уезда М. С. Мандрикова (в статье он назван Мантиковым) и одного из членов первого Чукотского ревкома, Вальтера Аренса, норвежца по национальности. Об Аренсе Грейгтон сообщает, что он несколько лет провел на Западном побережье Америки, был членом организации «Индустриальные рабочие мира», а в России «сразу присоединился к бунтовщикам» (стр. 251). Лэмп рассказал также о зверской расправе белогвардейцев с большевиками 2 февраля 1920 г., «когда их расстреляли в спину и бросили под лед замерзшей реки» (стр. 253).

В докладе от 17 октября 1922 г. Грейгтон дает краткий обзор событий в Петропавловске-на-Камчатке, где он находился с 9 по 11 августа 1922 г. (стр. 257—258). В документе упоминается об отце и сыне Виттенбергах, владельцах американской фирмы «Сайденберг и Виттенберг», наживавшихся на русской пушнине. Они жаловались Грейгтону на отсутствие американских военных кораблей в этом районе, в то время как их японские конкуренты, «пользуясь слабостью существующего (белогвардейского.— Л. Ш.) правительства», не платят никаких пошлин за пушнину, находясь под покровительством японского консула и японского военного корабля (стр. 257). В том же докладе Грейгтон упоминает о высадке 21 декабря 1921 г. в районе Петропавловска-на-Камчатке белогвардейского отряда Полякова (стр. 257)³. Далее Грейгтон описывает рейды советских партизанских отрядов в апреле—июне 1922 г. и указывает, что только помощь японских десантов помогла белогвардейцам удержать город (стр. 258). В документах приводятся сведения о белогвардейских вооруженных силах на Камчатке в 1922 году. Грейгтон отмечает слабость белогвардейского флота, указывает, что «моральный дух всех низок, и, очевидно, что нет никакой дисциплины» (стр. 259), попытки белогвардейцев собирать таможенные сборы тщетны. Очень

¹ См.: С. С. Григорьевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922). М. 1957, стр. 121—122; В. С. Флеров. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926). Томск. 1964, стр. 22—23.

² В. С. Флеров. Указ. соч., стр. 42—48.

³ См. там же, стр. 17—18.

важно свидетельство американского разведчика и о том, что местные власти были марионетками в руках японских интервентов (стр. 258).

Грейгтон докладывает об исследованиях «геологических и минеральных ресурсов на всем северо-восточном побережье Сибири, включая Камчатку, в 1921—1922 гг.», которые вела японская геологическая партия, упоминает, что «в 1921 г. японцы исследовали леса Камчатки», а «рыбные эксперты работали по всему берегу в течение прошлых двух лет, и двое из них зимовали в Петропавловске зимой 1921—1922 гг.» (стр. 260). Рассказывает он и о деятельности американской разведчицы британской подданной М. Келли, прибывшей в Анадырь летом 1920 г. с целью экономического и политического шпионажа на Чукотке (стр. 256—257).

Как известно, помощь Японии и США не помогла белогвардейцам удержать власть на Дальнем Востоке. Об этом Гэй сообщает с особым прискорбием (стр. 260—261). Установление Советской власти на Дальнем Востоке означало крах экспансионистских планов США и других империалистических государств в этом районе. «В начале февраля 1923 г. госдепартамент решил отказаться от посылки каких-либо кораблей береговой охраны США к Сибирскому побережью» (стр. 261). Трагедия политики США на Дальнем Востоке в духе доктрины «открытых дверей и равных возможностей», Д. Гэй всячески затушевывает то обстоятельство, что действия США в Сибири и на Дальнем Востоке определялись ненавистью к Советской власти, соперничеством в борьбе за раздел этих районов, где США вместе с Японией осуществляли «наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их капиталистов, нашествие на Россию»⁴.

Л. В. Шишкина

Трезвый голос в буржуазной историографии о коренном населении Америки

«*American Historical Review*». New York. 1975, № 3.

Профессор истории университета в Санта-Барбара (Калифорния) Уилбор Р. Джекобс — специалист по ранней истории США.

Основная область его интересов — взаимоотношения индейцев и белых в колониальный период. В статье «Как современная американская историческая наука освещает прошлое» Джекобс пишет о новых тенденциях в американской буржуазной историографии данной проблемы. Один из наиболее существенных признаков этого, по мнению автора, усовершенствование методов обработки источников и главным образом междисциплинарный подход, предусматривающий совокупное изучение антропологических, этнографических, археологических, исторических, литературных источников и памятников искусства.

Представители «новой социальной истории», для которых междисциплинарный метод является основополагающим, стараются представить историю американского общества, в частности коренных жителей континента, как историю изменений этнической и демографической структуры этого общества, причем социальная мобильность населения рассматривается в качестве одного из решающих факторов развития страны. Говоря о работе последователя Ф. Тернера Р. А. Биллингтона¹, Джекобс справедливо подчеркивает, что пересмотр истории индейцев северо-востока есть признание того, что они имеют свою историю, достойную изучения, есть знамение времени. Даже редакторы начавшей выходить в связи с 200-летием США серии «Новая американская нация» включили в свое издание том «Индейцы в Америке», написанный У. И. Уошберном².

Специальное внимание Джекобс уделяет истории договоров федерального правительства с индейскими племенами сиу. Соответствующая документация была подготовлена адвокатами, выступавшими на стороне индейцев во время процесса о событиях в Вундэд Ни в 1974 году. Эти документы использовались для подтверждения «высшего права индейцев на землю», поскольку сохранение земельных ресурсов индейских племен — одна из основных задач, которую ставят индейцы на современном этапе. Широкое обращение индейских журналистов и историков к подобным темам направлено на то, чтобы связать «настоящее и прошлое во имя мобилизации индейского сопротивления на борьбу с насилием белых». Крупным до-

¹ R. A. Billington. *Westward Expansion: A History of the American Frontier*. N. Y. 1974.

² W. E. Washburn. *The Indian in America*. N. Y. 1975.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 114—115.

стижением индейских историков называет Джекобс выход в свет книг таких авторов, как Скотт Момадей, Вайн Делориа (мл.), Кирк Кикинбёд (Кайова) и Карен Дюшено (Сиу)³.

В поле зрения ведущих исследователей истории индейцев (Д'Арчи Мак Никл, У. Брандо и Дж. Г. Йоргенсен⁴) находятся проблемы духовного развития коренных жителей Америки за последние 200 лет. Применяя междисциплинарную методику, эти авторы опровергают традиционные для американской буржуазной историографии представления о взаимоотношениях между индейцами и белыми и, в частности, концепции «страдающего белого» (Мак Никл), «ленивых индейцев» (У. Брандо). Последний показывает, что «алчность и жадность в квадрате со стороны белых, другими словами, — всемогущий доллар лежит в основе девяти десятых всех наших несчастий с индейцами» (стр. 599). На этнографо-историческом материале к тому же выводу пришел и Дж. Г. Йоргенсен, который приводит убедительные доказательства об обширных и глубоких природных способностях индейцев в сфере духовной культуры. Ряд авторов (Э. Золла, Б. В. Шихан, С. Эби, Л. Р. Мэрфи⁵) пытаются по-новому подойти к проблеме взаимоотношений индейцев и белых. Они, в частности, признают порочность концепции «прогресса, идущего вслед за цивилизацией», оправдывающей геноцид в отношении индейцев, стремившихся обеспечить сохранение своей самобытной культуры в процессе ее активного разрушения белыми.

Джекобс считает, что в США выходит мало глубоких исследований по проблемам истории индейцев. Это, по его мнению, объ-

ясняется усиливающейся тенденцией «американского романтизма», который «препятствует интенсивному и серьезному изучению культурных особенностей и течений в угоду консервативным и даже реакционным научным направлениям» (стр. 605). В своем обзоре автор уделяет особое внимание публикациям источников по истории индейцев, ибо «какие бы методы ни использовали историки, они, вероятно, никогда не смогут обойтись без традиционных документальных свидетельств» (стр. 605). В числе этих публикаций он называет «Indian Treaties, 1778—1883» под редакцией Ч. Дж. Капплера⁶, и 4-томную коллекцию правительственных документов по истории коренных жителей Америки под ред. У. И. Уошберна⁷. Документальные источники, пишет Джекобс, свидетельствуют о том, что белые колонисты руководствовались идеями расового превосходства, алчным стремлением захватить и присвоить принадлежащие индейцам земли и полезные ископаемые. Даже филантропия превращалась при этом в оружие насилия, американизации и ограбления.

О. С. Артемьева

*Международные связи стран
Балтийского моря
в раннесредневековую эпоху*

«Das Altertum». Berlin. 1975, № 3.

Директор Центрального института древней истории и археологии АН ГДР Йоахим Герман в статье «Международные связи на Балтийском море в раннее средневековье» обобщает свои наблюдения по ранней истории экономических, культурных и военных взаимоотношений народов, селившихся по берегам Балтики. Автор делает оговорку, что полную историю их взаимоотношений в период раннего средневековья еще предстоит написать. Й. Герман формулирует некоторые выводы, опираясь как на собственный опыт археологических исследований, так и на сведения из письменных источников.

В статье отмечается, что исторические корни связей между народами Прибалтики — финнами, русскими, эстонцами, латышами, литовцами, поляками, немцами, датчанами и шведами — уходят в глубь перио-

³ N. S. Momaday. The House Made of Dawn. N. Y. 1969; Vine Deloria, Jr. God is Red: A Study of Christianity and the American Indian. N. Y. 1973; e. j. u. s. d. Behind the Trail of Broken Treaties: An Indian Declaration of Independence. N. Y. 1974; Kirke Kickingbird and Karen Ducheneaux. One Hundred Million Acres. N. Y. 1973.

⁴ D'Archy McNickle. Native American Tribalism. Indian Survivals and Renewals. N. Y. — L. 1973; W. Brandon. The Last Americans: The Indians in American Culture. N. Y. 1973; J. G. Jorgensen. The Sun Dance Religion: Power for the Powerless. Chicago. 1972.

⁵ E. Zolla. The Writer and the Shaman: A Morphology of the American Indian. N. Y. 1973; B. W. Sheehan. Seeds of Extinction: Jeffersonian Philanthropy and the American Indian. Chapel Hill. 1973; C. Eby. «That Disgraceful Affair» — the Black Hawk War. N. Y. 1973; L. R. Murphy. Frontier Crusader — William F. M. Army. Tucson, 1972.

⁶ «Indian Treaties, 1778—1883». N. Y. 1972.

⁷ «The American Indian and the United States: A Documental History». Ed. by W. E. Washburn. 4 vols. N. Y. 1973.

да с VII по XII век. В то время начинается регулярная торговля между ранними прибалтийскими городами и торговыми поселениями, способствовавшая взаимному развитию их экономики и культуры. Й. Герман считает, что уже в период раннего средневековья Балтийское море служило средством экономических и культурных контактов между населявшими его берега племенами и народами. По его мнению, установление международных связей по Балтийскому морю в раннее средневековье осуществлялось в несколько этапов и под влиянием различных движущих сил. До VIII в. эти связи были спорадическими и обуславливались передвижениями целых племенных групп. Правда, уже тогда зарождалась предпосылка нового типа связей. В Скандинавии происходила социальная дифференциация, возникали небольшие племенные княжества, вожди которых соединяли в своем лице экономическую и социальную власть. На острове Хельгё, в 30 км к западу от Стокгольма, уже в VI—VII вв. сложился ремесленно-торговый центр, продукция которого поступала на Готланд и в Финляндию. О более ранних контактах этого острова свидетельствуют найденная на нем небольшая бронзовая фигурка Будды из Индии, посох ирландского епископа VIII в., а также многочисленные остатки славянской керамики. На южном побережье Балтийского моря в VIII в. консолидировались славянские племена и племенные союзы. Еще в VII в. у них стали появляться бурги (Рерик, Старград, Колобжег).

Как подчеркивает Й. Герман, в тот период характер взаимоотношений между племенами определяла не только торговля, но и военные действия. Большую роль с VIII по X в. играли походы викингов — выходцев из Центральной Швеции, с Готланда и частично из Дании. Они нападали на южное побережье Балтийского моря и берега Финляндии, доходили до Средней Азии, Византии и Междуречья. В IX в. викинги или норманны (выходцы из Норвегии) буквально наводнили Франкскую империю, проникая по рекам в глубь страны. Автор делит походы викингов на две категории. Простые крестьяне в надежде освободиться от власти знати шли на север и запад, на дикие невозделанные земли и культивировали их. Таким образом, в IX—X вв. были заселены в основном норвежскими крестьянами Норвегия, Исландия и Гренландия. Напротив, знать со своими дружинами стремилась на юг с целью грабежа богатых стран.

Походы викингов, отмечает Герман, представляли собой лишь одну сторону исторических связей. Гораздо большее значение имела другая сторона: интенсивное увеличение с VIII в. товарного обмена. В удобных в географическом отношении местах появились пункты морской торговли, связанные с экономически развитыми районами внутри страны. По мнению автора, одним из наиболее значительных явлений в истории племен и народов, селившихся на берегах Балтийского моря, в VIII—X вв. была торговля с арабами. В начале VIII в. арабские купцы появились в Швеции, а в конце VIII — начале IX в. они вели оживленную торговлю на всем побережье Балтийского моря. В IX в. арабское серебро заняло господствующее положение в торговом обмене в бассейне Балтийского моря.

В заключение Й. Герман отмечает, что в VII—XII вв. на берегах Балтики сложилась определенная культурная общность. В то же время попытки создания империй, включающих в себя всю территорию вокруг Балтийского моря, и превращения его во внутреннее море потерпели крах.

В. Д. Балакин

Существовали ли до Колумба контакты между Старым и Новым Светом?

«Das Altertum». Berlin. 1975, № 4.

Уже вскоре после открытия Америки появились утверждения о доколумбовых контактах жителей Старого и Нового Света. Этим гипотезам, насчитывающим не одно столетие и не исчезнувшим и в наши дни, посвящена статья руководителя кафедры этнографии университета имени Гумбольдта (ГДР) проф. Урсулы Шленгер.

Поиски генезиса культуры Америки прежде всего связывались с легендой об Атлантиде — материке, в глубочайшей древности якобы существовавшем в океане, к западу от Геракловых столбов. На основе этой легенды, впервые сообщенной Платоном, был сделан фантастический вывод о том, что Атланта (мифическая прародина ацтеков) и есть Атлантида. Создателями культуры Мезоамерики объявлялись затем египтяне, финикийцы, эллины, римляне. Позже появились и другие версии — место народов античного мира заняли кельты и др. Возникновение различных гипотез о заселении Американского континента автор правомерно ставит в зависимость от господствовав-

ших в Западной Европе политических и идеологических концепций. В условиях всевластия церкви в XVI—XVII вв. появились попытки доказать, что индейцы не язычники, а потомки христиан, пришедших в Индию с апостолом Фомой. Некоторые обряды индейцев Центральной Америки — брак при участии жреца, омовение новорожденного при церемонии принятия младенца в род, крест в виде буквы Х («андрееский») — стали основой для утверждений, что индейцы — потомки еретиков, отпавших от ортодоксальной христианской церкви. Эта теория была призвана оправдать жестокости испанских колонизаторов, чинимые под флагом борьбы с ересью. Близки к этим построениям и взгляды тех авторов, которые видели в индейцах потомков исчезнувших «10 колен израилевых», а также и домыслы насчет присутствия древних египтян и финикийцев в Новом Свете. К мифам относит У. Шленгер и выводы, сделанные из плаваний Тура Хейердала на «Ра», о посещениях Америки подданными фараонов.

Говоря о бесспорном факте пребывания викингов в Северной Америке, автор оперирует рядом новых данных. Так, аэрофото съемка в Южной Дакоте обнаружила остатки каменных строений, предположительно относящихся к 1000—1200 годам. У Бирдмор (Сев. Онтарио) найден клад — оружие (секира, меч и умбон щита) конца X — начала XI века. Вполне возможно, что каменные строения не имеют отношения к викингам, а оружие — это предметы старины, привезенные иммигрантами в новое время. Безусловным подлогом автор считает как пресловутый Кенсингтонский камень, так и нашумевшую Йельскую карту (или карту Винланда).

В XIX — XX вв. сторонники теории «культурных кругов» и венской культурно-исторической школы искали доказательства древних контактов Евразии и Америки, исходя из внешнего сходства тех или иных памятников архитектуры, надгробий, орнаментов и т. п. Для таких концепций характерно полное игнорирование различий между культурами Старого и Нового Света, забвение их абсолютной и относительной хронологии. Так, приверженцы «теории переноса культуры» Г. Гельдерн, Г. Экхольм (1951 г.) утверждали, что сходство орнамента «морские звезды» толтекской эпохи из Юкатана (Чичен-Итца) и буддийского орнамента из Амаравати свидетельствует о переносе культуры из Индии в Америку. Но орнамент Чичен-Итца датируется 1000—

1200 г. н. э., а буддийский орнамент — II в. нашей эры. Да и само это сходство отнюдь не очевидно. Пирамиды фараонов отстоят во времени от пирамид Центральной Америки на тысячелетия. Различно и их функциональное назначение: пирамиды майя — доколи храмов, а в Египте — это усыпальницы царей.

У. Шленгер обоснованно напоминает, что египетская, финикийская и т. п. теории призваны доказать, что аборигены Америки были неспособны создать самостоятельную высокую цивилизацию. Ключ к объяснению параллельных или похожих явлений культуры столь далеко отстоящих друг от друга стран, как Мексика и Египет (Индия, Камбоджа и др.), лежит в сходстве социально-экономических отношений, породивших известную близость идеологической надстройки. Так, культ солнца имел место в самых различных странах, он связан с главным занятием населения — земледелием. Мегалитические сооружения сохранились во многих уголках нашей планеты, они свидетельствуют об однотипности социальных структур народов и племен, о сильной власти знати и служителей культа и т. д.

Автор считает вполне возможными контакты с Новым Светом со стороны Тихого океана (плавания малайцев, японцев, китайцев), оговариваясь, однако, что здесь предстоят еще большие археологические, лингвистические и исторические изыскания. Единичные контакты Америки и Азии во всяком случае не повлияли ни на этногенез, ни на культурное развитие аборигенов Нового Света. В Америке, указывает У. Шленгер, не было плуга, телеги, колеса, гончарного круга, воздуходувных мехов, глазурированной керамики, производства стекла, железных орудий труда и войны, струнных музыкальных инструментов, арочного свода. Переселенцы из Азии, пришедшие в Америку 30—20 тыс. лет до н. э., с этими предметами еще не были знакомы. Добавим, что до появления колонизаторов Новый Свет не знал ни лошадей, ни коров, ни овец, ни свиней, не знал культур пшеницы, ржи, проса, ячменя, овса, винограда, а также плодовых деревьев и ягодников Старого Света.

Обошедшее мировую печать осенью 1975 г. сообщение о находках в Северной Америке (в Нью-Гемпшире и Вермонте) кельтских надписей огамическим письмом, по мнению автора, не внушает доверия. О находках объявил профессор Гарвардского университета зоолог Д. Бэрри Фелл, кото-

рый не является знатоком огамического письма. Он датировал находку 800—300 гг. до нашей эры. Между тем огамическое письмо в Европе засвидетельствовано временем не ранее IV в. до нашей эры.

Интересная статья У. Шленгер привлекает внимание главным образом благодаря

новым данным. Основные выводы ее близки к общепризнанным советскими учеными. К сожалению, автор не использовала трудов своих советских коллег по тем же проблемам,

М. А. Коган

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

«Античная цивилизация». М. 1973. 271 стр. Рец.: Оррегманн М.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1976, H. 1, S. 23—25.

Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М. 1974. 288 стр. Рец.: Drska P.—«Historie a vojenství». Praha. 1976, № 1, s. 148—151.

«Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура». М. 1973. 591 стр. Рец.: Kämpfer F.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden, 1975, H. 4, S. 540—543.

Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции. (1729—1908 гг.). М. 1972. 320 стр. Рец.: Светкова В.—«Bulgarian Historical Review». Sofia. 1976, № 1, pp. 111—113.

Здоровова Н. Нариси народно-весьельної обрядовості на Україні. Київ. 1974. 159 стр. Рец.: Котоговскý J.—«Slovenský národopis». Bratislava. 1976, č. 2, s. 325—326.

«История второй мировой войны. 1939—1945». В 12 тт. Т. I. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М. 1973. 367 стр. Рец.: Nesvadba F.—«Historie a vojenství». Praha. 1976, № 1, s. 140—147.

«История Коммунистической партии Советского Союза». В 6 тт. Т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921—1937 гг. Кн. 2 (1929—1937 гг.). 1971. 607 стр. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938—1958 гг. Кн. 1. (1938—1945 гг.). 1970. 723 стр. Рец.: Lieberstein S.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 572—573.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е, доп. М. 1974. 264 стр. Рец.: Stöckl G.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 547—549.

Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной

мысли 50—60-х годов XIX века. М. 1972. 288 стр. Рец.: Scheibert P.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 561—567.

«Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М. 1974. 447 стр. Рец.: Schnitter H.—«Militärgeschichte». Berlin. 1976, № 3, S. 378.

«Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л. 1974. 459 стр. Рец.: Марко К.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 587—590.

Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX—начала XX в. Киев. 1971. 299 стр. Рец.: Goehrke C.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 564—566.

Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Чернозем. центр 1861—1895 гг. М. 1972. 423 стр. Рец.: Scheibert P.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 562—564.

«Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914—1917». Документы и материалы. Л. 1973. 552 стр. Рец.: МсКау J. P.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 572—573.

«На вечные времена». М. 1975. 325 стр. Пер. на чешск. яз. Praha. 1975. Рец.: Procházká J.—«Historie a vojenství». Praha. 1975, № 5, s. 137—140.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М. 1971. 205 стр. Рец.: Fischer A. W.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 556—557.

«Очерки советской военной историографии». М. 1974. 415 стр. Рец.: Thiel W.—«Militärgeschichte». Berlin. 1976, № 3, S. 369—371.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII века. М. 1972. 392 стр. Рец.: Goehrke C.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 554—556.

Сидоров А. Л. Экономическое положение в России в годы первой мировой войны. М. 1973. 655 стр. Рец.: Хауптманн Н.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, H. 4, S. 574—577.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в сентябре 1976 года.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. 1973. 383 стр. Рец.: Scheibert P.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, Н. 4., S. 566—567.

Сперансов Н. Н. Земельные гербы России. М. 1974. 198 стр. Рец.: Stökl G.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Wiesbaden. 1975, Н. 4, S. 547—549.

Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.). Л. 1972. 226 стр. Рец.: Scheibert P.—«Jahrbücher für Geschichte

Osteuropas». Wiesbaden. 1975. Н. 4, S. 562—564.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного. М. 1973. 359 стр. Рец.: Hoffmann P.—«Deutsche Literaturzeitung». Berlin. 1976. Н. 1, S. 51—54.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М. 1975. 511 стр. Пер. на нем. яз. Berlin. 1975. Рец.: Giertz H.—«Militärgeschichte». Berlin. 1976, № 3, S. 373—374.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ Работа Хелены Занд (Польша) «Ленинская концепция партии» раскрывает проблемы формирования рабочей партии нового типа (до 1917 г.) и развития В. И. Лениным учения о партии в эпоху диктатуры пролетариата. В книге излагаются ленинские теоретические, идеологические, организационные и тактические принципы построения партии (H. Zand. Leninowska koncepcja partii. Warszawa. KiW. 1976. 240 str.).

◆ «Польская социалистическая мысль» — книга польского историка Мариана Жиховского. Это результат изучения революционно-освободительных восстаний в Польше, польской революционной эмиграции, передовой мысли в стране XIX — начала XX века. Автор повествует о концепциях представителей утопического социализма, научного социализма и взглядах участников рабочего движения на разных его этапах (M. Zuchowski. Polska myśl socjalistyczna. Warszawa. PWN. 1976. 511 str.).

◆ Сборник «Воспоминаний варшавских рабочих» включает в себя часть мемуарных работ, присланных на конкурс, проведенный Варшавским комитетом ПОРП. На фоне истории города капиталистической, а затем социалистической эпохи авторы живо описывают традиции, обычаи, ряд ярких эпизодов жизни польской столицы («Pamiętniki robotników warszawskich». Warszawa. PWN. 1976. 368 str.).

◆ В книге Кшиштофа Гронёвского и Ежи Скворнека «История Польши, 1795—1914 гг.» представлено развитие страны от последнего раздела Речи Посполитой до начала первой мировой войны. Главное внимание уделено становлению, эволюции и расколу национально-освободительного движения на консервативный, либеральный и революционно-демократический лагери, а затем пролетарскому движению (K. Gronowski, J. Skowronek. Historia Polski, 1795—1914. Warszawa. WSP. 1976. 740 str.).

◆ Первый том обобщающего труда «Этнография Польши. Изменения в народной культуре» включает характеристику

роли различных факторов в формировании народной культуры на протяжении многих веков с отдельным анализом производительных сил, социальных явлений и этнических компонентов («Etnografia Polski. Przemiany kultury ludowej». T. I. Wrocław. «Ossolineum». 1976. 1200 str.).

◆ Увидели свет два тома избранных произведений известного польского ученого Францишека Буяка (1875—1953 гг.). Первый, кроме работ о роли науки в обществе и др., содержит вводную статью о Ф. Буяке, его научную биографию и библиографию его работ. Во второй том вошли работы по общественной и экономической истории Польши X—XX вв. (F. Buja. Wybór pism. T. 1. Nauka w społeczeństwie, historia. T. 2. Z dziejów społecznych i gospodarczych Polski X—XX w. Warszawa. PWN. 1976. 637 str.).

◆ Существует ли ныне одна немецкая нация или уже две — буржуазная в ФРГ и социалистическая в ГДР? Этот вопрос поднимает и освещает на базе современных данных Альфред Козинг (ГДР). Он предпринял анализ составных элементов понятия «нация» на материалах истории Германии, ФРГ и ГДР, а также анализ тех форм сознания, в которых находят отражение реальные проявления нации как исторически сложившегося своеобразного коллектива (A. Kosing. Nation in der Geschichte und Gegenwart. Berlin. «Dietz». 1976. 310 S.).

◆ Историк ГДР Эберхард Хаккеталь в книге «Крестный путь Чили. Христиане, церковь и классовая борьба до и после военного путча» описывает процесс идейной поляризации в среде чилийских католиков, оформления левых католических группировок в годы президентства С. Альенде и после фашистского путча. В приложении помещены документы, в своем большинстве ранее не публиковавшиеся (E. Hackett. Kreuzweg Chile. Christen, Kirche und Klassenkampf vor und nach dem Militärputsch. Berlin. «Union-Verlag». 1976. 192 S.).

◆ Известный исследователь, иностранный член АН СССР Юрген Кучинский

(ГДР) в работе «Наука и общество» касается истории науки в древности на Ближнем Востоке и в античном мире, в средние века, в период Ренессанса, в эпоху зарождения капитализма и затем в связи с промышленной и научно-технической революциями (J. Kuczynski. *Wissenschaft und Gesellschaft*. Berlin. «Akademie-Verlag». 1975. 240 S.).

◆ Коллектив специалистов из ГДР во главе с Бруно Крюгером предпринял попытку дать обзор состояния исследований о древних германцах в рамках Центральной Европы. Первый том труда охватывает период с VI в. до н. э. до II в. нашей эры. Уточняются ранее слабо изученные вопросы (о родственных отношениях между германцами и другими индоевропейскими народами и т. д.), освещается эволюция земледелия, культовых обрядов, раннего ремесла, товарообмена, семьи, ставятся проблемы топонимические и этнонимические, миграционные, культурных взаимовлияний. К тому приложены карты и многочисленные иллюстрации («Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa». Bd. I. Berlin. «Akademie-Verlag». 1976. 582 S.).

◆ Фридрих Шлетте (ГДР) излагает историю различных кельтских племенных союзов на территории от Галлии до Малой Азии с преимущественным вниманием к их материальной культуре, включая все новейшие археологические находки и недавно вскрытые кельтские городища (последние — в регионе от Сены до оз. Балатон) (F. Schlette. *Kelten zwischen Alesia und Pergamon. Eine Kulturgeschichte der Kelten*. Leipzig—Jena—Berlin. «Urania-Verlag». 1976. 184 S.).

◆ С 1969 г. в ФРГ по инициативе прогрессивных сил издается «Библиотека Сопrotивления». За последние два года в ней изданы 3 книги: Петер Алтманн, Хайнц Брюдигам, Барбара Маусбах-Бромбергер и Макс Оппенхаймер «Немецкое антифашистское Сопrotивление 1933—1945 гг. в фотографиях и документах»; Детлев Пойкерт «Рабочие Рура против фашизма. Документы о Сопrotивлении в Рурской области 1933—1945 годов»; Барбара Маусбах-Бромбергер «Сопrotивление рабочих во Франкфурте-на-Майне против фашизма в 1933—1945 годах». А всего увидели свет 26 томов серии. Все они написаны на основе архивных материалов и рассказов очевидцев о пережитом (P. Altman, H. Brüdigam, B. Mausbach-Bromberger, M. Oppenheimer. *Der deutsche antifaschistische Widerstand 1933—1945. In Bildern und Dokumenten*. Frankfurt am Main. «Röderberg-Verlag». 1975. 334 S.; D. Peukert. *Ruhrarbeiter gegen den Faschismus. Dokumentation über den Widerstand im Ruhrgebiet 1933—1945*. 1976. 412 S.; B. Mausbach-Bromberger. *Arbeiterwiderstand in Frankfurt am Main gegen den Faschismus, 1933—1945*. 1976. 312 S.).

◆ Военно-исторический музей в Вене предпринял издание нескольких сот подробно откомментированных фотоиллюстраций о взятии Вены советскими войсками в

1945 году. Основная часть текста носит объективный характер. Многие иллюстрации показывают гуманные действия Красной Армии, спасшей город от разрушения его фашистами, а также касаются материальной и продовольственной помощи, оказанной тогда венцам Красной Армией (M. Rauchensteiner. 1945: *Entscheidung für Österreich*. Graz. «Styria». 1975. 271 S.).

◆ 1974 г. был провозглашен по инициативе ООН Годом мирового населения, и в августе 1974 г. Бухарестская конференция по мировому населению наметила серию соответствующих публикаций. Изданные сейчас первые два тома касаются демографической проблемы в историческом и социологическом разрезе, а также демографической статистики развитых стран в новое и новейшее время (авторы — Джеймс Джойс, преподаватель Тафтовского университета в США, и др.). Они содержат ряд очерков и статей, основанных на разборе исторической документации, официальной и частной («World Population». Selected and introduced by J. A. Joyce. Vol. 1. New York. «Oceana Publications». 1976. 432 p.; vol. 2. 1976. 730 p.).

◆ Документы об итальянском профсоюзном движении от падения фашизма в Южной Италии до национальных профконгрессов 1973 г. вошли в сборник, составленный и прокомментированный Витторио Фоа. Всего в публикации помещено, полностью либо в отрывках, 89 документов (V. Foa. *Sindacati e lotte operaie (1943—1973)*. Torino. «Loescher Editore». 1976. 245 p.).

◆ Автор ряда работ об «индейских войнах», директор археологического отдела службы национальных парков США Роберт Атли рассматривает в очередной своей книге борьбу индейцев с вооруженными силами США в 1866—1891 годах. Описание хода военных действий увязано им с общей линией развития страны и капиталистическим освоением Дальнего Запада (R. M. Utley. *Bluecoats and Redskins*. London. «Cassel». 1975. 462 p.).

◆ Первый импичмент в истории США был связан с президентом Эндрю Джонсоном, который возглавил страну после убийства А. Линкольна и выдвинул программу реконструкции южных штатов. Профессор Бруклинского колледжа в Нью-Йорке Ганс Трефаус, ранее написавший работу о радикальных республиканцах во время Гражданской войны, в новой книге рассматривает различные аспекты первого импичмента в связи с политической карьерой Э. Джонсона (H. L. Trefousse. *Impeachment of a President*. Knoxville. UTP. 1975. 252 p.).

◆ Фрэнсис Дженнингс, президент Американского общества этноистории, затем профессор Аллентаунского колледжа (США), написал очерки открытия и первоначального освоения Северной Америки, жизни и быта ранних колонистов и встреченных ими индейцев, социальной, религиозной и политической организации поселенцев Новой Англии, Новой Голландии и

Новой Шотландии до конца XVII века (F. Jennings. *The Invasion of America*. Chapel Hill. UNCP. 1975. 369 p.).

◆ Профессор Отто Мэнхен-Хельфен предпринял попытку обобщить весь материал о гуннах, известный специалистам к концу 1960-х годов. Им были отобраны, классифицированы и подытожены сведения по истории, хозяйственной жизни, обществу, военному делу, религии, искусству, антропологическим чертам, языку и походам гуннов в Азии и Европе. Основную базу книги составил фактический материал из трудов советских авторов (O. J. Maenchen-Helfen. *The World of Huns*. Berkeley. UCP. 1973. 602 p.).

◆ Индийское издательство «Манас» публикует серию монографий под общим названием «Исследования по азиатской истории и политике». Выпущены работы Капилешвара Лабха «Индия и Бутан», Ситы Шрестхи «Непал и Объединенные Нации», Аруна Бгуйяна «Движение за свободную Индию». Автор очередной книги — преподаватель Горакпурского университета Шри Кришна Джха. Он касается индо-непальских отношений в 1947—1971 гг. и затрагивает преимущественно индо-китайские и непало-китайские аспекты этих отношений (Sh. K. Jha. *Uneasy Partners: India and Nepal in the Post-Colonial Era*. New Delhi. «Manas Publications». 1975. 344 p.).

◆ Бывший директор Института этнологии при Венском университете Вильгельм Колперс много лет изучал одну из народностей Центральной Индии — бхиллов и в 1948 г. опубликовал о них книгу, а затем до 1957 г. — дополнительно ряд статей. После его смерти работу продолжил директор Высшей школы св. Терезы в Бомбее Леонард Джангблат. В результате увидел свет двухтомник «Лучники из Центральной Индии», выпущенный Венским университетом как т. 6 «Индийской серии», объединивший в себе исследования обоих авторов. Описаны экспедиции в страну бхиллов с 1802 г. по 1964 г., их язык, антропологические черты, занятия, быт и нравы,

положение среди других слабо развитых народностей Индии, религия, фольклор, селения, брачные отношения, родовые пережитки, празднества, народная медицина и магия, контакты с соседями (W. Koppers, L. J. Jungblut. *Bowmen of Mid-India*. «Stiglmayr». 1975. Vol. I: 289 p.; vol. II: 295 p.).

◆ Медиевист из колледжа св. Екатерины (Англия) Джордж Холмс посвятил свою работу социально-экономическим и политическим отношениям, идеологии, общественным движениям и культуре Западной Европы XIV—первой половины XV века. В приложениях помещены различные справочные материалы (G. Holmes. *Europe: Hierarchy and Revolt 1320—1450*. Hassocks. «The Harvester Press». 1975. 352 p.).

◆ Английские короли династии Тюдоров часто использовали в своей политической деятельности прокламации (официальные публичные обращения к народу или правителям других государств). Анализ этих документов — их содержания, исторической обстановки их появления, сыгранной ими роли при Генрихе VII, Генрихе VIII и Эдуарде VI дал профессор Риверфорестского колледжа (США) Рудольф Хейнце; анализ прокламаций Марии I и Елизаветы I — профессор Луизианского университета (США) Фредрик Джангз (R. W. Heinze. *The Proclamations of the Tudor Kings*. Cambridge. CUP. 1976. 317 p.; F. A. Youngs. *The Proclamations of the Tudor Queens*. Cambridge. CUP. 1976. 277 p.).

◆ С 1889 г. в Германии издавался генеалогический справочник бюргерских семей. Сейчас в ФРГ увидел свет т. 173 (т. 4 по Вестфалии), охвативший всех представителей фамилии «Wesener» в селениях Вестфалии с 1494 г. до наших дней. О каждом из них даны краткие сведения, а о лицах, занимавших видное положение, — более полные биографические справки («Westfälisches Geschlechterbuch». Bd. 4. Limburg a. d. Lahn. «C. A. Starke». 1976. 671 S.).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ТРУДЯЩИЕСЯ ПОДМОСКОВЬЯ — ФРОНТУ

С первых дней Великой Отечественной войны жители Подмосковья, как и весь советский народ, активно включились в дело обороны страны. На предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах области проходили митинги и собрания, на которых трудящиеся клялись выполнить любое задание партии, отдать все силы для победы над врагом. На одном из таких митингов рабочие, инженеры и техники Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева приняли резолюцию: «Каждый из нас, не покладая рук, ежедневно будет в тылу своим честным, дисциплинированным, организованным трудом крепить мощь доблестной Красной Армии»¹. Колхозники сельхозартели «Оборона» Волоколамского района заявили: «Мы твердо верим в победу нашего правого дела. Но мы знаем, что для того, чтобы победить, надо утроить свои силы. И мы это сделаем. Будем не жалея сил трудиться над тем, чтобы обеспечить Красной Армии победу»².

Московская областная партийная организация развернула большую работу по мобилизации сил трудящихся на разгром фашистов³. Сотни тысяч жителей области уже в первые месяцы войны влились в ряды Красной Армии. Огромное количество заявлений с просьбами об отправке на фронт поступало в военкоматы от добровольцев. Областная парторганизация направила на фронт почти 50 тыс. коммунистов — более половины своего состава⁴. Около 107 тыс. бойцов дала Красной Армии областная комсомольская организация⁵. Когда фронт вплотную подошел к столице, многие жители Подмосковья, находившиеся в рядах

Красной Армии, сражались непосредственно у ее стен. Славный боевой путь прошли дивизии Московского народного ополчения и стрелковые дивизии, в составе которых были ополченцы, бойцы истребительных и рабочих батальонов из Москвы и области⁶. Большой урон нанесли врагу подмосковные партизаны и подпольщики, насчитывавшие в своих рядах 17 тыс. человек⁷.

Под руководством областной парторганизации осуществлялась перестройка на военный лад работы промышленности, транспорта и сельского хозяйства Подмосковья. Почти все предприятия переводились на изготовление военной продукции — вооружения, боеприпасов, обмундирования. На смену рабочим, ушедшим на фронт, к станкам встали женщины, подростки и старики. Несмотря на военное положение, на заводах и фабриках развернулось соцсоревнование, возникли патриотические движения двухсотников и трехсотников, многостаночников, совместителей профессий, фронтовых и комсомольско-молодежных бригад и т. д.⁸. Труженики полей Подмосковья отправляли на фронт и в столицу продовольствие. В уборке урожая 1941 г. принимали участие тысячи пионеров и школьников, десятки тысяч рабочих и служащих⁹.

Одной из героических страниц истории Подмосковья стало строительство оборонительных сооружений на подступах к столице, развернувшееся летом и осенью 1941 года. Их возводили вместе с москвичами, рязанцами, туляками, калужанами и жители

⁶ См. Н. М. Алещенко, К. И. Буков, А. Д. Колесник, А. М. Синицын. Московское ополчение. М. 1969; К. И. Буков. Все мы были солдатами. М. 1972; А. Д. Колесник. Народное ополчение городов-героев. М. 1974.

⁷ «Битва за Москву». М. 1975, стр. 410, 422.

⁸ «Беспримерный подвиг». М. 1968, стр. 207.

⁹ См. П. П. Андреев, К. И. Буков. Подвиг города-героя. М. 1965, стр. 36—37; О. А. Матвеев. Когда враг угрожал Москве. М. 1966, стр. 26—28.

¹ «Коломенский рабочий», 23.VI.1941.

² «Волоколамский колхозник», 25.VI.1941.

³ См. «Очерки истории Московской организации КПСС». М. 1966, стр. 562—605.

⁴ «Московская городская и Московская областная организации КПСС в цифрах». М. 1972, стр. 24, 29.

⁵ Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС (МПА), ф. 634, оп. 4, д. 1, лл. 26, 211.

столичной области. С самого начала войны на оборонительные работы было мобилизовано свыше 55 тыс. строителей Московской области, а также более 250 тыс. колхозников Подмоскovie¹⁰. «Правда» сообщала: «Огромную работу по строительству оборонных укреплений проводят колхозники Московской области. Колхоз имени Максима Горького (Солнечногорский район) послал на участок в числе других колхозников группу пожилых людей. «Старики» работают замечательно. Они обгоняют даже молодежь. Один из этих энтузиастов-«стариков», Иван Васильевич Лебедев говорит: «У меня сын в Красной Армии. Он защищает Родину на фронте, а я защищаю ее здесь, под Москвой. Москву мы отстоим!». Колхозник т. Лебедев выразил настроение тех, кто строит укрепления на дальних подступах к Москве»¹¹.

Для прикрытия дальних подступов к Москве летом и осенью 1941 г. были сооружены Ржевско-Вяземская и Можайская линии обороны. Затем на ближних подступах к столице началось строительство третьей линии — Московского оборонительного рубежа¹². Свыше половины его строителей составляли жители Подмоскovie¹³. Они трудились, невзирая на погоду, от зари до зари, нередко под вражеским обстрелом. Председатель исполкома Московского областного Совета депутатов трудящихся П. С. Тарасов писал на страницах «Правды»: «Дружно и организованно работает на своем участке коллектив Сходненского стекольного завода. Каждый день, как только становится светло, сотни рабочих выходят на строительство оборонительного рубежа. Они остаются на своих местах, пока не наступит полная темнота. Старый кадровик этого завода Николай Иванович Баранов в гражданскую войну дрался с Юденичем под Петроградом. Теперь он — один из активных строителей оборонительного рубежа. На том же участке работает энтузиаст 16-летний Костя Родичев. Им гордится вся бригада. Костя — лучший ударник. Он трудится упорно, обгоняя своих товарищей по бригаде. Коммунисты лич-

ным примером увлекают за собой все свои бригады»¹⁴.

Оснащение оборонительных сооружений проводилось в значительной степени за счет продукции подмосковных предприятий. В городах Коломна, Химки и др. изготовлялись противотанковые ежи и стальные башни. Мощные препятствия встали на пути врага на Клинском направлении, в районе села Черкизово, Химкинского района. Здесь проходила сплошная линия противотанковых заграждений¹⁵. Оборонительные сооружения создавались также в районе Серпухова, Коломны, Электростали, Солнечногорска и в других местах области. Инженерные противотанковые и противопехотные заграждения усиливались лесными завалами, протяженность которых в Московской области составляла 1528 километров. Большая часть их была заминирована¹⁶.

К ноябрю 1941 г. строительство укреплений на подступах к Москве в основном было завершено. Но оборонительные работы на этом не прекратились. Они велись и позднее. Газета «Московский большевик», останавливаясь на трудовых подвигах строителей укреплений, писала: «Десятки тысяч металлистов, ткачей, обувщиков, бухгалтеров, инженеров, техников, учителей вышли на поля и дороги Подмоскovie, чтобы воздвигнуть непреодолимую преграду ненавистному врагу. Люди, впервые взявшиеся за кирку и лопату, не считаясь с огромными трудностями, с энтузиазмом рыли противотанковые рвы, строили блиндажи и дзоты, делали завалы и т. д... Перевыполнение норм на строительстве укреплений было массовым. Профессор, убеленный сединами, маститый инженер, домашняя хозяйка, экономист, врач, учитель, рабочий, продавец — все, кто в эти памятные дни вышел на боевую работу, жили одной мыслью — не пропустить врага, потопить гитлеровских промил в их черной крови. За короткий срок трудящиеся Москвы и области создали вокруг своего любимого города надежный оборонительный пояс»¹⁷.

Всего в Московской зоне обороны населением было вырыто 676 км противотанковых рвов, 445 км эскарпов и контрэскарпов, установлено 380 км надолб, 1,3 тыс. км проволочных заграждений, 32 тыс. противотанковых ежей, построено свыше 30 тыс. огневых точек, дотов и дзотов, 16,5

¹⁰ «Выстояли и победили». Документы и материалы. М. 1966, стр. 295; О. А. М а т ь я с. Указ. соч., стр. 32.

¹¹ «Правда», 28.XI.1941.

¹² «Беспрецедентный подвиг», стр. 176, 182.

¹³ «Москва — фронту. 1941—1945». Сборник документов и материалов. М. 1966, стр. 52.

¹⁴ «Правда», 21.X.1941.

¹⁵ «Москва — фронту. 1941—1945», стр. 55.

¹⁶ МПА, ф. 157, оп. 2, д. 185, л. 15.

¹⁷ «Московский большевик», 5.III.1942.

тыс. окопов для стрелковых отделений и много других оборонительных сооружений¹⁸. Все это значительно усилило оборону Москвы, помогло остановить врага у ее стен. Весной и летом 1942 г. трудящиеся столицы и Подмосковья продолжали совершенствование и строительство оборонительных рубежей. На этих работах было занято 37 тыс. человек, главным образом из районов, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков¹⁹.

Трудящиеся области помогали фронту денежными средствами. Они добровольно вносили в фонд обороны ценности, облигации государственных займов, сельскохозяйственные продукты, отдавали свои трудовые сбережения на строительство танков и самолетов. Только за первые три с половиной месяца войны в Московскую областную контору Госбанка от трудящихся Подмосковья поступило 34 млн. рублей²⁰. Рабочие Солнечногорского завода имени Лепсе приняли решение об отчислении в фонд обороны страны однодневного заработка ежемесячно до окончания войны²¹. Три трудодня ежемесячно каждый колхозник Якимовской сельхозартели Ногинского района перечислял в фонд обороны²². Подобные решения принимали коллективы и других предприятий и колхозов области.

Участники состоявшегося в октябре 1941 г. антифашистского митинга молодежи г. Орехово-Зуево и района приняли постановление об организации сбора средств на строительство танка «Ореховский комсомолец». Эта инициатива нашла горячий отклик у молодежи предприятий города, колхозов и школ. Молодые рабочие завода имени Барышникова решили отчислить на строительство танка свой однодневный заработок. Их примеру последовали комсомольцы и молодежь Ореховского хлопчатобумажного комбината, завода «Карболит», Госбанка, ткацкой фабрики № 3 и других предприятий и учреждений. Денежные средства на строительство танка собирали также молодые колхозники и учащиеся школ Орехово-Зуевского района²³. Труженики сельхозартели «Вперед к социализму» Бронницкого района в ноябре 1941 г. после

выполнения плана зернопоставок и натуроплаты передали Красной Армии 100 пудов зерна и, кроме того, с каждого колхозного двора — поросенка, бычка или барашка, 3 птицы, по 40 литров молока с каждой коровы, находящейся в личном пользовании, и стоимость 5 трудодней с каждого трудоспособного колхозника. В своем обращении к колхозникам района они писали: «Создадим фонд помощи для нашей доблестной Красной Армии. Дадим стране и фронту хлеба, мяса и других продуктов столько, сколько потребуется. Следуйте нашему примеру! Помните, усиленная наша помощь фронту приближает час победы над мерзким, остервенелым врагом — германским фашизмом»²⁴.

Летом 1941 г. в Москве и Подмосковье возродились традиции коммунистических субботников. 17 августа во Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике участвовали сотни тысяч юношей и девушек столицы и Подмосковья. В этот день их помощь фронту составила более чем 18 млн. руб. и почти 113 тыс. трудодней²⁵. 16 ноября 1941 г. в Москве и области состоялся новый воскресник. В нем участвовало 150 тыс. человек. Заработанные в тот день 2 млн. руб. пошли на изготовление танков²⁶. Рабочие Московского железнодорожного узла осенью 1941 г. делали бронепоезда. По инициативе коллектива паровозного депо Люблино они и в нерабочее время строили их на свои средства²⁷. Всего железнодорожниками было выпущено и отремонтировано 24 бронепоезда²⁸.

Труженики Московской области получали много благодарственных писем с фронта за боевую технику, построенную на их средства. Летно-технический состав одной из авиачастей писал: «Мы горячо благодарим трудящихся Химкинского района за боевые самолеты, построенные на их трудовые сбережения. Получив это грозное оружие, личный состав дал клятву вам, дорогие товарищи, беспощадно громить и

²⁴ Там же, стр. 307.

²⁵ «Московский большевик», 29.VIII.1941.

²⁶ «Люди огня и металла». М. 1969, стр. 211.

²⁷ Е. Г. Астафьева. Железнодорожники Московского узла в борьбе за столицу осенью 1941 года. «Ученые записки» Московского пединститута имени Н. К. Крупской Т. 183, вып. 2. 1967, стр. 79.

²⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 2. М. 1961, стр. 276.

¹⁸ «Выстояли и победили», стр. 296; К. И. Буков. Победа под Москвой. М. 1962, стр. 89.

¹⁹ «Битва за Москву», стр. 226.

²⁰ «Вечерняя Москва», 7.X.1941.

²¹ МПА, ф. 146, оп. 3, д. 1, л. 274.

²² О. А. М а т ь я с. Указ. соч., стр. 85.

²³ «Выстояли и победили», стр. 304.

уничтожать фашистскую нечисть в воздухе и на земле. Всю мощь огня обрушим на головы гитлеровских мерзавцев!»²⁹. В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Московской области внесли на строительство танков и самолетов 220 млн. руб., а всего в фонд обороны страны из личных средств населения Подмоскovie поступило 489 млн. рублей³⁰.

Летом и осенью 1941 г. жители области начали собирать теплые вещи для воинов Красной Армии: полушубки, овчины, валенки, фуфайки, ватные брюки, куртки, теплое белье, шапки-ушанки, рукавицы, носки и т. п. В промартелях и райпрокомбинатах были организованы ремонт теплых вещей, обработка овчины, вязка перчаток и свитеров. Кроме того, теплые вещи для советских воинов готовили женщины Подмоскovie. Всего за годы войны рабочие, служащие и колхозники Московской области послали в Действующую армию 1200 тыс. различных теплых вещей, в том числе 50 тыс. пар валенок и 21 тыс. полушубков³¹.

С первых месяцев войны в Подмоскovie начался сбор подарков фронтовикам. Уже к середине сентября 1941 г. трудящиеся Москвы и Подмоскovie отправили на фронт 32 вагона подарков, 105 тыс. посылок³². Трудящиеся области осуществляли шефство над 40 соединениями Красной Армии. В мае 1942 г. Московский обком Российского общества Красного Креста получил письмо, в котором говорилось: «Дорогие подруги! Разрешите от имени бойцов, командиров и политработников 28-й танковой бригады сердечно поблагодарить Вас за первомайские подарки, полученные нами на передовой линии фронта... Они вдохновляют нас на новые подвиги, вливают в нас еще больше энергии и силы»³³. Для вручения подарков на фронт выезжали делегации рабочих и колхозников Подмоскovie. Это имело большое значение. Генерал-лейтенант Н. А. Антипенко, вспоминая о битве под Москвой, пишет: «В дни боев большой моральной и материальной поддержкой для солдат были посещения фронта рабочими и колхозными делегациями, привозившими подарки воинам. Эти делегации всегда стремились лично вручить подарки бойцам переднего края, рискуя жизнью, они нередко пробирались к

позициям под ружейно-пулеметным огнем... Председатель исполкома Серпуховского городского Совета Соколов и секретарь городского комитета партии Гусев, следуя на передовую, вынуждены были чуть ли не целый километр ползти «по-пластунски» до передовых окопов»³⁴.

В подмоскovie санаториях, домах отдыха, некоторых больницах и других учреждениях были размещены госпитали для лечения раненых фронтовиков. К 15 октября 1941 г. в области действовали 134 госпитала на 43 700 коек, а всего во время войны в области было дислоцировано 237 госпиталей³⁵. Трудящиеся проявляли повседневную заботу о раненых бойцах и командирах. Коллективы предприятий и учреждений Подмоскovie брали шефство над госпиталями, снабжали их оборудованием, инвентарем, топливом, вели в них культурно-просветительную работу. Колхозы и совхозы поставляли в госпитали молоко, овощи, картофель и другие сельскохозяйственные продукты. Тысячи женщин и девушек Подмоскovie разгружали эшелоны с ранеными и ежедневно дежурили в госпиталях. Большую работу проделали организации общества Красного Креста городов и районов области. Они готовили младший и средний медицинский персонал для фронта и госпиталей, массовые санитарные формирования и медслужбы МПВО, оказывали помощь раненым и населению, пострадавшему от военных действий, проводили профилактические мероприятия с целью предотвращения эпидемий и санитарно-просветительную работу среди населения Подмоскovie. Кроме того, уже в первые месяцы войны во всех городах и районах области была широко развернута военно-санитарная учеба взрослого населения и школьников старших классов. Особое внимание при этом уделялось оказанию первой помощи при ранениях и предупреждению инфекционных заболеваний. Всего за время Великой Отечественной войны Московской областной организацией общества Красного Креста были обучены 661 тыс. значкистов ГСО, 326 тыс. значкистов БГСО, около 18 тыс. медсестер, сандружинниц и санитарок³⁶. Все госпитали, формировавшиеся на территории Московской области, два военно-санитарных поезда и санитарный пароход бы-

²⁹ «Знамя Октября» (Химки), 23.IV.1943.

³⁰ «Битва за Москву», стр. 456.

³¹ Там же.

³² «Московский большевик», 13.IX.1941.

³³ Государственный архив Московской области (ГАМО), ф. 7191, оп. 1, д. 115, л. 6.

³⁴ «Провал гитлеровского наступления на Москву». М. 1966, стр. 330.

³⁵ «Беспримерный подвиг», стр. 220.

³⁶ ГАМО, ф. 7191, оп. 1, д. 138, л. 7; д. 189, л. 7.

ли полностью укомплектованы медсестрами и сандружинницами областной организации общества Красного Креста³⁷.

Многие женщины и девушки Подмосковья выражали желание пойти на фронт, чтобы быть непосредственно на поле боя. Так, например, 30 выпускниц библиотечного института обратились в обком Красного Креста с просьбой подготовить их в качестве медсестер и направить на фронт. Просьбу девушек удовлетворили. Все учащиеся курсов медсестер Загорского района подали заявление в комитет комсомола об отправке их на фронт после обучения. В Мытищинском районе на выпускные испытания курсов медсестер девушки пришли с вещевыми мешками и, сдав экзамены, сразу ушли на фронт³⁸. Только в 1941—1942 гг. 7 тыс. женщин Подмосковья, получивших звание медсестер и сандружинниц, добровольно ушли на фронт³⁹. Во всех районах области летом и осенью 1941 г. были сформированы санитарные дружины для оказания доврачебной помощи пострадавшим. На фабриках и заводах, в школах и колхозах было создано более 6 тыс. санитарных постов⁴⁰. Сандружинницы оказывали первую помощь раненым бойцам и жителям, пострадавшим от вражеских бомбардировок и обстрелов, организовывали обопревательные пункты вдоль шоссеиных дорог, по которым двигались войска, разгружали санитарные поез-

да с ранеными воинами, доставляли раненых в госпитали, проявляли заботу об эвакуированных детях. В Клинском районе звено сандружинниц во главе с Марией Глухой вынесло из поезда, подвергшегося вражеской бомбардировке, 438 раненых бойцов и командиров. Сандружинницы Звенигородского района, когда бои шли на подступах к городу, организовали эвакуационный пункт, разыскивали раненых в лесу, на полях, в оврагах, оказывали им помощь, а затем отправляли в тыл⁴¹. После окончания работы, невзирая на усталость, сандружинницы и медсестры общества Красного Креста шли в госпитали и дежурили ночами у постелей тяжелораненых.

Участие тружеников Московской области в создании оборонительных рубежей, в сборе средств на вооружение, теплых вещей и подарков для красноармейцев, их помощь в оборудовании госпиталей, в уходе за ранеными воинами помогли Красной Армии отстоять Москву, разгромить врага у ее стен. Родина высоко оценила ратные и трудовые подвиги жителей Подмосковья. За мужество и героизм, проявленные трудящимися Московской области в разгроме немецко-фашистских захватчиков под Москвой, и за успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства, указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1966 г. Московская область была награждена орденом Ленина⁴².

Г. В. Ильин

³⁷ Там же, д. 138, лл. 8—11.

³⁸ Там же, л. 3.

³⁹ Там же, д. 139, л. 19.

⁴⁰ Там же, д. 138, лл. 11, 12.

⁴¹ Там же, лл. 12, 13.

⁴² «Правда», 6.XII.1966.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЛИСТОВКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО «СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Большую роль в пробуждении классового сознания русских рабочих, в установлении прочных связей социал-демократической организации с массами сыграли листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», выпущенные в период его деятельности под руководством В. И. Ленина (1895 г. — январь 1897 г.). Их выявление, собиранье и изучение начались после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в 1924 г. в приложении к первому тому Собрания сочинений Ле-

нина был напечатан список прокламаций «Союза»¹ и одновременно поставлен вопрос о введении в научный оборот этого ценного исторического материала. К 1934 г. задача в основном была решена. Выпуск в свет подготовленных Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) библиографического указателя листовок Петербургской большевистской организации

¹ В. И. Ленин. Соч. Изд. 1-е. Т. 1, стр. 630—637.

РСДРП² и сборника «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895—1897 гг.»³ сделал достоянием научной общественности все выявленные к тому времени издания — 67 прокламаций (13 из них обнаружены в нескольких вариантах).

Опубликован был также «Список не имеющих листовок», суммирующий сведения о восьми упоминаемых в литературе воззваниях⁴. Этот список нацеливал на продолжение поиска и, казалось бы, предопределял его возможные результаты. Недаром в ряде исследований говорится о 75 воззваниях, выпущенных «Союзом» в 1895 г.—январе 1897 года⁵. Однако печатная продукция петербургского «Союза борьбы» оказалась шире и разнообразнее, чем это было зафиксировано в 1934 году. Из перечисленных в «Списке не имеющих листовок» отыскивались пока лишь две: рукописная прокламация «Чего следует добиваться портновым рабочим» (обнаружена за границей в 1935 г.)⁶ и воззвание «Товарищи рабочие». Был найден также ряд неизвестных изданий. Два из них уже публиковались в печати: «Вопросы о положении рабочего класса в России»⁷ и обращение «К рабочим завода Феникс»⁸; сведения же о большинстве из них вводятся здесь в литературу впервые.

Речь идет о листовках «Союза борьбы» и документах о них, выявленных недавно, в ходе работы над «Сводным каталогом русской нелегальной и запрещенной печати

² «Социал-демократические листовки 1894—1917 гг.». Библиографический указатель. Т. 2, ч. 1: Листовки петербургской большевистской организации РС.Д.Р.П. М. 1934.

³ «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895—1897 гг.». Составитель С. Н. Валк. М. 1934.

⁴ Там же, стр. 163—164.

⁵ Ю. З. Полевой. Из истории рабочей печати. М. 1962, стр. 114; А. В. Хороших. Методическое пособие на тему «Листовки революционных социал-демократических организаций Украины (1895—1904) как исторический источник». Киев. 1971, стр. 21. Называется также цифра 79, но источник такого рода сведений не указывается («Большевистская печать 1894—1917 гг. Краткие очерки истории». М. 1962, стр. 28).

⁶ «Пролетарская революция», 1937, № 8; стр. 124—136.

⁷ И. Никитин. Из истории петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М. 1947, стр. 11—12.

⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 4, ч. 1. М. 1961, стр. 216—217.

XIX века. Листовки»⁹. Предпринятое в связи с этим сплошное обследование фондов библиотек и архивов, принимавших участие в его составлении, позволило обнаружить четыре неизвестные прокламации «Союза» и варианты к девяти воззваниям. На варианты обычно не обращают особого внимания. Между тем это ценный материал для изучения деятельности организаций и истории текстов важнейших партийных документов.

Одной из первых печатных листовок «Союза борьбы» было написанное Лениным воззвание «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» по поводу стачки ткачей 6—7 ноября 1895 года. Оно было переслано за границу и опубликовано в № 1—2 неперидического сборника «Работник». Однако текст, напечатанный в «Работнике», стилистически несколько отличался от текста гектографированной листовки. Поскольку не было известно, кем осуществлена редакция, во всех собраниях Сочинений В. И. Ленина (кроме 1-го) воззвание печаталось по гектографированной листовке. Вопрос разрешился лишь после того, как был обнаружен мимеографированный вариант ленинского воззвания, текст которого совпадал с текстом, опубликованным в сборнике. Удалось установить, что именно мимеографированный вариант Ленин рассматривал как окончательный и принимал непосредственное участие в его распространении¹⁰.

Варианты появлялись, поскольку организация не располагала множительной техникой для получения больших тиражей: гектограф или мимеограф давал отпечатки только с одного оригинала (трафарета). Поэтому наличие варианта — это прежде всего оценка значимости воззвания, сделанная самим «Союзом». С этой точки зрения небезынтересно остановиться на некоторых документах из вновь найденных. 15 декабря 1895 г., после ареста Ленина и других членов организации, была выпущена прокламация «От Союза борьбы за освобождение рабочего класса», призывавшая про-

⁹ Подготовлен к печати крупнейшими советскими библиотеками и архивами: Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, Государственной публичной библиотекой имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, библиотекой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (БИМЛ), библиотекой АН СССР, библиотекой имени А. М. Горького при Московском университете, ЦГАОР СССР и ЦГИА.

¹⁰ Л. Н. Петрова. К истории издания листовки «К рабочим и работницам фабрики Торнтон». «Археологический ежегодник за 1971 год». М. 1972, стр. 191—194.

должать борьбу, несмотря на полицейские преследования,— первая, в которой «Союз» выступил под своим, вошедшим ныне в историю, названием. В источниках нет данных о ее распространении, но в то же время имеются сведения, что 3 января 1896 г. на 20 петербургских предприятиях разбрасывалась какая-то начинавшаяся с обращения «Товарищи рабочие» прокламация, к обнаружению которой «Союз борьбы» готовился весьма основательно¹¹. Оба факта связались воедино, когда в ЦГАОР СССР отыскалась листовка из числа обнаруженных тогда петербургской полицией¹². Оказалось, что это вариант воззвания от 15 декабря (издательская организация указана в нем в форме не надзаголовка, а подписи). Вошедший в литературу по первым словам текста («Товарищи рабочие»), он значителен в «Списке не имеющих листовок»¹³.

При обсуждении в «Союзе борьбы» написанной И. В. Бабушкиным прокламации «Что такое социалист и политический преступник» (конец декабря 1895 г.) возникли разногласия, стоит ли готовить листок на чисто политическую тему¹⁴. Имеющиеся теперь два варианта воззвания¹⁵ наглядно свидетельствуют о разрешении спора в пользу массовой политической агитации. Дважды были отпечатаны: прокламация «Товарищи. В паровозомеханической мастерской сбавка» (вначале на гектографе, а в ночь на 5 декабря 1895 г.— на мимеографе)¹⁶, обращение «Союза борьбы» «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен»¹⁷, выпущенное 1 июня 1896 г. в связи с начавшейся забастовкой текстильщиков, и некоторые другие документы.

Изучение вариантов помогает уточнить отдельные моменты, связанные с организацией «Союзом» его множительной техники. Пять вариантов листовки «Рабочий праздник 1-ого Мая» и три варианта «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен» (были известны ранее) при знании общего тиража каждой из них (соответственно 2 тыс. и свыше 1 тыс. экз.) позволяют

сделать вывод о максимальных технических возможностях «Союза» — примерно 400 отпечатков на мимеографе с одного трафарета, а следовательно, определить приблизительный тираж ряда его изданий.

Все вновь найденные воззвания «Союза борьбы» относятся к 1896 г.— году его наибольшей издательской активности: Два из них ранее не были известны, о третьем имелись глухие упоминания, четвертое же с изданиями петербургского «Союза борьбы» прежде не отождествлялось. Выявление и атрибуция их были связаны со значительными трудностями: не все листовки «Союза» имеют его печать или подпись. Поэтому идентификация их проходила постепенно, по мере накопления данных, выясняющих историю того или иного издания.

В сборнике «Рабочее движение в России в XIX веке» со ссылкой на архивный источник (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 3 д-во, 1895, л. 684, л. 289) было помещено сообщение о распространении петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» 28 февраля 1896 г. на обойной фабрике Рикса какого-то воззвания¹⁸. Адресовалось ли оно рабочим названной фабрики, из сообщения не было ясно. Уточнить это помог «Обзор важнейших дознаний»: в нем не только называлось специальное от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» воззвание к рабочим обойной фабрики Рикса, но и указывался его отличительный признак — гектографированное воспроизведение¹⁹. Экземпляр этого воззвания прилагался когда-то к донесению властей, на которое ссылались составители сборника «Рабочее движение...»; отторженный впоследствии от документа, он затерялся среди листовок и был идентифицирован благодаря сохранившейся пометке: «Из дела ДО, 684, 1895 г., л. 290»²⁰. Оказалось, что это гектографированный с машинописного текста листок (без заглавия, даты и подписи), начавшийся обращением: «Товарищи. Мы все время проводим за работой и не замечаем той системы грабежа и обмана, которой фабрикант опутывает нас»²¹. В нем говори-

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, д-во 5, 1897, д. 38, ч. 1, лл. 6, 61—62, 64.

¹² Там же, ф. 1741, №№ 15006, 10068, 11434.

¹³ «Листовки петербургского «Союза борьбы...», стр. 164, № 8.

¹⁴ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1972, стр. 23.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 34719; БИМЛ.

¹⁶ Там же, №№ 15002, 20091.

¹⁷ Там же, №№ 7289, 20002.

¹⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 4, ч. 2. М. 1963, стр. 712.

¹⁹ «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям, за 1895 и 1896 гг.». СПб. Б. г. Т. 19—20, стр. 116.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 15010.

²¹ Далее в тексте воззвания отражена специфика обойного производства.

лось о тяжелых условиях труда, об изощренной системе штрафов («за шум и за разговор, за соби́рание толпой, ...за курение табаку, за снятие чужого номера, за сопротивление позорному ...обыску»), о постоянной угрозе увольнения, нависшей над каждым рабочим. «Покорностью здесь делу не поможешь...» — разъясняло воззвание. — Оружие в наших руках это единодушие, мужество и стойкость, и мы должны пустить их в ход. Мы предъявили фабриканту свои требования, и если он нам не уступит, то возьмемся за оружие, т. е. объявим стачку! Стачка не принесет нам с собою золотых гор, но она, как нельзя лучше, покажет нам нашего общего врага-фабриканта, она укрепит в нас чувство единодушия и теснее соединит нас для борьбы с врагом». В листовке формулировались требования, которые необходимо было предъявить фабриканту. Автором этого, пока единственного, воззвания к рабочим фабрики Рикса был А. Г. Кишкин²² — студент Технологического института, принимавший деятельное участие в работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»²³.

До сих пор было известно только одно обращение «Союза борьбы» к рабочим мануфактуры И. А. Воронина — листовка, распространенная там 16 апреля 1896 года²⁴. Ее призыв к стачке в случае, если требования о прекращении махинаций с сортностью пряжи, сказывавшихся на заработке, не будут удовлетворены, встретил горячую поддержку. «Угрожая забастовать всей фабрикой, если он [хозяин] будет продолжать безобразничать», рабочие вынудили администрацию пойти на уступки: «Буксин теперь работаем только 1-й сорт, ут́ок делается лучше да штрафовать стал он меньше». Эти строки взяты уже из майского воззвания «К рабочим Резво-Островской мануфактуры И. А. Воронина», обнаруженного составителями Сводного каталога²⁵. Напоминающая об апрельском успехе, оно призывало выступить в защиту работниц, которым понизили расценки. «Мы все должны вступить за них даже ради собственных интересов,— говорилось, в воззвании.— Если мы допустим сегодня сбавить расценки проде-

вальщицам, хозяин завтра сбавит и сно-вальщицам, а послезавтра и катушечницам, а там пойдут и шлихтовальщицы, доберутся и до ткачей. Не забудем, товарищи, что ведь это обыкновенный способ у всех хозяев: мало-помалу понижать расценок поодиночке, не возбуждая зараз всех рабочих; и если каждый раз ему будет противиться только небольшая кучка людей, то он с ней сумеет справиться. Если же каждый раз мы все будем дружно отстаивать свои интересы, то хозяин... с нами ничего не поделает». Текст заканчивается подписью «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и датой «май 1896-ой год». Воззвание было отпечатано на мимеографе еще до начала всеобщей стачки текстильщиков.

Среди изданий, выпущенных «Союзом борьбы» в связи с этой стачкой, особое место занимали листовки по поводу обращения министра финансов С. Ю. Витте к петербургским рабочим (15 июня 1896 г.), в котором стачка была объявлена незаконной и изображалась следствием подстрекательства рабочих «злонамеренными людьми». «Союз борьбы» ответил на него выпуском 27 июня воззваний «К петербургским рабочим» и «К рабочим Балтийского завода», а в ноябре — написанной В. И. Лениным прокламацией «Царскому правительству»²⁶. Разоблачению правительственного заявления была посвящена еще одна листовка — «Товарищи! 27 мая в Петербурге на 17-ти бумагопрядильных и ткацких фабриках прекратили работу до 30 тысяч рабочих...»²⁷, изданная без заглавия, даты и подписи. В конце июня 1896 г. она распространялась московским «Рабочим союзом»²⁸, и, вероятно, именно поэтому при публикации ее текста в 1939 г. ее атрибутировали как московское издание²⁹. Однако общий характер воззвания (его содержание во многом перекликалось с содержанием воззвания «К петербургским рабочим»), тема и стиль, отличающие его от других листовок московского «Рабочего союза» того времени, наконец, техника печати на мимеографе заставляли предполагать участие в его издании какой-то более сильной организации. В

²² «Обзоры важнейших дознаний...». Т. 19—20, стр. 116.

²³ М. А. Сильвин. Ленин в период рождения партии. Воспоминания. Л. 1958, стр. 327.

²⁴ «Листовки петербургского «Союза борьбы...». стр. 40—41.

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1741, № 10049.

²⁶ «Листовки петербургского «Союза борьбы...», стр. 77—80, 99—106; М. А. Сильвин. Указ. соч., стр. 150—151.

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1741, №№ 7303, 9728, 19972.

²⁸ «Рабочее движение в России в XIX веке». Т. 4, ч. 1, стр. 406.

²⁹ «Красный архив», 1939, № 2, стр. 142—144.

следственных материалах по делу московского «Рабочего союза» действительно нашлись сведения, что воззвания «по поводу правительственного сообщения от 15 июня ...не были составлены кружком, а поступили в его распоряжение»³⁰. В показаниях одного из руководителей московского «Рабочего союза» об этом говорилось еще определеннее: «Нам были доставлены отработанные на mimeографе воззвания: 1) «Требования петербургских рабочих», 2) «По поводу циркуляра министра финансов к петербургским рабочим», — но распространить их нам также, за небольшим исключением, не удалось» (40 экз. первого и более 100 — второго воззвания попали в руки полиции при разгроме московской организации 6 июля 1896 г.)³¹.

Зная, что «Требования петербургских рабочих» — это изданная петербургским «Союзом борьбы» прокламация «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен», можно считать, что им же было выпущено и второе воззвание. Это подтверждается данными о состоянии множительной техники революционного подполья. Листовка напечатана на mimeографе с машинописного трафарета, а из всех социал-демократических организаций, действовавших тогда в России, mimeографом располагал только петербургский «Союз борьбы»³². Экземпляр этого воззвания действительно был обнаружен при обыске у одного из его техников³³. А так как воззвание «Товарищи рабочие! 27 мая в Петербурге на 17-ти бумагопрядильных и ткацких фабриках прекратили работу до 30 тысяч рабочих...» было адресовано всем рабочим (независимо от места и характера их деятельности), то можно предположить, что «Союз борьбы» намеревался распространить его не только в Москве.

Хорошо известны связи «Союза» с Лахтинской типографией. Там были напечатаны брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» и «Вопросы о положении рабочего класса в России» — единственная типографская листовка «Союза». Именно на эту типографию ориентировались петербургские социал-демократы, задумывая издание

газеты «Рабочее дело». Туда была передана для набора и рукопись ленинской брошюры «О стачках», попавшая затем, при аресте типографии, в руки полиции. В связи с арестом Лахтинской типографии 24 июня 1896 г. была выпущена последняя из найденных листовок³⁴. Приведем ее полностью: «Товарищи, наше начальство усердно заботится о том, чтобы мы оставались во тьме и невежестве: оно истребляет всякие книги, из которых мы могли бы научиться, как взяться за ум и улучшить наше положение; оно засаживает в тюрьмы тех людей, которые доставляли нам такие книги, учили нас словами, стояли за нас. Братцы, пособим чем можем и себе и нашим друзьям, которые так смело стояли за наше дело. Пусть каждый из нас пожертвует, сколько кто может, на приобретение книг и на помощь арестованным товарищам. В пользу арестованных товарищей, боровшихся за общее дело». Перед последней фразой поставлена круглая печать: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этой печатью, изготовленной по решению собрания, обсуждившего вопрос о наименовании организации, обычно подтверждалось получение «Союзом борьбы» денежных средств; ею же штемпелевалась литература, одобренная «Союзом» к распространению среди рабочих³⁵. Воззвание было отпечатано на mimeографе с машинописного трафарета и вышло не позже 12 августа 1896 года. В этот день 22 экземпляра воззвания были взяты при обыске на квартире М. А. Лурье — члена «Союза борьбы», ведавшего «техникой»³⁶.

Выявленные листовки не просто увеличивают количество известных изданий петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», но и дополняют сложившиеся представления об отдельных сторонах его деятельности, и в первую очередь о связях «Союза» с другими социал-демократическими и иными революционными организациями. На сегодняшний день наиболее полный перечень изданий петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» содержится в подготовленном к пе-

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 124, оп. 5, 1896, д. 4, л. 96.

³¹ Там же, л. 20.

³² У московского «Рабочего союза» не только mimeографа, но даже пишущей машинки в то время не было.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 102, д-во 3, 1896, д. 580, л. 299.

³⁴ Там же, ф. 124, МЮ, 1896, д. 25, л. 42 (находится в деле о Лахтинской типографии).

³⁵ М. А. Сильвин, Указ. соч., стр. 122, 130; Б. И. Горев, Из партийного прошлого. Л. 1924, стр. 128.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, д-во 7, 1896, д. 319, л. 105.

чати «Сводном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Листовки». В нем зарегистрировано 72 воззвания (причем 22 из них в нескольких вариантах), всего же — 99 изданий, выпущен-

ных «Союзом борьбы» за период с 1895 г. по январь 1897 года³⁷.

Л. Н. Петрова

³⁷ Рукописные прокламации (до нас дошли пока две) в каталог не включены.

АВТОР «РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ»

В годы первой русской революции «миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще до того не читали в России»¹. По подсчетам известного книговеда и библиографа Н. А. Рубакина, за период революции увидело свет 10—11 тыс. названий только политической и экономической литературы, общим тиражом 220 млн. экземпляров².

Когда 17 октября 1905 г. царь подписал манифест о «даровании» гражданских свобод, партия большевиков перешла от подпольной деятельности к полуполюгальной. В рабочих клубах, библиотеках, народных домах организовывались доклады, проводились беседы, разъяснявшие действия царизма и буржуазии. И если до осени 1905 г. революционно-политическая литература издавалась и распространялась в стране лишь нелегально, то теперь книги и брошюры политического характера появлялись не только в крупных центрах, но и на местах. Однако цензура, как и раньше, придерживалась принципа — не допускать к печати произведения, в которых шла речь о рабочем движении в России. Отсюда большое количество изданий политического содержания в переводах и переделках с иностранных языков. Иногда же «проскакивали» в печать и издания, противоречившие установкам цензуры. Такова вышедшая в 1907 г. брошюра В. Жандр-Никитиной, озаглавленная «Революционная Россия»³.

О В. Н. Жандр-Никитиной известно очень немного. Происходила она из обрусевшей семьи французских дворян, эмиг-

ровавших в Россию еще в XVII веке. Родилась в 1842 г. в Кронштадте, потом ее родители жили в Петербурге, а затем в Киеве. Отец Варвары Николаевны был директором завода фаянсовых изделий, мать — образованная женщина, сумевшая передать дочери свое увлечение серьезным чтением. У В. Н. Жандр было хрупкое здоровье, но она была человеком способным, целеустремленным, жаждавшим основательных знаний. После смерти матери В. Н. Жандр была отправлена учиться в Киевский институт благородных девиц, который и окончила. Ее биограф так писал об этом периоде ее жизни: «Оказалось, что императрица в своем институте, совершенно того не подозревая, способствовала развитию девушки с чисто революционным направлением»⁴.

В 20 лет Варвара Николаевна вышла замуж за военнослужащего В. Н. Никитина. В течение шести лет она вела жизнь светской женщины, путешествовала по Италии. Об этом периоде она впоследствии вспоминать не любила. Из-за ее слабых легких врачи посоветовали ей вновь поехать в Италию на лечение (и позднее с перерывами она прожила в этой стране 11 лет). То было время усиленной умственной работы Жандр-Никитиной. Возвратившись на родину через два года, она обнаружила, что ее взгляды совершенно расходятся с мировоззрением мужа, порвала с ним и после развода снова уехала за границу. Ее интересовали социальные проблемы: история международного освободительного движения, женский вопрос и другие. Перу Жандр-Никитиной принадлежит около 70 статей и обзоров по этой тематике. Почему она стала интересоваться подобными вопросами? Какой круг знакомых имела в итальянский период жизни? Из-за отсутствия сведений сказать что-либо определенное об

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 83.

² С. Б. Люблинский. Книжное дело в годы первой русской революции 1905—1907 гг. М. 1974, стр. 9.

³ В. Жандр (Никитина). Революционная Россия. СПб. 1907. 89 стр. Тираж 4500 экз. (указана в «Списке книг, вышедших в России с 1 января по 30 июня 1907 г.». СПб. 1908, стр. 114).

⁴ Там же, стр. 5.

этом, к сожалению, нет возможности. Известно лишь, что в 1878 г. она переехала в Париж, где продолжала изучать источники по социальным вопросам, знакомилась с французской литературой и искусством.

В первой статье, с которой В. Н. Жандр выступила в печати, она отстаивала право женщин на высшее образование. Заняться этой темой ее побудил отказ историка и философа И. Тэна допустить В. Н. Жандр на его лекции по искусству. Статья имела успех, и ее автор начинает выступать в радикальной и мелкобуржуазной прессе, откликаясь на международные события, а также на вопросы в области истории, социологии и литературы. Она знакомится с общественными деятелями и учеными Франции, получает их признание как публицист. Ее статьи отличаются знанием темы, ясностью и живостью изложения, искренностью. Социалистические проблемы активно изучались тогда в кружке русских революционеров-эмигрантов во главе с П. Л. Лавровым. В. Н. Жандр была деятельной участницей этого кружка. Ее связывали с Лавровым общность интересов и дружба. Через него и Г. А. Лопатина ей удалось установить контакты с другими членами русской эмиграции в Париже. По доносам охраны, найдена «при аресте государственного преступника Лопатина между прочими заметка с разными адресами, кои были зашифрованы. Между этими адресами был помещен и такой: Париж, rue d'Assas, 45. Елисавете Блонской»⁵.

Елизавета Фоминична Блонская, дочь учителя, служила гувернанткой сначала у отца Варвары Николаевны, а затем в семье Никитиных и осталась за границей вместе с В. Н. Жандр. Адреса П. Л. Лаврова и Г. А. Лопатина были хорошо известны царской охранке, а «незапятанный» адрес Е. Ф. Блонской мог пригодиться русским революционерам. Из переписки П. Л. Лаврова и Г. А. Лопатина осенью 1874 г. можно установить, что по этому адресу Лавров получал корреспонденцию и денежные переводы и что адрес Блонской, по свидетельству Лаврова, был известен только трем лицам⁶ (установить конкретно кому, не удалось). Из сохранившихся в архиве документов видно, что за время пре-

бывания Блонской в Париже охранное отделение вплоть до 1885 г. ни разу не интересовалось ею. Как выяснилось из переписки департамента полиции с градоначальником Петербурга в 1890—1891 гг., дело возникло по поводу выяснения личности итальянки Элеоноры Каталиотти, а косвенно коснулось Е. Ф. Блонской и В. Н. Жандр⁷. Сама же Блонская всевозможными средствами пыталась облегчить жизнь В. Н. Жандр и помогала ей в ее деятельности.

Среди многочисленных статей того периода В. Жандр есть такие, в которых она отдает дань любви и уважения своему учителю Лаврову, освещает деятельность И. С. Тургенева («Иван Тургенев и русский реализм»), переводит на французский язык стихотворение «Порог» о самопожертвовании русской девушки-революционерки.

В. Н. Жандр читала некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. По отзывам ее друзей, «Капитал» произвел на нее неизгладимое впечатление⁸. Однако в своих статьях она ссылается на Маркса лишь в общей форме и даже в таких вопросах, как «рабочий день», не привлекает конкретных положений Маркса в своей полемике с буржуазным экономистом Гьюо⁹. Из письма Энгельса Лауре Лафарг известно, что Жандр собиралась переводить «Манифест Коммунистической партии» на французский язык. Энгельс, зная, что перевод такого произведения — «не игрушки», поставил условием дать ему готовый текст перевода для редактирования и только тогда обещал написать соответствующее предисловие¹⁰. В этой связи В. Н. Жандр обратилась с письмом к дочери Маркса Элеоноре. Сообщая об этом письме Лаврову, Э. Маркс высказала положительное мнение о его авторе. Она ждала случая познакомиться с В. Н. Жандр, когда та будет в Париже¹¹. Но этому помешала преждевременная смерть В. Н. Жандр в декабре 1884 года.

Она ушла из жизни в расцвете творческих сил. За материалами для статьи об Ирландии она должна была поехать в пригород Парижа. День был сырой и холод-

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 дел-во, 1890 г., д. 574, ч. 20, л. 1.

⁸ В. Gendre (Nikitine). Etudes sociales, philosophiques et morales. P. 1886, p. VIII.

⁹ Ibid., pp. 214—221.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 5.

¹¹ «Переписка членов семьи Маркса с русскими политическими деятелями». М. 1974, стр. 64.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3 дел-во, оп. 79, 1883 г., д. 111, л. 247.

⁶ Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в двух томах. Т. I. Лавров и Лопатин. Переписка (1870—1883). Dordrecht—Boston. 1974, стр. 195, 207—208.

ный. Простуда осложнилась воспалением легких, и через неделю Варвары Николаевны не стало. По этому поводу Э. Маркс писала Лаврову: «Я понимаю, как Вам не хватает этого друга и какую потерю это составляет для нашей партии, которая не так уж богата талантливыми людьми»¹². На похоронах В. Н. Жандр присутствовало большое число эмигрантов, в том числе лиц из рядов русской колонии. В числе провожавших были среди прочих основатель газеты «La Justice» Ж. Клемансо и ее редактор К. Пельтон (представители левых радикалов), деятели французского рабочего движения (П. Лафарг и Ш. Лонге). Среди семи выступавших на траурном митинге был и Лавров; он отметил, что «в своей борьбе за великие принципы свободы и прогресса, борьбе, которой она посвящала всю свою жизнь, Жандр все время оставалась русской, хотя она и боролась на французской почве... она испытывала волнения того революционного дуновения, которое действовало на головы русских женщин ее времени... Освободительному движению, особенно русскому, с его героями и мучениками она отдала свои мысли и талант публициста... Сначала она выступала за равноправие женщин — а в конце концов за великие идеи социализма»¹³.

В русской и зарубежной прессе появились некрологи. Вот выдержка из одного: «В. Н. Жандр была страстная проповедница социализма, который изучила основательно и глубоко по научным источникам, а потому все статьи ее отличались обширной эрудицией, при том согреты были крайнею искренностью, и эти-то качества, при весьма талантливом и мастерском изложении, и доставили ей такое видное положение во французской печати, где она была известна под именем Жандр, так как подписывалась всегда этою своею девичьею фамилией. По-русски, сколько нам известно, она ничего не писала, но своей родине, которую продолжала горячо любить, служила тем, что была как бы посредницей между русской революционной партией и радикальной Францией... Мы хорошо знали покойную и, не принадлежа к социальной партии, высоко ценили ее приязнь, потому что, зная, нельзя было не уважать глубоко эту слабенькую, худенькую женщину с ее кротким, миловидным лицом, с ее неукротимой верой в будущее и удивительной от-

звучивостью на все честное и прекрасное! В этом маленьком, болезненном теле жила необыкновенная энергия и преданность своим принципам... Она никогда не унывала и была крайне счастлива тем, что могла личным трудом завоевать себе существование и положение»¹⁴.

Очерк В. Н. Жандр «Революционная Россия (от декабристов до событий 1 марта 1881 г.)» проникнут горячим сочувствием к русским революционерам. Что касается политической ориентации автора, то она не шла дальше мечты о завоевании для России буржуазных свобод по западному образцу. Этот очерк, написанный на французском языке, первоначально был опубликован в 1884 г. в парижском буржуазно-республиканском журнале «La Nouvelle Revue»¹⁵.

Царская цензура не могла допустить, чтобы подобный материал оказался в руках русского читателя. Поэтому очерк из полного комплекта журнала, попавшего в Россию, вырезали, а оставшуюся последнюю страницу (487) забили штемпельной черной краской¹⁶. В 1886 г. очерк из журнала был перепечатан в сборнике статей В. Жандр, посмертно изданном в Париже¹⁷. В рецензии на этот сборник указывалось, что он был издан Е. Блонской¹⁸, которая, вероятно, следила за выходом в свет статей В. Н. Жандр и составила их библиографический список. Редакция «Revue socialiste» обещала ближе познакомиться читателю с трудами В. Н. Жандр и дать их анализ в

¹⁴ «Общее дело» (Женева), 1884, № 68, декабрь, стр. 16.

¹⁵ «La Nouvelle Revue», 1884, № 14, pp. 449—487.

¹⁶ См. экземпляр, хранящийся в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Экземпляр, находящийся в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина, избежал цензуры. В «Русском биографическом словаре» (Т. 11. СПб. 1914, стр. 305—306) в списке литературы к статье о В. Н. Жандр указан «Русский календарь на 1886 г.». Цензура снова позаботилась об изъятии, да так энергично, что экземпляр календаря не сохранился ни в ИМЛ, ни в ГБЛ. Нам кажется, что цензура оказывала свое «благосклонное внимание» и журналу, и календарю из-за наличия в них материалов В. Н. Жандр. В годы реакции книга Жандр на русском языке была запрещена и попала в 1909, 1910 и 1913 гг. в «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест которых утвержден судебными установлениями».

¹⁷ В. Gendreau (Nikitine). Etudes sociales, philosophiques et morales. Avec une notice biographique par Ch. Letourneau. P. 1886.

¹⁸ «Revue socialiste», 1886, № 14, p. 191.

¹² Там же.

¹³ В. Жандр (Никитина). Революционная Россия, стр. 10—12.

следующих номерах, но не сделала этого.

В очерке «Революционная Россия» (на французском языке) есть материал и об известном «Процессе 50-ти»: даны несколько абзацев и заключительная часть речи рабочего-революционера Петра Алексеева. В русском же варианте его речь переводчик, невзирая на цензуру, привел полностью. В примечании переводчика, скрытого под инициалами «К. Д.», обращает на себя внимание следующее объяснение: «Жандр приводит из речи выдержки, мы же предпочитаем восстановить ее полностью. Речь этого, одного из первых «сознательных» рабочих слишком в настоящее время забыта»¹⁹.

Кто же был переводчиком? Инициалами «К. Д.» подписывал иногда свои статьи Дмитрий Клеменц, революционер-народник, сотрудник «Вперед», один из редакторов «Общины», редактор «Земли и воли». В 1879 г. он был арестован, сидел 2,5 года в Петропавловской крепости, отбывал ссылку в Минусинске, в 1874—1875 гг. жил во Франции и Германии. Возможность его личной встречи с В. Н. Жандр условна, заочное же знакомство через Лаврова воз-

можно. Биографы Д. А. Клеменца утверждали, что в досибирский период источником его существования был преимущественно переводческий труд. Остается предположить, что очерк В. Н. Жандр был кем-то переслан Клеменцу для перевода, который он и осуществил. Эта вероятность не кажется слишком фантастичной, если вспомнить, как протест заключенных (в том числе и П. А. Алексеева) в Новобелгородской тюрьме против жестокого режима был переправлен на волю и с помощью Клеменца нелегально опубликован²⁰, а рукопись отправлена за рубеж.

В годы первой русской революции Клеменц сохранял верность своему революционному прошлому. Может быть, тогда-то им и был сделан перевод очерка В. Н. Жандр? Возможно также, что он еще раньше воспользовался парижским адресом Блонской. Ведь в ту эпоху для обхода цензуры применялись разные приемы, в том числе указание фиктивных типографий и издательств, подложных разрешений цензуры на книгах, изменение подлинного названия книг и мест их издания.

А. В. Уроева

¹⁹ В. Жандр (Никитина). Революционная Россия, стр. 43.

²⁰ А. В. Долгушин. Заживо погребенные. СПб. 1878, стр. 24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шестак Юрий Исаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС Куйбышевского планового института. Специализируется по истории мелкобуржуазных партий. Автор статей по этой тематике.

Шулепова Элеонора Александровна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Научно-исследовательского института культуры. Специализируется по истории культурного строительства в СССР.

Кузьмин Аполлон Григорьевич — доктор исторических наук, автор книг «Рязанское летописание» и «Русские летописи как источник по истории Древней Руси», а также статей по отечественной истории и историографии.

Алексеев Глеб Алексеевич — научный сотрудник Института истории СССР АН СССР; специализируется по истории марксизма и международного рабочего движения XIX — начала XX в.; автор ряда статей на эту тему.

Комаров Константин Викулович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. Специализируется в области новой истории стран Латинской Америки.

Смирнов Лев Николаевич — член ЦК КПСС, председатель Верховного суда СССР, президент Советской ассоциации юристов, почетный доктор права Карлова университета (ЧССР) и Гумбольдтовского университета (ГДР). Автор многих работ по юриспруденции.

Зайцев Евгений Борисович — член Ленинградского отделения Союза журналистов СССР. Автор книг (в соавторстве) «Помни Нюрнберг», «Русские господа и вашингтонские судьи» и других работ.

Туган-Барановский Джучи Михайлович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Саратовского университета. Автор статей по истории Франции конца XVIII — начала XIX века.

ЯКИМ СЕРГЕЕВИЧ ГРОСУЛ

28 сентября 1976 г. скончался видный советский ученый, депутат Верховного Совета Союза ССР, президент Академии наук Молдавской ССР, член-корреспондент АН СССР Яким Сергеевич Гросул. Ушел из жизни неутомимый труженик науки, принципиальный руководитель, верный сын Коммунистической партии.

Я. С. Гросул родился 22 сентября 1912 г. в крестьянской семье в селе Карагаш, Тираспольского уезда, Херсонской губернии. Учился он в одной из первых молдавских школ, созданных в его родном селе после окончания гражданской войны. В 1933 г. окончил рабфак, а в 1937 г. — Тираспольский педагогический институт, где до 1946 г. (с перерывом на время службы в армии) работал преподавателем истории СССР, диалектического и исторического материализма, был деканом исторического факультета. Здесь Яким Сергеевич вступил в члены КПСС.

В 1944 г. Я. С. Гросул защитил кандидатскую диссертацию на тему «Крестьянская реформа 1868 г. в Молдавии». Эта проблематика (разложение феодализма и развитие капитализма) стала в дальнейшем главным объектом его исследований. В 1955 г. Я. С. Гросул защитил докторскую диссертацию на тему «Крестьяне Бессарабии 1812 — 1861 гг.». Через год вышла его монография под тем же названием. В ней впервые в советской молдавской историографии были вскрыты особенности крестьянской общины в Бессарабии XIX в., опровергнуты положения «вотчинной теории», показаны развитие экономики края, социально-экономическое положение и система феодальной эксплуатации основных категорий крестьян, освещены формы их классовой борьбы. Большое значение имеет содержащийся в книге историографический обзор, в котором дана развернутая критика буржуазной литературы по рассматривавшимся вопросам. На основе глубокого анализа обширного материала в монографии впервые показано прогрессивное значение присоединения Бессарабии к России в 1812 году. В 1950—1960-е годы Я. С. Гросул опубликовал в различных научных изданиях ряд важных статей, в которых исследовались различные стороны истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма (история землевладения, характер внеэкономического принуждения в бессарабской деревне XIX в., правовое положение отдельных категорий населения и др.).

Я. С. Гросул сочетал научную работу с активной деятельностью по организации университетского образования и созданию академических научных учреждений в Молдавской ССР. С 1946 по 1960 г. он был деканом историко-филологического факультета и заведующим кафедрой истории СССР Кишиневского университета. В июне 1949 г. он становится заместителем директора Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, в мае 1950 г. (после преобразования ее в Молдавский филиал АН СССР) избирается заместителем председателя, а с февраля 1954 г. является председателем Президиума филиала. С 2 августа 1961 г. — времени учреждения АН Молдавской ССР — Я. С. Гросул ее действительный член и первый, в течение 15 лет, бессменный президент. Под его руководством АН МССР превратилась в крупный научный центр республики и страны в целом, где работает большой коллектив ученых, занятых решением многих проблем, имеющих важное значение для развития экономики и культуры Молдавии, подготовки научных кадров. В 1966 г. Я. С. Гросул избирается членом-корреспондентом АН СССР.

Перу Я. С. Гросула принадлежит свыше 100 исследований. Он был организатором и руководителем ряда крупных научных работ по истории республики, среди которых двухтомная «История Молдавии» (изд. 1-е — 1951—1955 гг., 2-е — 1965—1968 гг.). В соавторстве с другими исследователями Я. С. Гросул опубликовал ряд монографий: «Крестьянская реформа 60—70-х гг. XIX в. в Бессарабии», «Историческая наука Молдавской ССР», «Очерки истории народного хозяйства Бессарабии» в двух томах и др. В них дан анализ закономерностей перехода от феодального способа производства

к капиталистическому, раскрыта специфика этого процесса в Бессарабии, содержится оценка литературы по основным проблемам советского молдавоведения. В трудах по экономической истории Я. С. Гросул впервые в молдавской историографии раскрыл сложный процесс хозяйственного освоения Бессарабии на протяжении XIX столетия, становления и развития здесь аграрного капитализма, формирования рабочего класса, определил место этого края во всероссийском рынке, охарактеризовал политику царского правительства в данном районе страны.

Я. С. Гросулу принадлежит большая заслуга в деле публикации источников по истории крестьянства Бессарабии XIX — начала XX века. Под его руководством изданы пять томов документов, отражающих положение крестьян и крестьянское движение в крае с 1812 по 1917 г., снабженных многочисленными комментариями и указателями. Вместе с монографическими исследованиями Я. С. Гросула эти публикации являются фундаментальным вкладом ученого в историю молдавского и других народов.

В последние годы научные интересы Я. С. Гросула были связаны с выявлением закономерностей перехода от одной общественно-экономической формации к другой в более широких ареалах Европы. В своих трудах он обосновал идею выделения особого промежуточного региона на востоке Европы (Дунайские княжества), где переходный период от феодализма к капитализму не совпадал полностью с таким же периодом в юго-восточной и восточной Европе. Исследование специфики социально-экономического развития этого промежуточного региона позволило объяснить, почему на этих территориях, которые в XVIII в. почти не знали барщинного хозяйства, в XIX в. развитие капитализма пошло преимущественно по «прусскому пути». От региональных изысканий Я. С. Гросул перешел к разработке проблемы перехода от феодализма к капитализму на юго-востоке Европы в целом, а также к изучению актуальной в теоретическом плане типологии перехода от феодализма к капитализму.

Я. С. Гросул был главным редактором «Молдавской Советской Энциклопедии» — первого в истории молдавского народа издания, отражающего успехи республики в социалистическом развитии, достижения молдавского народа в области экономики, науки, культуры.

Яким Сергеевич вел широкую общественную деятельность. Он неоднократно избирался членом ЦК КП Молдавии, был делегатом нескольких съездов КПСС, много раз избирался депутатом Верховного Совета СССР, был членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР в области науки и техники, членом ВАК, председателем молдавского отделения Общества советско-венгерской дружбы, являлся членом Национального комитета историков СССР и научно-редакционного совета «Большой Советской Энциклопедии».

Партия и правительство высоко оценили заслуги Я. С. Гросула. За выдающиеся успехи в развитии советской науки, многолетнюю плодотворную научно-педагогическую и общественную деятельность Яким Сергеевич был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов. В 1967 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки МССР»; в 1972 г. правление Всесоюзного общества «Знание» наградило его медалью имени акад. С. И. Вавилова. В том же году ему была присуждена Государственная премия МССР.

Светлая память о Якиме Сергеевиче Гросуле, коммунисте и патриоте, замечательном человеке, отзывчивом товарище, организаторе науки, воспитателе молодых советских ученых, навсегда сохранится в наших сердцах.

SUMMARIES OF ARTICLES

History and Society

The article is based on an abbreviated and revised text of the paper prepared jointly by A. I. Danilov, V. V. Ivanov, M. P. Kim, Y. S. Kukushkin, A. M. Sakharov and N. V. Sivachov and read at the 14th International Congress of Historical Sciences in San Francisco (August 1975). The article traces the interrelations between history and society, examines the question concerning the social nature of historical science, subjects to criticism the idealistic interpretations of this problem and expounds the propositions of Marxism-Leninism on this particular theme. The authors focus their attention on graphically demonstrating the role played by Soviet historical science in the building of socialism and communism. The article also examines the present-day methods of historical cognition and shows their role in social development. The authors convincingly prove the insolvency of contemporary bourgeois methodological conceptions.

Y. I. SHESTAK. The Bankruptcy of the Socialist-Revolutionary Party's Breakaway Maximalist Group

The article briefly surveys the history of the Socialist-Revolutionary Party's breakaway Maximalist organization belonging to those political parties and groups which represented petty-bourgeois "Leftist" trends in Russia. Drawing on new documentary materials, the author shows the Maximalists' practical activity, the process of their evolution and the character of their relations with the Bolshevik Party. The attention in the article is focussed on substantiating the objective inevitability of the bankruptcy of the petty-bourgeois Maximalist organization, which corroborated the truth of the Marxist-Leninist proposition that any attempt to come out against the Communists under the flag of petty-bourgeois revolutionism is bound to transform the party making such an attempt into an obstacle to the revolutionary process, into a pliant tool of the reactionary forces, leading it to divorcement from the masses, to the political and organizational collapse.

E. A. SHULEPOVA. The Establishment and Functioning of the U.S.S.R. State Committee on Art

The article analyzes the practical activity in the prewar period of the U.S.S.R. State Committee on Art—the first Soviet state agency set up by the U.S.S.R. Council of People's Commissars for administering art affairs. The functioning of this body is viewed in close connection with the tasks of developing all forms of socialist art and heightening their role in the communist education of the working people. The author draws the conclusion that the principle of state guidance of art is conducive to the fullest possible satisfaction of the rising cultural requirements of all members of socialist society. A close analysis of the Committee's functions, the basic forms and trends of its activity convincingly refutes the allegations of bourgeois propaganda that Soviet art is a victim of bureaucratic administration.

A. G. KUZMIN. At the Sources of the Novgorod Chronicles

The article examines the question of the earliest chronological recording of events in Novgorod and its reflection in different chronicles. The author corroborates the conclusions of A. A. Shakhmatov and B. A. Rybakov that the earliest recording of historical events in Novgorod dates back to the mid-11th century. The article proves that the earliest chronological recording of events in Novgorod is reflected in 15th-century chronicles more fully than in "A Tale of Temporal Years." This observation is important for appraising materials in relatively later chronicles, for which there are no analogies in "A Tale of Temporal Years." The author expresses the opinion that the chronological recording of historical events in Russia was never reduced to the sole tradition but was conducted parallel in different places.

G. A. ALEXEYEV. Karl Marx's Revolutionary-Democratic Publicistic Works

The publicistic works of Marx analyzed by the author laid the groundwork for the revolutionary democratism of a higher type than that produced by the Enlightenment and the classical bourgeois revolutions. The deepening crisis and polarization of the opposing trends among the followers of Hegelian philosophy accelerated this process. Marx extend-

ed the boundaries of politics, making the social relations of men and the condition of the masses its "focal point." The place of Hegel's ideal — progressive movement, which does not bear a form of change, was taken by the revolution as a problem, as a theoretical subject, as the central point of seeking a correct world outlook. Marx upheld his convictions in constant clashes with reaction, in irreconcilable struggle against conservatism and liberalism, against pseudo-revolutionism. Every one of his publicistic works produced in 1842 represents a step forward from theoretical criticism and "empirical" study of objective reality in the light of revolutionary-democratic convictions to materialism and scientific communism.

K. V. KOMAROV. President Rivadavia's Agrarian Reforms

The article highlights the activity of President B. Rivadavia of Argentina in 1826-1827, showing his efforts to introduce state ownership of land and make it the basis of the country's further development. As a measure of bourgeois progress, Rivadavia's agrarian reforms became possible in conditions when capitalist relations in Argentina were still in the process of formation and when a considerable proportion of the land was owned by the state. The defeat suffered by President Rivadavia was the last milestone in the struggle carried on by the bourgeois-radical wing of the May 1910 revolution for a democratic agrarian policy. During the de Rosas dictatorship (1835-1852) the latifundists solved the agrarian question in their own interest.

CONTENTS

of the journal "Problems of History" No. 1, 1977

Articles: History and Society; **Y. I. Shestak**. The Bankruptcy of the Socialist-Revolutionary Party's Breakaway Maximalist Group; **E. A. Shulepova**. The Establishment and Functioning of the U.S.S.R. State Committee on Art (1936-1941); **A. G. Kuzmin**. At the Sources of the Novgorod Chronicles; **G. A. Alexeyev**. Karl Marx's Revolutionary-Democratic Publicistic Works (1842); **K. V. Komarov**. B. Rivadavia's Agrarian Reforms. Historical Essays: **L. N. Smirnov**, **E. B. Zaitsev**. Pages of the Tokyo Trial; **D. M. Tugan-Baranovsky**. Buonarroti and Andrian's Mission. Historical Science in the U.S.S.R. and Abroad. Surveys: **V. A. Fyodorov**. Contemporary Soviet Literature on the Peasant Movement in Russia During the First Half of the 19th Century. **Book Reviews**: **I. Y. Trifonov**. Liquidation of the Exploiter Classes in the U.S.S.R.; **L. Lyubimov**. The Art of Ancient Rus; "A History of the German Democratic Republic. 1949-1973. A Brief Outline"; "The Left Student Movement in France (1956-1968)"; **Y. Y. Etingher**. The Afro-Asian Countries' Inter-State Organizations (political and economic aspects); **A. A. Kokoshin**. Forecasting and Politics. Methodology, Organization and Use of International Relations Forecasts in U. S. Foreign Policy; "Tracing the Sources of the 1775 Peasant Rising in Czechia and Moravia" (Prague); **P. Chaunu**. From History to the Future (Paris). **Facts, Events, People**. Notes on articles published in foreign journals. Articles in Soviet and foreign historical publications. New books in the U.S.S.R. and abroad.

SOMMAIRE

de la revue «Questions d'histoire» n° 1, 1977

Articles: Histoire et société; **Y. I. Chestak**. Banqueroute des socialistes-révolutionnaires maximalistes; **E. A. Choulépova**. La création et le début de l'activité du comité pour les arts (1936-1941); **A. G. Kouzmine**. L'apparition des premières chroniques de Novgorod; **G. A. Alexéev**. Les œuvres révolutionnaires-démocratiques de Karl Marx (1842); **K. V. Komarov**. Réformes agraires de B. Rivadavia. Aperçus historiques: **L. N. Smirnov**, **E. B. Zaitsev**. Quelques pages de l'histoire du procès de Tokyo; **D. M. Tugan-Baranovski**. Buonarroti et la mission d'Andryane. Science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revue**: **V. A. Fedorov**. Les publications soviétiques récentes sur le mouvement paysan en Russie à la première moitié du XIXe siècle. **Comptes rendus des livres**: **I. Y. Trifonov**. Abolition des classes d'exploiteurs en U.R.S.S.; **L. Lyubimov**. L'art de l'ancienne Russie; «Histoire de la République démocratique allemande. 1949-1973. Bref aperçu»; «Mouvement étudiantin de gauche en France (1956-1968)»; **Y. Y. Etinguer**. Organisations interétatiques des pays d'Asie et d'Afrique (Aspects politiques et économiques); **A. A. Kokochine**. Prévission et politique. Méthodologie, organisation et utilisation de la prévission des relations internationales dans la politique étrangère des Etats-Unis; «Soulèvement des paysans de Bohême et de Slovaquie en 1775» (Praha);

P. Chaunu. De l'histoire à la prospective (Paris). Faits. Evénements. Hommes. Notes sur les articles publiés dans les revues étrangères. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» N° 1, 1977

Artículos: Historia y sociedad; Y. I. Shestak. Crac de los socialistas-revolucionarios maximalistas en Rusia, E. A. Shulepova. Creación y comienzo de las actividades del Comité del arte (1936-1941); A. G. Kuzmin. Aparición de las crónicas de Novgorod; G. A. Alekseev. Obras publicísticas revolucionario-democráticas de Carlos Marx (1842); K. V. Komarov. Reformas agrarias de Bernardino Rivadavia. Ensayos históricos; L. N. Smirnov, E. B. Zaizev. Páginas del proceso de Tokio; D. M. Tugan-Baranovskiy. Buanarroti y la misión de Andrián. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. Revistas: V. A. Fedorov. Novísimas publicaciones soviéticas en materia del movimiento campesino en Rusia en la primera mitad del siglo XIX. Reseñas de libros: I. Y. Trifonov. Liquidación de las clases explotadoras en la URSS; L. Liubimov. Arte de la Rusia Antigua; «Historia de la República Democrática Alemana. 1949-1973. Breve esbozo»; «Movimiento estudiantil de izquierda en Francia (1956-1968)»; Y. Y. Etinguer. Organizaciones internacionales de los países de Asia y África (Aspectos económicos y políticos); A. A. Kakoshin. Pronósticos de la política. Metodología, organización y utilización de los pronósticos de las relaciones internacionales en la política exterior de los EE.UU.; «Fuentes de la insurrección campesina en Chequia y Maravia (Bohemia) en el año 1775» (Praha); P. Chaunu. De la historia hacia el Futuro (Paris). Hechos, Acontecimientos. Personalidades. Notas de artículos, publicados en las revistas extranjeras. Artículos en las publicaciones históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, И. В. ДУДИНСКИЙ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 1/XII 1976 г.
 Подписано к печати 3/I 1977 г. Формат 70×108^{1/16}.
 Усл. печ. л. 19,60. Учетно-изд. л. 22,29. Тираж 25 000 экз. Изд. № 284. Зак. № 3002.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

- BATTAGLIA R. e GARRITANO G. *Breve storia della Resistenza italiana*. Roma. Ed. riuniti. 1975. IX, 210 p.
- DE JACO A. *Le quattro giornate di Napoli*. (La città insorge). Roma. Ed. riuniti. 1975. 321 p.
- FRANCOVICH C. *Storia della massoneria in Italia*. Dalle origini alla rivoluzione francese. Firenze. La Nuova Italia. 1975. XIV, 517 p.
- MURGIA P. G. *Il vento del Nord*. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945—1950). Pref. di Giorgio Galli. Milano. Sugar. 1975. IX, 427 p.
- WOODWARD E. L. *Storia d'Inghilterra*. Dalla conquista romana alla prima guerra mondiale. Trad. di Paolo Vittorelli. Firenze. La Nuova Italia. 1975. 264 p.
- Arbeiderbevegelsens håndbok...* Red. av Paul Engstad. Oslo. Tiden. 1975. 1 bd. 168 s.
- CUNHAL A. *As lutas de classes em Portugal nos fins da Idade Média*. Lisboa. Estampa. 1975. 132 p.
- HANDELMAN H. *Struggle in the Andes*. Peasant Political Mobilization in Peru. Publ. for the Inst. of Latin Amer. Studies. Austin—London. Univ. of Texas Press. 1975. XVII, 303 p.
- HANDLIN O. and HANDLIN M. F. *The Wealth of the American People*. A History of American Affluence. New York. McGraw—Hill. 1975. VII, 266 p.
- PETRAS J. F. and MORLEY M. H. *The United States and Chile*. Imperialism and the Overthrow of the Allende Government. New York—London. Monthly Review Press. 1975. XVII, 217 p.
- Western Civilization*. Ed. by William L. Langer, Gen. Ed. a. o. Vol. I. Prehistory to the Peace of Utrecht. 1975. XII, 526 p.
- LEHNDORFF S. *Wie kam es zur RGO?* Probleme der Gewerkschaftsentwicklung in der Weimarer Republik von 1927 bis 1929. Frankfurt a. M. Marxistische Blätter. 1975. 159 S.
- ALLEG H. *Les chemins de l'espérance*. Paris. Féd. nat. des déportés et internés. 1975. 351 p.
- GANIER R. Ph. *L'affiche rouge*. Paris. Fayard. 1975. 250 p.
- HEUMANN G. *La guerre des paysans d'Alsace et de Moselle* (avr.—mai 1525). Paris. Ed. sociales. 1976. 254 p.
- Les principes de la politique du Parti communiste française*. Paris. Ed. sociales. 1975. 123 p.
- OUZOULIAS A. *Les fils de la nuit*. Paris. Grasset. 1975. 366 p.
- REMY. Morhange *«Les chasseurs de traitres»*. Paris. Flammarion. 1975. 302 p.
- Pour histoire qualitative*. Etudes offertes à Sven Stelling—Michaud. Genève. Presse univ. romandes. 1975. 340 p.
- SCHÄRER M. *Deutsche Annexionspolitik im Westen*. Die Wiedereingliederung Eupen-Malmedys im zweiten Weltkrieg. Bern. H. Lang. Frankfurt a/M. P. Lang. 1975. 359 S.
- JAKOBSSON S. *Från fädernejorden till förfäders land*. Estlandssvenkst bondfolks rymningar till Stockholm 1811—1834; motiv, frekvens, personliga konsekvenser. Uppsala. Acta Univ. upsaliensis. 1976. 250 s.
- Statare*. Stataarklassens historia i ord och bild till 30-årsminnet. Nordiska museet. Förord: Sune Zachrisson. Inled.: Gunnar Sträng. Stockholm. 1975. 109 s.
- WALLIN C. *Knutsgillena i det medeltida Sverige*. Kring kulten av de nordiska helgonkungarna. Stockholm. Almqvist and Wiksell intern. 1975. 237 s.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи объемом не более 1,5 авторского листа (36 стр. машинописи, через два интервала); воспоминания, исторические очерки и публикации — по предварительному соглашению, обзоры — до 16 стр., рецензии, письма и заметки — 6—8 стр., заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах. — 3 стр. Все материалы представляются в редакцию в 2-х экземплярах. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

**ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ
ПРЕДЛАГАЕТ СВОИ УСЛУГИ ГОССТРАХ**

Возмещение ущерба при повреждении или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении (угоне) обеспечивает договор страхования.

● Автомшины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, мотоколяски, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда, находящиеся в личной собственности граждан, можно застраховать на срок от двух месяцев до одного года на любую страховую сумму в пределах действительной стоимости транспорта.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта и размера страховой суммы и вносится при заключении договора. Лицам, страховавшим средства транспорта более 2-х лет без перерыва и не допустившим за это время аварий, предоставляется скидка в размере 10%, а более 3-х лет — в размере 15%.

Ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно в районной инспекции Госстраха или у страхового агента.

ГОССТРАХ РСФСР